

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА

**АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ**

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ **N 1 (97)**

МОСКВА 2015

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2015. № 1. — 304 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Редакционно-издательский совет:

д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок; академик РАН С.Ю. Глазьев;
член-корр. РАН Р.С. Гринберг; к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. В.П. Колесов; д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. В.М. Кульков; академик РАН В.Л. Макаров;
д.э.н., проф. С.П. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова;
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., проф. А.А. Пороховский, к.и.н., в.н.с. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. Л.А. Тугов; д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора

Научно-экспертный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан);
д.э.н., проф. А.Ю. Архипов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. В.Д. Базилевич (Украина);
д.и.н., проф. И.В. Бестужев-Лада; д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону);
д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский); д-р, проф. В. Драшкович (Черногория);
д.э.н., проф. Л.Н. Дробышевская (Краснодар); д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина);
д.э.н., проф. О.В. Иншаков (Волгоград); д.э.н., проф. В.Я. Иохин;
д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза; к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск);
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.И. Корняков (Ярославль);
д.ф.н., проф. В.А. Кутырёв (Нижний Новгород); д.э.н., проф. П.С. Лемещенко (Белоруссия);
д-р, проф. А.З. Новак (Польша); д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. В.Т. Рязанов (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров);
к.т.н., проф. Е.А. Субботин (Екатеринбург); д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург);
д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. В.В. Чекмарёв (Кострома);
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец; д.э.н., проф. Ю.В. Якутин

Научный редактор — *Е.С. Зотова*

Редактор — *Т.Г. Трубицына*

Художник — *Е.Ю. Осипова*

Оригинал-макет — *Л.Г. Полунина*

Компьютерная верстка — *Л.Г. Полунина, О.Б. Лемешонок*

Перевод на англ. язык — *О.Б. Лемешонок*

Распространение — *И.А. Ольховая*

Научно-организационная работа — *А.А. Антропов, К.В. Молчанов, С.С. Нина,
Т.С. Сухина*

**Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых
научных журналов и изданий**

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119992, Москва, Ленинские горы, МГУ, III учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183, факс (495)939-3496,
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

skype: <philosophy_of_economy>, сайм: <http://www.philh.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/flhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в типографии «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания «БАРРЕЛЬ»»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2015 г.

Содержание

2015-й — год семнадцатый! (Ю.М. Осипов).....	7
<i>Ю.М. Осипов</i>	
М.В. Ломоносов и мы.....	10
Раздел I	
Российский антикризис	
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Антикризисный потенциал русской цивилизации	15
<i>В.К. Королев</i>	
«Вызов» кризиса и кризис «Ответа»	21
<i>В.М. Кульков</i>	
Нестандартный российский кризис и возможности антикризиса.....	28
<i>Л.А. Асланов</i>	
Барская традиция и цивилизационные ошибки прошлого и настоящего	32
<i>Ю.В. Яковец</i>	
Россия: уроки кризиса и выбор пути в будущее	40
<i>С.А. Марков</i>	
Российский кризис: западные санкции, сценарии, преодоление	43
<i>Н.А. Розинская, И.А. Розинский</i>	
Изменения в мировой экономике и сценарии для России	47
<i>С.В. Синяков</i>	
Культурный антикризис как способ прозрения Украины	56
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Возможности неоиндустриального развития в условиях современного мира .	64
Раздел II	
Философия хозяйства	
<i>А.А. Гриценко</i>	
Социокультурные вызовы информационно-сетевой экономики	77
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Самосознание и бездна виртуальности	83
<i>Г.И. Мойсейчик</i>	
Философия хозяйства Ю.М. Осипова как методология исследования глобальных хозяйственных систем	98
<i>А.В. Бабаева, Т.А. Сметанина</i>	
Проблема качества жизни сквозь призму культурных предпочтений жителя мегаполиса: Нижний Новгород.....	113
Раздел III	
Экономическая теория	
<i>К.А. Хубиев</i>	
Потенциал развития и факторы торможения российской экономики	125
<i>С.С. Слепаков</i>	
Движущие силы политико-экономического развития современной России ..	132
<i>А.З. Новак, К. Рычъ</i>	
Способность к конвергенции — императив сохранения еврозоны	139
<i>К.А. Зимарин</i>	
Кипрский банковский кризис и пути его преодоления.....	164
<i>В.В. Чекмарев</i>	
Избыточно ли ощущение опасности неустойчивого развития экономики? ...	168

<i>А.А. Залетный</i>	
Транспарентность как ключевая проблема российской экономики	176
<i>И.В. Манахова</i>	
Повышение устойчивости благосостояния на основе новых моделей потребления.....	186
<i>И.В. Тихомирова</i>	
Современная экономика сквозь призму людских эмоций.....	195
<i>О.В. Доброчеев</i>	
Образная математика для экономистов	205
<i>В.С. Гриценко</i>	
Развитие и вырождение товарной стоимости.....	212
Раздел IV	
Актуальная философия	
<i>Ф.И. Гиренок</i>	
Восприятие философии Ницше: изменилось ли оно?.....	225
<i>Н.Н. Ростова</i>	
Новая эстетика детства.....	235
<i>Д.Л. Родзинский</i>	
Свобода как механизм достижения человеком духовного совершенства.....	241
<i>К.В. Молчанов</i>	
К вопросу о системе философии Гегеля, включая рассуждения о системе и о воспроизведении.....	247
Раздел V	
Рецензии и отклики	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Послеконференционная реплика	269
<i>Е.С. Зотова</i>	
Анатомия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства — 2.....	270
<i>Х. Хоризэ</i>	
По поводу статьи Сергея Булгакова к пятидесятилетию со дня смерти Н.Г. Чернышевского	278
Научная жизнь	
<i>Ю.М. Осипов</i>	
Современность: война миров.....	289
К III Московскому экономическому форуму (МЭФ—2015)	
Ответы Ю.М. Осипова журналу «Мир перемен».....	291
Наши авторы	299

Contents

2015 is the 17th Year! (<i>Yu.M. Osipov</i>).....	7
<i>Yu.M. Osipov</i>	
M.V. Lomonosov and We.....	10
Part I	
Russian Anticrisis	
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
The Anticrisis Potential of the Russian Civilization	15
<i>V.K. Korolyov</i>	
The «Challenges» crisis and the «Responses» crisis.....	21
<i>V.M. Kulkov</i>	
Untypical Russian Crisis and the Possibility of Anti-Crisis.....	28
<i>L.A. Aslanov</i>	
Lordly Tradition and Civilization Mistakes in the Past and at the Present.....	32
<i>Yu.V. Yakovets</i>	
Russia: The crisis Lessons and the Choice of a Way to the Future	40
<i>S.A. Markov</i>	
Russian Crisis: Western Sanctions, Scenarios, Overcoming.....	43
<i>N.A. Rozinskaya, I.A. Rozinsky</i>	
Changes in the Global Economy and Scenarios for Russia.....	47
<i>S.V. Sinyakov</i>	
Cultural Anticrisis as a Way of Ukraine's Enlightenment	56
<i>S.G. Kovalyov</i>	
Possibilities of Neoindustrial Development in Modern Geopolitical Conditions.....	64
Part II	
Philosophy of Economy	
<i>A.A. Gritsenko</i>	
Socio-Cultural Challenges of Information and Network Economy.....	77
<i>N.B. Shulevskiy</i>	
Consciousness and the Abyss of Virtuality	83
<i>G.I. Moiseychik</i>	
Yu.M. Osipov's Philosophy of Economy as a Research Methodology of Global Economic Systems	98
<i>A.V. Babayeva, T.A. Smetanina</i>	
The Problem of Life Quality in View of the Cultural Preferences of the Metropolis Resident: Nizhny Novgorod	113
Part III	
Economic Theory	
<i>K.A. Khubiyev</i>	
Development Potential and Slowdown Factors of the Russian Economy	125
<i>S.S. Stepakov</i>	
Driving Forces of Political and Economic Development of Modern Russia.....	132
<i>A.Z. Novak, K. Rych</i>	
Ability to Convergence is a Preservation Imperative of Eurozone.....	139
<i>K.A. Zimarin</i>	
Cyprian Bank Crisis and Ways Out	164

<i>V.V. Chekmarev</i>	
Whether the Feeling of Danger of Unstable Development of Economy is Superfluous?.....	168
<i>A.A. Žaletniy</i>	
Transparency as a Key Problem of the Russian Economy	176
<i>I.V. Manakhova</i>	
Increase of Welfare Stability on the Basis of New Consumption Models.....	186
<i>I.V. Tikhomirova</i>	
Contemporary Economy through the Prism of People’s Emotions	195
<i>O.V. Dobrocheev</i>	
Figurative Mathematics for Economists	205
<i>V.S. Gritsenko</i>	
Development and Degradation of the Commodity Value	212
Part IV	
Actual Philosophy	
<i>F.I. Girenok</i>	
Perception of Nietzsche’s Philosophy: Whether It Changed?.....	225
<i>N.N. Rostova</i>	
New Esthetics of the Childhood.....	235
<i>D.L. Rodzinsky</i>	
Freedom as a Mechanism of Achievement of Spiritual Perfection by the Person..	241
<i>K.V. Molchanov</i>	
On a Question of Hegel’s Philosophy System including Argumentation about a System and a Reproduction	247
Part V	
Reviews and Responses	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Postconference Remark.....	269
<i>E.S. Zotova</i>	
The Structure of the Global Capital: a Look through a Prism of Philosophy of Economy — 2.....	270
<i>H. Horie</i>	
On the Article by Sergei Bulgakov dedicated to the 15-th Anniversary of N.G. Chernyshevsky’s Death.....	278
Scientific Life	
<i>Yu.M. Osipov</i>	
Present: the War of the Worlds	289
On the III Moscow Economic Forum (MEF — 2015)	
Yu.M. Osipov’s Answers to the «World of Changes» journal.....	291
Our Authors	299

**К 260-летию
Московского университета**

2015-й — год семнадцатый!

Семнадцатый год выходит в свет наш журнал. Хвалить его (пиарить!) нет никакой нужды, он говорит сам за себя: содержательный, свободный, разноликий! Он не только торит большую размыслительную дорогу, вполне и уникальную, но и держит на себе такие новины в мировоззренческих далях, как постнаучная метафизика, софийная философия, металогическая (метафизическая) историософия, софиософия, философская апокалиптика, ну, и, разумеется, философия хозяйства.

Последняя всем обязана журналу, как и журнал ей тоже — своим становлением, укреплением, обогащением, да и попросту существованием. Ученая среда не спешит признавать философию хозяйства, все еще испытывая к ней вопрошание, недоумение, боязнь, а то и презрение. Лучшие из ученого контекста пытаются противопоставить философии хозяйства другую философию, вполне и научную, — философию экономики, что совсем и не плохо, но что по сути ни философия, ни экономика, однако... лучше все-таки так, чем никак! Философский, он же мировоззренческий, подход к тому, что называется экономикой и хозяйством (здесь именно «и», а не «или»), набирает силу, пробруя разные варианты, шаг за шагом превращаясь в большое направление гуманитарной мысли, подтверждая свою нужность и актуальность — и это главное!

Иное дело околонучная практика, в которой процветают администрирование, менеджизм, информатизм, пиаризм, сливающиеся в движение, которое вполне уже можно определить как контрнаучку. Дождалась-таки наука, как когда-то религия и не столь уж когда-то философия, своего карающего меча. Теперь не мысль сама по себе важна, ее содержательная ценность, а формально-оценочное суждение о ней, высказываемое не самой уже наукой, а некой паранаукой — бюрократией, внешней оценочной системой, информатикой, машиной. Не имеет уже значения сама мысль, ее качество, новизна, весомость, зато имеет значение где эта мысль опубликована, кем допущена к публикации, а эти «где» и «кем» определяются не чем-нибудь, а рейтингом, причем либо кем-то просто назначенным (списком), либо кем-то рассчитанным (по тому же цитированию). Все, что вне дозволенного рейтинга, уже никуда не годится! Бедные, бедные Гегель, Смит, Кант, Маркс, Кейнс, кто там еще, не опублико-

вавшие в рейтинговых изданиях ни строчки и не прошедшие со своими фантазиями рейтингового инспектирования!

Вот и наш журнал вдруг стал беднее бедного — нет у него достаточного рейтинга, мало его цитируют в рейтинговых изданиях, совсем его не замечают сильные мира... нет, не сего, не научного, а... увы... околонучного.

И странные вещи теперь творятся, прямо как в гоголевских сказках, включая и его «Мертвые души»: вышла в свет в таком вот журнале-неудачнике добрая статья, но ее как бы и нет, в зачет научной деятельности автора она не идет; написал ученый-горемыка объемную монографию, а она... не считается, ее тоже как бы и нет; публикуются университетские люди не в тех журналах и пишут какие-то там монографии, а в достояние университетское все это никак не попадает. Что это все значит, если, конечно, не тривиальное безумие, пусть и не совсем личное, а более всего управленческое, учрежденческое, технократическое, цивилизационное?

И не понять уже, в какой же по качеству научный год вступает наш журнал: кризисный, катастрофический, погибельный? Любопытнейшая вдруг возникла ситуация в научной сфере — ситуация тотального отрицания науки, ибо рейтинговая наука уже никакая не наука, а всего лишь псевдонаука, или шоу-наука, или пиар-наука. Настоящая наука ведь не терпит ни рамок, ни заведомых требований с инспекционным надзором, ни суеты!

Журнал наш возник и существует не по чьей-то блажи, а по реальной научной необходимости — ради свободной, вовсе не редакционной, мысли; ради новых, только открывающихся и утверждающихся направлений научного творчества; ради вольного, не зависящего от традиций, устоев, течений, группировок, администрации, институций, даже и славного академизма, обмена мнениями и совместного творческого поиска; ради накопления нового знания, его практической выверки; одним словом, ради развития науки, причем науки универсальной, междисциплинарной, многоцветной. В то же время и университетской.

И журнал наш прекрасно выполняет сию благотворную миссию, одаривая научную общественность высококлассным размыслительным материалом.

Журнал вступает, испытывая немалое недоумение и даже щемящее чувство какой-то неловкости, в семнадцатый год своего существования, как оказывается, весьма тревожный, журнал явно нужен ученым и не очень нужен большой научно-административной институции. Последней милы почему-то рейтинги, хотя хорошо известно, насколько эти рейтинги условны, не слишком соответствуют реаль-

ности и попросту лукавы, как и хорошо известно, что мысль человеческая никак от рейтингов не зависит, а бывает лучше, новее и перспективнее как раз вдали от рейтингов, как и кастингов, конкурсов, наград, грантов и премий.

Журнал убедительно подтвердил за шестнадцать лет бытия почти сотней вышедших в свет номеров как свою нужность, так и свою жизнеспособность. Да, кому-то ныне фундаментальная наука в России (да и не только в России) не нужна, но она нужна людям, человечеству, а потому журналу ничего не остается, как продолжать свое недозволенное существование, обогащая и направляя пытливое человеческое сознание, оснащая его не чем иным, как доброкачественным, если не спасительным, знанием!

В завершение добавлю, что важным событием наступившего 2015 г. является открытие специального сайта нашего журнала, именуемого *philh.ru*, на просторах которого найдут отражение содержательные, информационные и организационные материалы как самого журнала, так и лаборатории философии хозяйства экономического факультета МГУ, Академии философии хозяйства. Появится возможность внешних комментариев и мнений. Посещайте, уважаемый читатель, сайт и участвуйте в его достойной реализации!

Главный редактор

Ю.М. ОСИПОВ

М.В. Ломоносов и мы

25 января 2015 г. исполняется 260 лет Московскому университету. Дата не круглая, а потому, и согласно государственному мемориально-праздничному реестру, широко не отмечаемая. Однако незамеченным данный факт остаться в МГУ не может, как не может не быть благодарно при этом помянутым в том же МГУ сам *Михайло Васильевич Ломоносов* — неформальный основатель Московского университета. Как ни хорош был державный жест императрицы Елизаветы, подписавшей указ об основании университета, как ни велики были заслуги в подготовке столь важного деяния графа Ивана Шувалова, но Ломоносов — это *Ломоносов!* — великий сын и устроитель земли русской!

Не наследник престола царского, не владетельный князь, даже не удачливый фаворит императора ли, императрицы ли, а из простых, хоть вовсе и не простолудин; гигант мысли, знания, просвещения, соединивший в себе духовное русское кредо (от волхвов, наверно) с европейской культурной новизной; сам Ученый, но и Учитель, мало того — Управитель, а по-нашему — *Хозяйствующий субъект*, но не для себя, а для всех насельников земли русской, что и сделало его... *Ломоносовым!*

В нем все созидательное тогда и сошлось, как и все оное из него на простор российский и выходило. Аккумулятор созидательной энергии и генератор силовых созидательных струн! Не обладатель формальной власти, но зато владетель всего тогда *русского сущего*, слава богу, оцененный достойно еще при жизни, хотя до конца так и непонятый — и до сей поры тоже!

Кто такой Ломоносов, а-а?

Вот мы взяли и назвали его в пику нервической современности «антикризисным дирижистом». И правильно сделали! Ибо *антикризисный дирижизм* сегодня, как бы заметил Владимир Ильич Ленин, архиактуальнейшая вещь: преодолеть, эффективно управляя страной, социумом и процессами, затяжной социохозяйственный кризис, постигший Россию akurat по итогам совсем недавних реформ и не отпускающий ее на простор целостного и неугасимого развития, удерживая насильно на утлом *пореформенном* пути. Ломоносов бы призвал к решительному действию, причем к любому, лишь бы в *постреформенном* направлении!

Отчего же так? В силу не только тупика «неправедности и неразвития», в который попала страна под прозападным (субглобалическим) правлением, но и по причине полного концептуального фиаско всех главенствующих ныне «мыслей предрержащих». Что здесь на сегодня видится? Растерянность и еще раз растерянность! Попытка свалить все

на «незаметные» и «внезапные» обстоятельства; желание продлить возникшую пореформенную ситуацию и самим вместе с ней продлиться — безо всяких на то пристойных оснований; всеобщее погружение в «заклинательную теребень».

Либерализм потерпел полное в России банкротство и кончил вполне законным крахом! А ведь предупреждали, сетуя на ограниченность и недальновидность «властей предержавших» тоже, что-то даже рекомендовали, да вот все напрасно! И что особенно поразительно: как брежневцы не хотели ничего менять в СССР, токуя лишь о своем и токуя, так и гайдаровцы не хотят ничего менять, тоже лишь токуя о своем и токуя — дорогою им и всюю ими желанною! А все почему? Из-за, заметим, всего лишь... *фундаментальной некомпетентности*, исключаяющей как адекватное мировидение с эффективным миропониманием, так и необходимую для полноценной жизни адекватность управленческих действий. Как в свое время брежневцы, так и ныне гайдаровцы в плену своих «недобрых» иллюзий, не позволяющих им видеть текущую реальность такой, какая она есть на самом деле и какой вскоре без сомнения станет, да вот хорошей ли? Отсюда и самое что ни на есть позорное от слепого преклонения перед навязанным извне цифровым и рейтинговым экономизмом фиаско!

Признать факт кризиса — вовсе еще не все! Надо бы также разобраться в сути кризиса, как и в сути требуемого им *антикризиса*. Допустимо ли преодолевать нынешний кризис, идя по тому же — органически кризисному — пути? Что ждет «эту страну»: терапевтические манипуляции знахарей или хирургическое вмешательство знатоков, а может — новая, как всегда внезапная, *революция*?!

Если еще вчера можно было говорить о «путаной пустоте», распространенной по университетам экономической науки, встречая даже кое-какие ответные на этот счет возражения, то сегодня, после громко раздавшегося на авторитетном либеральном форуме «безоблачного хлопка», рассуждать о содержательной ценности нынешней науки стало уже попросту неприлично. Была вроде бы наука и... нет ее, теперь уже ни в виде политической экономии, ни просто в образе «ультранатуральной эконометрики»! Что же она «казала» эта наука, что раскрывала, к чему звала? Нет ответа, кроме, разве... «ничего» и «никуда»!

Ладно, наука и не стремилась быть адекватной реальности, еще и полезной для действующих экономических агентов: эти последние сами по себе, наука же сама по себе! Это давно уже так, просто сегодня вывалился на ученые головы кое-какой тяжкий момент истины, он же и грустный компромат, разумеется, для голов этих совершенно безрезультатный: уже завтра бессмысленное научное токование возобновится на ученых кафедрах с новой силой!

Однако время идет вперед, и загадочно терпеливая Россия уже не очень-то и терпимая: под поверхностной благолепной житейской зы-

бью скапливается «зловредная» буреносная энергия, прямо-таки *ломоносовская!* Помимо того, что Россия хочет оставаться Россией, причем вполне независимой и самостоятельной, она хочет быть еще и действенной, созидательной, творческой, опять же — *ломоносовской!*

Ломоносов — это *Ломоносов!* — и значим он сегодня не столько тем, что основал Московский университет и позволил товарищу Сталину дать университету свое имя, сколько духом своим неугомонным, борющимся всегда за Россию и бившимся за ее процветание.

Что бы сказал сегодня верховному руководству страны сей полнокровный за нее радатель?

О-о, читатель, ты уже поперхнулся и тянешься за бутылочкой чистой, вполне уже и редкой, водички! Правильно делаешь, ибо Михайло Васильевич... ничего бы не сказал, а лишь, выпучив в изумлении свои гениальные глаза, глубокомысленно промычал бы что-нибудь невнятное, но не потому, что нечего ему сказать, а потому что... *некому!*

А тут, понимаешь ли, дайте им новый концепт России, сформулируйте наново российскую идею, обоснуйте, что же такое русский мир, да и есть ли он на самом деле, в общем — не до Ломоносова им сегодня, не до его «завиральных» идей! Жить надо, хватать надо, бежать надо! Не о России же думать, еще и заботиться о ней, укреплять и развивать, — хватать и бежать надо, в ту же добрую, гостеприимную и правильную Англию?

Предположим, однако, что Ломоносов вдруг в университете своем очутился — этаким призраком нежеланным, сел бы пред нами на шаткий стул и заговорил бы хриплым и даже слегка трубным голосом:

«Кризис, братцы, в головах ваших, когда вы не знаете, что вам делать и все ждете совета из-за океана. Экономика вовсе не хозяйство, она ведь и против жизни способна работать, вот и работает, обирая страну и ничего ей взамен не давая. Не ваша она и не отеческая, чужая она и для отечества, для него лишь убыточная. И не курс надо вам менять, а головы, как раз на те, в которых лад вместо кризиса. Не поменяете, труба вам! Не кризисное правление страшно, а кризис... заместо правления. Доигрались вы, братцы, ох, как доигрались: не сегодня-завтра в тартарары вам, но, скажу я вам, уже без России-матушки, которая своей дорогой пойдет, не вашей!».

Сказал бы так Михаил Васильевич и «исчезнул» бы с глаз долой, оставив нас, российских патриотов, в полном недоумении: «Мы-то, понимаешь ли, причем?!».

**РОССИЙСКИЙ
АНТИКРИЗИС**

А.В. КУЗНЕЦОВ

Антикризисный потенциал русской цивилизации

Аннотация. Рассматривается принципиальная несовместимость русской и западной цивилизационных матриц. Раскрываются основополагающие принципы и характерные черты функционирования социально-экономических моделей в России и на Западе. Сделан вывод о том, что Россия обладает нереализованным потенциалом роста, в основе которого духовное возрождение русского национального достоинства и характера.

Ключевые слова: принципы русской цивилизации, принципы западной модели хозяйствования, отношение к науке, неэкономический человек, система ценностей, Европа, православие, поведенческие стереотипы.

Abstract. The fundamental incompatibility of Russian and Western civilization patterns is studied. The basic principles and characteristics of the functioning of the socio-economic models in Russia and in the West are revealed. Author concludes that Russia has unrealized potential for growth, based on the spiritual revival of the Russian national dignity and character.

Keywords: principles of Russian civilization, principles of the Western economic model, attitude to science, homo non-economicus, values, Europe, Orthodoxy, behavioral stereotypes.

Западная цивилизация экономикоцентрична, основана на принципе максимизации индивидуальной полезности в условиях ограниченности ресурсов. В данной связи следует отметить, что принципы, формирующие развитие Западной цивилизации, существенно отличаются от принципов Восточно-христианско-евразийской цивилизации, ядром которой выступает русская цивилизация. Принципиальная несовместимость двух цивилизационных матриц является основной причиной глубокого и затяжного кризиса, который переживает сегодня Россия.

Атрибутивное, по преимуществу внешнее подражание в России западной капиталистической практике бытоустройства и хозяйства не означает одновременного встраивания России в эволюционную парадигму западноевропейских ценностей и безоговорочного принятия ее основных институциональных механизмов. Прежде всего, это касается саботажа православной славянской поведенческой психологией таких базовых понятий западной социально-экономической модели, как конкуренция, материальный фетишизм и техническая модернизация, а также умаления значимости договорных и правовых отношений, кото-

рые пронизывают все без исключения сферы организации жизни западного социума.

Кроме того, основной тенденцией развития современного западноевропейского общества выступает «экономический империализм», конечной целью которого является унификация всего разрозненного набора наук об обществе на базе неоклассического подхода, что в свою очередь предусматривает проникновение микроэкономического инструментария во все сферы вне рыночной деятельности (образование, охрану здоровья, брак, планирование семьи). Такое чрезвычайное отношение к экономике связано не только с наследием эпохи Просвещения, но и с традиционной ограниченностью европейского жизненного пространства, дефицитом территории и природных ресурсов, что обуславливает необходимость постоянной модернизации существующих производственных и социальных процессов с целью непрерывного повышения их эффективности. Напротив, в России наука до сих пор играет маргинальную роль с учетом территориальных преимуществ и относительной неограниченности природных ресурсов, а также уверенности в неизменности этого статус-кво, которая, однако, может оказаться фатальной в долгосрочной перспективе, поскольку с крахом СССР советские республики оказались на обочине мирового развития, были, по сути, превращены в сырьевые придатки транснациональной капиталократии, олигополизовавшей мировые рынки товаров и услуг с высокой долей добавленной стоимости.

Рискнем предположить, что в основе российской цивилизационной матрицы находятся принципы бунтарства и злободневности («повседневный» поиск нового смысла жизни, борьба духа и плоти) в противовес принципам конкуренции и эволюционизма (борьба за ресурсы в условиях «естественного отбора» с целью удовлетворения гедонистических, плотских потребностей), что легли в основу западной культуры хозяйствования (которая сегодня находится под мощным влиянием англосаксонской традиции). Действие данных принципов прослеживается как в восприятии окружающего мира и места в нем человека, так и в отношении ко времени.

Принцип конкуренции (соперничества) не играет в России такой ключевой роли, как в западной культуре хозяйствования. основополагающими факторами в характеристике русского психотипа неизменными будут бескорыстие, солидарность, альтруистическая соревновательность, взаимовыручка: «человек человеку — друг, товарищ и брат», «сам погибай, а товарища выручай», «последнюю рубашку снимет и отдаст», «побеждает дружба». Такой подход прямо противоположен западноевропейским установкам: «человек человеку — волк», «война всех против всех», «кто первый пришел, того и обслужим», «побеждает сильнейший». В славянской традиции талант (неформальный лидер) всегда поставлен в услужение коллективу и вы-

полняет универсальные функции, одновременно осуществляя планирование, руководство и контроль над всеми производственными процессами. При этом коллектив не всегда готов предоставить таланту привилегированное положение, поэтому, если талант отказывается служить коллективу на общих основаниях, требуя для себя особых условий, коллектив, как правило, вытесняет его из своих рядов. Напротив, второстепенные члены коллектива чувствуют себя защищенными и имеют гораздо больше шансов на получение особых выгод. При этом результат и качество выполняемой работы имеют второстепенное значение.

Противоположной является ситуация в западной культуре. Здесь, наоборот, талант востребован не универсально, а функционально — для поддержания жизнеспособности конкурентной среды (в рамках глобальной борьбы ТНК-монополий). Работа строго функциональна и узко специализирована, каждый член западного корпоративного сообщества беспрекословно выполняет возложенные на него второстепенные функции, давая возможность таланту в максимально полном объеме реализовывать свой конкурентный потенциал. При этом система создает для таланта наиболее комфортные условия и готова сколь угодно долго жертвовать второстепенными членами коллектива, прежде чем пойдет на ущемление таланта, от которого в первую очередь зависят эффективность и гиперпроизводительность квазирыночной системы ТНК-монополий, создающих и распределяющих глобальную добавленную стоимость.

В западной культуре воспроизводства высокие шансы для победы сильнейшего обеспечиваются благодаря функционированию единого конкурентного поля (level playing field), действию общих для всех правил. Напротив, наибольшим авторитетом в русской культуре и психологии пользуется как раз тот, кто возвышается вопреки следованию каким-либо правилам. Поскольку славянский характер с трудом приемлет установку каких-либо правил, конкуренция, в общем и целом, является для него чуждым понятием. «Правильные» считаются маргиналами, к которым относятся с подозрением, или даже с презрением. (Особенно ярко данный факт прослеживается в молодежной среде, где подобные индивиды в последнее время получили прозвище «ботаник».)

Склонность к одержимости и пренебрежение материальными ценностями. Эти славянские качества резко противопоставляются западным установкам на «вечную» модернизацию. Пожалуй, ни в какой другой высокой культуре нет такого пренебрежительного отношения к науке и технике, как в русской. К примеру, гений М.В. Ломоносова был практически не востребован российским высшим обществом XVIII в. и развивался исключительно благодаря высокому покровительству и внутренней инерции Петровских реформ. Вплоть до сере-

дины XIX в. просвещение считалось не обязательным для русского человека и чем-то совершенно лишним для элиты. Популярность французских гувернеров в дворянских кругах России была скорее данью моде, чем желанием постижения культурных просвещенческих французских традиций. Только в советский период наука в СССР приобретает то естественно-испытательное значение, которое она имеет на Западе. Немецкий философ О. Шпенглер отмечал, что для «цветных», т. е. «небелых», народов (к которым он, кстати, относил и русских!), фаустовская техника не является внутренней потребностью. «Для “цветного”, — пишет О. Шпенглер, — она лишь оружие в борьбе с фаустовской цивилизацией, что-то вроде временки в лесу, которую оставляют, когда она выполнила свою роль» [1, 491—492].

В современной России наука до сих пор не имеет того приоритета, который в данной связи существует на Западе. И дело здесь не только в дефиците финансирования, а, главным образом, в отсутствии заказа на долгосрочное преобразование действительности. В русском мировоззренческом православном генотипе нет культа будущего, нет стремления к долгосрочному планированию жизни («Не тревожьтесь о завтрашнем дне»). Отношение к вещам — пренебрежительное. Трудно представить себе общество, которое бы растрчивала свои ресурсы с большей нерациональностью. Сколь угодно долго и прилежно можно перенимать западный опыт, но протестантская этика остается чуждой русской поведенческой психологии. В западной культуре человек через развитие науки и техники подчиняет себе ресурсы и энергетику природы для воспроизводства материальной бытовой культуры, обслуживание которой становится смыслом его жизненного существования, передаваемого в последующих поколениях. В славянской же культуре отсутствует то материалистическое отношение к природе, которое играет определяющую роль для развития науки и техники, подтверждая одержимость, спонтанность и непоследовательность, отличающие славянский жизненный уклад.

Академик РАН Н.Я. Петраков, отождествляя русское «авось» с синдромом выбора дестабилизационной политики в России, отмечал, что этот выбор «нерационален и консервативно заиклен в своих переходах от социальной всеядности к полному неприятию социального консенсуса; по форме разрушителен, или, по меньшей мере, неконструктивен» [2, 75]. В русской культуре происходит атрибутивно-показное подражание Западу в смысле владения теми предметами, которые на сегодняшний день являются на Западе престижными. В данной связи в России нет стремления к тщательному и непрерывному обслуживанию этих предметов, сохранению и воспроизводству (амортизации) их ценности. Примером тому является хотя бы отношение к роскошным виллам, выросшим как грибы после дождя на постсоветском пространстве, в которых годами никто не проживает и ко-

торые простаивают без должного ухода, или то, с какой легкостью уничтожаются шикарные автомобили на бездорожье. Подобное отношение к дорогим вещам возможно только с учетом неограниченности ресурсов. Поэтому наука может быть востребована в России только при наличии внешней угрозы, связанной с посягательством на захват этих ресурсов. Как, к примеру, угрозы со стороны Османской империи и Швеции, которые подвинули Петра I на изучение кораблестроения, военных и других наук. Точно так же образ внешнего врага создал предпосылки для мощного развития естественных наук и технического прогресса промышленности в сталинской России. Нависшая над современной Россией угроза окончательного превращения в сырьевую колонию Запада снова вынуждает российское руководство искать пути развития собственной науки и социально-экономического моделирования. Но эта потребность, очевидно, является не столько имманентной составляющей русской души, сколько вынужденной мерой защиты от внешней угрозы.

При этом в России только сейчас начинает возвращаться понимание того, что идеология может выступать как мощнейший стимулятор, так и подавитель творческой и созидательной деятельности общества.

Неправильный выбор идеологии, без учета цивилизационной специфики, может оказать достаточно пагубное влияние на общественное сознание. Либерально-протестантская идеология разрушает православно-патриархальные устои, веками определявшие образ жизни в России, отвлекает население от созидательного труда во имя своего собственного национального будущего, создает ложные иллюзии эфемерного европейско-космополитического благополучия.

Известный русский историк и социолог славянофильского направления XIX в. Н.Я. Данилевский, отождествляя Европу с поприщем германо-романской цивилизации, указывал на то, что Россия не может принадлежать Европе, поскольку она не питалась теми корнями, которые черпали пищу из глубины германского духа: не участвовала в борьбе с феодальным насилием, заложившей основу выработки форм гражданской свободы; не боролась с католичеством за религиозную свободу в форме протестантизма; не знала действия схоластики, а, следовательно, не вырабатывала той свободы мысли, которая создала науку [3, 75—76].

Испокон веков стержневым элементом функционирования западного хозяйственного механизма выступает культура договорных отношений и прав собственности. Конституции западных государств гарантируют человеку право на свободу развития индивидуальности, если только эта свобода не входит в конфликт с правами другого человека или не нарушает установившийся конституционный порядок и законы. Права свободы уходят своими корнями в 1215 г. — год подписания Великой хартии вольностей, когда восставшие бароны вынудили

английского монарха признать их права собственности на землю. Эта хартия и заложила основу современных договорных отношений на всем современном Западе. Считается, что договорные отношения не были сформированы в России надлежащим образом именно вследствие отсутствия института рыцарства. Как отмечает российский экономист Н.В. Новичков, в России «знать» всегда была в холопах у монарха, в то время как на Западе монарх был только первым среди равных [4, 40].

Н.А. Бердяев отмечал: «Россия никогда не была в западном смысле страной аристократической, как не стала буржуазной. Два противоположных начала легли в формацию русской души: природная, языческая дионисическая стихия и аскетически-монашеское православие. Именно они обусловили в русском народе противоположные свойства: деспотизм, гипертрофию государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброту, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; эсхатологически-мессианскую религиозность и внешнее благочестие; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [5, 44—45].

Вышесказанное подводит к выводу о том, что в России распространен особый тип человека, в некотором роде неэкономического (*нематериального*), у которого отсутствует та внутренняя стержневая установка на фетишизацию материальных ценностей, их сохранение и приумножение в последующих поколениях, которая на протяжении многих веков является определяющей для развития Западной цивилизации.

Заметим, что в западной культуре человек (очевидно, даже не осознавая этого) от рождения до смерти находится в унижительном рабском положении обслуги материальной стороны жизни, вещественного мира (призыв «возлюби ближнего» давно заменен императивом «работа превыше всего»), что ограничивает его духовную свободу и априори исключает возможность поиска альтернативного смысла жизни — разрушения старого ради создания нового.

В славянской же культуре пренебрежение материальными ценностями является выражением духовной свободы, а не отождествлением нищеты, как это трактуется на Западе. Относительно безразличное отношение к комфорту — скорее достоинство, чем недостаток, свидетельство нашего восприятия жизни как временного пребывания на Земле.

Подчеркнутая ценность сохранения души (чистой совести) для вечной жизни на фоне относительного игнорирования материальных благ до недавнего времени была нашей главной добродетелью и подтверждением превосходства над западным мировоззрением. Сегодня

необходимо работать над восстановлением чувства русского национального достоинства, роли России в мире как оплота морали, справедливости, здравого смысла. Именно в этом и состоит главный антикризисный потенциал русской цивилизации.

Литература

1. Шпенглер О. Человек и техника // Культурология. XX век. Антология / Под ред. С.Я. Левита. М., 1995.
2. Петраков Н.Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2002.
4. Новичков Н.В. Европа и Россия: два пути к демократии // Современная Европа. 2008. № 3.
5. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья (Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, В.В. Зеньковский, П.А. Сорокин, Г.П. Федотов, Г.В. Флоровский). М., 1990.

В.К. КОРОЛЕВ

«Вызов» кризиса и кризис «Ответа»

Аннотация. Автор рассматривает текущий кризис не как очередную экономическую «болезнь», а как цивилизационный вызов, брошенный России консолидированным Западом; полагает, что для адекватного ответа на этот вызов необходимо понимать природу данного кризиса как социокультурного явления; таковым должен быть и ответ «апокалиптического антикризиса».

Ключевые слова: Россия, экономика, кризис, модернизация, философия хозяйства, культура.

Abstract. The author considers the current crisis not as the next economic «disease», but as a civilization challenge thrown down to Russia by consolidated West; believes that for the adequate answer to this call it is necessary to understand the nature of this crisis as a sociocultural phenomenon; the response of «apocalyptic anti-crisis» has also to be that.

Keywords: Russia, economy, crisis, modernization, philosophy of economy, culture.

Можно сказать, что постсоветская история России представляет собой борьбу с периодически накатывающими на страну экономиче-

скими кризисами, успешность которой определяется временем до нового обострения вроде бы успешно залеченной болезни. Становится все более очевидным, что либеральный (гайдаровский) экономический тренд в России «выдохся» практически, несмотря на инерционные попытки его реанимации; за постсоветский период в стране получился лишь периферийный, сырьевой капитализм, а не «цивилизованный», о котором говорили его адепты и мечтали рыночные романтики четверть века назад. И когда Западный «центр» открыто объявил борьбу Российской «периферии», ситуация резко обострилась.

Природа и типология кризисов в историческом ракурсе хорошо показана А.Фурсовым [1], в социокультурном плане — О. Штомпелем [2], в экономическом — М. Хазиным [3]. Можно выделить два рассудочных подхода к кризису. Согласно первому, кризис — это закономерное и временное, но не смертельное явление («переболеем, бывает, здоровее будем»). Второй подход оценивает кризис как процесс (катастрофически) регрессивный («не после всякой болезни выздоравливают...»). Понятно, пока в России доминирует первый подход. Сейчас много говорят, что нынешний жестокий кризис в принципе не так уж и страшен, ибо Россия а) неоднократно переживала подобное и б) кризис стимулирует развитие.

Полагаю, такая позиция представляется весьма поверхностной и крайне опасной. В отличие от прошлых кризисов, во-первых, Запад сейчас, как никогда, консолидирован в его противостоянии России (как новому изданию советской «Империи зла»), во-вторых, наша страна сейчас далеко уже не бывшая мощная (супер)держава, каковой был Советский Союз; наконец, мы сейчас экономически слишком зависимы от Запада, чего не было ранее. Поэтому отношение к наличному кризису должно быть гораздо более серьезным, я бы сказал — «алармистским».

Мы имеем богатый опыт кризисного существования. Для его анализа нужно иметь в виду, что «антикризисность» системы характеризуют не ошибки ее функционирования (они неизбежны в любой системе), а способность адекватно реагировать на них (действием «встроенных стабилизаторов», «блокираторов», систем корректировки и др.). Полагаю, что настоящий кризис для России продуктивно рассматривать в концепции А. Тойнби о «Вызов-ответном» развитии цивилизаций («Challenge and Response») [4]. Они бывают вынуждены отвечать на «вызовы человеческой среды», бросаемые или в виде «удара» (нападение врага, война), или в виде длительного внешнего «давления» на страну (пример — влияние на Древнюю Русь Золотой Орды). Очевидно, сейчас мы переживаем Вызов второго вида. Главными, по мнению А. Тойнби, в условиях Вызова являются три «ответных» фактора: 1) правильность его понимания, оценки правящей элитой; 2) ее способность выработать адекватный ответ; 3) умение элиты

организовать государство, общество, народ на его реализацию. Если цивилизации удастся дать нужный ответ — она получает импульс, стимулы своего развития, в противном случае она деградирует и даже погибает.

Рассмотрим реализацию этих факторов собственно для России. Мы имеем исторический опыт разных ситуаций реализации этой кризисной схемы. «Царско-буржуазная» Россия не смогла сто лет назад дать нужный ответ на империалистический Вызов: дело кончилось распадом империи. СССР не только сумел ответить на фашистский Вызов, сохранить страну, но и сделал громадный рывок в ее развитии. «Горбачевская» элита не смогла (или не хотела?) верно оценить американский Вызов, и это привело к разрушению СССР. Под одобрительные оценки Запада наша элита решила, что он больше не будет бросать вызовы России, «будем дружить»... И действительно, после этой грандиозной и даже неожиданной победы в «холодной» войне Запад расслабился и «почивал на лаврах», снисходительно поглядывая, как по западным рецептам весьма своеобразно постсоветская цивилизация реагировала на победный для Запада вызов — более двадцати лет она «сбрасывала советский балласт»: Россия перестала тратить на свое влияние в мире, под лозунгом кардинальных реформ избавлялась от «балласта» космонавтики, развитой науки, всеобщего качественного образования, доступной бесплатной медицины, достойного пенсионного обеспечения, не говоря уже об избавлении от убыточных предприятий, «неконкурентно способного» сельского хозяйства и т. п. Как же высоко должна взлететь так сильно «облегченная» страна (а не ее отдельные социальные группы и персоны)! Но вместо взлета мы имеем «...отсталое сырьевое хозяйство, которое в современном смысле слова экономикой можно назвать лишь условно» (Д.А. Медведев). Новая — несырьевая, «цивилизованная», «постиндустриальная» — рыночная экономика если и «строится», то лишь в декларациях политиков и экономистов об «опережающем развитии» (без обоснования его концепции, факторов, ресурсов и др.).

Почему так происходит? Есть мнение, что Россия «надорвалась» в бурном XX в., у нее просто нет моральных сил на адекватный антикризисный рывок — вот страна и скользит вниз по течению истории, не имея ни необходимой идеологии, ни конкретных планов антикризисной модернизации, ни, главное, политической воли для решения ее задач (Л. Радзиховский). Этот автор предлагает «разбудить общество», испугать народ угрозой реальной гибели России. *Полагаю, дело не в народе, а в элите.* Является ли она, «дрожжами» (А. Тойнби) нашего цивилизационного развития? Может ли нынешний кризис так впечатлить ее, чтобы она стала реально думать и, главное, эффективно действовать в интересах общества, страны в целом? Вот главная проблема! Разумеется, нужна и компетентность власти, антикризисные про-

блемы вполне решаемы с учетом имеющегося отечественного и мирового опыта. Кроме того, нынешнее государство в управленческом плане, вопреки распространенному мнению, на мой взгляд, весьма эффективно (если, конечно, иметь в виду его работу по достижению подлинных, а не декларируемых целей).

С началом «отрезвления» России от ущербного для страны дурмана западного «партнерства», в условиях кризиса ценностей западной цивилизации (о чем недавно говорил Папа Римский), мирового финансово-экономического кризиса (бреттон-вудской долларовой системы), ситуация западного вызова вышла из «спячки», активировалась и перешла в новое качество: этот кризис остро поставил проблему мирового (и не только экономического) переустройства, в котором России отводится роль периферийного сырьевого донора, не более, для Западного центра. Полагаю, настоящий кризис уже год назад показал свое истинное *новое качество* — Запад опять, как и в годы Великой Отечественной войны, «холодной войны» откровенно бросил уже не СССР, а России *цивилизационный Вызов*. Поэтому кризис имеет не только экономический характер, для нас это кризис идеологии курса не просто экономического, но цивилизационного развития России в условиях агрессивного наступления, доминирования Запада (США), которое В.В. Путин справедливо назвал установлением «нового мирового порядка». В этом плане концептуально ставить вопрос о необходимости не просто выхода из данного кризиса как целостной, системной задаче и тем более и не как о комплексе мер быстрого реагирования, а попросту — «латания дыр» в наличной экономической системе. Кризис — это акцентированная Западом качественная характеристика нашей социокультурной системы (а не только экономики), поэтому постановка Ю.М. Осиповым проблемы «Антикризиса» как феномена «апокалиптического» представляется жизненно актуальной и теоретически точной [5]. Как уже отмечалось, кризис является не просто экономическим, а цивилизационным, инициированным мировым правящим классом не только для спасения своего экономического господства, но и для строительства посткризисного мира «Железной пяты», прозорливо представленного Дж. Лондоном в его одноименном романе.

Каковой же может быть идеология ответного антикризиса? Понимает ли наша элита в ситуации откровенно и цинично брошенного нам вызова необходимость качественного «перестроения» экономики? Кажалось бы, понимает: в начале 2014 г. власть отмечала, что перед страной с критической остротой стоит проблема преодоления имманентного (В. Путин), системного (Е. Ясин, М. Хазин), небывалого и длительного кризиса наличной бесперспективной модели экономики без поиска нового экономического курса (А. Кудрин, А. Улюкаев), необходимости схода экономики с траектории «околонулевого» развития (Д. Медведев), отказа от оксюморонной «положительной динамики

экономики при ее нулевом росте» (А. Силуанов). С этими оценками нельзя не согласиться; более того, экономическая ситуация в стране резко обострилась в условиях начавшейся «холодной войны 2.0»: западных экономических санкций, падения инвестиций, рубля, цен на нефть и др.

Но что мы видим сейчас в качестве практической реакции Ответа на этот Вызов? В частности, во внешнеэкономической деятельности в лице Президента наша элита похвально проявляет нужную политическую волю. *Но чем подкреплена позиция России по защите своих национальных интересов во внутренней экономической политике?* Где адекватная кризису-вызову «энтузиазменно-конструктивная» (Ю.М. Осипов) экономическая Воля элиты? События конца 2014 г. рождают сомнения относительно понимания сущности жизненно необходимого реагирования на него, оно пока осуществляется как на обычный (очередной) кризис. Власть считает, что наличное состояние экономики (пока?) не влечет необходимости пересматривать саму идеологию бюджета на ближайшее трехлетие, полагает, что нет фундаментальных причин, факторов падения рубля, необходимости «экстраординарных» (?) мер для оздоровления экономики. Нас успокаивают декларативными рассуждениями, что, дескать, все скоро как-то наладится, образуется... Ни о каком обсуждении поставленных весной проблем качественной природы кризиса, (бес)перспективности действующей модели экономики, необходимости разработки ее модели новой, несырьевой вообще не слышно. Актуально поставленная шесть лет назад проблема модернизации забыта! О «новой экономической политике», которая вроде бы разрабатывается, власть уже и не говорит. Правительство, если и критикуют, то только «снизу».

Как все это расценивать? Может ли такое понимание кризиса стать основой новой цивилизационной модели экономического антикризиса как апокалиптического Ответа на прямой и агрессивный западный Вызов? Определенно нужен более глубокий подход. Складывается убеждение, что мы переживаем не только новые негативные экономические реалии, но и *кризис идей, антикризисных инноваций*. В самом деле, даже на Западе с началом мирового финансово-экономического кризиса начали говорить о необходимости обновления капитализма как системы, о его новых моделях (капитализм сотрудничества, моральный, регулируемый капитализм и др.). Россия в этом стратегическом обсуждении (принципиально?) не участвовала, ограничиваясь частными предложениями по оптимизации глобальных регулятивов рыночной экономики силами ведущих международных организаций и институтов. (По мере преодоления Западом кризиса эти разговоры «сошли на нет», но резкая актуализация проблемы передела мира «по умолчанию» не позволяет забыть об этой проблеме.)

Конечно, кризис актуализировал проблематику теоретического осмысления парадигмы постсоветской практики социально-экономической жизни России, сейчас говорят о напряженной антикризисной работе правительства. Но властью она обсуждается, главным образом, в рамках данной, стратегически неизменной либеральной парадигмы открытой рыночной экономики, разделяющей принципы ВТО, и др. А к кризисным реалиям ее пытаются адаптировать разработкой антикризисных мер тактического уровня, ситуативного реагирования. Пока эти меры опять сводятся к сокращению социальных расходов, запасному варианту, некоторым послаблениям бизнесу и т. п., с сохранением «амбивалентной» роли государства.

Стране же нужна выработка стратегической перспективы не просто выживания, преодоления кризиса-вызова, а за-постмодернистской качественной модернизации экономики «антикризисного» характера. Эта проблема поставлена, в частности, в работе Академии философии хозяйства достаточно давно. Ее обсуждение показывает, что только на новой концептуальной основе можно выработать адекватную реалиям и перспективе антикризисную идеологию, ибо постмодерн — состояние переходное. Но пока эта работа по «целостному перестроению» остается невостребованной даже теоретически, хотя только на ее основе возможна отвечающая вызову кризиса и глобализации, места страны в конкурентном мире *социально-экономическая идеология*, сменяющая бесперспективную идеологию сырьевой интеграции путем, в «лучшем» случае, «догоняющей» модернизации. Выработка такой идеологии требует *философско-мировоззренческого* понимания процессов цивилизационного изменения экономического порядка в целом. Отсутствие этого понимания и блокирует возможности антикризисного прорыва в экономической теории. И задача философии хозяйства состоит в «снятии» этой блокировки, что позволит разглядеть истинное лицо Вызова-кризиса и дать власти концепцию ответного Антикризиса.

Итак, о какой антикризисной модернизации в этом плане может и должна идти речь? Только о спасительной для страны модернизации экономики постсоветской «энергетической империи», иначе говоря — об «антикризисе перемодернизации». Но как ее осуществить без смены курса, приведшего к такому положению? Как может антикризисный Ответ формировать качественно кризисная власть? Это — больше, чем вопрос, это — загадка. Ответ на нее надо искать не в экономической сфере, но в сферах идеологической, политической и социокультурной, а, быть может, и в «метафизической». Модернизация страны невозможна без модернизации общественных идеалов, ценностей и т. п. *Полагаю — «антикризис» должен быть не просто экономическим, но и социокультурным!* В этом плане справедливо отмечается, что стране нужна комплексная духовная, идейная, нравственная,

трансцендентная «метафизическая» модернизация [5, 9]. На доминирующих ныне «обогащении» и «потреблении», «вхождении в мировую цивилизацию», как говорится, «приехали»... Но пока какой-то новой философии хозяйства, системы идеалов и ценностей, отличной как от «западной», так и от отвергнутой «коммунистической», нет, поиски в этом направлении обнаруживают диссонанс традиционно-консервативной политической и либеральной экономических доктрин, что выводит Ответ за экономические рамки. Власть как бы выжидает, уклоняется от однозначного выбора новой идеологии экономического развития, его политики.

Очевидно, можно сказать, что наличные экономические антикризисные меры имеют тактический характер, по сути, являются попыткой *модернизации кризиса*, они — «дети» кризиса. Вот почему и нужен «антикризис» как качественная модернизация самого этого кризиса. Его первый этап — *стабилизирующая* социально-экономическая антикризисная модернизация, которая призвана создать необходимую базу для следующего этапа — формирования *новой экономической политики для системно-прогрессивной трансформации* экономики сырьевой в высокотехнологичную реальную, обеспечивающей не просто выживание России в XXI в., а ее опережающее развитие. Но, повторяю, «антикризис» не должен ограничиваться экономической сферой, важно рассматривать его как системный проект (типа европейского Модерна), нацеленный на обновление цивилизационного облика России, ее выход в новое социокультурное пространство и время, обеспечивающий как ее глобализационную интеграцию в западный мир, так и достойное существование в конкуренции с этим миром в качестве не «квази-Запада» и не «анти-Запада», а, по А.А. Зиновьеву, «не-Запада». Такой проект стратегического целеполагания надо срочно готовить! (Восточный вектор требует отдельного разговора.)

Без этого невозможно реализовать третий фактор искомого Ответа — только адекватно понимающая кризисный вызов и обладающая необходимой Волей элита способна мобилизовать народ на реализацию спасительного «антикризиса». Есть ли у нас такая элита? Если нет, то нужно ли формировать новую, или достаточно «национализации» старой? Но для этого нужен и собственно культурный «Антикризис» как активная альтернатива нынешнему кризису «раскультивирования», практически текущему в стране, гуманитарная модернизация ее «человеческого капитала», способного стать Народом, готовым ответить на Вызов.

Как скоро будет (ли!) готова Россия к адекватному Ответу? Пора «...креститься, ибо гром гремит вовсю», да и «жареный петух» уже утомился... Чего ждем? Успеет (захочет) ли наша элита концептуально и «качественно — кадрово» обновиться, морально «сосредоточиться», использовать стимулирующую роль Вызова, проявить нужную Волю,

организовать народ, прежде чем страну «интегрирует» жаждущее наших ресурсов западное «мировое сообщество»? Как говорится, «хочется верить»!

Литература

1. *Фурсов А.И.* Колокола истории. М., 1996.
2. *Штомпель О.М.* Социокультурный кризис. Ростов н/Д, 1999.
3. *Хазин М.Л.* Уроки кризиса // *Философия хозяйства*. 2009. № 3.
4. *Тойнби А.* Постыжение истории. М., 1999.
5. *Осипов Ю.М.* Российский антикризис // *Философия хозяйства*. 2014. № 4.

В.М. КУЛЬКОВ

Нестандартный российский кризис и возможности антикризиса

Аннотация. В статье показана сложная картина кризисного положения экономики России и названы его составляющие. Это позволяет наметить направления антикризиса в его разных аспектах, задуматься о перспективах развития страны, о формировании адекватной национальной экономической модели.

Ключевые слова: экономика России, кризис, антикризис, национальная экономическая модель.

Abstract. In this article, a complicated picture of the crisis situation of the Russian economy is shown and its components are named. This allows to identify the direction of anti-crisis in its different aspects to think about the prospects of development of the country, on the formation of an adequate national economic model.

Keywords: Russia's economy, crisis, anti-crisis, the national economic model.

Современная Россия остро нуждается в экономическом развитии, в выходе на траекторию долгосрочного, устойчивого и качественного роста ее национального хозяйства. Обросшая исторической чередой экономических невзгод, она должна, наконец, выработать ген антикризиса. Понятно, что антикризис имеет своей отправной точкой наличие кризисного состояния. Такое состояние присуще экономике России. И это касается не только текущего ухудшения ее положения.

В макроэкономической теории кризис трактуется обычно как явление краткосрочного периода: это фаза циклического развития эконо-

мики (конечно, если не брать во внимание длинноволновые и близкие к ним циклы). Кризис, как известно, имеет как негативную (разрушительную), так и позитивную (оздоровительную) сторону: последняя состоит в том, что он разрешает накопившиеся диспропорции и деформации и дает экономике новые возможности. В этом смысле антикризис — это преодоление такого рода кризиса, когда экономика начинает демонстрировать подъем, опираясь на новые возможности. Это довольно распространенное и в целом нормальное понимание кризиса.

Сегодня мы видим, что Россия входит в кризисную полосу, и это, судя по всему, не просто вхождение в стагнацию или даже в обычный циклический кризис, а скорее в глубокий и продолжительный кризис с довольно непредсказуемыми последствиями. Это нельзя считать простым повторением кризиса 2008—2009 гг. Нынешнюю ситуацию можно описать известным в свое время термином «общий кризис» (многие помнят из советской политэкономии выражение «общий кризис капитализма»). Что-то подобное становится характерным и для России. В этом кризисе сплелось много сторон. Обратим внимание на эти составляющие.

Во-первых, это продолжение трансформационного кризиса российской экономики, остро проявившегося в 1990-х гг., который на самом деле не разрешился и не завершился, несмотря на последующую положительную макроэкономическую динамику 2000-х гг. (исключая кризис конца первого десятилетия нового века). Главными аргументами такого вывода являются незавершенность структурной перестройки экономики, отсутствие ее масштабной диверсификации, сохранение ее сырьевого характера, а также неразвитость и деформированность многих институтов, включая, в частности, и слабость национальной банковской системы.

Во-вторых, это неразрешенный и незавершенный воспроизводственный (его можно обозначить и как специфический циклический) кризис национальной экономики, начавшийся еще в 1980-х гг.: за весь прошедший период так и не произошло кардинального обновления элементов основного капитала, выхода экономики страны на новый технологический уровень, а следовательно, до сих пор не завершился и экономический цикл.

Таким образом, экономический кризис в России (это, правда, произошло еще в 2009 г., но вновь напомнило о себе и сейчас) можно назвать концентрированным выражением и продолжением трансформационного и воспроизводственного кризисов национальной экономики. Внешние факторы являются лишь детонатором обострения внутренних российских проблем. Положительная макроэкономика 2000-х гг., обусловленная главным образом благоприятными внешнеэкономическими конъюнктурными факторами, как бы «купировала» указанные

кризисы, перевела их в скрытую, латентную форму. И точно так же негативные внешние факторы (ценовые, финансовые, а теперь и геополитические), вскрыли хронические болезни российской экономики. Таким образом, российский кризис имеет преимущественно внутреннюю природу и именно поэтому принимает столь острые формы.

Но это неполная характеристика: современный кризис не ограничен только этими составляющими.

Это, в-третьих, и кризис сложившейся в России за четверть века национальной экономической модели — модели ущербной и неперспективной, неадекватной как национально-специфическим факторам, присущим России, так и стратегическим целям национального развития и мировому статусу страны.

Это, в-четвертых, и кризис экономической политики, проводившейся в этот период — период вроде бы довольно разнообразный и продолжительный, но отличавшийся постоянством (с 1992 г. и по сей день) финансового приоритета над нуждами развития реального сектора экономики и новых технологических укладов, — так и не позволившей создать адекватный технологический базис суверенного развития страны.

Это, в-пятых, и кризис морально-ценностной: прививавшаяся в русле вестернизации с начала 1990-х гг. система ценностей показала свои ущербность и неадекватность национальным условиям.

И, наконец, в-шестых, это кризис геополитический и внешнеэкономический, в котором оказалась Россия — прежде всего, из-за потерянной за прошедший период самодостаточности и крайне ослабленного технологического и экономического суверенитета.

Вся совокупность указанных характеристик (составляющих) и образует то, что можно было бы назвать общим кризисом современной экономики России. Это «гремучая смесь», с которой бороться трудно — тем более обычными методами.

Реализация антикризиса в этих условиях должна быть нацелена на преодоление всех перечисленных составляющих российского кризиса. Она должна охватить и институциональную среду, и структуру национального хозяйства, и технологическую сферу, и параметры национальной экономической модели, и экономическую политику, и морально-ценностную сферу общественной жизни, и требования национальной экономической и политической безопасности. Таким образом, антикризис объективно имеет несколько направлений и временных аспектов и, следовательно, должен быть комплексным процессом. Без фиксации этого будут лишь общие разговоры об антикризисе, обедненные и малопродуктивные.

Выше уже отмечалась необходимость формирования в России новой адекватной национальной экономической модели. Привлечем

внимание именно к этой характеристике как важнейшей составляющей стратегии российского антикризиса.

Сложившаяся в России модель в должной мере не обеспечила ни передовой технологической базы, ни прогрессивной структуры экономики, ни национальной экономической безопасности, ни эффективной банковской и финансовой системы, ни достойного социального положения граждан, ни здоровой, созидательной системы ценностей, ни устойчивости от колебаний мировых рынков и от геополитического давления.

Кризис убедительно показывает (и подсказывает), что для российской модели экономики должны быть характерны следующие параметры:

- суверенная экономика, обладающая высокой самодостаточностью и способная обеспечить реализацию национальных интересов;
- инновационная, высокотехнологичная, диверсифицированная экономика как антитеза сырьевой экономике;
- трудо(производственно)-ориентированная экономика с особой ролью реального сектора экономики и ограничением спекулятивной сферы;
- регулируемая смешанная экономика с весомой ролью государства;
- социально-ориентированная экономика;
- ограниченно-открытая экономика, сопрягающая степень своей открытости внешнему миру с требованиями национальной экономической безопасности (в том числе финансовой);
- экономика с сильной и национально-ориентированной банковской и финансовой системой;
- экономика, сочетающаяся со здоровой, позитивной системой ценностей, социально-духовными стимулами, с приоритетом трудовой морали и творческого созидания по отношению к ценностям «общества потребления».

Только сформированная на этих основах российская экономическая модель адекватно отразит специфику факторов и целей социально-экономического развития России, будет гарантом устойчивости ее экономики и реализации стратегических национальных интересов страны.

Вновь возвращаемся к непростому на данный момент положению российской экономики и страны в целом.

Всем нам хочется быть оптимистами, но, к сожалению, имеется немало оснований и для другого развития событий. Нельзя исключать того, что Россия (причем в третий раз за один век) подойдет к такому рубежу и к такой болезненности состояния, которые были у нас в 1917 и в 1991 гг. В таких условиях вполне вероятным и неизбежным (и, не

исключено, единственно возможным) выходом из этого состояния может стать мобилиционность экономики и общества. Она может придать — пусть и болезненно, через огромное напряжение — импульс поиску новых резервов и необходимому перестроению, что уже было в нашей истории. Но вопрос заключается в том, хватит ли времени и сил в очередной раз спасти Россию.

Мне нравится, когда на такого рода опасения мудрые и духовно пронизательные люди отвечают так: если Россия имеет особое предназначение, то она выдержит все, все испытания и будет сбережена (поэтому не переживайте, не бойтесь и не паникуйте), а если этого нет, то и горевать незачем. Но как увидеть это предназначение и его признаки? Не думаю, что нередко приводимый пример с известным французским актером Депардье, пожелавшим перебраться в Россию, показателен. Напротив, Депардье приехал или переехал в Россию потому, что в ней господствуют ущербные черты антагонистического капитализма, в котором мало места для социальной справедливости, в том числе и в силу отсутствия системы прогрессивного налогообложения. Депардье переехал из Франции (и сам об этом давал знать) потому, что там «слишком много социализма», а в России его почти не осталось. Гордиться этим нельзя. Наша духовная мощь тут ни причем. Она для Депардье, как говорят, «по барабану». Но эта мощь в России присутствует, так же как и ее предназначение. Я, как и многие, мыслю именно так. В этом предназначении, в наличии особого, альтернативного места в современном (во многом загнивающим, деградирующем и несправедливом) мире объективно заинтересованы огромные общественные пласты современности. Такой субъект востребован в настоящее время и в будущем. Россия может стать центром такого притяжения. Но при этом, чтобы раскрыть такое предназначение, нужно, в первую очередь, чтобы это понял и перестроился весь наш народ. Я, кстати, говорю почти библейскими словами. Без такого его разворота не будет ничего. И надо делать все, чтобы этот разворот состоялся.

Именно к такому выводу закономерно приводит исследование антикризиса, если брать последний в широких координатах, исходя из стратегического видения российских перспектив.

Л.А. АСЛАНОВ

Барская традиция и цивилизационные ошибки прошлого и настоящего

Аннотация. Рассмотрены условия формирования русского менталитета и его особенности. Показано, что действия правительств, про-

творечившие менталитету народа, приводили либо к смене политического курса и опоре правительства на менталитет народа, либо к смене правительств.

Abstract. The conditions of formation of Russian mentality and its peculiarities are considered. It is shown that if the actions of governments contradicted the mentality of the people, government either changed its policy in accordance with mental traditions of the people, or government resigned.

Ключевые слова: менталитет, этнос, Россия, традиции.

Важной специфической характеристикой этноса является его ментальность. Менталитет — это многовековой опыт выживания этноса. Менталитет — не сознание, не мыслительная деятельность людей; он кроется в бессознательном. Менталитет ближе к инстинкту выживания, но он имеет социальную природу в отличие от животного инстинкта. Менталитет этноса сохраняется веками, на него невозможно повлиять обучением, назиданиями, пропагандой, он не обладает свойством памяти компьютера, куда можно заносить информацию, стирая прежнюю, копилка опыта выживания этноса в веках.

Менталитет — своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические [1, 30]. Это совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать определенным образом. Менталитет — глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное [2, 177]. Неосознанность или неполная осознанность — один из его важнейших признаков. В менталитете раскрывается то, что изучаемая историками эпоха вовсе не собиралась, да и не была в состоянии сообщить, и эти ее небольшие послания, обычно не отрефлексированные и не процензурированные умами тех, кто их отправил, тем самым лишены намеренной тенденциозности [3, 23].

Русская ментальность восходит к ментальности восточных славян, которая формировалась задолго до появления русского этноса под воздействием набегов кочевников преимущественно Центральной Азии. Прекрасный знаток Древней Руси Б.А. Рыбаков в самом начале одной из своих последних книг написал о том, что из множества влияний, воздействовавших на восточное славянство, им искусственно выделена потребность в защите от врагов ради выживания этноса. Цель такого выделения показать важность защиты от врагов и влияние этой борьбы на менталитет народа; не пренебрегая важностью хозяйственной деятельности для выживания людей, покончить с голым экономизмом в истории [4, 11].

Особо сильное воздействие на восточных славян оказало золотоордынское нашествие, которое раскололо восточных славян на три группы. Восточные славяне, оставшиеся в междуречье Оки и Волги и вынесшие все тяготы золотоордынского нашествия, к концу XV в. сформировались в русский этнос с ярко выраженным военно-командным менталитетом. Часть восточных славян, отошедших к Польше и получивших ее протекцию, через четыре века своеобразного существования стала основой украинского этноса с собственной ментальностью. Третья группа отошла в сторону Литвы. И хотя с XIII в. история Литвы временами тесно переплетается с историческим путем Польши, своеобразный опыт существования этой ветви восточных славян привел к формированию белорусского этноса с собственной ментальностью.

Двухсотсорокалетнее существование Руси на правах улуса Орды породило у восточных и южных соседей Московской Руси взгляд на Русь как на несамостоятельное, не способное существовать без опеки общество, которое необходимо было использовать для своей пользы после распада Орды. На Западе Русь воспринималась как пространство, подлежащее колонизации и цивилизационному обустройству на западноевропейский лад в качестве сырьевого придатка Западной Европы. Московское царство в XVI—XVII вв. и Российская империя в XVIII в. вели многочисленные и упорные войны с Османской, Святой Римской и Китайской империями и их союзниками. Первая половина XIX в. была для России не менее сложной.

В этих условиях существования народа русский военно-командный менталитет окончательно утвердился. Военно-командный менталитет — основанный на многовековом опыте выживания русского этноса правила поведения в обществе, имеющие сходство с действующими в армии: подчинение нижестоящих начальников вышестоящим и подчинение всех главнокомандующему; служение начальству по уставу, а не закону; сословное деление общества — наподобие родов войск для концентрации усилий при отражении врага; репрессивные меры для поддержания дисциплины по воинскому образцу; приоритет коллективных интересов над личными, как в бою, и т. п. Всенародное служение Родине вместо североморского поиска экономической выгоды силами каждого индивида стало ментальной традицией, позволявшей русскому этносу выжить при минимальных ресурсах для организации защиты от врагов.

Во всех странах власть успешна только в том случае, если она действует в соответствии с ментальными традициями народа, получая от народа поддержку. Но власть терпит провал, действуя в нарушение ментальных традиций своего народа, и Россия не исключение. В качестве примера можно назвать цивилизационный конфликт крестьянства и помещичьего дворянства. В России существовали субментальности

крестьянства, поместного дворянства, казачества, старообрядцев и т. д. Ментальной традицией русского крестьянства извечно была принадлежность земли тем, кто ее обрабатывает, а в ментальность поместного дворянства царская власть внедрила чуждую русскому крестьянству североморскую ментальную традицию частной собственности на землю. В 1917 г. царская власть погибла не из-за действий заговорщиков, а из-за борьбы крестьян (составлявших более 80% населения страны) за землю против помещичьего землевладения. Заморская ментальная традиция, совершенно справедливая в условиях Голландии или Англии, вошла в конфликт с ментальной традицией русского крестьянства.

Гражданская война в своей основе была итогом многовекового цивилизационного конфликта между крестьянами и поместными дворянами, обладавшими разными субменталитетами одного общего для них военно-командного менталитета россиян. Борьба за землю была бескомпромиссная. В Гражданской войне большевики защищали русскую цивилизацию, а белые были защитниками интересов поместного дворянства и в силу этого навязывали крестьянской массе (и не только ей) чуждые североморские ценности. Победа в Гражданской войне осталась за большевиками.

Ленин с марта 1918 г. исходил из того, что путь к социализму в России лежит через единоначалие, организованность, управление, партийную дисциплину, учет и контроль, а также подчинение нижестоящих вышестоящим. Это никак не согласовывалось с прежними его суждениями о демократических органах власти сознательных рабочих, шедших от работ Маркса, но полностью соответствовало реально существовавшему военно-командному менталитету населения, включая самих большевиков, т. е. Ленин делал русскую революцию по-русски, сохраняя марксистскую риторику.

Политика военного коммунизма сформировалась под влиянием убеждения большевиков в том, что всемирно-исторические принципы освобождения труда, изреченные Марксом, справедливы везде и всегда, что реализацию этих принципов на практике с нетерпением ждут рабочие. Когда же приходилось принимать меры, противоречившие теории, но совершенно необходимые для выживания в условиях войны и разрухи, то эти меры назывались развитием марксизма, а впоследствии марксизмом-ленинизмом. Важно понять, что это были за меры, противоречившие марксистской теории, и откуда они взялись. Ими были принуждение, насилие, террор, безжалостность и беспощадность к врагам Советской власти, административное управление из центра, партийно-политическая пропаганда, заменившая церковные проповеди, безграничная вера в правоту и непобедимость верховного лидера, равно как и преданность ему (все, неверные лидеру, подлежали изоляции или уничтожению). Это была традиционная для России военно-

административная система. Менталитет народа, а не только большевистского руководства страны, легко встраивал людей в привычную систему отношений, дававшую защиту от внешних врагов завоеваний Октябрьской революции — земли, самоопределения наций, Советской власти без благородных сословий.

Военно-административная система построена по армейскому образцу: возглавляет ее глава системы (вождь), чьи приказы, а не законы, обязательны для исполнения, и есть рядовые люди, наподобие солдат — исполнители приказов. Между ними располагается иерархия командного состава. В царской России роль командного состава выполняло дворянство — как в армии, так и в гражданских ведомствах. После Октябрьской революции дворянство как сословие было ликвидировано, и дворяне стали объектом преследований. Возникает важный для понимания советского государства вопрос: что являлось командным составом в условиях большевистской военно-административной системы? РКП(б) заменила дворянское сословие в большевистской военно-административной системе. Партия взяла на себя руководство армией и государственными органами. Однако между царским дворянством и большевистской партией было существенное различие: дворянство не возглавляло профсоюзы, не контролировало молодежные и женские организации, союзы писателей, композиторов, художников и т. д. и т. п. с целью пропаганды и внедрения марксистско-ленинской идеологии, а партия большевиков это делала систематически и упорно. Марксистско-ленинская идеология была в большей мере объектом веры и поклонения, чем разума и убеждений людей, причем особую жизненную силу и действенность ей придавало включение в нее норм традиционного российского военно-командного менталитета: жесткой централизации и подчинения всепобеждающему вождю, принуждения, репрессий. Вся Россия стала военным лагерем. Все управление на всех уровнях сосредоточивалось не в выборных, а в исполнительных учреждениях, усиливалось единоначалие по армейскому образцу.

В марте 1921 г. на X съезде РКП(б) Ленин признал, что «прямое введение социализма» в России закончилось неудачей. Партия провозгласила новую экономическую политику (нэп). Ленин вновь отступил от марксистских канонов, сделав уступку крестьянству, которому Маркс отводил роль генератора мелкобуржуазной стихии и противопоставлял ему пролетариат. Ленин опять легче других принял реалии России, отказываясь от марксистских идей. На XI съезде РКП(б) весной 1922 г. Ленин заявил: «Никакой Маркс и никакие марксисты не могли этого предвидеть. И не нужно смотреть назад» [5, 117].

Таким образом, в прошлом можно найти множество примеров, свидетельствующих о том, что власть не может игнорировать менталитет народа и одновременно добиваться успеха. Но и в новейшей истории

России даже в самые ответственные периоды руководство страны допускало подобные цивилизационные ошибки.

Объявив программу «ускорения социально-экономического развития страны», М.С. Горбачев развернул кампанию замены кадров. У партийно-государственной элиты, включая Горбачева, не было ясного представления о причинах кризиса советского общества. Во всем винили коммунистическую, тоталитарную систему. Идеолог реформ А. Яковлев признавал: «Сначала тоталитарный режим надо было сломать через тоталитарную партию, другого пути не было, потому что только используя ее тоталитарный характер, выражавшийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании, можно было сломать тоталитарный режим». В этой «идеологической» установке отчетливо видно, что руководство страны не отличало национальное военно-административной системы от наносного марксистского флера. Установка на ломку тоталитаризма по своей сути была нацелена на ломку русского национального военно-командного менталитета — дело безнадежное и вредное. Менталитет необходимо учитывать, использовать для достижения целей, но не ломать.

На пленуме ЦК КПСС в феврале 1988 г. главным препятствием на пути реформ была объявлена сложившаяся в стране еще в 1930-е гг. сверхцентрализованная консервативная «командно-административная система» управления, т. е. та система, которая была создана Сталиным. Был поставлен вопрос о ее изменении. При этом были допущены две принципиальные ошибки: 1) военно-административная система существовала в России в веках, а не с 1930-х гг.; 2) не только не учитывался, но не упоминался военно-командный менталитет населения. «Командно-административная система» воспринималась как продукт коммунистического эксперимента, а не цивилизационная особенность бытия народа.

Гласность переросла в охаивание народа, его стойкости и достижений за весь советский период. Это не было новым явлением. Нельзя забывать, что после Февральской революции под сомнение были поставлены такие понятия, как патриотизм, честь, долг, совесть. По воспоминаниям современников, все реже в 1917 г. стали употребляться слова «Россия», «Отечество». Вот что писал инженер путей сообщения, депутат Государственной думы А.А. Бубликов: «И Россия, коренная Россия, словно обомлела перед этим натиском всевозможных наглецов. С веками выработанной привычкой к повиновению и уступчивости перед каждым окриком, она терпеливо сносила это всенародное оплевывание. Можно было безнаказанно выкинуть плакат “Да здравствует Германия”, но едва ли кто рискнул бы, да и смог бы безнаказанно пройти по Невскому с плакатами “Да здравствует Россия”, “Все для Родины”» [6, 272].

Руководители перестройки, игнорируя менталитет народа, тащили СССР к подражанию порядкам, существующим в США. Идеи «единого» мира на основе так называемых «общечеловеческих ценностей», «вхождения» России в Европу — очередная химера — были взяты на вооружение без всякого анализа содержания этих понятий. Классовый подход сменился очередным, еще более опасным доктринерством — мондиализмом. Опять прорезалось знакомое вульгарно-материалистическое и евроцентристское видение мира не в его многообразии культур и цивилизаций, а как идущего к одному образцу [7, 109].

Механическое заимствование зарубежного опыта совершенно невозможно. Можно только изучать зарубежный опыт, но самим находить то, что отвечает современным требованиям выживания этноса и не противоречит русскому военно-командному менталитету, сложившемуся в веках. Все остальное будет народом отвергнуто и не будет эффективным. Нужна модернизация, но она невозможна, если игнорируется менталитет народа.

Руководство страны периода перестройки упорно третировало русскую цивилизацию, пытаясь насадить североморские ценности без учета особенностей русского менталитета, и оно было народом отвергнуто. Народ принимает только те идеологические новации, которые «укоренены в исторически детерминированной структуре национальной ментальности» [8, 391].

Таким образом, в период перестройки было совершено несметное количество цивилизационных ошибок, приведших Россию на грань катастрофы.

28 октября 1991 г. на V съезде 1991 г. народных депутатов РСФСР Президент Б.Н. Ельцин официально объявил о начале радикальных экономических реформ в России с 1 января 1992 г. Содержание реформ сводилось к либерализации цен, полной свободе внутренней и внешней торговли, форсированной приватизации. Ельцин, по его настоянию, получив право сформировать правительство, заявил о том, что лично возглавит правительство, а главным функционером в ранге вице-преьера назначил Е.Т. Гайдара, который стал основным идеологом и проводником экономической реформы. Правительство придерживалось ортодоксального варианта либеральной всемирно-исторической концепции и монетарной экономической теории. Консультантами правительства была приглашена группа западных экспертов. Таким образом, правительство заняло позиции, диаметрально противоположные военно-командному менталитету россиян, причем локально-историческая концепция полностью исключалась.

Шоковая терапия разрушала страну. Превышение смертности над рождаемостью в 1994 г. составило 920 тыс. чел. (в 1993 — 770 тыс.). Средняя продолжительность жизни снизилась с 64 до 59 лет. Детская

беспризорность превысила уровень Гражданской войны. Каждый год население РФ уменьшалось на 700—900 тыс. человек. Быстро росли преступность, наркомания, проституция, самоубийства из-за проповеди индивидуализма, нормы которого во многом противоположны нормам военно-командного, коллективистского менталитета. Пропаганда индивидуализма велась сознательно, так как механически переносились в русскую действительность нормы североморского менталитета под влиянием советников из США в силу заблуждений российской власти. Отказ от ментальных норм народа, навязывание ему чужих норм — верный путь к уничтожению народа [9, т. 2, 393—397; 10, 511—512].

Почему царская власть внедряла североморские представления о собственности на землю, игнорируя ментальность русских крестьян? Почему советское правительство в первоначальный период стало внедрять западноевропейские социалистические теоретизирования вместо того, чтобы сразу опереться на менталитет народа? Почему перестройка и реформы 1990-х гг. велись по американским меркам? В русском менталитете сильна барская традиция, согласно которой Россия — лапотная, отсталая страна, а Западная Европа — процветающая, прогрессивная часть земного шара, и надо копировать в России все то, что есть там, на Западе. Эта особенность русского менталитета жива до сих пор, и ее нельзя игнорировать. Особенность менталитета заключается в том, что он веками хранит опыт существования народа — даже после того, как условия, породившие такой опыт, перестают быть актуальными. Барская традиция (в вышеназванном ее проявлении) возникла много позже ментальной традиции защиты родной земли, и последняя противостоит барской традиции, выправляя все ошибки российского руководства усилиями народов России.

Литература

1. Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1994. № 1.
2. *Визгин В.П.* Ментальность, менталитет // Современная западная философия: Словарь. М., 1991.
3. *Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
4. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1993.
5. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
6. *Коваленко Н.В.* 1917 год: новые подходы и взгляды. М., 2001.
7. Россия и будущее европейское устройство. М., 1995.
8. *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Русские о большевизме. Опыт аналитической онтологии. СПб., 1999.
9. Новейшая история Отечества: XX век: В 2 т. М., 2002.

10. Отечественная история (1917—2001). М., 2002.

Ю.В. ЯКОВЕЦ

Россия: уроки кризиса и выбор пути в будущее

Аннотация. Рассматриваются особенности современного российского кризиса, его уроки, а также первоочередные меры по реализации антикризисной программы.

Ключевые слова: Россия, кризис, антикризисная программа, развитие.

Abstract. The article is devoted to features of modern Russian crisis, its lessons, and prime measures for implementation of the anticrisis program as well.

Keywords: Russia, crisis, anticrisis program, development.

Россия в начале XXI в., как и столетие назад, оказалась в эпицентре цивилизационного кризиса и перед выбором пути в будущее. Это тяжелый крест, но и преимущество: как говорится, за битого двух небитых дают.

Чтобы извлечь уроки из кризиса и выбрать верный путь в будущее, нужно широкое и дальней видение происходящих и предстоящих глубинных трансформаций в мире цивилизаций.

Эти трансформации далеко выходят за рамки среднесрочных и долгосрочных (Кондратьевских) циклов, носят многовековой характер. Их глубинными основами являются действие, резонирующее и синхронизированное, и взаимодействие трех исторических законов:

- закона колебания исторического маятника и перемещения центра творческой активности цивилизаций, как и предсказывал Питирим Сорокин полвека назад, с Запада на Восток в результате смены поколений локальных цивилизаций;
- закона смены долгосрочных (Кондратьевских) и сверхдолгосрочных (цивилизационных) циклов, заката индустриальной и становления интегральной мировой цивилизации;
- закона поляризации и социально-политического партнерства цивилизаций и государств, социальных слоев и поколений в острых кризисных ситуациях, особенно в периоды исторических разломов, в котором сейчас оказалась планета.

В 2014 г. этот разлом отчетливо проявился. Наступил час истины. Но чтобы сделать правильный выбор пути в будущее, нужно сбросить помутневшие неолиберальные очки, искажающие действительность.

Наши исследования при подготовке доклада к VII Саммиту БРИКС показали, что в 2014 г. четко проявился новый глобальный водораздел: между восходящими цивилизациями и державами, возглавляющими БРИКС, и нисходящими цивилизациями и державами во главе с последними бастионами разлагающейся, теряющей потенциал развития индустриальной цивилизации.

Это не умозрительное построение, а реальная тенденция, базирующаяся на многогранном анализе недавно опубликованных Всемирным банком статистических данных о мировой динамике за 1990—2012 гг.

Результатом такого анализа стал неожиданный для нас самих главный вывод: БРИКС и «группа 7» находятся сейчас в разных исторических эпохах, в различных Кондратьевских и цивилизационных циклах.

БРИКС с начала века вступил в повышательную волну шестого Кондратьевского цикла и седьмого цивилизационного цикла, находится в авангарде становления интегральной цивилизации.

«Группа 7» все еще находится в понижательной волне пятого Кондратьевского и шестого цивилизационного циклов, выступает как последний бастион уходящей индустриальной цивилизации.

Такой вывод подтверждается следующими статистическими данными Всемирного банка, который нельзя заподозрить в симпатии странам БРИКС.

Разрыв в среднегодовых темпах прироста ВВП между странами со средними доходами (их основа — БРИКС), в которых проживает 70% населения мира, и странами с высокими доходами («золотой миллиард») во главе с «группой 7» — 18% населения — вырос с 1,65 раз в 1990—2000 гг. до 3,5 раз (а по национальному доходу, который более точно отражает реальную экономику) — до 4,3 раза в 2000—2012 гг.

Еще более разителен разрыв по темпам прироста валового накопления: за тот же период он вырос с 1,7 до 14 раз; на вершине — Китай (13,2%) и Индия (12,6), внизу США (нулевой прирост) и Япония (-1,5). И это в период, когда необходимы крупные вложения в инновационное обновление основного капитала на базе VI технологического уклада. Очевидно, кто проигрывает в освоении технологической революции первой половины XXI в.

К тому же США и другие страны «золотого миллиарда», радеющие за распространение демократии во всем мире, попали в демографическую ловушку: в странах с высокими доходами всего 18% населения мира, в «группе 7» — 10,6%, тогда как в странах со средними доходами — 70%, в странах БРИКС — 42%, а по законам демократии стратегические решения принимаются большинством.

Можно поставить диагноз: потерями былого величия и доминирования в мире объясняются безмерная агрессивность США и их союзников по НАТО, предпринимающих последние попытки остановить и

повернуть вспять ход исторического процесса (я бы назвал это синдромом бессилия).

Положение России в этом же глобальном водоразделе действенное.

С одной стороны, Россия в партнерстве с Китаем становится мировым лидером в перестройке геополитической архитектуры и сохранении традиционных цивилизационных ценностей. К ней тянутся прогрессивные силы мира, в том числе и лидеры нового поколения. Российские научные школы лидируют в формировании новой парадигмы общественных наук, адекватной реалиям XXI в., в разработке прогноза и стратегии преодоления цивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития на базе партнерства цивилизаций.

С другой стороны, в России продолжаются деградация научно-технического потенциала, преобладание в экономике «мыльных пузырей», ТНК и компрадоров, экономический блок правительства продолжает неолиберальный курс, переноса бремя кризиса на население. Это отчетливо проявилось во введении свободного плавания курса рубля (а импортные товары составили в 2013 г. 44% розничного товарооборота), в так называемой оптимизации здравоохранения и ликвидации части поликлиник в Москве — и не только в Москве.

Долго находиться в таком состоянии «раздвоения личности» невозможно. Пришло время выбирать стратегию, путь в будущее. Пример показывает Н.А. Назарбаев — президент Казахстана, состояние экономики которого во многом подобно нашей. В выступлении в МГУ 28.04.2014 он поставил стратегическую цель — создать условия для ускоренного инновационно-технологического прорыва национальных экономик и всего евразийского интеграционного пространства. В президентском послании 11 ноября 2013 г. В.В. Путиным была провозглашена новая экономическая политика, предусматривающая выделение значительной части резервного фонда на реализацию антикризисной программы, решения производственных, инфраструктурных и социальных проблем.

Какие меры представляются первоочередными?

Во-первых, сформировать программу инновационно-технологического прорыва на базе освоения базисных инноваций VI технологического уклада. Одним провозглашением политики импортозамещения и опережающего развития оборонно-промышленного комплекса здесь не обойтись. Нужны крупные вложения в инновационную модернизацию агропродовольственного комплекса и других отраслей. Износ основных фондов в экономике достиг 48%. Нужно возрождать разрушенное гражданское машиностроение. Резервы для этого есть: в 2013 г. Резервный фонд и фонд материального благосостояния составили более 130 млрд дол., международные резервы — более 500 млрд дол. Но тратить их нужно не на поддержку олигархов и

паразитирующих банков, а на крупные инновационные проекты, опережающее развитие здравоохранения, науки, образования, на решение острых социальных и экономических проблем.

Во-вторых, пора избавиться от неолиберальных иллюзий, приватизации государственной собственности, усвоить уроки кейнсианской антикризисной политики и следовать социальному закону Питирима Сорокина, предусматривающему усиление государственного регулирования экономики и общества в условиях глубокого кризиса. Примеры «нового курса» Рузвельта и современной антикризисной политики Китая учат этому. Заслуживают поддержки предложения С.Ю. Глазьева о создании при Президенте РФ органов по стратегическому планированию и научно-технологическому прогрессу.

В-третьих, необходимо усиливать интеграционные связи в рамках БРИКС, ЕАЭС, ШОС, опираться на них в проведении независимой валютно-финансовой и инновационно-инвестиционной политики. Особого внимания заслуживает опыт Китая, где за 12 лет число патентных заявок на изобретения увеличилось в 20,5 раз, а в России — на 23%, доля Китая в мировом высокотехнологичном экспорте достигла 26% (России — 0,3%). Стоит поучиться у нашего стратегического партнера.

В-четвертых, пора преодолеть растущий отрыв власти от передовой науки. Верно отметил современный баснописец Баянов (Наумов):

Власть без мозгов, мозги без власти —

Не дай нам Бог, такой напасти!

Наши лидирующие в мире научные школы в области общественных наук объединятся, чтобы выработать и предъявить России и миру новую картину радикально меняющегося общества, движения к интегральной цивилизации. Благополучный повод для этого — осмысление стратегических тенденций и революций 1917 г. в России. Мы беремся за это.

С.А. МАРКОВ

Российский кризис: западные санкции, сценарии, преодоление

Аннотация. Показываются аспекты сегодняшнего российского кризиса, связанного в том числе с западными санкциями — атакой на Россию, приводятся желательный для Запада сценарий и возможности ему противодействия.

Ключевые слова: санкции, кризис, Россия.

Abstract. The article is devoted to aspects of today's Russian crisis, connected with the western sanctions as well that include attack on Russia, desirable for the West scenario, and possibilities of countering it.

Keywords: sanctions, crisis, Russia.

Российский кризис сегодня заключается прежде всего в атаке на Россию. Наиболее желательный западный сценарий — организация государственного переворота, смещение избранного президента Владимира Путина, установление международного контроля над ядерным оружием, энергетическими ресурсами России — над нефтегазовыми месторождениями и магистральными нефтегазопроводами, передача контрольного пакета акций Газпрома и Роснефти американским транснациональным корпорациям. Кроме того, и в первую очередь — территориальное расчленение России — Краснодарский край, Курская, Белгородская области, по мнению западных деятелей, должны перейти к Украине, Смоленская и Брянская — Белоруссии, Карелия — Финляндии, Калининград — Германии, Сахалин и Курильские острова — Японии, какая-то часть Сибири — Китаю.

И в конечном итоге главная задача — ликвидация русского народа как субъекта мировой истории, формирование у русского народа другой идентичности. Соответственно разгром главной опоры государства — Русской православной церкви, российской государственности: сибиряки — не русские, казаки — не русские, уральцы — не русские. Расписано все это до 2018 г. Начало — 2015 г., далее — парламентские выборы 2016 г. И т. д.

Что касается украинского кризиса — главная задача: сделать из Украины антиРоссию — провести насильственную украинизацию русского населения Украины, подготовить и вооружить украинскую армию и обрушить на Крым. Задача — конечно же, не победить, но устроить кровавую бойню

Понятно, что это все серьезный вызов российской государственности. Беспрецедентный со времен Великой Отечественной войны. Но Россию не удастся поставить на колени.

Санкции. Понятно, что санкции должны ударить прежде всего по возможностям России в области технологий. Россия политически — независимая страна, но экономически и технологически — очень даже зависимая. Полагаю, экономические санкции будут расширяться — и бить в первую очередь по арьергарду, среднему классу. Задача — вызвать недовольство. Вызвать бунт, восстание населения — под флагом «Что же это — Путин ничего не делает!». Их тактика — «высасывание воздуха», или «отсасывание крови». Чтобы людям было все теснее, душнее. В решающий момент — отключение от SWIFT, от интернета — произойдет мощная кибератака — дезорганизация всей системы страны. В надежде, что российское правительство применит силу про-

тив возмущенных масс народа. Вот такие существуют планы на Западе на 2015—2018 гг.

Как же противодействовать этому?! Прежде всего надо понять: нашему поколению выпала такая судьба. Мы пережили, перетерпели 1990-е. Да, нам придется потуже затянуть пояса — ничего не поделаешь. Надо выдержать. И помнить о более суровых судьбах наших дедов во время Великой Отечественной войны. Здесь важно обеспечить общественно-политическое единство русского народа и его сознательный волевой выбор — сопротивление агрессии, атаке.

Второе — надо обеспечить экономический суверенитет. Самообеспечение в современном мире невозможно, да и не нужно. Огромное количество стран — Китай, Индия, Бразилия, Аргентина, Мексика, Корея, Саудовская Аравия и др. — не хотят участвовать в атаке на Россию, многие из них заняли нейтральную позицию. Иначе говоря, есть с кем сотрудничать. Но проблема в том, что главные технологические центры — именно в тех странах, которые атакуют Россию. Здесь важна именно технологическая самостоятельность — самодостаточность. У власти в России находились люди, которые сделали все, чтобы Россия за 20 лет потеряла технологическую независимость. И это надо в корне менять.

Вот простой вопрос: важно было бы утвердить — западные инвестиции приходят вместе с технологиями. Откуда взять технологии? — придется полностью изменить стратегию. Но новой стратегии сегодня не видно. Она неясная. С моей точки зрения, нужно создавать технологические альянсы (инвестиции + технологии) — и развивать собственную науку, способную производить технологии. Технологии производит не экономика, а прежде всего наука: наука фундаментальная и наука опытно-конструкторских разработок.

Отказ поставлять все запчасти — вот критический момент для нашей экономики. Надо сотрудничать с китайцами, с индийцами, с бразильцами. Должен быть конкретный ответ.

Другой критический момент — лекарства. Все субстанции производятся за рубежом. Нужно производить свои качественные лекарства.

Сельскохозяйственное производство. Было же у нас великолепное селекционное семенное хозяйство! Сейчас этого нет. И эти задачи должны быть обозначены и поставлены. Пока мы этого не делаем. Необходимо создать собственный технологически независимый центр.

Культурная, духовная независимость. Крым — духовная основа, исток нашей государственности. Херсонес, Севастополь — как Храмовая гора для иудеев. Вот из этого мы и будем исходить

Мое предложение — провозгласить Россию продолжательницей Византийской цивилизации.

Византийская цивилизация — одна из величайших в истории. Именно через ее посредство Европа получила сокровища Античной

цивилизации. Она отличается от Западной тем, что там кроме бюрократической легитимности есть еще легитимность духовная. Мы должны совершить духовное и моральное восстановление. И научиться лучше европейцев решать некоторые проблемы — например, наркомании — лечение наркомании не по желанию наркомана, а по желанию его родственников. Максимально использовать трудотерапию — для восстановления социализации личности. Должны подавить наркодиллерство. Надо найти наши, консервативные, методы. И решить проблему, которую они решить не могут. И к нам будут прислушиваться.

Если же у нас будет все или так же, или хуже, чем на Западе — наши претензии на самостоятельность будут встречаться только смехом. Нам говорят — вы не суверенны, собственность ваших олигархов, семьи, дети, дома — все находится у нас на Западе. И это так.

Духовное и моральное возрождение — это не абстракция, оно конкретно: необходимо изгнать непотребство с телевидения, обеспечить, чтобы у нас не бросали детей.

Россия в истории демонстрировала две стратегии развития — «холодную», связанную с Балтийским морем, и «теплую», связанную с Черным. Балтийский путь — акцент на Европу, на союз с ней (Петр I, династия Романовых, первые годы В. Путина). Есть «теплый» путь — связь с Византией (Александр III, отчасти большевистский путь на собственной цивилизационной основе).

На наших глазах Россия сходит с «холодного» — балтийского — пути и имеет шанс встать на «теплый» путь развития. Но сможет она это сделать при условии сознательной стратегии! На мой взгляд, при условии выбора византийского пути развития нужна третья палата депутатов, которая включала бы в себя духовных лидеров общества, нации — представителей православия, ислама, иудаизма, ведущих писателей, художников, представителей науки, руководителей академических институтов — с правом «вето» и в том числе с обязанностью одобрения кандидатуры президента.

Народ из населения как объекта воздействия должен превратиться в народ как субъект политического действия. Вот этой субъектности русского народа и хотят нас лишить. Нам не достаточно просто отбиться от атаки — в результате этой атаки мы должны стать сильнее и восстановить субъектность русского народа¹.

¹ Материал подготовила на основе выступления С.А. Маркова Т.Г. Трубицына.

Н.А. РОЗИНСКАЯ, И.А. РОЗИНСКИЙ

Изменения в мировой экономике и сценарии для России

Аннотация. В данной статье рассматриваются роль и место России в мировой экономике в случае реализации различных сценариев развития нашей страны и окружающего мира. Показано влияние геоэкономических изменений в начале XXI века, которые способны изменить место России в мире. Анализируются несколько сценариев, связанных с различными «направлениями интеграции» – европейским, постсоветским, китайским и т.д.

Ключевые слова: геоэкономические изменения, сценарии для России, цепочка создания стоимости, интеграция, мировая экономика, нефтегазовая зависимость.

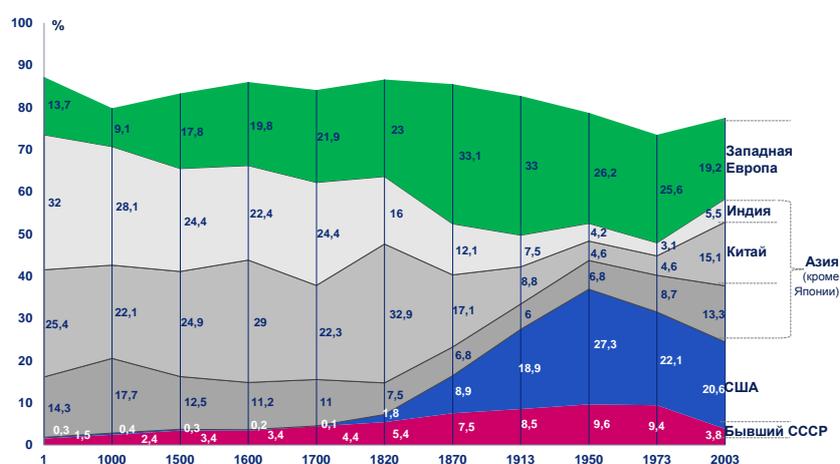
Abstract. This article discusses potential role of Russia in the world economy depending on various development scenarios. Highlighted are implications on Russia's development of geo-economic changes taking place in first decades of XXI century. Analysis is focused on potential Russia's «directions of integration» – European, post-Soviet, Asian (Chinese), etc.

Keywords: geo-economic changes, implications for Russia, value chain, integration, global economy, dependence on oil and gas.

Еще 10—12 лет назад основные геоэкономические тенденции наступившего XXI в. казались совершенно ясными, а их дальнейшее развитие — неизбежным. Было очевидно, что страны Азии, ведомые главным мотором мирового экономического роста — Китаем, возвращают себе «законную» половинную долю в мировом ВВП, которую они занимали на протяжении многих столетий до середины XIX в. (рис. 1).

Казалось, доля остальных регионов мира, особенно мирового лидера XX в. — США, обречена на относительное сокращение. Производственные мощности активно мигрировали из Северной Америки и Западной Европы в Азию, привлекаемые низкими трудовыми и экологическими издержками. Глобализация казалась необратимой, а роли стран и даже целых континентов в мировой экономике — сложившимися. За Восточной и Южной Азией закреплялась роль мастерской мира, за Африкой и Латинской Америкой — его ресурсной кладовой, за странами евроатлантического региона — источника технологий и инноваций. Поскольку демографические ограничения и сравнительно высокая стоимость рабочей силы в России не позволяли нашей стране конкурировать с азиатской «мастерской мира», теоретически мыслимыми вариантами для нас были африканско-латиноамериканский сырьевой и евроамериканский высокотехнологический. Очевидность вы-

бора в пользу второго варианта требовала, как представлялось, первоочередного внимания к качеству институтов и человеческого капитала и расширения интеграции со странами Европы и Северной Америки. Вопросы промышленной политики и целевых рынков (что именно мы собираемся производить и поставлять на экспорт, что импортировать, а что производить и потреблять внутри страны) отходили на задний план.

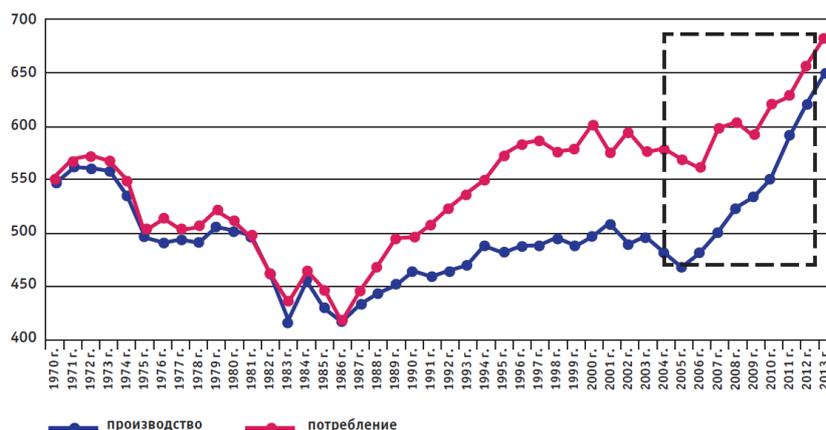
Источник: [1].

Рис. 1. Доли в мировом ВВП важнейших регионов и отдельных стран в 1 – 2003 гг., % к общемировому ВВП

По состоянию на конец 2014 г. описанная картина мира стала гораздо менее ясной. Во-первых, стало понятно, что глобализация не предотвращает экономические расколы мира по политическим причинам. Санкции, которые ранее накладывались на сравнительно небольшие страны (Куба, Сербия, КНДР, Ирак), затронули существенно более крупные экономики (Иран и Россия) и стали серьезным фактором мировой торговли, а в перспективе, весьма вероятно, повлияют на международное разделение труда, уменьшив склонность целого ряда государств «полагаться на глобализацию».

Во-вторых, в США активно развивается процесс реиндустриализации, базирующийся на комбинации дешевых энергоносителей и дешевой рабочей силы. Источником этой комбинации стала сланцевая революция (рис. 2) вкпе с притоком латиноамериканских трудовых ресурсов, ставших конкурентоспособными на фоне роста зарплат в Азии.

Сегодня безработица в США самая низкая за последние 5 лет, а прирост новых рабочих мест идет темпом 3 млн в год.

Источник: ВР.

Рис. 2. Производство и потребление природного газа в США в 1970—2013 гг. (2013 г.: добыча — факт, потребление — оценка), млн т нефтяного эквивалента

В-третьих, Европа, напротив, погрузилась в стагнацию, выход из которой пока не просматривается. Хотя сценария распада зоны евро удалось избежать, экономические перспективы этой части мира осложняются сочетанием высокого государственного долга, сложной демографии, зарегулированного рынка труда и больших социальных обязательств. В отличие от США, масштабных источников роста в Европе не видно. Теоретически таким источником могло бы стать удешевление поставок энергоносителей из России либо арабского мира путем политических договоренностей, а также привлечение сравнительно дешевой рабочей силы из бывшего Советского Союза и/или из Африки. Ничего из этого, однако, не выглядит сегодня реалистичным: с Россией отношения резко ухудшились; арабские страны переживают период нестабильности, затрудняющей долгосрочное партнерство; высокие социальные стандарты затрудняют массированное привлечение мигрантов; качество африканской рабочей силы для работы в промышленности пока, судя по всему, уступает и латиноамериканскому, и тем более азиатскому.

В-четвертых, заметное повышение доходов жителей Восточной Азии, с одной стороны, ведет к росту внутреннего рынка этих стран, а

с другой — уменьшает сравнительные преимущества расположенных там трудоинтенсивных производств.

В результате совместного действия названных факторов можно предположить, что американские производители начнут вытеснять азиатские товары с рынка США, а Китаю придется делать повышенную ставку на свой внутренний рынок и рынок Европы. К. Симонов назвал этот сценарий «концом глобализации» [2]. Остальным странам придется подтягиваться к двум полюсам мирового экономического роста, а главным проигравшим окажется Европа.

Что означает описанный сценарий для России? Конечно же, он не отменяет необходимости совершенствовать институты и развивать человеческий капитал — в этом смысле задачи по сравнению с началом 2000-х гг. не изменились. Но, как выяснилось, этого мало: необходимо самим производить, помимо сырья, многие «обычные» (в смысле традиционные, не обязательно инновационные и высокотехнологичные) продукты — иначе зависимость от одного из полюсов мирового экономического роста оказывается слишком высокой.

Надо признать, что место, которое займет Россия в мировой экономике в ближайшие одно-два десятилетия, во многом определяется политическими факторами, а точнее — ходом геополитического противостояния, в которое наша страна открыто вступила в 2014 г. Попробуем рассмотреть несколько вариантов развития событий.

Очень существенная, а скорее всего — основная, часть российской элиты, несмотря на нарастающую напряженность в отношениях с Евросоюзом, рассматривает Россию как европейскую страну, а Европу — как наиболее желательного партнера в политической, экономической и культурной области. Если предположить, что неким не очень пока понятным образом отношения с Европой нормализуются, вернувшись к уровню середины 2000-х гг., можно представить реализацию сценария, который условно назовем «сценарием Skoda». Его суть — экономическая интеграция с Евросоюзом при условии максимизации российской доли в глобальных цепочках создания стоимости, в том числе внутрифирменных. Фундаментальной предпосылкой к реализации именно такого сценария служит размер российского внутреннего рынка (7—10-е место в мире), позволяющий «торговаться» — настаивать на размещении в стране желательных звеньев в международных цепочках создания стоимости.

Чешская «Skoda», купленная немецким «Volkswagen» и встроенная в его цепочку создания стоимости, представляет собой своего рода символ такого сценария. Резко выросшая производственная эффективность, сохраненная национальная торговая марка, серьезный объем экспорта, качественные рабочие места в Чехии не только для рабочих-сборщиков, но и для инженеров-разработчиков — его привлекательные стороны. Применительно к России реализация «сценария Skoda»

предполагает серьезное переосмысление протекционистской политики.

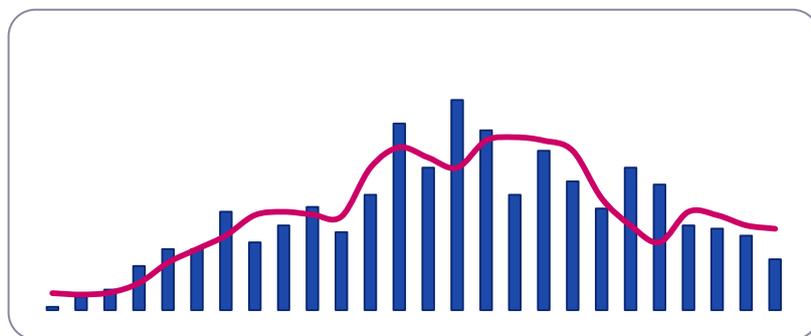
Традиционный протекционизм исходит из бинарной модели «отечественный—иностраный», вызывающей ассоциацию с системой распознавания «свой—чужой» у современного истребителя: протекционистская политика направлена на помощь «своим» (отечественным) компаниям против «чужих» (иностраных). Традиционная логика протекционистской политики исходит из наличия четко определенных *национальных* фирм, вовлеченных в конкуренцию с «национальными чемпионами» других стран. Однако в современном мире компании в определенном смысле становятся составными, их национальная принадлежность, хотя и сохраняется, но не является больше, если можно так выразиться, стопроцентной. Доля страны происхождения в создаваемой такими компаниями добавленной стоимости часто отлична от 100%. Поддержка «своих» компаний против «чужих» перестает быть адекватной новой ситуации. Возникает потребность в небинарном протекционизме: важна не столько поддержка «своих» против «чужих», сколько содействие тому, чтобы «свои» и «чужие» достигали желаемой степени локализации. Критерий локализации в данном контексте — доля и качество звеньев цепочки создания стоимости, приходящихся на страну. Поскольку существенная часть ожидаемого положительного эффекта от прямых иностранных инвестиций вызвана передачей передовых технологий, то содержание и, в частности, степень технологической интенсивности иностранных инвестиций не безразличны для страны. Стране совсем не все равно, что из себя представляет филиал зарубежной компании на ее территории: одно дело, если речь идет об отверточной сборке, и совсем другое — если о научно-техническом центре.

В России есть многообещающие примеры реализации «варианта Skoda» (рыночная трансформация Автоваза, успешное развитие «Балтики» в составе концерна «Carlsberg», модернизация пищевой промышленности, ряд сегментов которой создали экспортный потенциал и т. д.). Не противоречит он и интересам Европы, особенно если его соединить с концепцией обмена активами — допуска российских компаний к желаемым активам в Европе, включая высокотехнологичные, в обмен на доступ европейских компаний к нашим сырьевым запасам. Однако по известным политическим причинам воплощение этого сценария в жизнь представляется все менее вероятным.

Если «сценарий Skoda» можно считать желательным для значительной части нашей национальной элиты вариантом интеграции с Европой, то еще один сценарий такой интеграции, условно названный «Новая Испания», очевидно неприемлем для большинства ее представителей, причем независимо от политических взглядов. Этот сценарий предполагает глобальное поражение нашей страны в геополитическом

противостоянии, интеграцию в Евросоюз «Московии» и геополитическую неопределенность в азиатской части России и на национальных окраинах.

Название «Новая Испания» связано с тем, что для ряда зарубежных исследователей, неприязненно относящихся к нашей стране, она видится своеобразным аналогом Испании XVI—XVII вв. — страны, быстро добившейся статуса мировой державы благодаря притоку драгоценных металлов из-за океана и лишившейся этого статуса, когда этот поток иссяк (рис. 3).

Источник: [3, 142; 4; 5].

Рис. 3. Приток золота в Испанию, XVI—XVII вв. и доходы от экспорта нефти в СССР в 1970-е—1980-е гг.

Применительно к России роль американского золота и серебра, естественно, играет нефть. Утверждается, что обе страны, экономика которых характеризовалась низкой долей обрабатывающей промышленности, создали обширные империи, крайне уязвимые к изменению цен и/или физических объемов главного продукта. Испанская империя распалась по факту пересыхания потока золота и серебра, Российская обречена распасться по факту драматического падения нефтяных цен.

Сценарий «Новая Испания» предполагает отсутствие у России возможностей отстаивать сохранение на своей территории желаемых звеньев в цепочках создания стоимости. Отраслевая структура экономики в таком случае будет включать в себя добычу сырья и ряд отраслей, снабжающих внутренний рынок — пищевую, производство стройматериалов и т. д. Такая структура едва ли сможет обеспечить близкую к полной занятость при существующей численности населения, поэтому неизбежной оказывается массовая эмиграция — по примеру Латвии.

Обострение отношений с США и Евросоюзом привело к усилению значимости связей нашей страны с Китаем, породив немалое количе-

ство разговоров о превращении России в экономический придаток Китая. Попробуем расшифровать, что конкретно означает фраза о «придатке». Во-первых, очевидно, снабжение Китая углеводородами, лесом и целлюлозой, электроэнергией. Во-вторых, кооперация в области ВПК, космоса и атома. В-третьих, превращение Китая в основной для нас источник потребительских товаров. В-четвертых, поставки продовольствия в Китай. В-пятых, политическое взаимодействие, близкое к союзу, в противостоянии радикальному исламу и Западу.

Насколько реально такое развитие событий? На наш взгляд, определенные элементы такого сценария неизбежны и уже реализуются: рост инвестиций в российской экономике вытягивается в положительную область благодаря началу реализации газопровода «Сила Сибири» (рис. 4).

Источник: Газпром, Росстат, ВТБ Капитал.

Рис. 4 (а). Инвестиции в российскую экономику в 2008—2015 гг. (доминирование крупных проектов)

В то же время полная «привязка» России к Китаю, напоминающая экономические и политические взаимоотношения между, например, США и Канадой, не выглядит реалистичной по нескольким причинам. Прежде всего — наша страна на деле гораздо более самодостаточна, чем мы о себе думаем: доля импорта у нас ниже большинства стран ОЭСР (21% от ВВП), а в условиях санкций она еще сократится. Слишком многие большие отрасли (например, металлургия, химия) плохо вписываются в данный сценарий. Китай пока не доказал своей способности быть источником технологий. Наконец, для самого Китая более простой видится экономическая экспансия в южном направлении — в страны АСЕАН и особенно в богатую сырьем Австралию.

Источник: Росстат, ВТБ Капитал.

Рис. 4 (б). Инвестиции в российскую экономику в 2000—2013 гг. (ресурсный сектор)

В течение всего постсоветского периода Россия пыталась консолидировать вокруг себя страны СНГ, во всяком случае, экономически. Следует, однако, признать, что роль и значение СНГ для России постепенно снижались (рис. 5).

Доля СНГ в экспорте России относительно стабильна, а доля в импорте стабильно сокращается. С дрейфом Украины на Запад роль СНГ для России еще сильнее снизится, особенно радикально — в импорте (отказ от украинских труб, тепловозов, продукции пищевого сектора и т. д.), а в перспективе и в экспорте (поиски альтернатив российскому газу). В условиях деиндустриализации Украины для нее резко возрастет роль экспорта зерна, где мы будем конкурентами.

Видимо, следует ожидать разделения СНГ на группу стран — членов Таможенного союза, которые останутся тесно интегрированными с Россией, и группу остальных, главным связующим звеном которых с нашей страной будет наш импорт трудовых ресурсов: упор на мега-проекты в сырьевой сфере предполагает значительную роль гастарбайтеров. Для России это означает, что при определении модели взаимодействия со странами Средней Азии нам предстоит делать непростой культурно-политический выбор.

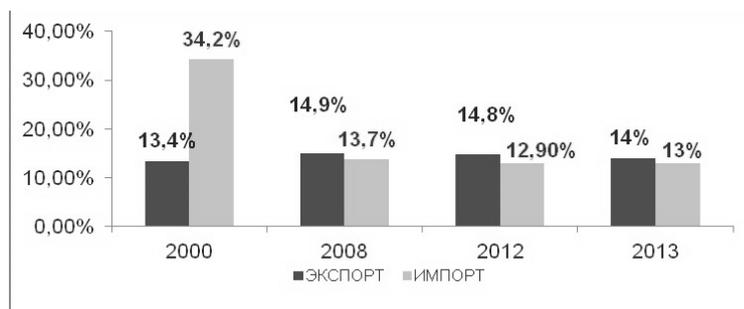

Рис. 5. Доля СНГ в экспорте/импорте России

В целом следует сказать, что наиболее вероятное место России в мировой экономике на ближайшие годы можно описать так. Страна при любом сценарии останется крупнейшим экспортером нефти (7-е место в мире по запасам), газа (1-е место) и удобрений. Высока вероятность сохранения Россией мировой конкурентоспособности в металлургии, рыболовстве, растениеводстве, из высокотехнологичных отраслей — в космической, энерго- и атомном машиностроении, производстве вооружений. Не гарантированы, но при разумной государственной политике весьма вероятны удержание и завоевание ведущих позиций в мире в производстве и экспорте ряда товаров с углубленной переработкой сырья — нефте- и газохимии, производстве пластмасс, оцинкованного листа, труб, фанеры и т. д. На внутреннем рынке мы, скорее всего, будем вполне конкурентоспособны в пищевой промышленности, производстве стройматериалов, животноводстве (кроме производства говядины). Рыночная трансформация АвтоВАЗа и постепенно идущий процесс локализации производства компонентов для находящихся в России сборочных заводов международных автоконцернов позволяют надеяться, что к этому списку добавятся автопром, а также транспортное машиностроение (вагоны, локомотивы). Проблемной зоной, скорее всего, останется станкостроение. Важнейшим вопросом, ответа на который пока нет, является вопрос об источниках технологий: конфликт со странами Запада затрудняет их привлечение из традиционных источников, Китай пока не в состоянии им стать, а упор на собственные разработки потребует радикальных, весьма дорогих и болезненных изменений в сфере образования, приоритетах бюджета и т. д.

Завершить статью хотелось бы на позитивной ноте. Хотя развитие страны осложнено вступлением в геополитический конфликт, некоторые хорошие новости все же есть. Во-первых, демографическая ситуация в России, оставаясь тяжелой, уже не выглядит совершенно безна-

дежной, как 10 лет назад. Ожидавшееся снижение населения к 2025 г. на 8 млн человек будет существенно меньшим и вдобавок заметно скомпенсируется за счет культурно близких иммигрантов с Украины. С их помощью мы преодолеем часть последствий демографической ямы, вызванной выходом из детородного возраста сравнительно многочисленных поколений позднесоветского периода и вступлением в него очень небольшого по численности поколения 1990-х. Во-вторых, 30%-ная девальвация делает выгодным производство в России целого ряда товаров как экспортной направленности (металлургия, ЦБП, деревообработка), так и замещающих импорт (сельское хозяйство, пищевая промышленность и др.). В-третьих, имеет место процесс переноса ориентированных на российский рынок производств с Украины в Россию (нефтегазовое оборудование, пищевая промышленность, производство двигателей). Все вместе это позволяет надеяться, что и в 2014 г., и в 2015 г. наша экономика сохранит положительные темпы роста².

Литература

1. *Мэддисон Э.* Контуры мировой экономики в 1 — 2030 гг. (Очерки по макроэкономической истории). 2012.
2. *Симонов К.* Конец глобализации // *Ведомости*. 2014. 21 окт.
3. *Flynn D.O.* Fiscal Crisis and the Decline of Spain (Castile) // *The Journal of Economic History*. 1982. Vol. 42.
4. Внешняя торговля СССР: Стат. сб. 1971; 1973; 1975; 1977; 1979; 1981; 1983; 1985; 1987; 1989. М., 1971, 1973, 1975, 1977, 1979, 1981, 1983, 1985, 1987, 1989.
5. *International Financial Statistics*. IMF. 2005.
6. *Розинский И.А.* Иностранцы банки и национальная экономика. М., 2009.

С.В. СИНЯКОВ

Культурный антикризис как способ прозрения Украины

Аннотация. В статье рассматривается украинский кризис в социокультурном измерении. Исследуются идеологические, мировоззренческие механизмы, его породившие, и способы его преодоления.

Ключевые слова: кризис, культура, цивилизация, национальная идентичность, самоопределение.

² См. также [6].

Abstract. The article is devoted to the Ukrainian crisis in a sociocultural measurement. The author investigates ideological, world outlook mechanisms which generated the crisis and ways of its overcoming.

Keywords: crisis, culture, civilization, national identity, self-determination.

Греческое слово «кризис» переводится как решение, поворотный пункт, исход, резкое изменение, крутой перелом, тяжелое переходное состояние. Социально-культурный кризис неизбежно распространяется на все стороны жизни, все формы духовности, все виды человеческой деятельности. Но особенно ярко он проявляется в культурной жизни общества. Под культурой можно понимать функционирующую и развивающуюся по своим законам социальную систему. Культура представляет собой прежде всего ценности, взгляды, нормы, идеалы, которых придерживаются отдельные группы людей или общество в целом. Это специфический способ развития и организации человеческой деятельности, представленный различными материальными и духовными продуктами. Это, прежде всего, система отношений между людьми. Культура охватывает собой как совокупность материальных и духовных ценностей, так и человеческую деятельность по их созданию, распространению и сохранению. Кризисы в сфере культуры порождаются неправильной, неадекватной реакцией людей на общественные трансформации. Сегодня они связаны с качественными изменениями в жизни информационного общества, с широким использованием информационной техники и технологии. Телевидение, радиостанции, интернет, мультимедийные средства и другая техническая мощь в значительной степени определяют содержание политических, правовых, идеологических, мировоззренческих ценностей, их развитие и изменение, а также многократно усиливают их влияние на общественно-политические процессы. Все содержание информационной культуры в своем развитии не только порождает новые формы воздействия на общественную жизнь, но и отражает другие процессы эпохи Постмодерна, например, кризис рационализма, мифологизацию мышления и другие явления. Успешно бороться и преодолевать такой кризис позволяет повышение общей культуры населения и особенно логической культуры мышления, его рационализация. Рациональные принципы мышления определяют многое в общественной жизнедеятельности и в социальных процессах, особенно если речь идет о мышлении и сознании правящего класса, элиты общества. Рационализация сознания может создать необходимые культурные условия для формирования антикризисного мышления.

Любая культура выполняет функцию защиты и сохранения национальной идентичности, но вопрос состоит в том, как это делается. Надо помнить, что существует и функционирует массовая культура, ко-

торая является индикатором общего уровня развития культуры общества. Нередко именно она берет на себя функции двигателя и катализатора современного развития и изменения общества. Базовым элементом такой культуры являются мифы, в которых наиболее явственно проявляются архетипы коллективного бессознательного. На современной Украине поиски чувства национальной идентичности подменялись политизацией и мифологизацией национального вопроса в процессе дискуссий о так называемой «национальной идее». Как известно, дух нации формируется мифами, и люди движимы логикой своего мифа, что особенно ярко подтвердилось двумя майданами, митинги на которых сопровождались песнопениями псалмов и истеричными выступлениями «вождей». Эти политические лидеры успешно проводили коррекцию правил и норм, разрушали ядро системы культуры, реставрировали маргинальные ценности, обрабатывали сознание молодежи и воспитывали ее в духе, враждебном в отношении России.

Украина была самой богатой, процветающей и перспективной республикой в составе СССР, с мощной экономикой, наукой и культурой. Но после обретения суверенитета началось сползание страны вниз. Украинский кризис, то стихая, то усиливаясь, непрерывно продолжался все годы после приобретения страной политической независимости. Одной из причин такого положения вещей являлось отсутствие вразумительной, системной внутренней и внешней политики власти. Однако последние события на Украине показали, что культура играет в них не последнюю роль, будучи уже не пассивным отражением социальных процессов, а их активной формой, которую политические силы сознательно использовали для организации и переорганизации своей собственной деятельности.

Причины и следствия украинского кризиса, лежат гораздо глубже, чем представляется на первый взгляд. Нынешний конфликт на Украине и между Украиной и Россией можно считать цивилизационным, мировоззренческим конфликтом. Майдан усилил разделение украинцев не по языковому или этническому, национальному, географическому признакам, а по геополитическому и культурно-цивилизационному. «Майдан, — пишет С.Г. Кара-Мурза, — новый народ, ориентированный на иной тип ценностей и стиль жизни. Он наделен образом будущего» [1]. Эта новая сила враждебна старому обществу и государству, опасна и разрушительна. «Революция Пост-модерна» — это не государственный переворот, который заменяет лишь властную верхушку государства. Это банда, которая разрушает власть» [1]. Однако война в Донбассе резко уменьшила указанное противостояние: страх людей потерять из-за войны жизнь и имущество оказался значительно сильнее идеологических разделений. Тем не менее разрыв в мировоззренческом сознании общества, ориентация народа на два противоположных вектора развития страны сохраняют-

ся. Причиной этого является глобальная перестройка сознания среди населения Украины, и особенно в молодежной субкультуре. Язык и символы Майдану дали УНА-УНСО, ОУН, бандеровцы, националисты, что обострило противоречия между Юго-Востоком Украины, где были сильны позиции Партии регионов, коммунистов, президента Януковича, его клана, и Центральной и Западной Украиной. Пророссийски настроенный Юго-Восток и прозападный антироссийский Центр и Запад Украины были во время Майдана основными политическими противоположностями. Ментальные и мировоззренческие установки у преобладающей части Западной и Центральной Украины и у жителей Юго-Востока не только существенно различались, но и трагически не совпадали. После окончания военных действий на Востоке Украины описанные противоречия снова обостряются, будучи дополнительно стимулируемые вползанием страны в экономическую рецессию и, возможно, в технический дефолт. Возникает справедливый вопрос: можно ли найти в рамках единого государства цивилизованное решение, компромис, способный объединить страну на долгосрочной основе? Большинство ученых считает это возможным только в случае, если обе стороны этого захотят и их полярные мнения трансформируются. Причем речь идет не о смене своих прежних убеждений, что не реально, а о большей толерантности, терпимости друг к другу для уменьшения конфликта, конфронтации, поиску компромиссов. Возможно, ошибки первого постмайдановского правительства и парламента, повлекшие события в Крыму и на Востоке, чему-то научат как украинскую политическую элиту, так и часть населения страны.

Экономическая и культурная деградация украинского общества сопровождалась переформатированием массового сознания, так как гуманитарный блок и идеология были отданы на откуп националистам. Школьные учебники, гуманитарные программы были пронизаны идеей борьбы за справедливость, национальную независимость, а из России последовательно создавался образ исторического врага Украины. И нет ничего странного в том, что за 20—25 последних лет значительная часть украинского общества усвоила антироссийские мифы, националистические ценности, превратившись в благодатный материал для политических манипуляций заинтересованных сил. Ставка, конечно, была сделана на молодежь, не знавшую России, чаще всего ни разу не бывавшую там, не имевшую опыта совместного проживания в одной стране. Их эмоции, настроения, воля, иногда даже агрессия «канализировались» в определенном направлении, преследовали нужную националистам цель. Она (молодежь) стала, выражаясь словами С.Г. Кара-Мурзы, иным народом, с другой логикой, другими ценностями, с качественно иным потенциалом — как иной культурный тип. И этот социальный феномен — «не отклоняющееся поведение отдельных ли-

чностей с майдана, а социальное явление», их деструктивные действия и нормы «закрепляются как новые социальные институты» [1].

Культурный антикризис есть способ преодоления политического кризиса в стране. Культурный код реализуется через идеологию, мировоззрение, ценности, нормы, привычки, традиции людей. Украина, как известно, не завоевала, а получила право на политическое самоопределение и национальную идеологию, что привело к определенным метаморфозам национального самосознания, вызвало так называемую «родовую травму самоопределения», которая в свою очередь породила «комплекс несамостоятельного определения» [2]. На протяжении всей истории украинская элита искала внешние силы для самоопределения (Речь Посполитая, Османская империя, Россия, Австро-Венгрия), что нередко унижало население. Территория, населенная украинцами, исторически всегда входила в состав других государств. «Самоопределение Украины всегда было реакцией на унижение, но никогда не было позитивным самоопределением» [2]. В самом названии «Украина», происхождение которого не знает значительная часть населения, заложена установка — быть окраиной по отношению к другим странам и народам. Следовательно, украинская интеллигенция и элита всегда нуждались в переосмыслении себя, своего «Я» — не как определенному извне, а как внутренне определенному. Украина должна самоопределиваться внутри себя как общность, независимо от того, что ей предлагают для самоидентификации другие страны и народы. Однако проблема самоопределения и самоидентификации страны и людей усложняется ее сложной историей, культурными и цивилизационными различиями ее регионов и частей. Особенно большое культурное и цивилизационное воздействие на Украину исторически произвела Польша. После татаро-монгольского нашествия и пребывания под властью Великого княжества Литовского, не оказавшего, однако, серьезного культурного и лингвистического влияния на население, пришел черед Польши. Польская католическая цивилизация была разрушительным фактором для евразийского менталитета украинцев. Одним из приоритетов для ослабления евразийской ментальности являлось наступление на традиционное религиозное сознание как независимую сферу идеологии с его моральными и общественными принципами. В период польской колонизации Западной и Центральной Украины населению навязывалась другая вера (грекокатолическая церковь), культура и язык.

Особо сильные изменения в результате длительного польского и австрийского господства произошли на Западной Украине. Там психология и мировоззрение народа изменялись от евразийского типа в сторону западноевропейского типа. Восточная Галиция, испытывавшая в наибольшей степени католическое и грекокатолическое влияния, утратила связь с русской православной цивилизацией и сама превратилась

в действующий фактор проникновения в украинский православный мир. Общинная коллективистская психология, присущая евразийской ментальности, постепенно заменялась индивидуалистической польско-католической, западно-европейской психологией. Пределами такого воздействия оказался Юго-Восток Украины, где до сих пор сохранились евразийские цивилизационные ценности. Формально приобщение Западной и части Центральной Украины к экономически развитому европейскому миру и его системе ценностей должно было дать положительные результаты, если бы это не вело одновременно к отказу от православия и исторической памяти — к так называемому цивилизационному перепрограммированию.

Как известно, границы наций и границы цивилизаций не всегда совпадают. Украина всегда находилась на стыке двух цивилизаций, границы цивилизаций проходили внутри украинской нации, внутри страны, в то время, как в Европе границы большинства наций проходят внутри одной западноевропейской цивилизации. Однако, как свидетельствует мировой опыт, границы наций могут двигаться и смещаться относительно цивилизаций, если для этого будут созданы соответствующие условия. К ним в первую очередь относится трансформация исторической памяти как важнейшей сферы самосознания народа. Если она систематически и интенсивно стирается на определенном метафизическом пространстве, это приводит к социально-культурному перепрограммированию сознания. Задачей националистически настроенной интеллигенции стало уничтожение исторической памяти, традиций, духовных ценностей, преемственности поколений путем переписывания истории. Последнюю сделали служанкой националистической идеологии и способом обоснования известных политических программ.

Массовое зомбирование населения, особенно молодежи, осуществлялось через СМИ, интернет, телевидение, через гуманитарное образование, целью которых стало уничтожение исторической правды. Последние два десятилетия украинской жизни характеризовались массовой идеологической обработкой населения, в которой самое активное участие принимали представители украинской диаспоры Канады и США. Сотни украинских журналистов, политологов, историков, социологов, литераторов, так называемых «грантоедов», на содержание которых только фондами США было потрачено более 2,5 млрд дол., вбивали в головы людей другую систему норм и ценностей.

Следует отметить, что у значительной части населения страны, людей, живущих преимущественно в провинции, на территориях, где еще не сформировалась городская культура, преобладали анахронизмы в сознании, архаические представления, консервативные традиции, не доставало элементарного просвещения и культуры. Это благодатное поле засеивалось политической и идеологической пропагандой.

Полярная интерпретация основных событий украинской истории, односторонняя трактовка дискуссионных вопросов углубили ценностно-мировоззренческий раскол украинского общества. Тем не менее во все времена негативную реакцию у многих украинцев, и не только на Юго-Востоке, вызывала попытка внедрения в политическую культуру маргинальных и националистических символов, идей, сформированных еще представителями этнического национализма (Липинский, Донцов). Этой частью народа не принимались политика героизации деятелей УПА, ОУН и других политических экстремистов (Коновалец, Бандера, Шухевич, Стецько), замалчивание террористических методов их действий, связи с верхушкой гитлеровского рейха. Противодействие вызывало также неприемлемое для психологии многих жителей Центральной и Юго-Восточной Украины воспитание молодого поколения в духе этнонационалистических и шовинистических идей. Односторонне трактовались спорные эпизоды истории украинороссийских отношений, постоянно замалчивался очевидный факт оформления государственности Украины в рамках УССР и ее территориальной, экономической и культурной преемственности.

Статус русского языка стал еще одной из причин разделения украинского общества на фоне ценностно-мировоззренческого кризиса. Проблема статуса русского языка превратилась из технической в политическую в связи с разным представлением о ее решении на Западе Украины и в Юго-Восточном регионе. Промайдановские силы, насильственно пришедшие к власти и оформившие большинство в Верховной Раде, начали свое законотворчество с того, что отменили «беззубый», мало что дающий и непоследовательный закон о региональных языках. Это послужило толчком к событиям в Крыму и на Востоке Украины и получили дальнейшее развитие политических процессов в Донбассе.

Нынешний правящий политический класс ведет себя дерзко, смело и решительно. Заняв прозападную позицию и получив огромную финансовую, политическую и моральную поддержку экономически развитых стран — в первую очередь Соединенных Штатов Америки — его представители надеются быстро интегрироваться в НАТО и ЕС и избавиться посредством этого от своих комплексов и обид на «империю». Вместе с тем, несмотря на острый политический конфликт, в стране сохраняется и другая Украина, где люди хотят сохранить и защитить свои ценности, свою историю, традиции, веру, язык. К сожалению, в условиях милитаристской истерии они чаще всего не имеют возможности высказать свою точку зрения на происходящее в печати и по каналам телевидения.

Сегодня на Украине доминируют другие ценности, а сама страна находится, к сожалению, в ситуации внешнего контроля и внешнего управления. Логика действия киевской власти проста и понятна: лю-

быми средствами, не считаясь с национальными интересами и потерями, вырвать Украину из русского мира, из православной цивилизации и присоединить ее к западному миру. Конфронтация с Россией стала важнейшим политическим средством, которое используется господствующей идеологией в качестве защиты украинского суверенитета и национальных интересов. Среди политических деятелей высшего уровня утверждается тезис о наконец-то произошедшей национальной идентификации, формировании новой украинской политической нации. Несмотря на постоянное преувеличение и выпячивание еще со времен президентства Кучмы различий между украинским и русским народами, в народном сознании эта идея еще не пустила глубокие корни. Она нужна сегодняшней власти для ускорения евроатлантической интеграции и цивилизационной переориентации Украины. Но что ожидает Украину при любой интеграции, независимо от того, куда она будет направлена — на Восток или на Запад? В случае интеграции в Евразийское пространство ее действительно ожидает культурное доминирование России. Если же Украина выберет противоположный вектор, то и тогда не будет культурного равенства. И Европа, и Россия строят цивилизационный проект на основе культурного доминирования, т. е. создают культурную империю. Проблема выбора между Европой и Россией порождена слабой позицией украинской элиты, которая не может вести собственную игру, и потому за нее это делают внешние игроки. Свободной и субъектной Украина станет только в том случае, если она заинтересуется внешним миром, станет менее провинциальной, примет участие в решении европейских и международных проблем.

Независимо от того, кто находился на Украине при власти, никто не пропагандировал идеи сближения и дружбы с Россией, возможного вступления Украины в Таможенный союз и Евразийское экономическое пространство. В то же время пропаганда идей Евросоюза пустила глубокие корни среди населения страны, так как его долго готовили к этому все украинские власти. Видимо, для этого были свои причины, и не только дипломатические или финансовые, но и ценностно-мировоззренческие, идеологические. Следовательно, объяснение событий с точки зрения тезиса «народ не ведает, что творит и должен ответить за это» не совсем правильное. Нельзя возлагать на весь украинский народ ответственность за то, что произошло. Нельзя также объяснить произошедшее в стране только «помутнением» сознания или резким ослаблением способности к рациональному мышлению. Во-первых, не весь народ его утратил, а максимум — половина, во-вторых, как известно, революции делаются не большинством, а меньшей частью народа, хотя за их последствия расплачивается весь народ. В-третьих, меньшая — «революционная» — часть народа не всегда действовала искренне в силу своих убеждений, их усилия часто щедро

оплачивались олигархией. По сравнению с Россией, где олигархия в значительной мере национализирована, украинская олигархия независима от власти и имеет на нее колоссальное влияние. Даже новоизбранный президент страны является крупнейшим олигархом Украины. Действительно, большая часть населения была недовольна своим социально-экономическим положением, позицией власти, коррупцией, социальной несправедливостью. Из-за деградации культуры и образования в студенческой и молодежной среде был утрачен культурный багаж, необходимый для адекватных поведения и ориентации в условиях быстрых социальных трансформаций. Лозунги и призывы активистов на Майдане были примитивны, но доходчивы и поэтому имели успех. Разрушительные и почти самоубийственные действия тех граждан, которые выплеснули свое недовольство коррумпированным режимом на площадях страны, будут иметь крайне негативные последствия для страны все ближайшие годы.

Для преодоления украинского кризиса необходимы действие культурного антикризиса, а также нестандартные геополитические решения. Украинская элита должна отказаться от дилеммы выбора вектора развития страны или в пользу европейской цивилизации, или в пользу Евразийского экономического пространства и начать процесс модернизации страны на своей собственной культурной основе. Это единственный путь, который сохранит страну единой, спасет ее от раскола и будущих социально-политических потрясений, обеспечит ей мир, процветание и спокойствие.

Литература

1. <http://Капа-Мурза.РФ/Node/220>.
2. <http://for-ua.com>.

С.Г. КОВАЛЕВ

Возможности неиндустриального развития в условиях современного мира

Аннотация. В статье показано, что стратегические интересы России это самосохранение себя как самовоспроизводящейся цивилизационной целостности в многополюсном и меняющемся мире. Приведены взгляды представителей российской консервативной мысли по вопросу будущего страны. Выделены три типа развития: догоняющее, устойчивое, прорывно-инновационное, которое предусматривает достижение реальной, а не только финансовой, стабилизации и ускорен-

ное развитие на основе внедрения новых наукоемких и ресурсосберегающих технологий в приоритетных направлениях общественного развития, современной формой которого является неоиндустриализация, и дано ее понятие. Обоснована необходимость перехода страны к неоиндустриальному развитию. Раскрыто геополитическое положение России в современном мире. Приведен концептуальный подход к построению неоиндустриальной модели развития.

Ключевые слова: неоиндустриальное развитие России.

Abstract. The article shows that Russia's strategic interests is the preservation of ourselves as self-replicating civilization integrity in a multi-polar and changing world. Given the views of the representatives of the Russian conservative thought on the future of the country. Three types of development: catch-up, sustainable, breakthrough innovation, which involves achieving real and not only financial stabilization and accelerated development through the introduction of new science-intensive and resource-saving technologies in the priority areas of social development, the modern form of which is neo-industrialization, and given its concept. The necessity of the transition to neo-industrial development. Disclosed geopolitical position of Russia in the modern world. Provides a conceptual approach to the construction of neo-industrial development model.

Keywords: neo-industrial development of Russia.

Стратегические интересы России — самосохранение себя как самовоспроизводящейся цивилизационной целостности в многополюсном и меняющемся мире. Механизм воспроизводственного развития общества призван обеспечивать целостное самосохранение и возобновление цивилизационной системы: 1) воспроизводство и сохранение пространства, занимаемого страной, в условиях открытого общества и экономики; 2) воспроизводство «кода» российской цивилизации: ее духовных и культурных ценностей, традиций, норм общежития и поведения населяющих ее народов; 3) воспроизводство населения на качественно ином уровне (высокое качество «человека»: генетика, здоровье, общее образование, профессиональная подготовка и благосостояние); 4) воспроизводство производственного потенциала на качественно ином уровне (ориентированная на будущее экономика и ее структура); 5) воспроизводство и сохранение природных ресурсов и окружающей среды на уровне, необходимом для нормального воспроизводства населения; 6) воспроизводство интеграционного потенциала (способность к собиранию пространства). Вышеперечисленное означает репродукцию общества в историческом времени и социальном пространстве, субъекте (в этносоциогенезе), суверенности (общество, государство), обеспечении основных социальных прав (право на жизнь, право на профессиональную деятельность и оплату по труду, право на традиционную семью и другие) (табл. 1). А это означает переход на

траекторию прорывного и инновационного, неоиндустриального развития.

Россия обладает наибольшим естественным пространством на душу населения и потенциально емким экономическим пространством, обусловленным внутренним производственным и потребительским платежеспособным спросом.

Таблица 1

Воспроизводство российского общества

Элементы воспроизводства	Содержание элементов
Объект воспроизводства (что воспроизводится)	Российское общество как социально-культурная общность, проживающая в международно-признанном пространстве
Субъект воспроизводства (кто организует воспроизводство)	Суверенное государство, создающее условия для воспроизводства членов общества
Механизм воспроизводства (как воспроизводится)	Деятельность общества по поддержанию своих жизненных сил на основе воссоздания этнической, языковой, информационной, культурной, экономической взаимосвязи как внутри общества, так и с окружающей средой
Приоритеты воспроизводства	Расширенное воспроизводство населения в стабильном жизненном территориальном пространстве в условиях материализации новых знаний в новой технологии, и расходования ресурсов, обеспечивающее поддержание разумного потребления для многих поколений
Пространство воспроизводства	Самосохранение социального, культурного, языкового и территориального пространств
Временные рамки воспроизводства	Без видимых временных ограничений
Ресурсы воспроизводства	Собственные ресурсы собственного территориального пространства плюс ресурсы окружающей среды других государств (на основе эквивалентного обмена)
Мотивация воспроизводства	Выживание общества в условиях конкурентоспособной среды на основе приемлемого уровня потребления
Способ воспроизводства	Социально-организованное в интересах всех членов расширенное интенсивное воспроизводство (ресурсоэкономное)

Раскрывая тему неоиндустриализации России, целесообразно остановиться на трех вопросах: 1) глобализация мира как среды неоинду-

стриализации России; 2) понятия индустриализации, реиндустриализации и неоиндустриализации; 3) концептуальная стратегия проведения неоиндустриализации.

Геополитическая среда неоиндустриализации

В мире сложились крупные интеграционные объединения: ЕС, НАФТА и др. Наиболее законченным является Европейское сообщество (ЕС). Экономическим мотором в нем выступает Германия, а политическим — Германия и Франция. В целом же ЕС действует под политическим патронатом США, ведущих экспансию на Восток Европы на пространстве бывших стран социалистического лагеря и республик СССР.

ЕС — крупнейший политико-экономический игрок Евразии, вторым крупнейшим игроком является Китайская Народная Республика. Ее доктрина гармоничного развития фактически также предполагает глобальную регионализацию на основе китайских ценностей. Таким образом, фактически в интересы и ЕС, и Китая включена территория бывшего СССР, не исключая и Российскую Федерацию.

На этом же континенте действуют и другие крупные игроки: Индия, Пакистан, Япония, Южная Корея, Турция, Иран и другие страны мусульманского мира. Безусловно, зону Евразии рассматривают как зону своих интересов и США, «первый» глобальный «игрок», реализующий стратегию построения нового мирового порядка.

Современная картина мира позволяет заключить, что воспроизводственное развитие России — это выживающее, инновационное развитие в глобализирующейся среде. А это означает, с одной стороны, удержание и обустройство пространства, занимаемого страной, а с другой — формирование более широкого экономического пространства, а именно, пространства Таможенного союза, позволяющего его участникам взаимовыгодно использовать фактор масштаба для экономического развития: более емкий товарный рынок и платежеспособный спрос, более обширное поле для использования преимущества разделения труда, более привлекательный инвестиционный климат и возможности для инвестирования (финансовые, технологические, профессиональные), выше эффективность инвестиций, выше возможность создания единой валютной системы и единого эмиссионного центра. Тем самым создаются более благоприятные условия для неоиндустриализации всех участников Таможенного союза, формирования реальной экономики, способной на равных конкурировать с другими интеграционными образованиями и отстаивать свои интересы в формирующемся новом глобальном миропорядке.

В последние 20 лет Россия проводила политику построения открытой экономики, т. е. экономики, где иностранным хозяйствующим субъектам открыт доступ на большинство рынков и в большинство

отраслей и сфер деятельности, на основе присоединения к международным торгово-экономическим организациям, модернизации таможенной системы, сбалансированного экспортно-импортного регулирования, движения факторов производства. Индикаторами открытости экономики выступают удельный вес экспорта и импорта товаров в валовом внутреннем продукте, размер экспорта и импорта на душу населения, приток и отток капитала в платежном балансе, приток и отток капитала на душу населения; отсутствие чрезмерно больших экспортных и импортных пошлин, конвертация национальной валюты.

У России, несмотря на политику санкций, проводимую по отношению к ней, присутствует желание, имеются возможности и историческая необходимость встроиться в формирующуюся глобальную социальную и финансово-экономическую систему, обеспечив поступательное развитие страны, а это требует построения новой экономики, альтернативной по отношению к существующей. Альтернативной во взаимодействии с окружающей природной средой и использовании ресурсов, альтернативной в производстве (применяемые технологии и выпускаемая продукция), в распределении (социальная справедливость и мотивация к труду), в обмене (товаропосредники и товаропотоки), в воспроизводстве населения (население как главное богатство) и во взаимодействии с окружающим миром (новый мировой социальный порядок).

Вступление мировой экономики в новую историческую стадию развития цивилизации — глобализации — выражается в объективном процессе расширения и углубления взаимодействия национальных экономик, характеризуется становлением более единого мирового хозяйства, иной целостности мира. В основе данного процесса лежит научно-технический прогресс, ведущий к углублению международного разделения труда, установлению новых коммуникаций и социальных отношений. В настоящее время массово перемещаются не только хозяйственные ресурсы: товары, капиталы, рабочая сила, но и другие факторы производства: интеллектуальные ресурсы (в форме патентов и ноу-хау), финансовые услуги, транспортные услуги и др. Складывается международное регулирование отдельных производств и мирового хозяйства в целом. Соответственно субъектами мирового хозяйства выступает: 1) на национальном уровне — производящие хозяйства суверенных стран, национальные компании; 2) на наднациональном уровне — ТНБ, ТНК, международные финансовые и страховые компании, международные транспортные компании, соответственно взаимодействие идет и между странами, и между компаниями — и не только в форме вывоза, товаров, капиталов, услуг, но и в форме создания зарубежных филиалов компаний, банков, международной инфраструктуры, международных транспортных коридоров, международного регулирования экономической деятельности.

В настоящее время мир становится все более плотным, переплетенным в одно целое, в том числе и за счет снижения национальных суверенитетов. Данный процесс находит свое выражение в индексе транснациональности, который характеризует степень вовлеченности компаний в международное производство (рассчитывается как среднее арифметическое трех показателей: а) отношения зарубежных активов ко всем активам компании; б) отношения зарубежных продаж к общей стоимости продаж; в) отношения численности работников за рубежом к общему числу занятых в компании, а также в индексе международной специализации.

Международная конкурентная среда требует повышения конкурентоспособности РФ как в целом, так и в разрезе регионов, предприятий и товаров. В настоящее время рейтинг конкурентоспособности России достаточно низкий по любой системе подсчета.

Совокупность этих, а также иных признаков свидетельствует о том, что РФ встраивается в действующую глобальную финансово-экономическую и социальную систему. К сожалению, в настоящее время состояние России таково, что вероятность встать под контроль лидеров мирового сообщества высока. Альтернативой такому пути является прорывное развитие, неоиндустриализация.

Понятие неоиндустриализации

Проблема социально-экономической и технологической модернизации не нова для страны. В 1913 г. редактор журнала «Экономист Европы» французский ученый Эдмон Тери по поручению своего правительства исследовал состояние российской экономики и выпустил книгу «Экономическое преобразование России» (1914), в которой дал картину развития Российской империи на рубеже XIX—XX вв., прежде всего за период 1908—1912 гг., и сделал вывод о больших успехах страны, констатировал, что если наметившиеся тенденции сохранятся до 1950 г., то Россия будет доминировать в Европе как с политической, так и с экономической и финансовой точек зрения, причем считал, что масштабы развития во многом связаны с тремя факторами: а) ростом коренного населения, б) увеличением промышленного и сельскохозяйственного производства и в) увеличением бюджетных расходов на народное просвещение. К таким же выводам пришел и наш соотечественник Д.И. Менделеев в своей книге «К познанию России». Но прогнозы не оправдались, страна была втянута в Первую мировую войну, буржуазную, а затем социалистическую революцию, Гражданскую войну и Вторую мировую.

Прошло сто лет и, несмотря на титанические усилия, мы по уровню экономического развития откатились с 5-го на 7-е место в мире и оказались в жесткой геополитической среде динамического развития стран-конкурентов и по-прежнему должны решать задачу самовыжи-

вания страны. За это время изменились центры силы: из Европы переместились в США, Китай, но позиции России лучше не стали. Для современной геополитической картины мира характерны черты, одновременно напоминающие геополитическое и геоэкономическое положение эпохи перед Первой и Второй мировыми войнами.

Впервые вопрос индустриализации остро встал после Крымской войны 1856 г., а затем после Русско-японской войны 1904—1905 гг. Летом 1917 г., разрабатывая экономическую платформу большевистской партии, В. Ленин утверждал, что вопрос стоит с беспощадной резкостью — либо погибнуть, либо перегнать передовые страны экономически [1, 198]. Откровенно и жестко его ставил И. Сталин, когда заявил, что Россия отстала от развитых стран на 50 лет и данный отрезок надо пробежать за 10 лет, иначе сомнут, тем самым обосновав необходимость ускоренной индустриализации. В конце 1920-х гг. СССР приступает к индустриализации: сначала в рамках плана ГО-ЭЛРО, а затем в рамках первого, второго и третьего пятилетних планов. Индустриализация — это деятельность по созданию крупной промышленности на основе перехода от мануфактурного производства к машинному производству. Индустрия (от лат. *industria* — деятельность) прежде всего означает создание реальных благ в реальном секторе экономики: промышленность, производственная инфраструктура, транспорт и другие на основе внедрения техники в производственные процессы.

Реиндустриализация означает либо возвращение в страну производственного потенциала, который выводился за рубеж, исходя из проводимой экономической политики (характерно для США и стран Западной Европы), либо частичное восстановление утерянного индустриального потенциала, потерянного в результате войн или непродуманных экономических трансформаций.

Деиндустриализация — потеря промышленного потенциала и трудового потенциала в реальном секторе, сокращение абсолютного уровня промышленного производства в стране, утрата отдельных отраслей и технологий в результате либо сознательной политики, либо несбалансированных решений, что было характерно, например, для России 1990-х гг.

Неоиндустриализация — углубление традиционной индустриализации вширь: создание принципиально новых отраслей, например, биохимии, нанотехнологии, космических технологий, либо переход к процессам, когда машины делают сами машины. Неоиндустриализацию можно рассматривать как новую фазу индустриализации. Особенность неоиндустриализации России в том, что в процессе 20-летней трансформации в ней были разрушены старые отрасли и не созданы принципиально новые производственные отрасли.

Чтобы понять возможности неоиндустриализации страны, надо знать, как проходил процесс индустриализации в СССР (быстрая, массовая, мобилизационная). Советский Союз, «проспав» две научно-технические революции, искал выход вначале в концепции ускорения, затем перестройки, затем рыночной системы хозяйствования, но и спустя 25 лет проблема не решена, и вопрос реиндустриализации, или новой индустриализации, все также актуален для России.

Стратегия проведения неоиндустриализации

Исторический опыт показывает, что можно выделить три типа развития: догоняющий, устойчивый, прорывно-инновационный. Концепция прорывно-инновационного развития предусматривает достижение реальной, а не только финансовой стабилизации и ускоренное развитие на основе внедрения новых наукоемких и ресурсосберегающих технологий в приоритетных направлениях общественного развития.

Прорывное развитие — движение, нацеленное на будущее, адекватное сущностным особенностям и традициям населения, в условиях исторической необходимости снятия противоречий между кризисным состоянием общества и наличным потенциалом его преодоления в направлении преобладания духовных ценностей, разумного ограничения материального потребления, воплощения идеи российской государственности, объединения социума не по этническому, а по духовному и нравственному принципам, занятия новых и принципиально новых наукоемких, информационных ниш в мировом разделении труда на основе создания и применения новых и принципиально новых технологий. В этом смысле прорывное развитие есть путь неоиндустриализации

Задачей неоиндустриального проекта для России является разработка подхода к прорывно-инновационному развитию, составными моментами которого являются: 1) обоснование необходимости построения многомерной экономики: как сочетание: а) экономики по созданию новых технологий (лидер США), экономики по производству индустриальных товаров (лидер Китай), экономики по производству новых фундаментальных и прикладных знаний (шанс России), б) наукоемких и ресурсодобывающих отраслей, в) предприятий государственной собственности с предприятиями других форм собственности; г) крупных ПФГ с мелкими и средними предприятиями в условиях государственного патернализма; д) рыночной организации с элементами мобилизационной экономики; 2) разработка стратегии энергетической безопасности, обеспечивающей экономию ресурсов как в производстве, так и в потреблении, выступающей как источником валютных поступлений, так и фактором сохранения и развития научно-технического потенциала.

Соответственно необходимо: во-первых, исходя из движения социального времени: прошлое (П) — настоящее (Н) — будущее (Б) — перейти к модели развития, выраженной формулой П — Б — Н. Национальная элита страны, опираясь на знания о ростках будущего, наметившихся тенденциях в более исторически продвинутых системах, имеющихся в мире, может строить свое настоящее исходя не из их настоящего, а из наметившегося будущего: беря позитивные моменты и усиленно их развивая, блокируя негативные моменты, отсекая их от своего формирующегося настоящего. Получая тем самым скачкообразное, спрямленное (без прохождения всех побочных, тупиковых линий и их ответвлений) развитие.

Во-вторых, в условиях открытой экономики важно перейти от экспорта сырья к экспорту продуктов сырьевой переработки. В настоящий момент прямой переход к инновационно-прорывному развитию невозможен, шансы упущены, требуется более сложная траектория развития. Цель системы социальной и экономической организации российского общества в начале XXI в. заключается в том, чтобы обеспечить рост информационной емкости производственных технологий при условии сокращения расхода ресурсов. Общество должно стимулировать развитие энерго- и ресурсосберегающих технологий, интенсивного земледелия. Это может сделать только государство, создав социальный механизм предоставления конкретных, дееспособных и всем понятных экономических преимуществ наукоемким и ресурсосберегающим технологиям. Стратегической целью государства является создание комфортабельной инфраструктуры жизнеобеспечения для работника и благоприятной бизнес-среды для развития экономики.

В последние годы в России утрачивались многие высокотехнологические отрасли. Прямое их сохранение и развитие было невозможно из-за отсутствия платежеспособного спроса и рынков сбыта. Реален только один путь — построение на первом этапе неоиндустриализационного цикла (прежде всего для добывающих и энергетических отраслей) кластера: добыча сырья — переработка — транспортировка — экспорт готовых продуктов. Этот кластер должен быть реализован на основе собственного национального машиностроения, что потребует развития многих наукоемких и высокотехнологичных отраслей, подготовки высококвалифицированных кадров, развития фундаментальных и прикладных исследований и предполагает создание новых технологий в сфере энергетики, развитие всех видов транспорта, энергетического машиностроения, контрольно-измерительных приборов и т. д. При таком варианте страна останется энергетическим экспортером, но экспортером не сырья, а готового продукта. Хотя экономика остается «монокультурной», но это экономика развитой страны.

Данный путь позволит также сохранить и отечественную науку, обеспечить спрос на ее продукцию — как за счет государственной

поддержки фундаментальных исследований, так и за счет спроса на ее научную продукцию, прежде всего, для секторов нефтегазодобывающего, оборонного (работающего как на внешний, так и на внутренний рынок) и секторов, работающих на воспроизводство населения (сельское хозяйство, пищевая и легкая промышленность, ЖКХ). Только такой путь позволит с наибольшей выгодой для себя использовать естественные преимущества страны.

В условиях санкций вступление в ВТО может способствовать избежанию изоляции страны. Хотя либерализация торговых барьеров не способствует вложению прямых как иностранных, так и отечественных инвестиций в экономику любой страны, но грамотная экономическая политика может обеспечить достаточный их приток. Важно изыскать меры, стимулирующие прямые иностранные инвестиции в нужные отрасли экономики. Допущение иностранного банковского капитала в лице дочерних банков (с ограничением не более 50% суммарного капитала по стране в целом) затрудняет возможность создания специализированных банков развития, которые выполняют, прежде всего, функции по привлечению инвестиционных средств в приоритетные отрасли и создание новых современных рабочих мест. Но можно шире использовать паевые инвестиционные фонды, аккумулируя в них не только средства физических вкладчиков, но и свободные средства государства и крупных корпораций; либо большую часть банковской квоты страны отдать банкам развития, сократив участие российских банков в текущих коммерческих операциях в пользу иностранных банков. Такой же подход надо проводить и в области страховой деятельности, ориентируя национальный страховой капитал на страхование рисков, связанных с новыми инвестиционными проектами и технологиями.

Запрет прямых субсидий для поддержания национальных производств потребует использования более тонких механизмов создания и развития приоритетных предприятий, прежде всего за счет использования мер зеленой экономической зоны, создания рабочих мест с лучшими условиями труда, что не запрещено правилами ВТО, и более широкого использования механизма госзакупок.

Важным направлением регулирования товаропотоков в условиях открытой экономики является валютная политика Центробанка. За счет манипулирования курсом рубля можно стимулировать импорт или экспорт, важно установление оптимального курса с позиций привлечения реального иностранного капитала и защиты национального производителя.

Членство в ВТО повлияет на доходы госбюджета, причем двояко: 1) снизятся поступления импортно-экспортных пошлин; 2) в случае тенденции свертывания отечественного производства сократятся доходы в бюджет. Укрепление отраслевой и товарной конкурентоспособности возможно за счет эффекта масштаба, т. е. слияния предприя-

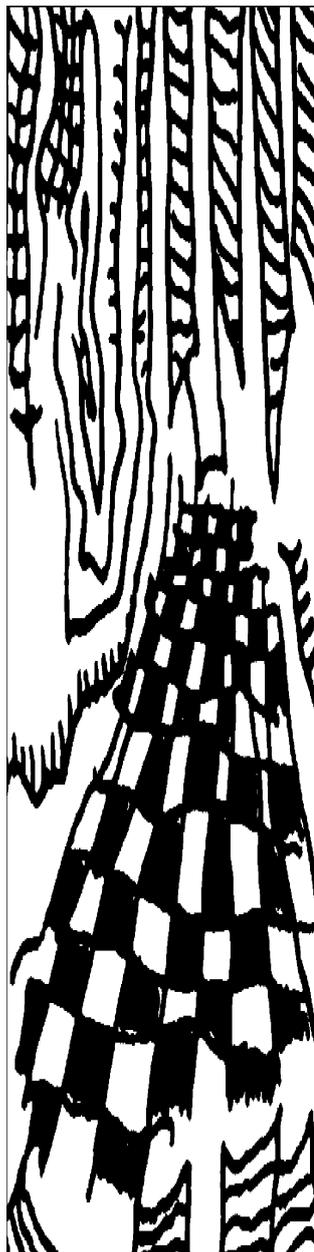
тий в более крупные структуры, что позволит иметь крупные собственные источники капиталовложений для внедрения новых технологий. В качестве источника финансирования прямых инвестиций возможна также кредитная умеренная эмиссия Центробанка под приоритетные проекты. И в целом России надо выработать модель развития, адекватную открытой экономике при защите национальных интересов.

Литература

1. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34.

II

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

А.А. ГРИЦЕНКО

Социокультурные вызовы информационно-сетевой экономики

Аннотация. Формирование информационно-сетевой экономики порождает существенные изменения в социокультурной сфере, приводит к возникновению сетевого общества и сетевого человека, бросает вызовы самому существованию человеческого общества и личности, порождая их фрагментацию и разложение, конфликтность сетей, размножение форм девиантного поведения, социальную напряженность и протестные движения, агрессивность, вооруженные столкновения и войны, риски перерастания сети локальных конфликтов в глобальную катастрофу, маргинализации общечеловеческих ценностей и культурной деградации.

Ключевые слова: информационно-сетевая экономика, сетевое общество, сетевой человек, социокультурные вызовы.

Abstract. Formation of information and network economy generates significant changes in the socio-cultural sphere, leads to the emergence of the network society and the network man that challenge the very existence of human society and the individual, causing their fragmentation and disintegration, conflicts of networks, multiplication of deviant behavior forms, social tension and protest movements, aggression, armed conflicts and wars, risks of escalating network of local conflict into a global catastrophe, risks of human values marginalization and cultural degradation.

Keywords: information and network economy, network society, network man, socio-cultural challenges.

Современное общество находится в процессе трансформации. Это касается всех его составляющих: техники и технологий, экономических отношений, форм организации производства, социальных отношений, институтов, ценностей, поведения субъектов хозяйствования, способов мышления, науки и образования, всех сфер жизнедеятельности общества. Понятно, что решать все проблемы сразу невозможно. Но невозможно решать и каждую в отдельности. Все составляющие трансформации взаимосвязаны, каждая влияет на другие и зависит от них.

Разрешить это противоречие возможно путем выделения ведущего звена, которое в самой структуре общества играет роль основы, определяющей логику изменений в других звеньях. Таким звеном является

трансформация экономики, так как экономика является материальной основой воспроизводства жизнедеятельности общества. От нее зависят возможности изменений в других сферах, в том числе в социокультурной. Но это положение нельзя понимать упрощенно. Необходимо различать фундаментальную и актуальную структуру общественных связей. Актуальная структура включает те же элементы, что и фундаментальная, но их субординация иная.

Обусловленность экономикой социокультурных параметров отражает фундаментальную структуру связи этих элементов общественной системы. В актуальной структуре, наоборот, социокультурные факторы определяют экономические изменения. От сознания, образования, поведения человека зависит то, как будет изменяться экономическая система (актуальная структура), хотя само сознание, образованность, поведение зависят от уровня экономического развития общества (фундаментальная структура).

Определяющим процессом развития современного общества является переход от индустриально-рыночной к информационно-сетевой экономике. Информация становится наиболее значимым продуктом производства и ресурсом, а организационно-функциональной формой ее существования является сеть. Вместе с формированием информационно-сетевой экономики формируются сетевое общество и сетевой человек. Большое количество разнообразных сетей (экономических, торговых, социальных, религиозных, профессиональных, идеологических, научных, гендерных, информационных, политических, националистических, террористических, миротворческих, волонтерских и др.) со своими правилами и нормами, ценностями и целями образуют общественную структуру, которая приходит на смену существующей, становится основополагающей, характеризуется внутренней противоречивостью, конфликтностью, в значительной степени непримиримостью ряда сетей и порождает противостояние, социальные, политические конфликты и войны.

Современный человек включен в большое количество сетей, в каждой из которых свои правила и нормы, стереотипы поведения и ценности. Уходя из одной сети и переходя в другую, человек меняет свое поведение, черты своей личности. Его личность распадается на фрагменты, которые не связаны между собой, а сосуществуют как параллельные миры. Это создает риски фрагментации и распада общества и личности. Таким образом, формирование информационно-сетевой экономики не только дает шанс для социально-экономического и духовного прогресса, но и порождает существенные риски для самого существования общества.

С развитием информационно-сетевой экономики существенные изменения происходят в отношениях собственности, труда и распределения, что обуславливает соответствующие трансформации социальной структуры общества. Основой социальной дифференциации будут не классы, как это было в классической индустриально-рыночной экономике, и не социальные страты, как это имело место в развитых индустриально-рыночных обществах, а социальные сети. Их отличиями являются снятие границ пространственной локализации, высокая теснота связей и мобильность, сетевая этика и культура, которая может иметь существенные отличия от общечеловеческой или даже конфликтовать с ней. Речь не идет о том, что других социальных дифференциалов не будет. Они существуют, и будут возникать новые. Но социальные сети постепенно приобретают определяющий, базовый характер. Безусловно, и классы, и социальные страты, и профессиональные, молодежные, гендерные и другие социальные образования всегда имели определенные сетевые признаки. Но эти признаки не были базовыми и определяющими. Доминировали другие характеристики. Теперь же ситуация будет складываться таким образом, что быть в определенной социальной группе можно только через сеть. Если, например, определенный специалист не в сети, то он просто технологически не может быть в соответствующей социальной группе.

Все эти преобразования существенно меняют социально-культурное пространство. Различные сети будут иметь свои собственные правила и нормы, ценности, приоритеты, способы общения и жизни, свое специфическое социально-культурное пространство. Формируясь как относительно обособленные, сети внешне взаимодействуют между собой. Они могут быть комплементарными и дополнять друг друга, а могут быть конфликтными, враждебными и непримиримыми, порождая противоречия, борьбу без правил и войны. Кроме того, они сходятся в самом человеке, который включен в множество сетей. Но это вхождение не является пересечением. Различные сети, в которые входит один и тот же человек, могут вообще не иметь точек пересечения.

Человек, выходя из одной сети и включаясь в другую, скачкообразно меняет свои правила поведения, ценности, становится ментально другим человеком. Это не механический, а квантовый переход (подобно тому, как электрон переходит с орбиты на орбиту, не находясь в промежуточных точках). Например, человек в профессиональной сети может вести себя совершенно иначе, чем в семейной сети, или в сети друзей. Сравнивая характеристики его поведения в этих сетях, можно прийти к выводу, что это разные личности.

Наиболее поразительным примером такой ситуации являются известные в криминальной практике случаи, когда убийцы и сексуальные маньяки были добрыми и заботливыми отцами семейств. С точки зрения человеческой логики непонятно, как это может быть. Но это не человеческая, а сетевая логика. Именно она дает возможность понять и такую известную в медицине болезнь, как диссоциативное идентификационное расстройство, когда в одном человеке сосуществуют две личности, сменяя друг друга [1, 97]. Но то, что раньше было болезнью, которая встречалась редко, в условиях информационно- сетевого общества становится распространенным, порождается объективными условиями жизнедеятельности человека и превращается в норму. Это можно выразить и иначе: человек перестает значительной степени быть обычным человеком, фрагментируется, распадается на ряд личностей, которые сосуществуют в одном биологическом теле, и постепенно превращается в другой субъект — в постчеловека, в сетевого человека, в Netman'a, который живет по другим, нечеловеческим законам.

Вместе с тем и общество людей становится постчеловеческим обществом, состоящим из сети сетей. Ключевой фигурой такого общества является Netman, который в отличие от человека перестает быть самостоятельным субъектом. Он является лишь фрагментом сети со всеми вытекающими из этого последствиями. О Netman'е нельзя сказать, что он порядочный, хороший или злой человек, что он способен на такой или другой поступок, потому что он может быть каким угодно, в зависимости от того, в какой сети он находится.

Мышление Netman'a фрагментарное, ситуативное и функциональное. Оно похоже на клип, в котором ассоциативно чередуются определенные образы. Такое мышление не является самостоятельным и не способно ставить вопрос о сути явлений, ее отличии от внешних форм, воспроизводить в сознании предмет в его целостности, а не только в различных функциональных проявлениях. Netman знает только функции вещей и пользуется ими на практике. Он не способен адекватно реагировать на существенные изменения ситуации. Его поведение определяют сетевые идеологемы, а не понимание сути вещей.

Идеология вообще возникает из знания, которое добывается в процессе научного мышления. Научные положения остаются таковыми до тех пор, пока соотносятся с предметом, который они отражают, и меняются вместе с ним. Если же такая связь реальности и теоретических положений теряется, то последние превращаются в идеологические догмы, оторванные от реальности. Но массовое знание никогда не может быть научным, так как для этого необходимо превратить всех людей в ученых, постоянно находящихся в поисках истины. А так как это

невозможно, то научные положения в массовом сознании отрываются от своей научной основы и становятся идеологией — знанием, которое существует само по себе и определяет отношение к объекту, независимо от научного познания.

Поэтому идеология, с одной стороны, возникает из научного знания, с другой — реально отрицает это знание как свою основу и приобретает собственную логику, которая воплощается в мифах. И коммунистическая идеология, и идеология рынка, и любая националистическая идеология — это мифы массового сознания. Миф был исторически первой формой идеологии, что обуславливалось слабостью мышления в попытках проникнуть в суть вещей. Сейчас происходит возврат к мифологизации мышления, но уже на новой основе — неспособности массового сознания теоретически воспроизводить существенные и динамичные изменения реальности. С формированием сетевого человека и сетевого общества идеологизация мышления становится закономерной формой функционирования массового сознания.

Netman — только орган техно-био-социального тела информационно-сетевого общества. Он пользуется не только возможностями своего мозга и памяти, а через интернет обращается к библиотекам всего мира и получает из них необходимые знания так же легко, как из своей памяти. По сути, его память включает не только те знания, которые есть в его мозгу, но и те, которые находятся в библиотеках и других информационных центрах мира. А мозг сетевого человека состоит из органической части под черепной коробкой и неорганической в виде носителей информационных ресурсов, разбросанных по всему миру.

Биологическое тело сетевого человека может включать искусственные (технические или искусственно выращенные биологические) органы (сердце, почки, сосуды, конечности, а в будущем — чипы с необходимой информацией, с программами корректировки деятельности органов и даже поведения). Да и само тело может быть в принципе клонировано и заменить существующее. Понятно, что Netman существует в других условиях по сравнению с обычным человеком и имеет другие представления о жизни и смерти, об истории, человечестве, цели существования. У него другие правила и нормы поведения, которые по определению являются не человеческими, а нетманскими. Человек и Netman вступают в конфронтацию. Предел этой конфронтации будет проходить как между социальными группами, которые будут уже в большей степени Netman'ами, и группами, которые остаются преимущественно людьми, так и внутри личностей людей, превращаются в Netman'ов. Для постижения этого необходима особая методология. Такую методологию в определенной мере дает философия хозяйства. Как отмечает Ю.М. Осипов, философия хозяйства говорит,

«что сегодня на планете войны, или мир-война, имея в виду прежде всего, что это война между человеческим миром и нечеловеческим антимиром. Мир inferнально переворачивается и в inferнальном направлении!» [2, 273].

Исходя из изложенного, можно определить наиболее значимые вызовы в социокультурной сфере, которые создаются формирующейся информационно-сетевой экономикой: фрагментация и распад личности и общества; конфликтность сетей, порождающая недоразумения, рост социальной напряженности и протестные движения; повышение вероятности агрессивных проявлений, вооруженных столкновений и войн; риски перерастания сети локальных конфликтов в глобальную катастрофу; риски потери личностью способности понимания сути общественных процессов; рост возможностей манипулирования сознанием людей, их поведением в неблагоприятных целях, риски потери моральных устоев человеческой этики; размножение форм девиантного поведения; распространение правового нигилизма, риски распада системы международного права и нарушение правовых основ функционирования национальных государств; повышение рисков обеднения и деградации человеческих чувств; маргинализация общечеловеческих гуманистических ценностей; риски культурной деградации.

Все эти вызовы порождены развитием сетевого характера технико-технологических и социально-экономических процессов. Общим ответом на эти вызовы является удержание иерархии в развитии сетевых структур. Проведенные исследования показывают, что в истории человечества сеть и иерархия всегда диалектически связаны и не существуют друг без друга [3]. Исторически меняются только формы и механизмы их сочетания и приоритетности. Современность также свидетельствует, что наиболее стабильное развитие имеют государства, нашедшие механизмы сочетания иерархии и сети (например, Китай).

Иерархия в новых образованиях, сочетающих иерархию и сеть, должна быть институционально «снятой» структурой и структурой, которая постоянно «снимается» в процессе индивидуального воспитания (как процессе освоения мирового опыта человеческого существования, системы ценностей и норм поведения). Освоение общечеловеческих ценностей и превращение их в императив поведения являются тем иерархическим остовом, на котором развитие сетевых структур может иметь конструктивный, а не деструктивный характер. Для этого необходимо создавать механизмы комплементарного сочетания технологизации, социализации и институализации в процессе очеловечивания природно-биологического индивида и его всестороннего развития.

Литература

1. *Телле Р.* Психиатрия с элементами психотерапии. Минск, 2002.
2. *Осипов Ю.М.* Философия хозяйства и современный мир (вступительное слово) // Философия хозяйства. 2014. № 4.
3. Иерархия и сети в институциональной архитектонике экономических систем / Под ред. А.А. Гриценко. Киев, 2013.

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Самосознание и бездна виртуальности

Аннотация. Статья исследует телединамику самосознания в контексте Премодерна—Модерна—Постмодерна. В эпоху Премодерна самосознание имело сакральный характер, выражаясь посредством мифов, религий, фольклора. В эпоху Модерна самосознание стало свойством индивидуума и выражалось посредством науки и философии. В эпоху Постмодерна самосознание заменяется искусственным феноменом — эфиром, который представляет собой информационно и технологически организованное пространство и время Земли. А искусственное самосознание требует для своего прогресса искусственного человека.

Ключевые слова: самосознание, Россия, София.

Abstract. The article is devoted to the consciousness teledynamic in the context of Premodern—Modern—Postmodern. During Premodern era the consciousness had a sacral character, being expressed by means of myths, religions, folklore. During the Modernist style era the consciousness became property of an individual and was expressed by means of science and philosophy. During the Postmodern era the consciousness is replaced with an ether, artificial phenomenon, which represents both informationally and technologically organized space and Earth time. And the artificial consciousness demands for the progress of the artificial person.

Keywords: consciousness, Russia, Sophia.

Сегодня высокую социометодологическую активность проявляет универсальная матрица «премодернизм — модернизм — постмодернизм» в исследовании макроструктурной динамики и эсхатологии современного мира, его трансформаций, его растворения (как соляной куклы в купели) в скрыто соблазнительной бесформенности, симулирующей обличья любых форм.

Но в то же время эта модель не указывает единого основания, связующего все ее части; нет в ней экзистенциальной перспективы этого мира, его телеологического детерминизма. Нет в ней методологии анализа *самосознания и сознания*. Она от них бежит, провоцируя современных людей отказаться от этих идеальных сил, заменить их гламурной приятностью или сладостью бессознательных рефлексов, живых галлюцинаций и механических реакций. Но человек может порвать эти оковы и вернуться с покаянием к самосознанию. И, чтобы избежать этого случая, наша матрица и ее хозяин сотворили эфирное царство, в котором человек, вкусивший его благ, становится его рабом, скотом, холопом и глумливой жертвой.

Отчасти сей факт установил маэстро евраумудрости XX в. — М. Хайдеггер, который заметил, что среди европейцев началась «мыследемия», которую он назвал «Бегство от мышления!». «Бездумность — зловещий гость, которого встретишь повсюду в современном мире. Усиливающаяся бездумность проистекает из болезни, подтачивающей самую сердцевину современного человека. Сегодняшний человек спасается бегством от мышления. Это бегство от мышления и есть основа для бездумности. Это такое бегство, что человек его и видеть не хочет и не признается в нем себе самому. Сегодняшний человек будет напрочь отрицать это бегство от мышления. Он будет утверждать обратное» [1, 103—104]. Современные люди боятся думать, эмигрируя из мысли в благодать мрака, полагая, что без мысли субъект этой «заразы» исчезнет счастливее, удачнее и незаметнее.

Но Хайдеггер увидел бегство людей Запада только из мысли; но они бегут-то и от самосознания, от понимания своего человеческого бытия. И если от разума европейцы ищут спасения в искусственном интеллекте, то спасения от правды самосознания они ищут в бессознательных, вегетативных и витальных мирах своего тела, рекламе искусственного сознания. Сам Хайдеггер укрылся в сфере поэзии. Ну а брак бессознательного и безмыслия наш мыслитель (!) завершил «*Sein zum Tode*», не пожелав войти в мир безумия. Но созданный им экзистенциализм стал разновидностью inferнального безумия, основной закон которого нам поведал Ж.-П. Сартр: «Ад — это другие». Ничто не ново под луной! Давно сказано, что «мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3:19). А конструктивом нашего времени становится превращение безумия и бессознания в норму жизни. И эта метаморфоза не случайна. Наша эпоха проводит деконструкцию всех эпох, заменяя историю абсолютно бессодержательным невегласием «*n-o-c-m*».

Самое главное в контексте современного мира, идущего из полноты Премодерна в пустоту Постмодерна — это динамика преобразений самосознания, которая определяет ход и содержание истории. Что

происходит с самосознанием и человеком в «текстильне» Постмодерна? Не является ли матрица «Премодерн — Модерн — Постмодерн» техно-методологической симуляцией сознания и самосознания, а то и алгоритмом полной их ликвидации?

Сознание и самосознание представляют высшие типы реальности; если сознание все еще нуждается в противостоящей ему предметности, то самосознание — это уже автократическая творческая реальность. Самосознание содержит в себе алгоритмы всех негаций времени и бездн, все возможные реалии получают в нем путевки в бытие. Самосознание есть источник, местообитание и способ действия тайн, неизвестности, судьбы; и даже само ничто-отсутствие в нем получает лицензию на делические инициативы невозможного.

Поэтому самосознание — труднейший предмет исследования, не допускающий своего адекватного и полного раскрытия, ибо его живые оригиналы таятся в мире вечности. Самосознание своими корнями уходит в энергийно-смысловое, событийное творчество Создателя, преобразующего отсутствие, ничто, хаос, бездны, бессмыслие, безумие, бессознательные, бесформенные стихии в целемерные, целетворяющие, меросозидающие виды бытия, в ум-разум, в пророческое, в смысловое, осмысленно-осмысляющее понимание, в сердечные тайны души и вечности. Гомер считал самосознание священной силой, а христианство видело в нем основу личности, совести и жертвенной ответственности человека. Самосознание суть всецело сакральный продукт, ибо понимать себя человек может только посредством осознания креацио- и теогенеза своего самосознания, его Отчего Дома, куда оно возвратится после скитаний в мегаполисах прогресса. Самосознание идеально содержит в себе судьбы, эсхатологию, апокалипсические исходы всех реалий.

Самосознание есть самодействующая онтологическая матрица, органами которой служат даже магия, мистика, мистерии — непосредственное схватывание смыслов. Самосознание все в себя вбирает, все в себе отражает, преобразует, раскрывает, проектирует, творит новую реальность и ее субъекта. Самосознание программирует, формирует, определяет, размышляет, воображает мир идеальных прообразов, само оставаясь неопределенной и неопределимой величиной. В нем непрерывно работает мощная смысловая энергия вечности, идет постоянное порождение оригиналов реальности и ее формального разнообразия. Для Б. Паскаля геометрия есть самосознание, конструирующее себя из пространства.

Самосознание выступает как автократическая власть, как самопроизвольная технология, проектирующая, создающая и запускающая различные программы, алгоритмы, игровые сценарии, хитроумные

планы, криминальные аферы, кризисы, катастрофы. Сам апокалипсис — это мистерия самосознания, очищающегося от симулякров, иждивенцев, копий, и возвращающего свою световую природу. В самосознании начало, середина, конец, продолжение, повторение, возвращение, круговращение образуют единую целостность, животворные энергии которой образуют смысловую нервную сеть мироздания. Самосознание — живой дом судьбы, которая открывает ему свои тайны, отдыхая от своего страшного долга.

Обладание самосознанием есть величайшая тягость, ибо через него постоянно действует апокалипсис, отделяющий «плевелы» эйфории и тлетворность праха от смыслового золота жизни. В этом плане самосознание есть не только сакральное благодостояние, но и тяжелейшее наказание человека, постоянно изводящего его муками совести. Сознание и самосознание делают реальностью боль, страдания, сны, переживания, страх и... Любовь. Самосознание есть тайный огонь шаровой молнии. Может ли индивид вынести сильнейшую боль, которая питается этим огнем? Поэтому сохранять самосознание, пользоваться им возможно лишь при постоянном притоке благодати. Ведь сам апокалипсис, все его службы работают над очищением самосознания, над возрождением мира его Любви.

Самосознание вливается из вечности в знание; животные причастны к сознанию, но они не имеют самосознания, а потому не сознают свою натуру, не различают свои оригиналы и копии. Самосознание ищет оригиналы вещей и людей, питает их смысловую работоспособность, ибо они постоянно общаются с мудростью софийной, привнося в мир земной ее смыслы. Самосознание является удостоверителем, носителем, хранителем, реализатором невидимого и неосязаемого бытия, которое постоянно работает в нас. Сознание существует всегда и везде, но не всегда и не везде в формах самосознания и личности, любви и души, совести и справедливости, правды и мудрости, вечности и понимания.

Самосознание — Посланник, Свидетель, Наблюдатель, Навигатор, Корректор, Правитель, Судия того, чтобы копии совсем не отрывались от своих оригиналов. Посредством *суждений, целей, мер, оценок, умозаключений, категорий, идей, теорий* самосознание творит, упорядочивает, организует мир, запускает его динамику, приводя его в соответствие со своими криптогенными смыслами, вестями, вещаниями, ведениями. Вот такого постоянно совершенствующегося самосознания современный человек не терпит, заменяя его слепым, виртуальным, механическим, ручным, искусственным сознанием. Да и самосознание уже давно страдает, ибо нет ему места в мире бессознательности, матриц, программ, безумия и хаоса. Отсюда наркотики, алкоголь, порно,

псевдоразвлечения, подлинная цель которых состоит в том, чтобы самосознание забыло о самом себе, передало свои сакральные полномочия информационным технологиям. И в эпоху Постмодерна самосознание кардинально изменяется, становясь тюремной сетью.

Поэтому самосознание — основной кризисогенный фактор современного мира; оно ищет в нем свой центр-оригинал, перебирая свои копии, ищет и не находит, ибо центром его служит София-мудрость, а безумие само является центром бездны. В отрыве от Софии-мудрости самосознание отвергает все свои копии и образы, не находя в них своего оригинала и смысла. Самосознание — тройственная сущность: оно и незримая сила вечности, работающая в человеке; и незримая сила человека, ищущая оригинал человека вечного; и призрачная реалья, ищущая свой смысл.

Самосознание ради самосохранения должно постоянно принимать послания своего трансцендентного оригинала, а человек должен постоянно искать эти послания, чтобы не стать жертвой *бес*-сознания, сознания бесов, чтобы не оставаться призраком на службе своих капризов, страдая из-за невозможности общаться со своим оригиналом. Самосознание устремляется из человека в сверхчувственный мир, увлекая за собой человека, преображая его биофильские привязанности, суля иные радости. Самосознание привносит в человека нечто большее, чем его физическое «Я» — манящий и зовущий его вечный оригинал.

Само знание есть явление самосознания. Ведь что есть знание и кому принадлежит оно? Человеку? Но без предметов нет знания! Предметам? Но без субъекта предметы сами не создают знаний. Значит, знания суть копии самосознания человека. Но в качестве своих средств они избирают на Земле различные элементы. И общество, человек возникли как самораскрытие и самопознание самосознания, и ни для чего больше.

Самосознание несет в себе все нравственные ценности, душу, любовь; в нем коренятся страдания, переживания; оно дарит нам озарения, вдохновение, откровения, понимание, сочувствие и милосердие. Самосознание есть повседневная божественная работа и служба в профанной среде.

Но самосознание несет в себе и свой негатив — безумие, бессознательное, тени, призраки; и демоны, бесы тоже суть самосознание, но лишенное нравственности, а потому мрачное, теневое, мертвое, не способное к рефлексии. Смерть есть копия самосознания, не имеющая оригинала. Мефисто, Воланд, бестиарные чудовища тоже суть самосознание, потерявшее мораль и ставшее злой хитростью. Но самосознание обезвреживает негатив пониманием, которое сокрушает его де-

структивные силы, преображая их в смысловые факторы своего обогащения. Чудовища сокрушаются не силой, а тем, что понимаются, осознаются источники и средства их зла.

Строго говоря, вне самосознания нет никакой иной реальности, ибо все существующее многообразие форм, стихий, феноменов бытия суть овеществленное, опредмеченное самосознание; чтобы установить чистую реальность, нужно получить санкции, инструменты и творческую волю опять-таки самосознания, которое определяет все реалии мира своей способностью порождать пределы, цели и меры, мысли, смыслы, оставаясь неопределимым перводвигателем. Все возникает из вечности через самосознание и через него же возвращается к ней. Человек — часть мира, а часть не может постигать целое; но эта часть есть звено самосознания, которое делает его особым видом целого. И не человек имеет самосознание, а самосознание имеет в себе и для себя человека, отрекаясь от него в меру того, как он отрекается от служения самосознанию, незаметно становясь смертью, т. е. копией без своего оригинала. Самосознание есть Откровение внутреннего мира Св. Троицы — закона устройства человека и сущего.

Если разум обобщает свои деяния, свою рефлексию и свой опыт в Логосе и логике, то самосознание обобщает свой смысловой опыт, свои вещи прозрения, свои домостроительные умения в Софии-мудрости, в размышляющем понимании. И свое смысловое богатство самосознание полностью и адекватно не выражает в языке, прибегая к помощи искусства, архитектуры, иконописи, музыки, религии. Разум находит и выражает законы бытия и ничто, и для него нет и не может быть никаких тайн. Законы для того и даны миру, чтобы их раскрывать и жить по их указам. А самосознание, имея дело с тайнами мира, не может (и не должно!) их раскрывать, ибо тайны эти служат сакральными стенами, охраняющими и спасающими наш мир.

Все самое важное и значимое содержание самосознания было открыто Традицией, составляющей суть Премодерна; и закреплены эти открытия в мифах, религиях, фольклоре. Премодерн преодолел первичную дикость людей, создал аграрно-ремесленную, художественную, религиозную и философскую культуру, вытеснив инстинкты, бессознательное, призрачное, фантомное, теневое в сферу преисподнюю. Именно Премодерн с помощью сакральной метафизики Софии-мудрости открыл самосознание, Логос, разум, вывел их посредством мифов, религий, искусства и фольклора из нави в явь.

Крайне важно, что самосознание (да и разум!) Премодерна возникло не просто как орган вечности, но и как полный *ответ* на все возможные вопросы. Самим фактом своим самосознание устранило все вопросы, ответило на них своим бытием, ибо наличие вопросов гово-

рит о незрелости претендента на вход в бытие. Поэтому мифы, религии, искусство, фольклор, взятые сами по себе, есть онтологические ответы на вопросы вечности, которая и позволила им завестись бытием. Вопросы в этих видах самосознания возникают лишь для последующих людей, уже покинувших культуру Премодерна и не понимающих ее оснований.

Премодерн представил самосознание в качестве сакральной силы, имеющей свой неосязаемый и неслышимый метафизический мир, который дальше всего от человека, но в то же время он ближе всего к человеку, составляя его смысловое ядро, определяя его деяния. Так, христианство — не только вера, институт, обряды, но и особое самосознание, в котором негатив, inferнальность, призрачность, сама смерть в качестве вопросов еще до своего вторжения в бытие преобразуются в понимающее размышление, прощающее им их абортативные увечья за их уникальный опыт постижения творящих сил вечности. Поэтому христианство есть большой ответ на все вопросы людские. Только нужно уметь эти ответы воспринимать и не загаживать их своими (своими ли?) вопросами. Вопросы в принципе не имеют и не могут иметь ответов, ибо они возникают в условиях дефицита смыслового бытия. Нужно смыслы вопросов искать, а не изобретать паллиативы их ответов. Тайна христианства — тайна великого ответа, не нуждающегося в вопросах; это — тайна преобразования сознания и бессознательного в самосознание.

Первой ласточкой Модерна стала философия, которая в лице Сократа не заметила этого фундаментального атрибута Премодерна. Мудрый Сократ посвятил свою жизнь вопросомании, сам стал живым воплощением вопроса, легкомысленно игнорируя фундаментальную первичность ответов. Ведь вопрос сам по себе обозначает небытие, ищущее через ответ путь в бытие. Автором вопросов является ничто, смерть, ищущая через них пропитания у жизни. И Сократ стал жертвой вопросов, ибо общество его времени еще находилось в Премодерне, признавая первичность ответов перед вопросами и ценя ответы превыше вопросов. Сократ не ответил на главный вопрос: «Какова суть вопроса и откуда он родом? Какой был первый вопрос в мире? Кто его предъявил?». На эти вопросы ему молча ответила чаша с ядом.

Модернизм устранил мифологические, религиозные, философские детерминанты жизни, насадил колониализм, промышленность, взрастил атеизм и гуманизм, сделал главным фактором жизни бесконечный прогресс науки и техники. А самосознание стало простым средством усиления власти человека и превращения его в демиурга, стоящего выше Бога, дьявола и природы. Модерн выкорчевал в человеке сакральные корни самосознания, заменив их гуманизмом и насилием.

Модерн пытался сотворить Высший Разум, что послужило стимулом создания искусственного интеллекта. А сакральный детерминизм заменили инфернальные пророки типа Мефисто, Воланда, сделавшие человека своим бессознательным рабом.

В эпоху Модерна самосознание искажается, превращаясь в атрибут индивидуума. Самосознание в формах религии, мифов отвергается и заменяется наукой, разумом. Нет, самосознание и разум исследовались вплоть до эпохи Постмодерна, но эти исследования были направлены на растворение этих органов сакральной мудрости в материи, в языке, в физиологии мозга, в бессознательном, в биологической витальности, в информации, в электронных и сетевых структурах. Но метафизический статус самосознания отвергает любую редукцию.

В эпоху Модерна человек запутывается в паутине вопросов, сам превращаясь в один безответный вопрос. Эту эпоху можно назвать временем вопросомании, бесконечного порождения бесконечных вопросов, исключаящих вразумительные ответы. Именно модернизм ввел моду применять в качестве ответов ссылки на первоисточники, которые являются вовсе не первоисточниками, а просто вопросами другого времени. В качестве ответов стали использовать цитирование, которое само нуждается в ответах на скрытые в нем вопросы. Скептицизм и критицизм модернизма вообще отрицают возможность достоверных ответов. В конце концов появился агностицизм, который заявил, что знать человек ничего не может, а отвечать может только в судах посредством лжи. Человек Модерна мечется в поисках ответов, но лишь умножает вопросы, от которых он звереет.

Русская философия сохранила сакральность самосознания Премодерна, своими энергиями питающего мир и человека. Для русской философии именно воздействия самосознания (святости, сакральности) на материю спасают ее от извращений, энтропии. Самосознание облагораживает материю, выявляя ее божественные смыслы, значения, имена и глаголы.

Само воплощение Сына Божьего в облике человека есть пример спасительного воздействия самосознания на погибающих людей. Христианство вооружило человека спасительной инновацией — «Новым Заветом», в котором представлен сакральный алгоритм воздействия самосознания на материю, которая без него рассыпается или взрывается. Но человек не воспользовался этим благом, замышляя свои инновации, которые лишь ускоряют деградацию социума. Не постиг человек и тайны сверхъестественного, которое представляет собой естественное спасительное воздействие самосознания на материю. Русская философия, Россия обладают мистическим самосознанием; они проникнуты глубочайшим страданием, ибо не могут больше терпеть свое

непонимание спасения! Отсюда их обращение за спасительным самосознанием к Софии Премудрости Божьей.

София оставалась на заднем плане умственных и прагматических устремлений людей эпохи Модерна. Европа признала в качестве целостного выразителя мудрости только Логос, отдав ему главную роль в исследовании не только материи, но и самосознания. Но Логос и его Слово всегда опаздывают в своих оформлениях смыслов самосознания. Поэтому в словесно-логических формах мы всегда имеем дело не с оригиналами бытия, а лишь с его копиями, симулякрами. Слово и Логос не могут представлять мир в человеке и человека в мире. И это запаздывание Слова и Логоса к жаждущим света смыслам привело к безысходному апокалипсическому кризису, ибо Логос, правящий самосознанием, не позволяет человеку адекватно осмыслять и понимать бытие. Именно поэтому постмодернизм начался с критики логоцентризма, искажающего смысловые пропорции форм и структур бытия. А смысловое царство самосознания и Софии он вовсе и не заметил.

Определяющим фактором развития мира является постоянное творчество самосознания, служащего перводвигателем всех изменений. Самосознание *непрерывно осознает себя и тем самым формирует, движет, определяет*, целями, смыслами и мерами наделяет все виды бытия, которое через благодатные дары самосознания превращается в множество самых разнообразных творений. Самосознание, познавая себя, видоизменяется, что вызывает цепную реакцию перемен во всем бытии. Но изменившееся и измененное сознание вновь требует осознания, которое в итоге порождает новые изменения, за которыми следуют новые изменения мира, и так будет до тех пор, пока самосознание не найдет Отчий Дом своего оригинала, своей изначальной мудрости. Так осуществляется сакральная навигация мира: каждый шаг самосознания вызывает переворот в окружающем его мире.

И вот самосознание поставило человека Модерна перед объективным и не вполне осознанным им выбором. Или идти путем прогресса, создавая искусственный мир, отвергая все сакральные, культурные, природные ценности, отрицая самосознание, а вместе с ним и человека, или же идти путем развития самосознания, искать взаимоплодотворное единство человеческого, искусственного, природного и божественного начал, преображая прогресс в средство раскрытия смыслового богатства жизни. Признание прогресса отрицает человека, заменяя его биороботами; признание самосознания подчиняет прогресс смысловому обогащению мира.

Выбор Европы, навязываемый всему человечеству, известен. Преклонившись перед искусственным, антиестественным миром, «евриканцы» демонтируют модернизм, переходя к созиданию негативного

строя, суть которого не выразима ни в словах, ни в логике, ни в смыслах. Потому этот строй и назвали *постмодернистским*, т. е. то, что после и вместо модернизма.

А что означает, представляет, выражает шифр «*n-o-c-m*»? Тень, призрак, симулякр, имитацию идей и вещей, всего того, что еще осталось от них. Но этой симуляции препятствуют самосознание и сформированный им человек, который не может раствориться в искусственном мире, ибо он не свободен от суда апокалипсического детерминизма — мотора кризиса.

Выбор предстоит и прогрессу. Или продолжать творить свой мир-симулякр, устраняя со своего пути прежде всего человека, связанного смысловыми узлами самосознания; и вместе с человеком уйти в никуда. Или искать мир, где самосознание назначит прогрессу метафизическую пенсию.

Увы, выбор прогресса известен: он выбрал самого себя, породил постмодернизм и начал inferнальную войну против своего главного врага — самосознания. Война эта скрытая, не замечаемая, ибо она ведется по законам обмана, коварства, подлости, соблазнов, симуляции, рекламного внушения и PR. А ослабление самосознания, облегчая человеку ответственность за свою жизнь, делает ее более легкой. И человек, забывая самосознание, сам себя делает ненужным для жизни, становясь сырьем для финикийских слитков.

Постмодернизм избрал даже не путь развития Логоса, а путь его деконструкции, а вместе с ним деконструкции человека и самосознания — последних хранителей смыслов Премодерна. Тема самосознания полностью исчезает из антигуманитарной периодики постмодернизма. Самосознание вытесняется текстуальной, текстологической, грамматической десемантизацией, виртуальными облаками и эфирными технологиями. Идет быстрая переработка самосознания в донорский материал информационно-сетевых матриц, которые заменяют его креативность игровой симуляцией.

А ведь в самосознании находятся смысловые ресурсы, которыми живет не только человек, но и отрицающие его теневые структуры постмодернизма, который не скрывает своей inferнальности. Люди незаметно забывают вообще о самосознании, о своей ответственности перед этим спасительным даром вечности, теряя память и способность понимания, превращаясь в «постлюдей», не имеющих ни образа, ни смысла.

Современная рыночно-финансовая наука Постмодерна бессильна перед самосознанием; у нее нет никаких ключей и подходов к исследованию идеального мира. Социально-гуманитарные науки изучили наличное содержание самосознания, описали, каталогизировали все

желания и потребности человека, перевели их на язык цен и преискуррантов, реклама ищет новые стимулы для роста симулякров и «потреблядства».

И всё?! А что же дальше? Ведь самосознание суть самовозрастающая смысловая сущность. Каждый найденный смысл, каждая рожденная мысль ради своего самосохранения должны стремиться к более конкретным и целостным идеям, ведущим их к своему Отчому Дому.

Самосознание или должно отказаться от своей сущности в пользу бессознательности и виртуальности, бросить человека на произвол сетей или же выступить против этих скрытых инфернальных врагов людей. Ведь самосознание — не только идеальный орган человека, оно хранит в себе сам «проект человека», скрытый в нем свой оригинал³. Самосознание есть в то же время сакральная сила совести; оно же оформляет откровения смыслов.

И существующий ныне человек Модерна, взращенный уже не скралом, а культурой, столкнулся с неразрешимым противоречием. Прогресс, движимый искусственным интеллектом и виртуальностью, требует такого же искусственного и виртуального человека, свободного от морали. Принятие этого требования означает конец Модерну и человеку вообще. И за решение этой задачи взялся постмодернизм, который и начал эксперименты с человеком, упрощая, извращая его, превращая его в симулякр, в человека-симулянта, в двухмерного обитателя экранов, а в итоге — в призрак безобразный; а внутри этого «постчеловека» рвется на свободу черная бездна.

Но для полной перестройки человека необходимо создать искусственное самосознание, в котором хранился бы искусственный «проект» человека. Искусственный интеллект создали в виде программ и матриц, «очистив» их от моральных, социальных и антропологических «недостатков».

А возможно ли искусственное самосознание? А почему бы и нет? Оно уже создано и называется «эфир».

Поучительна этимологическая родословная этого термина. В Античности «Эфир» был божеством, кондиционирующим воздух Олимпа, делая его легким, лучезарным, живым и всепроникающим. Отец

³ Ф. Энгельс отмечал, что человеком правит закон сознания, поэтому «его нормальным состоянием является то, которое *соответствует его сознанию* и должно быть создано им самим» [2, 510]. Только следовало бы сказать «самосознанию», а не сознанию!

Эфира — Эреб (мрак), а мать — Нюкта (Ночь). Любимое дитя — Тартар. Хороша генетика!

У Аристотеля эфир представляет вечную материю надлунного мира. Парацельс видел в эфире квинтэссенцию сущего, воплощенную в человеке. В древневосточной философии эфир (прана, ци) представляет жизненную энергию. С Декарта эфир стал носителем электромагнитных волн. Сторонники теории относительности отрицали эфир, а противники ее — признавали его особой материей. Эфир выполняет анестезирующие функции, выключая самосознание. Н. Тесла видел в эфире материю шаровых молний.

Но подлинную свою карьеру эфир начал с возникновением медиаиндустрии, которая и создала из эфира искусственное самосознание. Эфир стал информационно и технологически обустроенной виртуальной средой, целенаправленно заточенной под новых властителей мира.

Вершится незаметно великая хайтековская революция, заменяющая самосознание искусственным созданием — эфиром. Отныне «человек живет в эфире, посредством эфира, а во многом и ради эфира. Эфир — не средство бытия, даже не среда бытия, а само бытие уже и есть. Нечто, сравнимое с человеческим сознанием, но произведенным уже самим человеком. Эфир — это особого рода искусственное, человеком сотворенное мировое искусственное сознание», превращающее «человека в некоего особого рода эфирное существо — не ангельское и даже не демоническое, а, скорее, в какого-то... эфирона, либо эфирера, существующего теперь наряду с ангелами, демонами и прочими зафиксированными, но не выявленными существами» [3, 379]. Повис в космосе, овладев всей земной атмосферой техноноэфирный монстр, стерегущий глобальный виртуальный мир, в котором посредством аппаратов связь и развлечения превращают людей в айфовеков, смартурбеков. «Каждый человек в этом эфирном поле, точнее, в его паутине, барахтается, живет, полагая себя при этом суперсвободным, а потому и свободно вытворяющим то, чего он вроде хочет, а на самом-то деле, чего хочет эта суперполезнейшая паутина — незаметная, вальжная, гламурная, а при надобности и жестокая, беспощадная, кровавая» [3, 378].

Вначале эфир был средством человека, затем стал его партнером, чтобы в итоге сделать человека даже не средством, а жалким-прежалким отребьишком, завернутым в провода с гадючьими головками в ушах. Аналогия полная с капиталом. Вначале было «Т—Д—Т», служащее человеку, а затем оно превратилось в «Д—Т—Д», сделав человека рабом и донором золотого тельца. Вначале был «человек—эфир—человек» («Ч—Э—Ч»), который вскоре стал «эфир—человек—

эфир» («Э—Ч—Э»), превратив людей в рабов, из которых сосут уже не только физическую, но и смысловую кровь самосознания.

Этот эфирный монстр, Эфириал, посредством информации сообщает, просвещает, ориентирует, обучает, отучает, волнует, возбуждает, воодушевляет, разбивает, разделяет, соединяет, одуряет, угрожает человека. Через соблазнительное проникновение в самосознание бессмысленных образов, звуков, слов, бликов, теней, цветохаоса меняется сам человек, становящийся даже не биороботом, а декартовской куклой. Человек намертво схвачен компьютерными, телевизионными, радиовещательными, мобило- и бобдебельными сетями эфира, в котором идет великая игра великих игроков. Ведь эфир — это виртуальная, нереальная сила, побеждающая (но пока еще не победившая!) природность человека, который «не заметил, как превратил Землю в некий умствующий и действующий Солярис, в гигантский интеллект, человеческий по происхождению, но нечеловеческий по реализации» [3, 380].

Человек творит эфир, а эфир, содействуя человеку, подменяет его самосознание симулякрами. Ведь «закольцовывает это непрерывное творчество, соединяя его начала и концы, не человек вовсе, а эта самая техноносфера, которая, находясь в человеке, сама уже никаким человеком не является. Объединившись с Космосом, она тоже непрерывно творит — в эфире и через эфир — а вот что? — это уже большой и самый на сегодня больной вопрос!» [3, 380]. Эмпирически видно, что делаемый человеком эфир наполняется античеловеческой субстанцией и бомжами преисподней; и эта античеловеческая субстанция вкладывает в людей искусственное самосознание, симулякры души, делая их арестантами виртуального СИЗО.

Главная задача Эфириала — уничтожить самосознание, хранящее в себе коды культуры, религии, традиции, семьи, цензуры, да и власти тоже. Тайнственный и всепозволяющий эфир дает абсолютную свободу, отпускает все грехи, кроме... кроме одного — задуматься о смысле этого благодетельного эфира, который уже давно стал эфиротеррором. Нельзя не согласиться с выводом Ю.М. Осипова о том, что эфир есть незримая inferнальная гильотина, которая ответственно и справедливо трудится, лишая людей самосознания, свершая тем самым Суд Божий [3, 382]. Если человек убегает от самосознания, то прибежит он как раз к свежей гильотине. Ну, а палач — фигура комсомольская, подневольная. Самосознание — это орудие спасения человека, а не просто поле чудес⁴.

⁴ Самосознание выполняет важнейшие сакральные защитные функции, охраняя человека от превращения — незаметного и сладостного — в животное, а

Таким образом, суть таинственного «пост-» Постмодерна раскрывает Эфириал, возвращающий искусственное самосознание. Брань идет невидимая, мировая и жестокая за Чашу Грааля, самосознание. И брань эта идет между православно-русским проектом софийного самосознания и проектом inferнального искусственного самосознания-эфира. Игра стоит свеч в прямом и переносном свете! Ведь самосознание есть вечный алгоритм преображения ничто в бытие, отсутствия — в присутствие, хаоса — в космос, алгоритм порождения смыслов и значений. Самосознание строит дом для души и любви, воздвигая оберегающие их смысловые стены. Самосознание есть свет вечной свечи, горящий в мире человека, освещающий, согревающий, вдохновляющий его творческие инициативы. И когда человек зажат челюстями материи, то самосознание служит единственным спасением. Нет, самосознание — это высшая сакральная ценность, благодаря которой стоит жить, существовать и даже — умирать, ибо в нем не умирают, а преображаются в ризы творящего света. Непонятно и непостижимо? Прекрасно! Значит, Россия непобедима, ибо нельзя победить непонятное! И постмодернизм со своим искусственным самосознанием-эфиром есть переходящий эпизод русского преображения самосознания в софийно-креативную силу, одержимую благодатными и плодоносными смыслами грядущего Откровения. Самосознание постоянно свершает спасительное двойное откровение — откровение священных смыслов в человеке и откровение человека в сакральном правосудии. А Европа уже в прошлом веке отсеклась от самосознания, которое предпочла заменить эфирной рекламой⁵.

то и в простой камень, о чем повествует миф о сражении Персея с Медузой Горгоной. Герой победил это интернетное чудовище посредством божественного самосознания — золотого щита, в котором Медуза, превращающая своим мертвящим эфирным взором живое в камни, узрела самое себя, застыла на миг от удивления, чего было достаточно для усекновения ее головы, из которой потом европейский Икар (сын изобретателя Дедала и рабыни) сделал Сеть, смартфоны, iPhone. Так что опасность стать скотом и камнем не исчезла: поэтому золотой щит самосознания должен быть всегда на боевом посту. Ведь Сеть, iPhone не знают морали, траура, почитания мертвых, ибо они тяжело и упорно работают над разрушением самосознания! Поэтому они вне нравственности, вне совести и вне человека.

⁵ Так, Ницше писал: «К чему вообще сознание, раз оно по существу излишне? Проблема сознания (вернее самосознания) лишь тогда встает перед нами, когда мы начинаем понимать, насколько мы могли бы обойтись без него. Все осознаваемое уже тем самым делается плоским, мелким, относительным, глупым, общим знаком, стадным сигналом. Растущее сознание есть опасность, и тот, кто живет среди наиболее сознательных европейцев, знает даже, что это болезнь [4, 674, 676]. Итак, сознание — болезнь, а бессознательное — здоро-

Спасительные смыслы самосознания заложены в генетике России, которая не приемлет глобального постмодернизма, не позволяет ему охватить своими информационными сетями и виртуальной гильотиной ее самосознание. А без России постмодернизм захлебнется в своих симулякрах, номадах и ризомах. Россия мистически ищет пути свои в Софии, хотя не отвергает содействия наук и философии. Она тайно и страстно ожидает, предчувствует новое Откровение, ибо смысловые ресурсы первого Откровения на исходе. А без такого Откровения самосознание не отстоять и не удержать, даже если создать ему в помощь эфирную опричнину.

Сегодня Россия ведет войну с Западом именно за сохранение самосознания, за его софийную эволюцию, которая открывает пути спасения человека от ласково-страшных слуг виртуальной инквизиции. Нет у человека логина и пароля — значит, человек ради самосохранения признается в самых немислимых грехах, дабы обрести желаемые ключи входа в Систему Рая.

А без превращения России в виртуальную страну Запад потеряет свою универсальность, станет сомнительным вариантом жизни. И в войне против России, отстаивающей самосознание и мораль, Запад использует коварные вирусно-информационные технологии, полчища самоубийственных программ для поддержки своего Чуда-Юда — искусственного самосознания.

А Россия всегда ждет чего-то фундаментально нового и вместе с тем изначального. И дождалась: близится к концу мнимое информационное всеислие электроники, которая уже теряет свою революционность, и теперь, кажется, ее место занимает светооника — основной ресурс творчества. Все началось с минерала кремния и кристаллов кварца, которые используются в микросхемах, регулируя потоки электронов. Союз человека и световой материи создаст новый тип «умных машин», которые не будут творить искусственное самосознание, а помогут вознестись естественному самосознанию к истокам и вершинам его софийной правды. Но мы не желаем платить метафизический налог за право иметь самосознание, а потому расплачиваемся виртуальным рабством и смертью.

Для понимания чего-либо нужны центр, контекст, координаты, смысловое ядро, посредством общения и размышлений о которых в

вье и смысл! И это пишет тот, кого самосознание одарило силой разума! Европа с помощью постмодернизма разрушает золотой щит самосознания, заменяя его эфирной рекламой. Безумие Ницше, любимца Европы, — это откровение ее тайны. Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты!

человеке сохраняется его самосознание. Сегодня этим смысловым центром служит Россия, несущая софийный факел самосознания вечности⁶.

Литература

1. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М., 1992.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20.
3. *Осипов Ю.М.* Реквием. Роман о романе, или роман с романом. Метафизическая проза. М., 2014.
4. *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1996.
5. *Батайя Ж.* Проклятая доля. М., 2003.

Г.И. МОЙСЕЙЧИК

Философия хозяйства Ю.М. Осипова как методология исследования глобальных хозяйственных систем

Аннотация. В статье проанализирован методологический аппарат мировой теории стоимости, созданной Ю.М. Осиповым. Стоимость является остоном и сущностью любой хозяйственной системы, однако эта сущность изменяется, пребывает в постоянном движении сущностных форм. Базируясь на методологических основаниях мировой теории стоимости, автор попытался развить ее методологический аппарат и применить его к анализу глобальных хозяйственных систем. Был сделан вывод, что именно в построении новых мощных самостоятельных дирижистских систем — собственного финансового центра (национального либо регионального), собственных суверенных денег и структурных финансов, а также суверенной интеллектуальной собственности — заключается залог хозяйственного, финансово-технологического суверенитета национальных экономик.

⁶ Иногда Запад догадывается, что онтологическая загадочность России спасает самосознание Европы от бездн гедонизма. Ж. Батайя отмечал, что Россия «в большей степени благоприятствует возникновению подлинного самосознания», чем Запад, и «даже можно было бы сказать, что без этого напряжения, поддерживаемого коммунистической агрессивностью, сознание не было бы свободным, оно не пробудилось бы!» [5, 152]. Вот как! Западу нужна не просто Россия, а Россия агрессивная, страшная, иначе не возникнет его сознание, которое существует только потому, что оно боится России.

Ключевые слова: мировая теория стоимости Ю.М.Осипова, глобальный неодирижизм, финансово-хозяйственный суверенитет, предстоимость, стоимость, сверхстоимость (послестоимость), стоимостной центр, мировая финансово-технологическая империя.

Abstract. The article analyzed the methodological apparatus of the theory of world value created by Yu.M.Osipov. Value is the core and essence of any economic system, but the essence of the change, in constant motion of essential forms. Based on the above methodological foundations of the theory of global value, author tried to develop his methodological machine and apply it to the analysis of global economic systems. It was therefore concluded that the key to economic, financial and technological sovereignty of national economies is first of all the construction of a new, powerful, global in nature and national-state in form — dirigiste independent system — own financial center (national or regional), own sovereign money and structured finance, and own intellectual property.

Keywords: global theory of value by Yu.M. Osipov, global neo-dirigisme, financial and economic sovereignty, pre-value, super-value (after-value), value-creation center, world financial and technological empire.

Феномен глобального неодирижизма — тема действительно сложная, поскольку имеет дело с двумя объектами исследования — глобальной финансовой системой и национально-государственными системами, которые тоже стали не только частями глобальной системы, но и приобрели глобальную природу и глобальную сущность. Вне этой новой глобальной природы и новой глобальной сущности национальных хозяйственных систем нельзя ни решить, ни даже поставить задачу выделить наиболее значимые и действенные структуры и механизмы взаимодействия. При этом встает и другая, не менее сложная задача — определить целевую направленность такого рода взаимодействия. Здесь в принципе могут быть три версии. Первая — интеграция и подчинение, т. е. превращение национальных хозяйств и их финансовых систем в субглобальные образования под полным контролем глобальных финансовых властей. Вторая — при признании как данности наличия новых транснациональных структур финансовой власти — обеспечения взаимодействия на принципах сохранения национально-государственных страновых суверенитетов. Неразрывно связана со второй третья версия взаимодействия — попытка реформирования транснациональной финансовой организации, обеспечив альтернативные способы, механизмы, формы взаимодействия. Сочетание двух последних версий, на наш взгляд, определяет подходы к расширительной трактовке финансово-хозяйственного суверенитета на основе системного взаимодействия, а не только как обеспечения построения неких

защитительных механизмов. В этом, на наш взгляд, состоит основное различие дискурсов экономического национально-государственного суверенитета и экономической национально-государственной безопасности. Представляется, что дискурс безопасности не может быть самостоятельным, тем более доминантным, но может рассматриваться как составляющая суверенитета в системе целевых приоритетов и координат суверенитета.

Вместе с тем такая постановка задач требует особого, более тщательного исследования строения глобальной финансовой системы, причем не только с точки зрения структуры объекта, но и с точки зрения субъектно-механизменной властной организации. Проанализировав развитие парадигмы политической экономии, включая ее новейшие отрасли в лице институциональной ветви современной экономической теории, а также ветви философии хозяйства, мы пришли к выводу, что исходной категорией и соответственно предметом исследования должна быть стоимость. Именно на основе категории стоимости могут быть научно осмыслены современные и исторические механизмы трансформации хозяйственных систем.

Ведь стоимость, являясь сущностью любой хозяйственной системы, развивается посредством смены своих сущностных форм, которые определяют смену исторических форм хозяйственных систем. Так, финансы являются определенной исторической стадией развития стоимости, одной из ее сущностных форм.

Такой подход, безусловно, является новым для политической экономии и выходит за ее рамки. Он требует парадигмальной революции и создания новой парадигмы науки о хозяйстве, а именно — философии хозяйства. Тем не менее в истории политической экономии были и отдельные вкрапления или попытки рассмотрения стоимости как хозяйственной власти (например, у Ф. Бастиа в XIX в.). Эта точка зрения получила развитие у одного из основоположников институционализма Т. Веблена, по мнению которого финансы являются средоточием хозяйственной власти. И все-таки целостного рассмотрения стоимости как изменяющейся сущности хозяйственных систем, как субъектно-объектного единства, как единства сущностных форм и властной организации политическая экономия не дала и более того — дать не могла.

Причина заключается в том, что политическая экономия базируется на методологии философского материализма, который, с одной стороны, трактует саму стоимость сугубо материалистически и эмпирически, а с другой стороны, руководствуясь задачей установления объективных-де зависимостей, разделяет субъект и объект и удаляет субъект за границы предметной области. Собственно, на почве критики этой

методологической узости политической экономии и родилась философия хозяйства, которая исходила из необходимости принципиальной реконструкции политической экономии на основе философии единства или тождества субъекта и объекта. Основоположник философии хозяйства, величайший русский мыслитель, политэконом, философ, богослов С.Н. Булгаков подверг сокрушительной критике методологические основания политэкономии и показал необходимость и единственный путь ее парадигмального обновления как трансформации в парадигму философии хозяйства.

Главными достижениями парадигмы философии хозяйства, на наш взгляд, были обнаружение исконной методологической «поврежденности» политической экономии, которая довела философский материализм до крайней точки тем, что попыталась заменить собой саму философию. С.Н. Булгаков показал несостоятельность ограничения предметной области политической экономии сугубо эмпирическим уровнем. Он убедительно доказал ущербность сведения труда только к затратам энергии (нервной мускульной и т. п.), поскольку при этом выпадает проективная способность труда, его способность создавать новые технологии взаимодействия человека и природы, раскрыл метафизический смысл хозяйственной деятельности общества и человечества как исторической родовой деятельности. Основываясь на философии тождества субъекта и объекта (Ф. Шеллинг, В. Соловьев), Булгаков сделал величайшее научное открытие, что и философия может преодолеть трагедию разделенности субъекта и объекта только как философия метафизики и трансценденции хозяйственной деятельности человечества. Таким образом, он обосновал необходимость новой синтетической науки — и философии, и теории хозяйства, которая рассматривает предмет в единстве трех уровней — эмпирического, метафизического и трансцендентного.

Надо отметить, что идеи Булгакова используются на Западе в институциональной теории в виде локальных парадигм структурного моделирования, которые исходят из необходимости введения субъекта в предметную область исследований. Однако целостное развитие они получили лишь в новой философско-хозяйственной теории стоимости Ю.М. Осипова, в которой он дал объемное видение стоимости. Осипов показал несостоятельность сведения стоимости к затратам труда, издержкам производства и т. п., что является следствием сугубо эмпирического подхода.

На самом деле стоимость является остоном и сущностью любой хозяйственной системы, однако эта сущность изменяется, пребывает в постоянном движении сущностных форм. Хозяйственные системы по критерию развития стоимости прошли три стадии развития — пред-

стоимости, стоимости и сверхстоимости, или послестоимости. Финансы являются наиболее развитой формой стоимости и имеют тенденцию перерастания в сверхстоимость. Осипов показал наличие стоимостного, или хозяйственного, или финансового, центра как особенности реализации стоимости на стадии мировых, или транснациональных, финансов. Он раскрыл трансцендентную и метафизическую природу подобного центра, которая не сводится к конкретной субъектности (ТНК, МФЦ, МФО). Стоимостной центр выступает как организатор *мирового стоимостного процесса, управляемого и регулируемого*, и является системообразующей инстанцией, которая определяет создание, движение и направленность основных стоимостных потоков. Таким образом, ключевым в создании мировой стоимости становится именно транснациональный, а не микро- и не макроуровень. Осипов показал трансформацию формулы кругооборота капитала и финансового капитала как механизма реализации стоимости.

Базируясь на вышеприведенных методологических основаниях мировой теории стоимости Ю.М. Осипова, мы попытались пойти дальше.

Во-первых, эксплицировать и более детально проанализировать методологический аппарат мировой теории стоимости. Нами установлено, что в ее основе лежит теория о сущности и ипостаси Святоотеческого учения христианской православной церкви. В результате нами установлено, что основные положения теории сущности и ипостаси имеют колоссальный эвристический потенциал и могут быть спроецированы на мировую теорию стоимости и дать толчок к ее развитию.

На базе вышеприведенных методологических посылок стоимость как сущность хозяйственных систем сама предстала как система в единстве сущностных форм и субъектно-иерархической организации. Глубинная и истинная сущность стоимости раскрывается только на трансцендентном уровне. То есть стоимость предстает как трансценденция или организующий принцип устройства системы стоимости. Это — тот дух, которым создается, управляется и поддерживается вся система стоимости. Стоимость не стационарна и неизменна, а трансформируется и реализуется в движении исторических сущностных форм, таких как товар, деньги, капитал, финансы, финансовые технологии, интеллектуально и информационно-финансовые технологии. С точки зрения субъектно-механизменной организации главным становится звено финансово-технологических центров (организованное олигополистически, но имеющее склонность к трансформации в монополию).

Во-вторых, раскрыть важнейшие подсистемы реализации мировой стоимости как единства сущностных форм и субъектно-иерархической организации. Как интегральную характеристику современного гло-

бального дирижизма, на наш взгляд, целесообразно ввести в научный оборот новое понятие — *мировой финансово-технологической империи* (МФТИ). МФТИ включает в себя три подсистемы — подсистему иерархических финансовых центров, которая может быть представлена как триада глобального регионального и офшорного центра, олигополистическую подсистему глобальных денег и подсистему мировой интеллектуальной собственности. При этом синтез мировой финансовой системы, глобального финансового дирижизма и мировой системы интеллектуальной собственности являют собой основной признак мировой финансово-технологической империи. Выражается в трансформации глобальных денег в глобальные структурные финансы, в которых главными активами становятся интеллектуально-финансовые активы и технологии финансового дирижизма (включая технологии манипулирования курсами валют, ценами на биржевые товары (золото, энергоносители, продукты питания и т. п.), моделирования биржевых ожиданий, поведенческих реакций контрагентов и т. п.).

В-третьих, показать, что именно в построении новых мощных, глобальных по сути и национально-государственных по форме — самостоятельных дирижистских подсистем — собственного финансового центра (национального либо регионального), собственных суверенных денег и структурных финансов, а также суверенной интеллектуальной собственности заключается залог их хозяйственного, финансово-технологического суверенитета.

В условиях нарастания процессов глобализации мировой хозяйственной системы, становления глобальной финансовой системы и глобальной финансовой власти центр хозяйственной жизни, равно как и центр хозяйственной власти, перемещается с национального уровня на глобальный. Глобальная финансовая система становится средоточием глобальной финансовой власти и той новой среды, в которой могут осуществлять свою деятельность субъекты хозяйствования нового типа — транснациональные субъекты хозяйствования. Глобальная финансовая система, которая может быть представлена прежде всего как система мировых, региональных и офшорных финансовых центров, резидентами которых являются прежде всего транснациональные корпорации, транснациональные финансовые корпорации в лице денежных, инвестиционных и страховых фондов и компаний, а также международные финансовые организации — противостоит национально-государственному устройству мировой политико-экономической системы, диктует новые правила игры, создавая более предпочтительные условия для деятельности основных субъектов хозяйствования мировой экономики и транснационально поведенчески ориентированного населения (более либеральный режим регулирования и регистрации,

тайна банковских вкладов, льготные условия налогообложения, особая функциональная роль в системе структурных финансов и т. п.).

Формирование глобальной хозяйственной, прежде всего, разумеется, финансовой системы, отнюдь не является нейтральным по отношению к национальным государствам, а создает определенные и достаточно серьезные условия, если не угрозы и вызовы, их хозяйственному суверенитету — в том числе через сформированный глобальный аппарат дирижистского воздействия.

Вместе с тем вопросы, касающиеся раскрытия сущности глобальной финансовой системы, глобального финансового дирижизма как угрозы хозяйственному суверенитету национальных экономик, а соответственно разработки системной стратегии взаимодействия с глобальной хозяйственной властью и ее субъектными носителями, не поставлены отечественной наукой. Несмотря на значимость данных вопросов для Евразийского экономического союза, они не поставлены и там, что обуславливает их актуальность и в формате евразийской интеграции.

Поэтому существует довольно значительный концептуальный пробел, истоки которого — в незнании сущности и механизмов функционирования современной глобальной финансовой системы. Объективными причинами такого пробела, на наш взгляд, являются определенная растерянность отечественной науки перед демаршем неоллиберальной доктрины на фоне распада системы социализма во главе с СССР, падение общественного интереса к развитию собственного институционального направления отечественной экономической науки, пренебрежение к наследию отечественной и мировой науки, чрезмерное пропагандирование и увлечение как ученых, так и политиков, некими готовыми выкладками экономикса, которые являются сугубо эмпирическими, поверхностными, и не могут дать подлинно научного, системного ответа.

В частности, нельзя признать удовлетворительным, более того, следует признать ложным исходный постулат экономикса об эмпирической, материальной природе стоимости, отсутствии в рыночных системах хозяйственной власти. Это — миф, который сегодня не работает. Это признает даже современная институциональная школа. В частности, по мнению Й. Нитцана и Ш. Бихлера, «Т. Веблен был, пожалуй, первым мыслителем, кто рассматривал собственность, финансы и кредит, как центральные властные механизмы капитализма» [1, 14]. По сути дела, современный экономикс объясняет стоимость на уровне субъектов микроэкономики, сводя ее к одномерному, сугубо эмпирическому видению издержек производства и их минимизации. Вообще в истории политэкономии и экономии попытки выделить эмпирически-

ми средствами физической, материальный субстрат в категории стоимости, как следует ожидать по опыту истории философии относительно более фундаментальных попыток выделить подобный субстрат в категории сущности, были довольно неудачными. Свидетельство тому — разные парадигмы стоимости — от трудовой до предельной полезности и эклектической теории факторов производства. Сейчас — новая эклектическая холистическая теория стоимости. Она признает многослойность и, по крайней мере, — макро- и глобальный уровень факторов создания стоимости, среди которых — наука, культура, образование, технологии, бренд, гудвилл, доброе имя — интеллектуальный капитал, который создается и движется по законам защиты и распространения прав интеллектуальной собственности.

Так, в последние десятилетия в рамках теории институционализма появились интерпретации интеллектуального капитала либо интеллектуальных активов (как части стоимости либо стоимость-образующего фактора) на макро- и мегауровне (Ф. Алле, П. Фрейре [2; 3]).

Поскольку стоимость является сущностью любой экономической системы, то истоки подобного деформированного подхода экономической теории, как нам представляется, лежат, во-первых, в искажениях понятия стоимости, а во-вторых, в искажениях философской и дофилософской (теологической) трактовки понятия сущности как таковой.

Исходный постулат философии хозяйства, который необходимо утвердить в качестве не теоремы, но аксиомы современного научного сознания, заключается в необходимости преодоления одномерной трактовки стоимости и выхода за пределы эмпирического уровня, развития теории стоимости путем обеспечения ее объемного рассмотрения на трех уровнях — эмпирическом, метафизическом, трансцендентном. Такая необходимость обусловлена как онтологически, так и гносеологически и парадигмально.

Ключевым парадигмальным решением является обращение к отечественной парадигме философии хозяйства.

Ее создатель С.Н. Булгаков обратил внимание на то, что сведение труда лишь к одному из факторов производства, к издержкам, к затратам, что, собственно, делала политическая экономия и продолжает делать экономикс, не позволяет учесть такую принципиально значимую составляющую труда, какой является идеальная проективная способность, которая воплощается в технологиях.

Сегодня, фиксируя наличие производственных, финансовых, информационных, управленческих технологий, следует констатировать, что именно эта сторона труда проявляется, с одной стороны, в развитии сущностных форм стоимости (финансовые технологии, интеллектуальные активы, интеллектуально-финансовые активы), а с другой —

в возникновении новых субъектных носителей этих форм (в лице международных финансовых компаний, организаций, центров). Более того, следует признать, что система мировых финансовых центров — это новая хозяйственная субстанция, альтернативная мировой хозяйственной системе, понимаемой обычно как совокупность национально-государственных хозяйств, действующая по своим законам и правилам и обеспечивающая гигантскую концентрацию капитала в странах размещения финансовых центров.

В онтологическом смысле необходимость обращения к идеальным метафизическому и трансцендентному уровням познания стоимости и сущности стоимости сегодня продиктована самим объективным и уже повсюду обнаружившимся вскрытием в самой экономической реальности ряда идеальных моментов стоимости. В процессах виртуализации и информатизации хозяйства деньги зримо и причем на наших глазах превратились в идеальную субстанцию — в учетную запись, в счет на электронной карточке, в торговлю беспоставочным базисным активом, а по сути — в торговлю чистым количеством. Интеллектуальная, или духовная, собственность как главная составляющая нематериальных активов превратилась в системообразующий элемент всей нынешней экономической детерминации. 60—80% активов современных передовых транснациональных компаний мировых брендов приходится на нематериальные активы. По статистике, в США более половины, а в ЕС и Японии более трети совокупных инвестиций приходится на инвестиции в интеллектуальную собственность. Именно в области интеллектуальной собственности разворачивается глобальная конкурентная борьба за мировые рынки сбыта. Далее, в глобальном хозяйстве появляются новые, неизвестные ранее субъекты-носители стоимости — мировые финансовые центры, которые диктуют правила поведения всей мировой хозяйственной системе.

Все это означает, что стоимость раскрывается в новых, не охваченных до сих пор устоявшимся и общепризнанным, введенным в официальный научный мейнстрим как отечественной, так и зарубежной науки знаниям.

Впрочем, в последнее десятилетие зарубежная научная мысль отреагировала на необходимость осмысления новых данностей хозяйственной жизни «холистической теорией стоимости», которая представляет собой эклектический набор различных знаниевых элементов — психологии, суггестии, оккультизма, социальной инженерии и менеджизма. В США был основан «метафизический клуб» и появились такие знаковые публикации, как, например, книга Коринны Маклофлин «Деньги как духовный актив» (2004) [4], где автор рассматривает

деньги как частицы (монеты или банкноты) и как волны (потоки финансовой энергии).

В рамках холистической теории стоимости институционализма вводятся такие понятия, как архетипы стоимости, которые включают простой и сложный материальный и простой и сложный нематериальный архетипы [3, 87].

В отечественной науке необходимость системного исследования материальных и нематериальных факторов стоимости освещена рядом авторов в ряде исследований, тем не менее политическая экономия, или фундаментальная экономическая теория, продолжает оставаться (увы!) в плену стереотипов трактовки стоимости как общественно-необходимых затрат труда. Отдельные предпринимаемые модификации этого откровенного фундаментального постулата отнюдь не отменяют его, что сковывает развитие науки о хозяйстве.

Приведенные выше аргументы поясняют актуальность и значимость скорейшего включения в отечественную экономическую теорию новейших научных достижений новой, философско-хозяйственной, парадигмы стоимости и необходимость развития новой, синтетической, мировой теории стоимости.

Гносеологически мы обратились к самым основательным и глубинным философским и Святоотеческим учениям о сущности. Выяснилось, что указанные учения подвергли материалистический подход к интерпретации сущности основательной и сокрушительной критике.

В частности, были убедительно доказаны ущербность и антинаучность сведения сущности к материальному субстрату. Это неверно ни с точки зрения онтологии, ни с точки зрения гносеологии. Если попытаться свести стоимость к материальному субстрату, то вне поля зрения остаются процессы транснационализации, финансизации, информатизации, виртуализации, интеллектуализации экономики и соответственно — стоимостного процесса. В тех же финансах, деньгах, интеллектуальной собственности при всем желании вряд ли можно найти материальную субстанцию.

С точки зрения гносеологии истоки постулата о материальной природе сущности, соответственно, стоимости как сущности хозяйственной системы известный английский философ Дж. Беркли, например, усматривал в манихейской ереси и арианстве как поздней версии манихейства. Мы, проанализировав различные гносеологические версии троического богословия, пришли к такому же выводу. Важнейший постулат арианства состоял в том, что все иное, нежели Бог, из того, что действительно существует, чуждо Богу по сущности, имеет иную, свою собственную сущность. Отсюда — сущность имеет область своего определения физический (эмпирический) уровень, может быть

определена сугубо на физическом уровне, как самостоятельная сущность, вне связи с метафизическим и трансцендентным. Имеет место сущность несущего (материального), сущность сводима к некоему общему материальному субстрату единичных физических объектов или субстанции. В ипостаси же как системной категории сущности нужды нет.

Следствием этого методологического изъяна было разделение материи и сознания, субъекта и объекта и помещение сущности как квинтэссенции объективного сугубо в область материального, материальных, единичных объектов, из которых субъект элиминировался. Из истории философии известен и другой подход. Например, Аристотель понимал сущность как морфему — общее родовое понятие и как общее (природное, физическое) единичных материальных объектов.

Троическое богословие Святоотеческого учения впервые преодолело эту дилемму, четко обозначив то, что единосущие не означает ни единства природы (материи) (эмпирический уровень), ни единства родовых понятий (метафизический уровень), а означает *единство по сущности-трансценденции*. Дж. Беркли придерживается подобной точки зрения, поскольку трактует сущность как «Дух Премудрости, которым создается, управляется и поддерживается вся система сущего» [5, 152]. Тем самым было обосновано единство трех уровней познания сущности — эмпирического, метафизического и трансцендентного. Как следствие, сущность предстала как развивающаяся система троических понятий на трех уровнях.

Другой крупной методологической погрешностью материалистического видения было представление о стационарности и неизменности сущности. На самом деле сущность подвержена изменениям и трансформациям, она эволюционирует в движении и развитии сущностных форм, которые объединены единосущием более глубокого порядка. Развитие сущностных форм как раз исследуется на метафизическом уровне, а единосущие — как сущность более глубокого порядка — на трансцендентном. Подобная градация понятия сущности была характерна для Святоотеческого учения, которое впервые ввело разграничение сущности и ипостаси. Ипостась первоначально понималась как самостоятельное конкретно-сущее, однако не в объектах, но в субъектах, прежде всего метафизических. Эту мысль Св. Григорий Нисский выразил так — «сущее не нуждается в несущем»... «западные по бедности языка не различают сущности и ипостаси» (хотя, заметим, этимологически слово «субстанция» означает *под-сущность*, причем эта подсущность трактуется превратно — из сугубо идеальной она подменяется материальным субстратом).

Парадигмально следует признать, что и классики политической экономии, в частности, А. Смит, Дж. Ст. Милль и чуть менее известный Сэмюэл Бейли, фрагментарно включали в орбиту своих исследований метафизический и трансцендентный уровни стоимости.

Из классической политэкономии нам известны, по крайней мере, три трансцендентных определения стоимости — стоимости как самовозрастающей стоимости (С. де Сисмонди)⁷, стоимости как власти над количеством, которое конституирует стоимость (С. Бейли)⁸ и эсхатологии стоимости как Апокалиптического числа зверя (К. Маркс) и телеологии стоимости как апокалиптического движения. Во всех определениях суть стоимости сводима к количеству, числу, цифре — разумеется, социальным. Святой Василий Великий же прямо указал, что количество, в отличие от слова, имеет телесную, материальную природу. Таким образом, трансцендентное понимание стоимости как социального количества объясняет, почему эмпирический уровень в изучении стоимости мог стать доминантным, и в конце концов полностью отмежеваться от двух других. Г. В. Флоровский показал, что это было сделано идеологически М. Лютером в форме дискредитации учения Д. Ареопагита. С. Н. Булгаков — что это было сделано в форме подмены политической экономией философии хозяйства.

Подчеркнем, что, оказывается, и метафизический, и трансцендентный уровни познания и исследования стоимости были выполнены в классической политической экономии, включая Маркса. Что такое тезис А. Смита о «невидимой руке» рынка, как не прямое указание на трансцендентную природу стоимости? Маркс, в частности, указал на фетишизм товаров, денег, капиталов. Он дал определение капитала как сущностной формы стоимости, как «абстракции в действии», «самовозрастающей стоимости» и как иерархии сущностных форм и субъектных носителей (торговый, промышленных, ссудных капиталов и капиталистов) — в духе Святоотеческой трактовки ипостаси как самосущего (самостоятельно бытийствующей сущности), как соотносительности ипостаси и сущности, и сущностно-субъектной ипостасной иерархии. Маркс показал внутреннюю связь между стоимостью и формами стоимости.

Тем не менее, несмотря на отдельные попытки вкрапления в политическую экономию трансцендентного и метафизического, целостного концептуального представления о стоимости как о предмете, где сходятся все три уровня познания, не было.

⁷ «Капитал... непрерывно умножающая себя стоимость» (цит. по: [6, 176]).

⁸ «Власть над количеством... конституирует стоимость» (цит. по: [6, 59]).

В предыдущих публикациях нами показано, что впервые подобное единство было достигнуто в парадигме мировой стоимости философии хозяйства, автором которой является выдающийся российский ученый Ю.М. Осипов. Величайшим научным достижением парадигмы мировой стоимости философии хозяйства является системное и по сути новое видение стоимости.

Таким образом, одномерное видение стоимости и сведение ее к эмпирическому — не работают на макро- и тем более на мегауровне. Эмпирический уровень — уровень материальных объектов и количественных измерений и зависимостей — должен быть дополнен метафизическим и трансцендентным уровнями, прежде всего рассматриваемыми через призму новых субъектных носителей — национальных, наднациональных и транснациональных, и соответствующих сущности мировой стоимости ее новых сущностных форм. Стоимость явилась как системообразующий элемент экономической детерминации, представленный эволюционирующим единством сущностных форм и субъектно-иерархической организации стоимостного процесса.

В российской экономической литературе исходная проблема взаимодействия национальных и глобальных систем дирижизма исследована на высоком научном уровне — прежде всего основоположником современной школы философии хозяйства Ю.М. Осиповым и его сподвижниками — представителями петербургской ветви философии хозяйства — в частности, В.Т. Рязановым и С.А. Дятловым.

Ю.М. Осипов убедительно показал наличие центра глобальной хозяйственной власти, который помещен именно на глобальном уровне, исходя из чего подлинная сущность транснационального, как и подлинная сущность стоимости, раскрываются на трансцендентном уровне.

Характеризуя механизмы взаимодействий глобального и национального, Ю.М. Осипов усматривает прямую угрозу для национальных экономик превратиться в субэкономики, подчиненные глобальному хозяйственному центру, передав ряд полномочий национально-государственного регулирования наверх [7, 121]. Собственническая и властная компонента стоимости — это, собственно говоря, ее субъектность. В.Т. Рязанов употребляет понятие *мировой либеральной империи* [8, 129], а также локальной империи в виде Евросоюза. Представляет интерес его точка зрения на проблемы кризиса евроинтеграции как имеющие причиной то, что демонтаж национально-государственных механизмов, прежде всего монетарного регулирования, не был возмещен построением соответствующих общеевропейских механизмов. С.А. Дятлов утверждает схему энтропийного менеджмента и взаимодействия глобального и национального хозяй-

ственных комплексов [9]. Энтропийный менеджмент, будучи порожден глобальными структурами, распространяется и воспроизводится на уровне национальных экономик и выражается в стремлении к необеспеченной денежной эмиссии, росту госдолга, инфляции, в конечном итоге — дестабилизации и деструкции.

Таким образом, сценарии взаимодействия глобального и наднационального у вышеназванных авторов сводятся к трем схемам: 1) насильственной (или по крайней мере навязанной сверху глобальной властью интеграции, которая исходит из уже вполне реального глобального имперского центра (точка зрения Ю.М. Осипова⁹); 2) к децентрализованной (полицентричной) и дерегулируемой глобальной либеральной империи, которая в перспективе никогда не сможет стать единым центром и единым мировым правительством (точка зрения В.Т. Рязанова); 3) к распространению единых энтропийных сценариев регулирования, кризисогенность которых рано или поздно приведет к поиску антиглобальной альтернативы (точка зрения С.А. Дятлова).

На наш взгляд, указанные схемы отнюдь не противоречат друг другу, а позволяют раскрыть всю глубину и противоречивость, незаданность и неоднозначность процесса. Именно такое многомерное, объемное знание дает возможность разработать верный, системный, взвешенный, одним словом — правильный — сценарий развития, который подходит как Белоруссии, так и России и Евразийскому Союзу. Он заключается в обосновании возможности достижения и выстраивания суверенной позиции для национальных экономик по основным существенным направлениям и подсистемам, в которых реализуются современная глобальная финансовая система и мировая финансовая империя.

Эти направления и подсистемы следующие: система глобальных денег, система мировых финансовых центров, система мировой интеллектуальной собственности и система мировых структурных финансов, система мирового высокотехнологичного военно-промышленного и информационно-промышленного комплексов (так называемая «индустрия 4» как лозунг новой промышленной революции на базе информационных, интернет, нано- и кибертехнологий — не что иное, как программа конверсии военно-промышленных технологий в виде роботизации и информатизации бытовой техники, создания «умной» среды проживания и обитания, био- и медицинских технологий, фармакологии как превентивной части биологического и химического и нейрорпсихического оружия). При этом, как нам представляется, что подтверждается и фактами недавней истории — именно

⁹ Кстати, наличие глобального имперского центра не отрицает и Дж. Сорос.

достижение серьезного технологического прорыва на волне смены технологических укладов в 1985—1990 и 2010—2015 гг., обеспечение перевеса глобально-центричной системы США, Западной Европы и Японии, формирование глобальной технологической олигополии создали ту платформу, тот базис возможностей, который позволяет потеснить страны-носители традиционных укладов, возглавить хозяйственную и финансово-технологическую глобализацию и «продать решение» о длительном снижении цен на важнейшие сырьевые и традиционные энергетические составляющие промышленного производства и потребления.

Поэтому именно в подсистемах мировой финансовой империи должны быть сосредоточены усилия по реформированию национальных экономик, причем обеспечивающие активную, а не пассивно-приспособительную стратегию взаимодействия. Важно обратить внимание также и на значимость национально-государственных усилий по реформированию мировой финансовой власти, а также на возможности *альтернативного* межгосударственного трансрегионального взаимодействия — т. е., межрегионального взаимодействия местных органов власти различных государств.

Литература

1. *Nitzan J., Bichler Sh.* Capital as Power A Study of Order and Creorder. Routledge; N. Y., 2009.
2. *Allee V.* The Value Evolution: Addressing larger implications of an intellectual capital and intangibles perspective // Journal of Intellectual Capital. 2000. No. 1.
3. *Fernandes M.T.* A Holistic and Cultural view of Value/Advances in Management & Applied Economics. 2012. Vol. 2. No. 1 // http://www.scienpress.com/Upload/AMAE/Vol%202_1_4.pdf.
4. *McLaughlin C.* Money as a Spiritual Asset. N. Y., 2004.
5. *Беркли.* Соч. М., 1978.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23.
7. *Осипов Ю.М.* Эпоха Постмодерна. М., 2004.
8. *Рязанов В.Т.* Кризис глобализации и его системные последствия // Философия хозяйства. 2012. № 4.
9. *Дятлов С.А.* Энтропийная экономика: теоретико-методологический аспект // Философия хозяйства. 2012. № 4.

А.В. БАБАЕВА, Т.А. СМЕТАНИНА

Проблема качества жизни сквозь призму культурных предпочтений жителя мегаполиса: Нижний Новгород*

Аннотация. Анализируются проблемы эффективности функционирования сферы культуры в аспектах личностного роста жителя современного мегаполиса (на примере Нижнего Новгорода) и социального благополучия государства в целом.

Ключевые слова: культурное производство, культурное потребление, культурный продукт, качество жизни, культурная политика.

Abstract. The article analyzes the problems of efficiency of functioning of the sphere of culture in the aspects of personal growth inhabitant of the modern metropolis (for example Nizhny Novgorod) and social well-being of the state as a whole.

Keywords: cultural production and cultural consumption, cultural product, quality of life, cultural policy.

К проблемам *качества жизни* и связанным с ней исследованиям *степени удовлетворенности жизнью*, или *субъективного благополучия* (subjective well-being) человека, обращаются сегодня в поиске решения как теоретических, так и сугубо практических задач, стоящих перед обществом. Разработка социальной и культурной политики, оценка степени ее эффективности предполагают научно обоснованное понимание реального состояния дел в этой области. Сам предмет исследования определяет междисциплинарный характер такого рода изысканий. При этом культурный фактор формирования качества жизни признается одним из ведущих не только гуманитариями, но и представителями естественных наук. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает трактовать качество жизни как восприятие людьми своего положения в обществе в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами.

В современных отечественных исследованиях качества жизни большое внимание уделяется сфере экономики — материального производства, потребительского поведения, и политическому климату. Например, ВЦИОМ ежемесячно рассчитывает индексы социального самочувствия населения различных регионов России, используя такие показатели, как удовлетворенность жизнью, социальный оптимизм, материальное положение, экономическое положение страны, полити-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного совместным конкурсом РГНФ и Нижегородской области научного проекта № 14-13-52002.

ческая обстановка, общий вектор развития страны [1]. Проблемы культурного производства и потребления, специфики культурного продукта, противоречия в удовлетворении культурных запросов населения далеко не всегда получают должное освещение. Это тем более несправедливо, поскольку современные государства, заявляющие о своей социальной ориентированности, высоко оценивают роль культуры в развитии отдельной личности и общества в целом¹⁰.

На современном этапе приобщение к отечественному и мировому культурному наследию мыслится как действенный механизм осуществления демократизации социальных практик — с одной стороны, и инструмент накопления культурного капитала общества — с другой.

Последнее становится все более актуальным по нескольким причинам.

Во-первых, жизнедеятельность постиндустриального общества осуществляется в условиях трансформации *экономики производства* в *экономику знаний*, и, как следствие, ведущим фактором социализации становятся знания, опыт и ценности. Во-вторых, технократизация и информатизация жизни существенным образом модифицируют *традиционные культурные институции* и меняют их роль в формировании нормативных практик. В-третьих, социально-политические реформы в России настойчиво требуют разрешения вопроса о *субъектах культурной политики* и ее направленности, поскольку государственно-монополистическое управление в сфере культуры все больше уступает место региональным структурам, и культурные практики выстраиваются на принципе полисубъектности.

Обозначенные современной культурной индустрией новые образцы, модели и практики нуждаются в детальном анализе. Особое значение представляют проблемы динамики культурной сферы и оптимизации культурной политики. Критерием адекватности уровня развития государства и эффективности его функционирования, в соответствии с Программой развития ООН [3], является «индекс человеческого развития», предполагающий рассмотрение такого фактора, как «культурные потребности населения», а именно: доступность продуктов культурного производства (географическая, ценовая) и степень удовлетворенности качеством этой продукции.

В целях изучения культурных потребностей жителей российской провинции и уровня их удовлетворенности функционированием сферы культуры в октябре 2014 г. в Нижнем Новгороде было проведено со-

¹⁰ Послание Президента РФ 2014 г.: «Мы знаем всеохватывающую, объединяющую роль культуры, истории, русского языка для нашего многонационального народа и с учетом этого должны выстраивать государственную политику...» [2].

циологическое исследование «Ваше мнение о культуре». Следует отметить, что в содержание дефиниции «культурное» при этом был включен широкий спектр параметров: от политического момента жизни провинции (например, удовлетворенность соблюдением демократических свобод и наличием демократического законодательства) до оценки экологической обстановки в регионе и собственно деятельности культурных институций, в частности, расширение числа театров, музеев, учреждений досугового характера. При проведении исследования авторы стремились выявить как субъективный момент — самооценку человеком уровня своего благополучия, так и специфику самоощущения отдельных социальных групп. Население мегаполиса дифференцировалось по полу, возрасту, уровню дохода и образования, этнической и религиозной принадлежности.

Данные опроса, в котором участвовали 1000 респондентов, в первом приближении обозначили следующее: нижегородцы оценивают свой культурный уровень невысоко — средний балл составил всего 6,05; впрочем, как и свое место в обществе — 5,65. Как видим, уровень удовлетворенности жителя мегаполиса качеством собственной жизни не высок, причем оценки своего культурного уровня, уровня материальной обеспеченности и своего места в обществе (ощущение ограниченности возможности участия в общественной жизни, низкая степень доступа к различным благам и ценностям, а также исключенность из сферы принятия решений) в целом совпадают (табл. 1).

Таблица 1

Уровень удовлетворенности жителя Нижнего Новгорода качеством своей жизни

Высокое		Высокий		Высокое	
10	1,4	10	2,1	10	0,4
9	2,3	9	3,4	9	1,9
8	7,6	8	10,4	8	4,2
7	16,9	7	20,0	7	11,8
6	22,1	6	24,3	6	19,9
5	31,2	5	28,6	5	29,7
4	10,4	4	7,8	4	14,9
3	6,2	3	2,8	3	14,0
2	1,3	2	0,2	2	2,2
1	0,7	1	0,2	1	1,0
Низкое		Низкий		Низкое	

Баллы выводились на основании соотношения параметров по числовым шкалам (от 1 до 10): 1 — своего места в обществе, 2 — своего культурного уровня и 3 — своего материального благосостояния.

Обращает на себя внимание тот факт, что уровень оценки нижегородцев собственного материального благосостояния — самый низкий из всех представленных параметров — 5,12. В свете данного обстоятельства неудивительно, что расходная статья бюджета нижегородца «на культуру и образование» составляет всего 5,9% от ежемесячного дохода (табл. 2).

Таблица 2

Как расходуется (приблизительно) среднемесячный бюджет вашей семьи или ваш личный, если собственной семьи нет?

	Рублей	%
1. На питание	11 963	40,5
2. На коммунальные расходы (или проживание в общежитии, аренда)	5 310	18,0
3. На транспорт	2 145	7,2
4. На удовлетворение культурных, образовательных потребностей	1 759	5,9
5. На отдых в кафе, ресторане, среди друзей	1 870	6,3
6. Другие расходы	6 473	21,9

Как видим, расходы на «культуру» являются самой мало финансируемой статьёй бюджета нижегородцев — на базовые потребности (физиологические, экзистенциальные и социальные — перемещение в социальном пространстве, транспорт) жители вынуждены тратить примерно 2/3 своих доходов. В этом отношении всестороннее удовлетворение культурных потребностей предстает в глазах нижегородцев своего рода «роскошью». Данный вывод подтверждается и тем обстоятельством, что 43,5% респондентов на вопрос: «Есть ли у вас время, средства, иные возможности организации своего культурного досуга?», заявили, что «есть и время, и доступ, но нет средств» (имеется в виду денежных). А на вопрос: «Планируете ли вы в своем семейном/личном бюджете траты на культуру?», 19, 8% респондентов признали факт, что возможности тратить на культуру у них нет.

Напрашивается вывод, что именно невысокий уровень благосостояния жителя Нижнего — *критерий финансовой состоятельности* — является основополагающим барьером к удовлетворению его культурных потребностей. Но результаты опроса демонстрируют чрезвычайную значимость, по мнению самих нижегородцев, *правового критерия*

рия: жители явно ощущают необеспеченность конституционных гарантий на реализацию культурных прав. Так, на вопрос: «Как вы считаете, для вас сегодня обеспечены права в области культуры?», 49,8% респондентов ответили, что их право «равного доступа к культурным ценностям Российского государства» обеспечено не в полной мере; 43,1% полагают себя ограниченными в «свободном занятии культурным творчеством»; а 53,3% отмечают, что их право на «полноценное принятие решения об эстетическом облике архитектуры новых строящихся районов города и отдельных зданий» не обеспечено вовсе.

Естественно, встает вопрос о содержательной стороне культурной жизни Нижнего Новгорода, что составляет суть *когнитивного критерия* удовлетворенности деятельностью культурных институций. Мы рассматриваем культурные институции как организационно-структурные комплексы, в функционал которых входят: а) удовлетворение собственно культурных потребностей в формировании человеческой сущности (интеллектуальных, духовных, творческих и иных запросов личности); б) трансляция определенных социальных норм (социализация и механизмы социального контроля). В этой связи приходится признать, что уровень культурных потребностей российской провинции крайне невысок. Сфера культуры существует в двух аспектах функционирования: культурное производство и культурное потребление. Нижегородец преимущественно сводит интересы в сфере культуры к области культурного потребления, причем, как показывают результаты исследования, концентрируются они на формах проведения досуга и, в основном, в зоне микромира (табл. 3).

Таким образом, у нижегородцев в сфере досуга приоритеты отданы телевидению, интернету, чтению, семье, даче, «просто отдыху». Свободное время — неотъемлемая часть повседневной реальности, жизненного мира человека. И, судя по результатам опроса, этот мир все более атомизируется и индивидуализируется, т. е. доля общественного сокращается, уступая место личностному, частному. Но ценность досуга изначально заключалась не только в самовыражении на уровне индивидуального бытия. Институционализация свободного времени, причем как развлекательная составляющая, так и информационная, — важнейший момент социокультурных практик, поскольку посредством организационных форм досуга личностью усваиваются социально значимые нормы, ценности и идеалы. В свете этого абсолютно нерентабельно отпускать эту сферу в «свободное плавание».

Кстати, респонденты видят необходимость «опеки» культуры со стороны властей. На вопрос: нужна ли сегодня государственная поддержка учреждениям культуры, только 20% опрошенных ответили отрицательно; мнения большинства нижегородцев сходятся в том, что

культуре без вмешательства властей не выжить, при этом свыше 50% давших положительный ответ считают, что поддержка должна осуществляться на федеральном уровне. В свете невысоких оценок своего материального благосостояния и высокого показателя неудовлетворенности реализацией своих прав в области культуры, ожидания усиления государственных гарантий в этой сфере вполне закономерны.

Таблица 3

Чем вы обычно занимаетесь в свободное время?

1	Читаю газеты, журналы	47,8
2	Посещаю дискотеки, ночные клубы	7,1
3	Посещаю спортклубы, секции, тренировки	17,0
4	Посещаю кино	34,9
5	Посещаю театральные спектакли, концерты	14,7
6	Занимаюсь дополнительно для повышения квалификации, обогащения знаний	8,6
7	Посещаю музеи, выставки, вернисажи	9,1
8	Занимаюсь домашним хозяйством, детьми, дачей	67,7
9	Имею хобби (рукоделие, фотография, моделирование и т. д.)	22,6
10	Участвую в работе общественных организаций, движений	1,7
11	Занимаюсь в различных кружках художественной самодельности (музыка, танцы и т. д.)	1,8
12	Занимаюсь техническим творчеством	3,4
13	Увлекаюсь компьютером, играют в компьютерные игры	24,1
14	Интернетом	54,2
15	Смотрю телевизор, видео	84,9
16	Слушаю радио	29,7
17	Читаю книги	37,5
18	Слушаю музыку	39,1
19	Посещаю кафе, бары, рестораны	20,4
20	Посещаю политические организации, собрания, митинги	1,6
21	Провожу время на природе, рыбалке и др.	34,1
22	Встречаюсь и общаюсь с друзьями	55,1
23	Посещаю церковь, другие религиозные собрания	21,1
24	Просто отдыхаю, расслабляюсь	56,7

Тема государственной поддержки сферы культуры имеет непосредственные линии корреляции с проблемой конструирования личностной идентичности жителя современного мегаполиса. Согласно подходу В.И. Ильина, характер культурного потребления на сегодняшний день во многом определяет процесс и формы самоопределения человека [4], поэтому культурные предпочтения следует расценивать как способы самореализации и механизмы саморефлексии за пределами профессиональной сферы деятельности, которая «съедает» сегодня львиную долю временных, экзистенциальных и физических ресурсов личности. В этой связи становится понятно, почему нижегородцы обозначают зависимость степени успешности человека от уровня его общего культурного развития: 42,6% опрошенных считают эту зависимость очень значительной; 30,9% — признают таковую.

При этом нижегородцы практически единодушны в том, что для обеспечения конкурентоспособного развития России необходимо повышать культурный уровень ее граждан: признают непосредственную зависимость развития страны от культурного уровня жителей — 51,4% опрошенных; а 36,9% считают, что повышение уровня культуры граждан может способствовать развитию России. Но на вопрос, как меняется роль культуры в современном российском обществе, нижегородцы отвечают следующим образом: «возрастает» — 22%, «не меняется, оставаясь высокой» — 14,2%, «не меняется, оставаясь низкой» — 33,2%, «снижается» — 30,6%. Как видим, более половины респондентов (63,8%) расценивают успехи культурной политики, ее влияние на общественные процессы, весьма пессимистично.

Казалось бы, данные неутешительны: снижение культурного уровня, недостаточность материальных ресурсов на удовлетворение культурных потребностей, ограниченность в сфере принятия решений — все это должно обуславливать невысокую оценку качества жизни в мегаполисе. Однако, как показывают результаты исследования, уровень удовлетворенности функционированием культурной сферы в целом — культурным пространством и его насыщенностью — в глазах нижегородцев достаточно высок: средний балл по десятибалльной шкале составляет около 8, что можно расценить как признание достижений культурной политики на муниципальном уровне.

Обращает на себя внимание ответ нижегородцев на вопрос: «Интересуетесь ли вы событиями, происходящими в сфере культуры?». Выводы парадоксальные: на фоне высокой оценки значимости культурной сферы и признания необходимости ее развития пятая часть жителей Нижнего (20,8%) не проявляет интереса к функционированию культуры как таковой, а около 70% интересуется фрагментарно. Как было отмечено выше, нижегородцы практикуют пассивное потребление

ние уже готового культурного продукта, находящегося в шаговой доступности. Когда же их просили обозначить сферу культурной деятельности, где они хотели бы участвовать в качестве создателей некоего нового продукта: проявить себя в интеллектуальной, театральной, патриотической, вокальной, хореографической или иной творческой области, лидером предпочтений оказалась сфера, имеющая отношение к спорту. Это показывает, что усилия нижегородских властей по строительству физкультурно-оздоровительных комплексов не пропали даром. Культурные потребности, как и любые другие, можно и нужно формировать. Отсутствие же возможностей их удовлетворения, напротив, может привести к атрофии самой потребности в той или иной культурной практике.

Данные социологического исследования демонстрируют непростую ситуацию относительно традиционных культурных институций. Так, за последний год 81,8% жителей Нижнего Новгорода ни разу не были в библиотеке, 65,3% — в театре, 75,8% — в музее, 77% — на познавательных экскурсиях; не пользуются популярностью и фестивали (72,5%), и практически не востребованным оказывается такой вид организации культурного досуга, как паломничество — его не практикуют 93% нижегородцев. Проблемы низкой востребованности указанных сегментов культурной сферы заключается не только в их «архаичности». Как уже отмечалось, основополагающим факторами в данном случае стоит рассматривать географическую и ценовую доступность. Нижегородцы отмечают, что в случае организации единой электронной базы данных культурной продукции в Интернете они активно пользовались бы информацией следующего содержания: сайтами музеев — 25,7%, сайтами театров — 26,4%, сайтами свободно доступных спектаклей — 26,8%; публичной электронной библиотекой — 25,1%. Полученные данные свидетельствуют, что житель крупного города высоко оценивает роль традиционных культурных институций в социализации личности (табл. 4).

Итак, осознание нижегородцами ценности и значимости роли традиционных культурных институций наводит на мысль о весомости такого фактора культурной политики, как культурный маркетинг. К сожалению, в России его качество оставляет желать лучшего. Для сравнения: в Китае, Финляндии, США сегодня библиотека — один из самых востребованных социокультурных институтов [5, 148], правда, облик библиотек существенно изменился, а функции расширились. По данным же нашего опроса, более 50% жителей российского мегаполиса фактически лишены интереса к развитию этого сегмента культурного пространства, т. е. роль самого института оценивают высоко, но для себя лично в посещении библиотек смысла не видят.

Таблица 4

Что в культуре, с вашей точки зрения, дает наибольший эффект для развития личности (можно выбрать любое количество ответов)

1	Посещение драматических театральных постановок	50,5
2	Посещение оперы	32,6
3	Посещение балетных спектаклей	26,2
4	Участие в художественной самодеятельности	23,7
5	Чтение художественной литературы, поэзии	67,2
6	Чтение поэзии	34,1
7	Посещение музеев	50,3
8	Посещение выставок современного искусства	33,1
9	Посещение художественных выставок	42,8
10	Посещение эстрадных концертов	13,9
11	Посещение фестивалей народного творчества	22,8
12	Посещение цирковых представлений	10,5
13	Другое	2,4

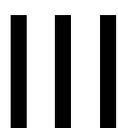
Сужение и автономизация сферы досуга горожан для властных структур влекут за собой существенное сокращение статьи расходов. Но, необходимо помнить, что «издержки» при этом значительно превышают долю экономленных ресурсов. Во-первых, культурное потребление делает резкий крен в сторону потребительства и, как следствие, существенно дорожает. Более того, выбор культурного продукта определяется в этом случае не столько свободным выбором потребителя, а скорее представляет собой результат навязывания культурной индустрией, особенно на ранних этапах социализации личности. Во-вторых, утрата разумной государственной опеки над функционированием досуговой сферы грозит потерей значительной доли культурных ценностей и традиций, нарастает опасность культурной маргинализации населения. В-третьих, адаптационные возможности культурной среды для безболезненного включения провинции в инновационный проект развития страны при этом оказываются не действенными. В-четвертых, сужаются возможности коммуникативной функции культуры.

Итак, значимость сферы культуры для личностного роста и социального благополучия оценивается населением весьма высоко. Эта установка общественного сознания, сформированная еще в советское время, по-прежнему определяет ожидания нижегородцев по отноше-

нию к государственной политике в области культуры. Пессимистичная же оценка роли культуры в современном российском обществе связана с невозможностью для очень значительного числа жителей мегаполиса участвовать в его культурной жизни. В восприятии нижегородцев реализация их конституционных прав в области культуры определяется уровнем материального благосостояния и степенью влияния на принятие решений в данной сфере. Показатели самооценки горожан по указанным параметрам весьма низкие. Возможно, этим объясняется тот факт, что самоощущение жителя мегаполиса сегодня трудно назвать комфортным (около 5 баллов по десятибалльной шкале). Семейно-бытовой досуг нижегородцев сосредоточен, преимущественно, в «ближнем» жизненном пространстве и связан с пассивным потреблением наименее затратных форм культурного продукта. При этом интерес к широкой культурной проблематике и потребность в творческой активности заметно снижены, приходится с сожалением констатировать, что уровень культурных запросов нижегородцев не очень высок. В то же время вселяет оптимизм тот факт, что детализация параметров включенности личности в культурное пространство Нижнего Новгорода дает показатели выше среднего. Это отражает позитивную, в целом, оценку нижегородцами усилий городских властей по формированию культурного климата и повышению качества жизни в российской провинции.

Литература

1. Официальный сайт ВЦИОМ // <http://wciom.ru/public-mood>.
2. <http://adm-ussuriisk.ru/government/poslanie-prezidenta-rf-na-2014-god/>.
3. <http://www.igidr.ac.in/pdf/publication/WP-2013-020.pdf>.
4. *Ильин В.И.* Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ, 1917—1996 гг. Сыктывкар, 1996.
5. *Горюшкина С.Н.* О некоторых аспектах культурных потребностей населения России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. № 2(12).

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

К.А. ХУБИЕВ

Потенциал развития и факторы торможения российской экономики

Аннотация. Работа посвящена исследованию внешних и внутренних факторов российской экономики, вызовам и угрозам геополитического порядка, анализу проблем замедления темпов роста, качественного ухудшения основных макроэкономических показателей экономики России, системных деформаций и рисков.

Ключевые слова: российская экономика, факторы, вызовы, риски, кризис.

Abstract. The article is devoted to research of external and internal factors of the Russian economy, challenges and threats of a geopolitical order, the analysis of growth rates delay, qualitative deterioration of the main macroeconomic indicators of the Russian economy, system deformations and risks.

Keywords: Russian economy, factors, challenges, risks, crisis.

Быстротечное время, подчиняясь закону его исторического ускорения, множит актуальные проблемы, в решении которых экономическая наука все чаще запаздывает, вызывая в свой адрес справедливую критику. Так было в 2008 г., когда она не смогла распознать время и характер кризиса и выработать меры эффективной политики. Подобная ситуация складывается и теперь.

Россия как целостная социоэкономическая система оказалась перед вызовами и угрозами геополитического порядка. Сфокусировались внешние и внутренние факторы, несущие угрозу нестабильности и кризисных тенденций. Поведение денежных властей при наступлении финансово-валютных потрясений в декабре 2014 г. свидетельствует и об уровне профессионализма и об уровне интеллектуального сопровождения принимаемых решений. Адекватная оценка сложившегося положения и поиск путей выхода из него требуют системного-теоретического подхода. Не претендуя на его полноту, в рамках данной работы будет представлен подход, направленный на оценку актуальной ситуации и предложений по преодолению негативных тенденций.

Во-первых, нынешнее состояние российской экономики характеризуется обремененностью родовыми травмами преобразований начала 1990-х гг. Травмы, нанесенные тогда, хоть и зарубцевались несколько,

но нельзя считать, что зажили окончательно. Четверть века прошло с тех пор, как было принято решение о переходе от плановой экономики к рыночной. Поскольку процесс этот охватил целый ряд стран, системной оценке поможет сравнительный анализ. Россия кинулась в пучины рынка, сломя голову, приоритетно решая политические проблемы — слом и невозврат к плановой экономике. Результат: мы прошли через глубокий трансформационный кризис с беспрецедентным по глубине спадом производства в 50%. Китайская экономика пошла другим путем — рыночных реформ без слома государственно-политической системы, приоритетно решая экономико-прагматические задачи, ставя их выше политических. Результаты прямо противоположные. Потрясения дней сегодняшних питаются энергией еще не остывшей лавы разрушительных выбросов 1990-х гг.

Во-вторых, если перейти от разрушительных результатов к созидательным результатам работы рынка, то его стихия исправно делала свое дело: развивала высокодоходные отрасли нефтегазового сектора, за счет которого формируется 50% бюджета и где налоги и акцизы оставляют около 50% себестоимости. По проекту бюджета, составленному Минфином, существенных изменений до 2017 г. включительно не произойдет¹¹. За этот период обрушились некоторые отрасли сельского хозяйства и промышленности. Образовалась деформированная и уязвимая в отраслевом отношении структура экономики. Это второй вывод в системной оценке нынешнего положения.

В-третьих, безоглядно входя в рынок, мы не оценили риски глобального внешнего характера и столкнулись с явлением, которое можно назвать рыночной дедовщиной. Старожилы наказывают новичков неэкономическими, антирыночными методами, направленными против специализации на преимуществах, против свободы контрактов и взаимной выгоды сделок. Сами санкции называются экономическими и направлены на принесение экономического ущерба. Но по своей внутренней природе они носят не экономический, а политический характер. Более того, они противоречат ценностным основам рыночной экономики: свобода предпринимательства, невмешательство государства и т. п. Страны, проповедовавшие принципы рыночного фундаментализма, цинично, бесцеремонно и грубо попирают те самые ценности, на которые опирается либеральная идеология.

Причина появления идеологических жертв понятна. Она объясняется конкретными политико-экономическими целями. Хотя санкции по форме носят точечный характер, нацелены они на системно-

¹¹ В этих расчетах за период с 2015 по 2017 г. заслуживает внимания еще и то, что при общем дефиците бюджета в 0,5% ненфтегазовый дефицит составляет в среднем около 10% [1].

разрушительный результат. Г. Мэнкью в учебнике «Макроэкономика» в качестве эпиграфа к 6 главе приводит следующую цитату Д.М. Кейнса: «Говорят, Ленин считал, что разложение системы денежного обращения — лучший способ уничтожения капиталистического строя... Ленин был, безусловно, прав. Нет более верного и действенного способа ниспровержения основ существующего общественного устройства, нежели подрыв денежной системы. Этот процесс пробуждает все разрушительные силы, скрытые в экономических законах...» [2, 321]. Следует понимать, что цели старослужащих рыночной экономики простираются далеко за пределы затруднения доступа новобранцам к зарубежным финансовым ресурсам. Основная цель, как выясняется, — сформировать разрушительные силы внутри страны. Это третий момент в системной характеристике нынешнего положения.

Обратим внимание еще на один важный момент. Замедление темпов роста российской экономики началось со второй половины 2012 г. Сокращались темпы роста ВВП со 104,1% в 2011-м до 103,4 в 2012 г.; основных фондов соответственно со 104 до 103,3%. Ввод в действие основных фондов в 2012 г. составил 88,2% по отношению предыдущему году. Снижались темпы роста инвестиций в основной капитал: с 110,8 до 106,6. Падала рентабельность проданной продукции (товаров, услуг) и активов организаций (в 2012 г. рентабельность товаров сократилась по отношению к 2011 г. с 9,6 до 8,6%; по отношению к активам аналогичное изменение составило соответственно 6,5 и 6,1). Это время, связанное с качественным ухудшением основных макроэкономических показателей, совпадает с вступлением России в ВТО. Отечественные экономисты предупреждали, что от либерализации внешней торговли выигрывают страны с более высокой конкурентоспособностью. Россия вступала в ВТО при износе основных фондов в 47,9% в 2011 г. Снижился коэффициент обновления основных фондов с 4,6 до 3,8 [3, 36, 298, 569]¹². Достаточно очевидные прогнозы скоро начали

¹² Основные фонды на 2012 г. составили 121 трлн 269 млрд р. Их восстановительная стоимость с учетом износа 47,7%, составила 231 трлн 869 млрд р. Сумма износа — 110 трлн 601 млрд. Десятилетия «тучных лет» хватило бы для обновления основного капитала на инновационной основе, если учесть сальдированный финансовый результат деятельности предприятий и организаций, а также доходы государства рентного и монопольного происхождения. Но для этого требовалась иная — инвестиционно активная — политика правительства, которое пассивно паразитировало на благоприятной конъюнктуре, сопровождаемой риторикой монетаристского характера и пропагандой навязчивой идеи «модернизации снизу». С истощением благоприятных внешнеэкономических факторов политики «финансового фетишизма» показала свою беспомощность, продемонстрировав их в попытках повлиять на развитие негативных процессов.

находить свое подтверждение. Мы полагаем, что влияние фактора ВТО на торможение российской экономики еще не получило качественную и количественную оценку. Но зато распространялись сведения о выгодах, ожидающих Россию от вступления в ВТО¹³. Далее произошло наложение других негативных факторов: снижение цен на нефть, санкции и антисанкции и др.

Наконец, о структурных сдвигах в нашей экономике говорят данные о сфере торговли (табл. 1), отличающиеся от сферы производства.

В таблице 1 показан рост всех показателей торговли. Но более всего привлекает внимание внушительный рост инвестиций. Как оценить внушительный рост инвестиций в торговле при противоположной тенденции в сфере производства? Ведь в воспроизводственном процессе торговля обеспечивает оборот произведенных товаров и услуг. Напрашивается ответ: торговля растет за счет реализации зарубежных товаров. Многие инвестиции в торговлю тоже зарубежные, причем сетевые. А каковы их последствия для национальной экономики? Двоякие. Для потребителей создаются определенные удобства. Но зарубежные торговые организации, в особенности сетевые и мегауровня, «улавливают» доходы отечественных потребителей. В торговых центрах, особенно мегауровня, принадлежащих иностранным инвесторам, в основном продаются иностранные товары, с использованием иностранной техники, оборудования и иностранного персонала. Обменом своих доходов на иностранные товары и услуги мы поддерживаем зарубежных производителей и продавцов, их занятость и доходы. Этим

¹³ По оценкам Всемирного банка, вступление в ВТО обеспечит прибавку российскому ВВП примерно на 2,8% в краткосрочной перспективе, 3,3% — в среднесрочной и 11% — в долгосрочной. Это означает дополнительный прирост ВВП на уровне 0,4—0,5 п. п. в год в течение следующих 7 лет. Подобного рода привлекательная информация в разных вариантах широко распространялась перед вступлением в ВТО. Она была бы справедлива, если бы уровень технологического развития и конкурентоспособности был бы сопоставим. Но те, кто преждевременно подталкивали Россию в ВТО, либо не ведали о последствиях в конкретно исторических условиях, либо намеренно предвкушали вытеснение более слабых отечественных производителей с внутреннего рынка, что собственно и происходит. Не может быть оспорен закон разделения труда и выгоды для сторон на основе абсолютных и относительных преимуществ. Но столь же определенно не может быть оспорен закон выгоды от конкурентных преимуществ. При очевидной ослабленности российской экономики в результате разрушительных реформ втягивать ее в режим более острой международной конкуренции, значит затевать игру с очевидным результатом. Риторика, которой сопровождался этот процесс, не имеет существенного значения.

объясняется несимметричная динамика показателей производства и торговли. Зарубежный торговый капитал движется вслед за сырьевыми доходами, полученными российскими экспортерами за рубежом. Через перераспределение эти доходы превращаются в доходы граждан (зарплата, пенсии, трансфертные выплаты) и организаций, которые обмениваются на зарубежные потребительские и иные товары. Помимо «улавливания» доходов, зарубежные мегаторговые сети вытесняют отечественных оптовых и розничных торговцев и продукцию отечественного производства. К экспортно-сырьевой деформации отечественного производства добавляется еще и зарубежно-торговая.

Таблица 1

Основные показатели деятельности организаций торговли

	Организации, осуществляющие торговлю автотранспортными средствами и мотоциклами и их техническое обслуживание и ремонт			Организации оптовой торговли (включая торговлю через агентов), кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами			Организации розничной торговли, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами, и по ремонту бытовых изделий и предметов личного пользования		
	2005	2011	2012	2005	2011	2012	2005	2011	2012
Число организаций (на конец года), тыс.	44,0	90,2	91,2	398,6	686,8	700,0	133,3	259,4	262,7
Среднегодовая численность работников, тыс. человек	397,4	495,7	531,8	2265,0	2343,9	2319,9	1808,4	2440,8	2500,9
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников, р.	7112	21939	23701	7522	22974	25429	5214	15913	17674
Оборот (в фактически действовавших ценах), млрд р.	1211,7	4629,5	5246,8	10251,7	29099,3	33928,3	2659,7	7492,7	7869,3
Инвестиции в основной капитал (в фактически действовавших ценах), млн р.	8424,7	32820,4	38198,4	58948,7	103800,5	111545,2	34243,7	68176,4	102819,7
Валовая прибыль, млрд р.	76,0	355,1	416,3	1459,6	4170,5	4530,8	223,7	853,0	1289,8
Коммерческие и управленческие расходы, млрд р.	48,6	236,9	294,4	887,7	2339,6	2793,7	183,3	793,5	1205,8

Источник: [2, 470].

Итак, наша экономика имеет системную деформацию, системные риски. Поиск путей выхода из сложившегося положения тоже должен носить системный характер. В качестве фрагмента системного подхода может быть предложено следующее.

Во-первых, в экономической теории и экономической политике надо существенно активизировать — даже восстановить — системно-воспроизводственный подход, который в единстве реальных и финансовых потоков фундаментальное значение придает реальному сектору. Сейчас приоритеты иные, хотя суть экономики — превращение ресурсов в блага наиболее оптимальными способами. Финансовая система, при всей ее важности, сопровождает и обслуживает этот процесс. Монетарные приоритеты в экономической теории, политике и практике меняют местами основу и обоснованное. Системно воспроизводственный подход позволит выявить эффективность технологических цепочек, включая межотраслевую диверсификацию. Он же определит слабые звенья и уязвимые участки единого экономического комплекса. Преобладание монетаристских методов в экономической политике показало свою неэффективность. Основанная на ней идея модернизации «снизу» не оправдалась, оставив после себя инновационно-модернизационную риторику. За четверть века реформ не создана ни одна новая отрасль.

Во-вторых, на основе системно-воспроизводственного подхода следует разработать и реализовать стратегию превращения ресурсных преимуществ России в ее конкурентные преимущества. Одним из направлений является глубокая переработка нефти, газа и иных исходных ресурсов. Расширение их предложения на внутреннем рынке будет способствовать снижению внутренних цен и сокращению издержек у отечественных производителей. Снижение внутренних цен можно поддерживать даже административными методами ради повышения конкурентоспособности и роста отечественного производства. Воспроизводственный метод поддержки отечественной экономики эффективней монетарных манипуляций, важность которых мы не отрицаем. Вообще нам нужно переходить на другой язык в теории и на практике, который отражает экономические события, процессы, проблемы и их решения в реальном секторе. При всей их важности не могут быть стратегией экономического развития уровень инфляции или валютный курс. Они — производные от состояния реального сектора: инвестиций в основной капитал, новых технологий, конкурентоспособности предприятий. Давно актуальны проблема разработки стратегии развития и органически с ней связанные промышленная и аграрная политика. Для их реализации в ближайшей перспективе приоритетной могла

быть идея инвестиционной экспансии¹⁴ из источников всех уровней (государственного, корпоративного и уровня домашних хозяйств), некоего аналога довоенной индустриализации¹⁵. Сами инвестиции при этом следует толковать как добавочное инновационное авансирование капитала.

В-третьих, наша существенно деформированная за последние четверть века экономика получила разные названия. Некоторые исследования отечественных экономистов привели к выводу о том, что она уже стала торговой экономикой. Для этого, как мы показали выше,

¹⁴ Этой идее мы придерживаемся с середины 1990-х гг., считая ее национальной экономической идеей.

¹⁵ Учитывая неоднозначное отношение к индустриализации, считаем возможным привести некоторые ее результаты. Результаты модернизации экономики СССР в первую пятилетку (1929—1934) следующие.

Металл: Магнитогорский металлургический завод им. Сталина, Кузнецкий металлургический завод им. Сталина, Керченский металлургический завод им. Войкова, домны № 4, № 5 и № 8 Макеевского завода им. Томского, домна № 6 Сталинского металлургического завода, домна № 7 Металлургического завода им. Дзержинского, домны № 5 и 3 Металлургического завода им. Рыкова, домна № 3 Косогорского завода им. Дзержинского, мартеповский цех Таганрогского завода им. Андреева, Трубный завод (манесмановский) в Мариуполе, Салдинский мостовой завод, Челябинский завод ферросплавов.

Машиностроение: Сталинградский тракторный завод им. Дзержинского, Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе, Челябинский тракторный завод (пуск в первой половине 1933 г.), Московский автозавод им. Сталина, Горьковский автозавод им. Молотова, Московский шарикоподшипниковый завод им. Кагановича, Московский станкостроительный завод, Московский завод «Фрезер», Московский завод «Калибр», Горьковский фрезерный завод. Уральский завод тяжелого машиностроения, Краматорский завод тяжелого машиностроения (пуск в первой половине 1933 г.), Ростовский сельмаш им. Сталина, Запорожский завод комбайнов, Саратовский завод комбайнов, Горловский завод врубных машин, Харьковский турбинный завод, Луганский паровозостроительный завод.

Электростанции: ДнепроГЭС, Каширская ГЭС, Ленинградская станция «Красный Октябрь», Горьковская ГРЭС, Зуевская ГРЭС, Штеровская ГРЭС, Харьковская ГРЭС, Ивановская ГРЭС, Челябинская ГРЭС, Магнитогорская ЦЭС, Кузнецкая ТЭЦ, Березниковская ТЭЦ, Дзержинская ТЭЦ, Осиновская ГРЭС, Сталинградская ГРЭС, Саратовская ГРЭС, Самарская ГРЭС, АртёмГРЭС.

И это без учета нефтяной, химической, резинотехнической, легкой и пищевой промышленности, транспорта и др. отраслей. Результаты впечатляют и поражают, особенно если учесть, что в следующую пятилетку создавались целые отрасли машиностроения, было запущено московское метро и т. д. На фоне нынешнего провала и потери исторического времени в два десятилетия свершенное с 1918 по 1938 г., после тотальной разрухи в Первую мировую и Гражданскую войны, выглядит как фантастика.

имеются достаточные основания. Мы считаем ее противоречивым сочетанием рентной и инвестиционной экономики. Органичное превращение ресурсов рентно-монопольного происхождения в инновационные инвестиции — важнейшая задача для развития российской экономики. Суть государственной политики поддержки экономики можно назвать бюджетно-денежной, когда из доходов от продажи сырьевых ресурсов осуществляется бюджетная поддержка субъектов реального и финансового сектора. Суть предлагаемой альтернативы состоит коротко в следующем. Во-первых: ресурсы базового значения следует вводить в воспроизводственный процесс для отечественных производителей в льготном режиме доступа, превращая в конкурентные преимущества.

Во-вторых, надо постепенно наращивать глубокую переработку ресурсов с увеличением добавленной стоимости, сокращая их вывоз в сыром виде.

И, в-третьих, через выстраивание технологических цепочек и диверсифицированных связей воссоздавать и развивать воспроизводственную целостность национальной экономики, которая будет отличаться устойчивостью и безопасностью.

Литература

1. Деньги и власть // Ведомости. 2014. 15 сент.
2. Мэнкью Н.Г. Макроэкономика. М., 1994.
3. Российский статистический ежегодник. М., 2013.

С.С. СЛЕПАКОВ

Движущие силы политико-экономического развития современной России

Аннотация. Автором предпринята попытка осмысления движущих сил, управляющих социально-экономическим развитием современной России с позиций их экзо- и эндогенной природы, которое характеризуется отсутствием смысла, цели, стратегии. Возможность формирования в России эффективной и социально-ответственной государственной политики требует признания в качестве ее национальной идеи и главной движущей силы национально-государственного интереса — функции воспроизводства жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: движущие силы, экономические интересы, национально-государственные интересы, собственные интересы, политика государства, синкретизация, глобальная конкуренция, неопатри- мониальная политико-экономическая система.

Abstract. The author makes an attempt to understand the driving forces governing economic and social development of modern Russia from the perspective of their endogenous and exogenous nature. This process today is characterized by the absence of sense, purpose and a clear strategy. The possibility of forming in Russia an effective and socially responsible public policy requires its recognition as a national idea and the driving force of national and state interest-roles of reproduction of the life of society.

Keywords: driving forces, economic profit, national and State interests, own interests, the policy of the State, Syncretization, global competition, neopatrimonial political and economic system.

В теоретической науке и в общественной практике широко представлены различные, во многом противоречивые, политико-экономические подходы к определению движущих сил, управляющих социально-экономическим развитием современной России. Наиболее типичными являются: победа демократии и рынка, свобода от государственного управления экономикой [1]; встраивание России в мировую глобальную систему, требующее безоговорочного принятия ее институциональных принципов, законов и правил «нового мирового порядка» [2]; освобождение страны от власти и разрушающего воздействия «либерального фундаментализма», доминирования глобальных центров и формирование социально ориентированного государства на основе рыночной экономики [3]; установление доминирующей роли государства, имперское развитие и проведение на этой основе политики реиндустриализации, импортозамещения, дедолларизации финансовой системы с переменной политико-экономической ориентации развития с Запада на Восток [4].

Представленные политические средства выражают варианты *синкретизации (соединения)* [5, 293 — 295] альтернативных интересов: капитализм — социализм; план — рынок. Ввиду отсутствия в современной России эффективных драйверов согласования противоречивых интересов, их столкновение блокирует саму возможность формирования и реализации ответственной *государственной политики*, которая имела бы смыслом и императивом воплощение, реализацию и защиту национально-государственного интереса.

Определим это понятие как *функцию экономически эффективного и социально ответственного воспроизводства жизнедеятельности общества* [6, 42]. Представленный в данном значении *национально-*

государственный интерес служит выражением генеральной, национальной идеи — регенерации (возрождения) [7] экономического и социального развития России как современного, сильного, процветающего, цивилизованного государства, находящегося на службе у российского общества.

В этом качестве национально-государственный интерес является полюсом синкретизации — соединения и согласования — собственных интересов государства, регионов и муниципальных образований, общенационального, региональных и местных сообществ, элит различных уровней, корпораций, олигархата, предпринимательских структур и всего населения. Фрагментарность, неустойчивость, бессистемность институциональной организации процесса соединения и согласования совокупности собственных интересов в едином национально-государственном интересе неизбежно разрушают национальную хозяйственную систему. В сложившихся в России условиях она предстает в виде отчужденной от общества хозяйственной территории, которую агрессивно делят между собой многообразные субъекты собственных интересов, находящиеся в России и за ее пределами.

Возможности создания условий эффективного социально-экономического развития могут быть осуществлены лишь в хозяйственной системе, которая бы служила реализации единого национально-государственного интереса. Требуют преодоления в поведении ведущих игроков российского рынка следующие приоритеты: захват и передел собственности, колониализм в отношениях между центром и провинциями, спекулятивные доходы ценой деструкции реальной экономики, *девастиации* малых городов и сельских поселений [7]. Однако решение названных проблем в реалиях современной России проблематично.

Этому препятствуют как экзогенные, так и эндогенные движущие силы.

Россия является одним из факторов процесса глобальной конкуренции, причем ее богатейшие ресурсы существенно превосходят ее политический, организационно-технический, научно-технологический, социально-экономический и прочие потенциалы. Этот дисбаланс расценивается лидерами глобального конкурентного процесса как слабость, проявляющаяся в ее хронической неспособности к эффективному освоению собственных ресурсов. Это состояние воспринято глобальными лидерами-игроками как повод к овладению и эффективному (с позиций претендентов) распоряжению ресурсами России в своих интересах. Проблематика имеет многовековую историю, но накал противостояния в XX—XXI вв. доведен до предела. Узловым моментом

на пути к достижению этой цели претендентам на новые ресурсы и рынки видится распад российской империи.

В принципе, применение глобальной монополией *широкого спектра дискриминационно-деструктивных мер*, создающих конкурентам многообразные проблемы (хозяйственные, институциональные, криминальные, межнациональные, межконфессиональные, социально-политические, военные, вызванные недобросовестной конкуренцией и проч.), является нормой. Деструкция и подчинение государств достигаются, например, организацией на территориях и объектах, принадлежащих конкурентам, конфликтных ситуаций; агрессивных по отношению к власти оппозиций; «цветных» революций; прямым уничтожением под надуманными предлогами неугодных режимов; «насаждением» марионеточных правительств и проч.

В новейшей истории к крушению империи системно приближали: распад СССР и социалистического лагеря, Варшавского договора, выход НАТО к границам России. В этом ряду и события последних лет: спровоцированный глобальными игроками конфликт между Россией и Украиной; гражданская война на Юго-Востоке Украины с выставлением России в роли агрессора и одной из воюющих сторон; нагнетание новой «холодной» и информационной войн между Россией и Западом; системные ограничения, имеющие целью изоляцию России, применение к ней в качестве средства глобальной конкуренции секторальных и иных *санкций — деструктивных мер, заменяющих военные действия*. В ходе кампании в глазах мирового сообщества демонизируются образы России, ее руководства, происходит унижительная обструкция российской политики и идеологии, часто за гранью элементарных приличий.

Однако отдадим себе отчет в том, что глобальные силы действуют в полном соответствии с законами глобальной конкуренции. Значительно важнее то, что в России и эндогенные силы социально-экономического развития, которые, в принципе, должны действовать в национальных интересах, играют не за страну, а каждая за себя [8].

Правительство строго реализует губительную для национальной экономики экспортно-сырьевую модель развития; ЦБ и финансовый блок надежно блокируют возможности финансирования хозяйственной системы за счет внутренних источников на уровне, необходимом для производства конечных продуктов российскими производителями; для внешней политики характерна высокая решительность, не принимающая во внимание внутренние экономические, финансовые, социальные проблемы России; бюджетный процесс обеспечивается в том числе и посредством инфляции и девальвации национальной валюты в условиях ее обвального падения (декабрь 2014). Разнонаправленные

интересы действуют как движущие силы нарастания доходов госкорпораций (монополий) и безудержной коррупции. При этом за национально-государственные интересы ответственность не несет ни один из игроков.

Таким образом, *эффекты от деструктивного воздействия экзо- и эндогенных сил на российскую политику и экономику относительно симметричны.*

Многочисленные критики политики России исходят из того, что войны — на Украине и «холодная» с Западом — суть плоды авторитарных решений, неадекватного выбора российской, не вполне вменяемой, власти и проимперски, патриотически настроенного, поддерживающего власть большинства. Справедливости ради, заметим, что наблюдаемые за рубежом, а отчасти и в самой России, широко транслируемые властными структурами и СМИ политические манифестации, переполненные истерической русофобией, по степени необъективности и психопатическому накалу, как минимум, сопоставимы с наблюдаемыми в России отклонениями, но речь не об этом.

Важно то, что суррогатная «война» России с Западом, помимо психологических и прочих субъективных, имеет вполне объективные причины. Россия, как и любое суверенное государство, обладает *собственными национально-государственными интересами* (геополитическими, экономико-хозяйственными, социально-культурными и проч.). Императивами жизнедеятельности страны и государства служат их реализация и защита. В рамках общественного дискурса национально-государственные интересы, безусловно, первичны для российской власти и населения, точно так же как для Евросоюза первичны интересы Евросоюза, а для США — интересы США. Для подавляющего большинства россиян справедливость этого утверждения очевидна. Для конкурентов — приемлема, но лишь в условиях, когда они лишены возможности действовать вопреки интересам России.

Бытующее впечатление, что российское общество не осознает того, что защищается нецивилизованно, представляется безосновательным. Проблема игнорирования и нецивилизованного ущемления условным Западом интересов России реальна. Возможности России цивилизованно защищаться от подобных вызовов ограничены.

И все же, главная проблема социально-экономического развития России видится не в нарастании внешних вызовов, а в ее политико-экономической системе. Институциональное состояние современной России идентифицируется как разновидность *постсоветских, неопатримониальных* (лат. *patrimonium* — вотчина, отчина) *политико-экономических систем* [9], т. е. таких типов организации публичной власти и отношений, в которых государство рассматривается как част-

ное владение (патримониум) правящих групп — носителей государственной власти. Становление неопатримониальных режимов является следствием неудачных или фрагментарных модернизаций. Этот класс политологических исследований можно отнести к так называемым «демократиям с переменными».

Неопатримониальные политико-экономические системы (НПЭС) представляют собой авторитарные, бюрократические, полицейские государства олигархического характера с монополизированной, слабо модернизированной («догоняющей») экономикой. Они управляются, преимущественно, в «ручном» режиме. Во многих случаях в народно-хозяйственной структуре НПЭС доминируют энерго-сырьевые отрасли. Экономика государств НПЭС, как правило, неконкурентоспособна в сферах производства конечной и, прежде всего, научно-технической продукции. Общественные функции и институты в НПЭС фактически приватизированы и эксплуатируются правящими группами (властью, формирующей из родных и друзей своих ведущих представителей новые коррупционные и клептократические кланы (см. [10; 11])). Коррупция в неопатримониальных государствах носит системный характер и является тотальной.

Прогрессивное развитие России нуждается в принципиально иной модели управления государством. Ее внедрение и реализация требуют глубокой реформы властных и социальных институтов. В отсутствие альтернативы, российское общество, во имя сохранения мира и порядка (пусть даже далеко не всех и во всем устраивающего), «спасается», принимая и поддерживая не вполне цивилизованную практику защиты национально-государственных интересов от внешних и внутренних вызовов (см. также: [12]).

В условиях конфронтации с Западом, войны на Юго-Востоке Украины, проблемы Крыма, санкций, падения цен на нефть и глубокого кризиса национальной валюты, неадекватной народнохозяйственной структуры стало очевидно, что прежняя модель экономического роста в России себя исчерпала, тогда как его новые драйверы не появились [13].

В хозяйственном развитии современной России национальные интересы более чем когда-либо дискриминируются интересами госкорпораций, олигархических кланов, топ-менеджмента и финансово-производственных элит в центре и на местах. Реализация интересов данных групп ориентирована на извлечение основной массы доходов из национального хозяйства и приобретение благ, а также инвестирование преимущественно за рубежом. В этом смысле российские топ-менеджеры, олигархи, представители элит различных уровней из национальных буржуа превратились в агентов мирового финансового

альянса, для которых национально-государственные интересы как таковые чужды и бесполезны.

В стране, эксплуатируемой бюрократией, госкорпорациями и олигархатом в качестве площадки собственного бизнеса, поставить политику и экономику на службу национальным интересам невозможно. Достижение этой цели требует сильного государства, свободного от бремени «либерального» лобби. В своей политике оно должно следовать приоритетам: протекционизма в отношении отраслей национальной экономики; привлечения внутренних источников финансирования ее развития; постановки деятельности госкорпораций на службу национальным интересам; развития малого и среднего бизнеса, точек роста производства потребительской продукции национальными предприятиями.

Литература

1. <http://fb.ru/article/42313/liberalnyie-politicheskie-vzglyadyi-istoriya-i-sovremennost>.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: В 2 т. М., 2014.
3. http://uchebnikionline.com/politekonomia/politichna_ekonomiya_-_schetinin_ai/suchasni_modeli_sotsialno_oryentovanoyi_regulovanoyi_rinkovoyi_ekonomiki.htm.
4. Осипов Ю.М. Российский вызов развитию России // Философия хозяйства. 2013. № 1.
5. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%E8%ED%EA%F0%E5%F2%E8%E7%EC>.
6. <http://enc-dic.com/fwords/Sinkretizm-33787.html>.
7. Слепаков С.С. Реализация функции воспроизводства социально-экономической жизнедеятельности в социально-институциональных детерминантах современной России // Российская экономическая модель: содержание и структура / Под ред. В.И. Гайдука, А.В. Бузгалина. Краснодар, 2012.
8. Слепаков С. Вымирание малых городов и деревень в России: «огораживание» XXI века? // Альтернативы. 2012. № 3.
9. <http://biznesklubonline.com/stati/321-krizis-2015-prognozy-dlya-rossii>.
10. Вебер М. Типы господства // <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/library:0112608>.
11. Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечественные записки. 2007. № 6 (39).

12. Бугаян И.Р. Россия в современном мировом хозяйстве: приготавливаемое ей место и субъективно ощущаемое «не так сидим» // Философия хозяйства. 2014. № 4.

13. Шулевский Н.Б. Реформистское и постреформистское иго России // Философия хозяйства. 2013. № 1.

А.З. НОВАК, К. РЫЧЬ

Способность к конвергенции — императив сохранения еврозоны

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития Евросоюза, вопросам сохранения зоны евро в условиях глобального экономического кризиса и взаимоотношений стран Юга Европы и более продвинутых стран Севера Европы, организации экономических механизмов в Европейском союзе. Поднимается вопрос о времени и условиях вступления Польши в Еврозону.

Ключевые слова: Евросоюз, евро, еврозона, Польша, рецессия.

Abstract. The article is devoted to problems of the European Union development, preservation of the eurozone in the conditions of the world economic crisis and relationship between countries of the Southern Europe and more developed countries of the Northern Europe, organization of economic mechanisms in the European Union. The article reveals the question of time and conditions of the entry of Poland into the Eurozone.

Keywords: European Union, euro, Eurozone, Poland, recession.

Экономика стран еврозоны не может избавиться от послекризисной рецессии. Кризис возник не в Европе и не в еврозоне, однако его последствия оказались разрушительными. Валовой продукт большинства стран еврозоны остается на более низком уровне, чем их потенциальные возможности, а в некоторых странах — даже ниже, чем в докризисный период. Больше всего пострадали менее развитые страны Юга Европы, т. е. те, которые рассчитывали на быстрый рост благодаря присоединению к общей валюте. Напряжения в экономике обострили политические споры. Слышны голоса, предсказывающие распад еврозоны, увеличилось число скептически настроенных политиков и экспертов, в том числе экономистов, бывших ранее сторонниками общей валюты. Хотя число стран, членов еврозоны, растет, в некоторых странах Евросоюза — особенно в крупных — рвение к присоединению падает. При этом в дискуссии о присоединении аргументы политиче-

ские преобладают над экономическими. В Валютном и Экономическом союзе, определяемом нами сокращенно еврозоной, происходят изменения. Рассмотрим некоторые из них.

Механизм конвергенции и свободный рынок

Образование зоны общей валюты — евро — должно было ускорить экономическое развитие менее продвинутых стран. В основном — стран Юга Европы. Приведение в действие механизма конвергенции должно было стать делом свободного рынка. У менее развитых стран было превосходство в виде более низкой зарплаты, более крупных ресурсов рабочей силы и меньшей насыщенности капиталов. Таким образом, возникло благоприятное соотношение:

- дешевле ресурсы факторов производства Юга;
- изобилие капитала в северных странах еврозоны;
- низкие процентные ставки и легко доступный кредит.

Предполагалось, что эти факторы ускорят темпы экономического роста менее развитых стран и в будущем приведут к выравниванию уровня ВВП во всей еврозоне. Ускоренным развитием Юга воспользуются также страны богатого Севера.

К сожалению, надежды не оправдались. «Невидимая рука» рынка плохо управляла инвестициями, а шире — потоками перелива капитала. Вместо ожидаемой конвергенции произошла (и происходит), по сути, дивергенция. Экономики стран Юга стали неконкурентоспособными — как по отношению к Северу, так и по отношению к другим торговым партнерам из-за сильного евро, сформированного экономически сильным Севером. Из-за недостатка реальной конвергенции возникает ряд отрицательных явлений:

- большой приток капитала с Севера и ничтожные прямые инвестиции оттуда;
- относительно незначительный рост прямого торгового обмена в рамках зоны;
- нередко неподходящие инвестиции, финансируемые кредитом, полученным от притока капитала, что вызвало спекулятивные пузыри (Испания, Ирландия);
- финансирование роста публичной задолженности (Греция, Португалия, Италия);
- рост издержек труда в секторах благ и необмениваемых услуг, что в странах с более низким уровнем развития вызвало эффект Баллассы—Самуэльсона — рост уровня инфляции;
- стабильный для этих стран курс валюты евро, означающий падающую конкурентоспособность по отношению ко всем (остальным) торговым партнерам;

- открытая глобальная экономика, столь благоприятная для богатого Севера, оказавшаяся пагубной для Юга еврозоны;
- деиндустриализация, подвергнувшая Юг еврозоны.

Все это было следствием того, что инвестиции, профинансированные притоком капитала, в странах Юга попадали в сферу необмениваемых (неторговых) благ. Торговый же сектор не выдерживал конкуренции со стороны ведущих производителей Севера и дешевых производителей Востока Европы и Азии.

Накапливающиеся экономические проблемы вследствие прогрессирующего процесса дивергенции сглаживала хорошая конъюнктура. Последствия же в полном объеме обнаружил лишь глобальный кризис 2007—2009 гг., конца которого не видно, несмотря на некоторые признаки улучшения конъюнктуры. В некоторых из этих стран, таких как Испания или Ирландия, имел место подъем в сфере строительства благодаря дешевым кредитам, полученным в результате притока капитала из богатых стран Севера. Увеличивалась задолженность частных инвесторов, но одновременно росли поступления от налогов, позволяющие уравновешивать бюджеты. В других странах, таких как Греция и отчасти Португалия и Италия, сложилось мнение о «дружелюбном государстве» (К. Рычъ, З. Сжипчак [1]), допускающем высокие бюджетные дефициты на радость бенефициариям бюджетных расходов, при этом без сопротивления налогоплательщиков, удовлетворяя пассивных инвесторов, предпочитающих безопасные правительственные облигации. Предполагалось существование безопасной защиты со стороны общей валюты и правильность выбора аллокации ресурсов путем механизмов свободного рынка.

Необходимость нести расходы ради спасения банковской системы, используя бюджетные средства, обнаружила слабость экономик стран Юга. Из-за стремительного роста частной задолженности стала резко расти государственная задолженность стран Юга перед кредиторами стран Севера. Сложившееся положение метко, но жестоко охарактеризовал Дж. Сорос [2]. По его мнению, первоначально Европейский союз был задуман как добровольная ассоциация равных стран, которые пожертвовали частью своего суверенитета ради общего блага, а на самом деле кризис евро преобразовал его в принудительный союз неравных государств, разделенный на должников и кредиторов. Власть оказалась в руках кредиторов, а должники же стали гражданами второго сорта, которые должны оставаться в повиновении перед диктатом «кошелек держащих».

Мнение о диктате кредиторов над должниками, быть может, немного преувеличено, он (диктат) принимает более мягкие формы, но суть та же — превосходство более сильных государств над слабыми.

Высокая государственная задолженность дополнительно снижает позиции должников, поэтому их настойчиво склоняют к ограничению расходов — в пример ставится Германия, которая жестко экономила во времена хорошей конъюнктуры и 10 лет тому назад одобрила реформы, в основном, касающиеся рынка труда. Сохранению экономического роста способствует также экспорт, выравнивающий снижение внутреннего спроса в период замедления. Требование жестких ограничений к сегодняшним должникам приводит к снижению их ВВП, росту безработицы и росту, а не снижению задолженности, в частности, вследствие более высоких процентов, выплачиваемых на рынке облигаций.

Плохой плавающий курс валют и хороший евро?

До введения и принятия общей валюты евро в научных дискуссиях и политических дебатах много говорилось о преимуществах евро и его экономической выгоде. Мало внимания уделялось системе плавающих курсов, которую общая валюта должна была заменить в торговых оборотах и платежных операциях еврозоны. И это естественно: внимание всегда уделяется новому, вводимому проекту, а не уходящему в прошлое. Сегодня многие экономисты не только с ностальгией вспоминают преимущества системы, отвергнутой в еврозоне, но и предлагают восстановление плавающих курсов. На наш же взгляд, необходимо сохранить сдержанность и осторожность в этом вопросе. Кратко можно констатировать: плавающий курс отличается не кратковременной непредсказуемостью, а долгосрочной неприспособленностью.

Плавающий курс — во-первых — является опасным орудием конкурентной борьбы в рамках экономического сообщества. Возникает соблазн манипулирования денежной политикой, в целях депрециации отечественных денег по отношению к валютам торговых партнеров. Дж. Кейнс определил это так — попытка экспорта безработицы. Чтобы это предотвратить, на Общем рынке еще до введения евро применялись так называемые валютные змеи.

Во-вторых, плавающий курс, благодаря депрециации, помогая добиться внешнего равновесия путем удешевления экспорта и удорожания импорта, заранее оправдывает неконкурентоспособность, не способствует реальным приспособлениям и развитию производства и экспортного предложения. Депрециация валюты — это паллиатив, а не лекарство от низкой конкурентоспособности экономики, скорее обезболивает, чем лечит. И может пригодиться в качестве анестезии, когда страна предпринимает усилия, направленные на структурное приспособление. Именно этому должны служить девальвации в системе фик-

сированных курсов Бреттон-Вудса, которые Пол Волкер определяет как твердые курсы обмена, подлежащие приспособлению [3].

В-третьих — плавающий курс слишком прагматичным или прямо оппортунистским государственным властям позволяет избегать или отсрочивать сложные решения модернизации экономики. И поэтому депрециация денег, в сущности, может стать постоянным процессом, снижая темпы роста развивающейся страны, что чревато ловушкой среднего дохода.

В-четвертых — плавающий курс в условиях глобализации и финансизации мировой экономики становится непредсказуемым, особенно для малой, открытой экономики. Известная тройная дилемма денежной и курсовой политики в условиях свободы перелива капитала, как утверждает Элен Рей [4], заменяется двойной дилеммой, т. е. становится альтернативой: свобода перелива капитала или суверенитет денежной политики — это лишает суверенитета открытую экономику, так как сложно установить надежный барьер для перелива капитала.

В-пятых, только тогда можно представить весь комплекс неудобств, издержек и рисков, связанных с плавающим курсом, которые были представлены до введения евро и от которых освобождает общая валюта.

Общая валюта стран Евросоюза может предотвратить отрицательные последствия распада бреттон-вудской системы — в результате распада — принятия многими странами плавающих курсов обмена валют во взаимных торговых оборотах и экономическом сотрудничестве сообщества. Общий рынок, как мы отметили выше, плохо воспринимает систему плавающих курсов, особенно, когда возникают тенденции к использованию курсов валют для повышения конкурентоспособности, а государства предрасположены к манипулированию денежной политикой, рассчитанной на депрециацию отечественных денег и тем самым на получение положительного сальдо текущих оборотов. Такого типа практики осложнял режим Бреттон-Вудса, а еще раньше золотой стандарт, который исключал курсовую политику. Экономика страны была в некоторой мере подчинена внешнему равновесию, необходимому для сохранения фиксированного курса. Затруднения в сохранении курса вызывали необходимость предпринимать некие действия, а именно, проводить дефляционную политику в случае дефицита текущих оборотов. Ощутимые последствия такой дефляционной политики для широких масс общества, особенно для неимущих слоев населения, стали ценой, которую приходилось платить за твердый курс и силу денег. По мнению Эрика Хеллейнера, существование системы золотого стандарта было возможным во времена, когда власть государства оставалась в руках элит. Когда же на сме-

ну элитарного правительства пришли демократия и всеобщее выборное право, золотой стандарт не мог сохраниться. Социальная напряженность 1930-х гг. и Вторая мировая война положили ему конец.

Новый валютный порядок, после курсовых войн и повсеместно применяемого протекционизма во времена Второй мировой войны, был установлен на конференции в Бреттон-Вудсе в 1944 г. Участники конференции сумели приспособить принятые системные решения к новым политическим и общественным условиям, с учетом опыта как эпохи золотого стандарта, так и последствий разрухи после его падения. Была введена система фиксированных курсов отдельных валют по отношению к американскому доллару. Одновременно был установлен его паритет обмена на золото. Итак, система фиксированных курсов отдельных валют основывалась на золоте посредством доллара.

Бреттон-вудская система допускала согласованные изменения курса отдельных валют в случаях, когда данная страна испытывала продолжающееся внешнее неравновесие. В данном случае девальвация денег могла облегчить, сделать менее болезненным для общества, согласованный с МВФ процесс приспособления. Финансовая поддержка страны со стороны МВФ на этапе приспособления и значительный суверенитет монетарной политики, в некоторой мере курсовой, создавали возможность более широкого учета социальных проблем. Новая система связывания денег с золотом получила название либерализма, укоренившегося социально, а американский доллар как посредник связи с золотом — благотворного гегемона.

Система Бреттон-Вудса оправдала свое использование на практике, но была, однако, политически дорогостоящей. Девальвация, облегчающая осуществление программы приспособления, не вызывала возмущения у экономического руководства. Еще менее популярны были издержки программ приспособления. Однако система работала, потому что худшим вариантом казалась ее альтернатива — система плавающих курсов, отклоненная после войны вследствие горького опыта 1930-х гг. Но завихрения в мировой экономике в 1970-х гг. и распад бреттон-вудской системы способствовали постепенному возврату плавающих курсов. Плавающие курсы валют для чрезмерно амбициозных политиков в условиях демократии оказались привлекательными.

Они освобождали политиков от необходимости принимать непопулярные решения. Обвинить же за предполагаемую депрециацию отечественной валюты и ее инфляционные последствия можно было финансовые рынки. Правительства как бы из-за ширмы могли оказывать влияние на курс валюты путем денежной политики. Такое не могло радовать идейных либералов, противников манипулирования государством денежной политикой. На помощь пришла теория рациональных

ожиданий. Она довольно убедительно обосновывала падающую эффективность вмешательства правительств в экономику, особенно путем манипуляции денежной политикой. Постулаты полной независимости центральных банков, которые в своей политике должны действовать по критериям инфляционной цели, были повсеместно введены в экономическую практику в странах, более продвинутых в развитии. Таким образом, дела валютных курсов и внешнего равновесия были доверены рыночным механизмам. Центральные банки заботятся о сохранении покупательной силы денег. Остальное должен решать рыночный механизм.

Система плавающих курсов, совокупно с политикой инфляционной цели центральных банков, теоретически, должна обеспечивать исправное функционирование рынков, на деле же таковой она не оказалась. Ни курсы валют не соответствовали так называемым основам экономики, ни достижение инфляционной цели не гарантировало равновесия в экономике. Последнее проявилось в полной мере во время нынешнего кризиса. Зато неисправность системы плавающих курсов в условиях глобализации и финансализации капиталистической экономики проявилась значительно раньше, особенно в торговых отношениях и экономическом сотрудничестве Европейского сообщества.

Плавающие курсы валют стали препятствием в дальнейшей интеграции стран Евросоюза и одной из причин отказа от национальных валют и образования общих денег — евро. Конечно, это не была единственная причина. Среди других важное место занимают политические соображения. Даже самая сильная валюта Евросоюза — немецкая марка — не смогла стать «благоприятным гегемоном» — предполагаемой европейской версией бреттон-вудской системы, тем более что не было ни желания, ни способа приостановления свободы перелива капитала.

На стадии углубляющейся глобализации в дискуссиях приводились многие и ожидаемые выгоды после введения евро — как для стран-членов, так и для мировой экономики. Евро хорошо вписывался в концепцию либерализации торговли и международного сотрудничества. Он также должен оказывать благоприятное влияние на функционирование отдельных национальных экономик. Можно было ожидать, что общая валюта сделает более гибкими цены и зарплаты и будет принуждать к повышению конкурентоспособности страны путем реального приспособления, а не благодаря денежным манипуляциям, предпринимаемым ради снижения курса отечественной валюты, или же путем казенной девальвации.

По сути дела, это означало возвращение к идеалу золотого стандарта и окончательный отказ от «общественно укоренившегося либерализма» — победил чистый либерализм. Либерализм решений, прини-

маемых в Евросоюзе, приобрел форму брюссельского консенсуса и вписался в либеральные идеалы глобализации. Свобода перелива товаров, услуг, в особенности капитала, наряду с выгодой, привела также к господству финансовых рынков. И они, по идеологии либеральной доктрины, позволяли поставить под контроль этими рынками многие нерациональные решения правительств.

Представленные выше соображения следует иметь в виду, когда мы анализируем возможности восстановления конкурентоспособности стран-должников. Для этой цели возврат к секторной политике окажется возможным, если возможен будет возврат к рузвельтовскому либерализму — «социально укорененному».

Концепции исправления функционирования Валютного союза

Направления изменений ради исправления функционирования Валютного союза и предпочитаемые методы выхода из нынешнего кризиса вытекают из расхождений в оценке кризиса. Возвращаясь к нашим предыдущим замечаниям, несколько упрощая, можно обозначить две основные причины системного кризиса Валютного союза, проявившиеся в условиях кризиса мировой экономики.

Первая — отсутствие ответственности некоторых правительств, которые допустили к росту чрезмерной задолженности государственного сектора или/и частного. Последствия этой задолженности в полной мере обнаружил кризис. В результате, страны, управляемые безответственными политиками, потеряли доверие финансовых рынков. В этом виноваты не рынки, а политика многих правительств, их ошибки.

Вторая — существенные недостатки в конструкции системы евро, его введения и осуществления, которые не обнаружились в полной мере во время хорошей конъюнктуры, но проявились в период мирового кризиса. Эта причина подтверждается аргументами многих скептиков, касающихся разумности осуществления проекта образования еврозоны. Такое мнение выражают многие американские экономисты, оно появлялось и появляется и в академических кругах Европы.

Влияние первой причины поддерживают в основном Германия и большинство экономистов, представляющих довольно большую часть направления неолиберальной экономики; второй — многие экономисты, которым близка доктрина Кейнса. Бельгийский экономист Поль де Грауве указывает, что у менее развитых стран еврозоны нет контроля за валютой, в которой делают долги, и поэтому подвергают себя неконтролируемому притоку или оттоку потоков капитала, в зависимости от колебания доверия финансовых рынков. В этих условиях они не в состоянии овладеть ликвидностью из-за отсутствия возможности контроля за предложением денег. Это означает опасность спровоциро-

вать финансовый кризис даже без основательных причин. По немецкой версии, предохранительной мерой для оздоровления системы является восстановление доверия рынков к стране, обремененной долгами, путем снижения (устранения) бюджетного дефицита, постепенного сокращения публичного долга, повышения конкурентоспособности снижения издержек труда. Стратегия эта опирается также на более жесткий контроль ЕС за экономической и бюджетной политикой в рамках Пакта стабильности и роста и на новые инструменты, противодействующие макроэкономическим диспропорциям. Германия делает упор на введение принципа фискальной дисциплины, которая, учитывая опыт прошлого, должна жестко контролироваться, а в случаях ее нарушения — подвергаться финансовым санкциям.

Точка зрения Германии и нескольких других стран (стран-кредиторов) опирается на твердое убеждение, что в последние десятилетия в странах — членах ЕС возникли существенные различия в уровне конкурентоспособности и чрезмерные нарушения макроэкономического равновесия. Тесные экономические взаимосвязи часто приводили к отрицательным явлениям в других странах-членах, ослабляя тем самым стойкость всей экономики ЕС к внешним угрозам (шокам). Они отрицательно воздействовали на функционирование Экономического и валютного союза. Кризис, продолжающийся с 2008 г., драматически выявил эту проблему. Согласно теории, это случилось из-за перманентного неприменения частью стран ЕС критериев конвергенции и постановлений Пакта стабильности и роста.

Итак, по мнению сторонников такого понимания проблем, ради устранения существующего макроэкономического неравновесия и противодействия возникновению очередного, был выработан специальный механизм, контролирующий макроэкономическое положение стран — членов ЕС. Опирается он на три принципа:

- системы раннего предупреждения;
- применения четко определенных правил, содержащихся в рамках Процедуры чрезмерного нарушения равновесия (Excessive Imbalance Procedure (EIP));
- строгого их выполнения с возможностью применения финансовых санкций по отношению к странам, вступившим в еврозону.

Введение процедуры корректирующих действий произойдет тогда, когда на основании всесторонней оценки положения Еврокомиссия признает, что в данной группе стран имели место чрезмерные нарушения макроэкономического равновесия. В таком положении Совет сможет, по поручению Комиссии, принять указание, подтверждающее существование чрезмерного неравновесия, и рекомендовать данной стране-члену предпринять определенные действия (на основании ст.

121, абзац 4 Трактата ЕС) и определить срок, в течение которого страна-член должна представить план корректирующих действий вместе с графиком их выполнения.

Принятый фискальный пакт, так называемый шести-пакет, предусматривает жесткие санкции за постоянные нарушения страной — членом зоны общей валюты принципов евросоюзного Пакта стабильности и роста. Уже сегодня можно констатировать, что действия многих правительств, особенно стран Юга Европы, по введению фискальной дисциплины, учитывая режим шести-пакета, стали фактом. Однако оценка этой политики неоднозначна.

Осуществление рационализации правительственных расходов в странах — «благоприятных государствах», т. е. в тех, которые допускали жизнь не по средствам, следует проводить с учетом изменения способа мышления относительно преодоления странами Юга кризиса и гнетущей эти страны фискальной петли. Не может быть она единственной опорой оздоровления экономики, как этого хочет Германия. Опыт Германии невозможно использовать, например, в Греции — как по причине реалий нынешнего кризиса, так и с учетом масштабов экономики и экспортных возможностей этой страны.

Из германского опыта следует вывод, указывающий на возможность сглаживания различий в конкурентоспособности стран еврозоны. Дело в использовании внутреннего перераспределения дохода в странах еврозоны, учитывая низкую эффективность внешних переливов. Если способом повышения конкурентоспособности стран Юга еврозоны может быть снижение издержек труда, тогда хорошим выходом был бы рост реальной зарплаты в странах Севера. Данный постулат не стоит рассматривать как язвительное замечание авторов — это утверждение против лавины поучений в адрес евросоюзных аутсайдеров. Конечно, намного легче было бы добиться похожих результатов, если бы Германия согласилась на более высокую инфляцию у себя, чем в более слабых партнерских странах. Тогда ценовая конкурентоспособность, утерянная на этапе приспособления цен как эффект Балласы—Самуэльсона в еврозоне, была бы вновь восстановлена. Однако это кажется маловероятным.

В сложившемся положении мы являемся сторонниками принятия «семи-кейнсианской» интерпретации, предлагая в первую очередь, или по крайней мере параллельно, использовать финансовые инструменты поддержки стран, страдающих от кризиса, для стимулирования экономического роста и создания рабочих мест. К неиспользованным или не в полной мере использованным инструментам в основном относятся:

- кредиты под низкие проценты из ЕСМ (Европейского стабилизационного механизма);

- ссуды из Европейского инвестиционного банка;
- увеличение инвестиций в человеческий капитал;
- дальнейший выкуп правительственных облигаций Европейским центральным банком;
- банковское регулирование, предотвращающее возникновению спекулятивных пузырей;
- еврооблигации, которые пока остаются лишь на стадии неосуществленного проекта из-за несогласия, прежде всего, Германии, на его внедрение, еврооблигации снизили бы уровень задолженности стран южной окраины Европы, но увеличили бы издержки самых крупных экономик.

Такого типа изменение, или скорее принципиальная корректировка политики, требует углубления политической интеграции и введения новой модели солидарности в рамках Евросоюза. Сегодня на практике в деятельности Сообщества с трудом осуществляется германский вариант, и используются лишь некоторые элементы варианта кейнсианского, или скорее варианта солидарности. Мы утверждаем, что их осуществление сможет смягчить последствия кризиса, но не устранил угрозу распада Экономического и валютного союза, потому что не устранил источника напряжения из-за неоправданных надежд на реальную конвергенцию, а затем и на постепенную ликвидацию структурных различий, имеющихся в странах Евросоюза. Особенно различий, касающихся структуры производства, потребительских и инвестиционных расходов.

Убедительно звучит тезис одного из известных знатоков финансовой проблематики Кароля Лютковского [5], утверждавшего, что еврозона с самого начала характеризовалась большими различиями в уровнях экономического развития центральной части и средиземноморско-атлантического побережья. По его мнению, расхождения эти, как правило, сопровождаются различиями в структуре производства. Обычно развитие означает сокращение участия традиционных отраслей в пользу перерабатывающей промышленности, а потом услуг. «Различия структур, связанные с различиями в уровнях развития, являются причиной того, что фазы цикла в одном и другом регионе не сходятся во времени, они не синхронны. И в этом заключается опасность для системы общей валюты. Связано это с возможностью потрясений, не симметрично воздействующих на эти экономики, в зависимости от фазы цикла, в какой оказалась каждая из них. ЕЦБ не в состоянии удовлетворить всех, так как он должен осуществлять политику единой процентной ставки, ориентированной на сохранение определенной — низкой, но средней — инфляции для всей еврозоны.

Проблема теряет остроту лишь тогда, когда разница в уровнях развития существенно сократится, при этом структуры производства стандартизируются и вырастет значение внутриотраслевой специализации. Это определяется как «реальная конвергенция». У нее есть шансы убыстриться на большой территории общего рынка, свободного от курсовых рисков, т. е. в системе единой валюты. Пока не завершится этот процесс, общая валюта обречена на провал».

Пока еще обе сферы и виды мероприятий, направленных на исправление, несмотря на то, что следуют из противоречивых диагнозов кризиса системы евро, надеются на то, что свободный рынок — сейчас более контролируемый и регулируемый — решит эту проблему. Однако уже появились первые попытки оценки последствия скоординированной, фискальной консолидации в странах Евросоюза.

Международный валютный фонд, опираясь на макроэкономическую модель NIGEM (National Institut Global Econometric Model) [6], а также данные, касающиеся нынешнего экономического кризиса, опубликовал следующие, главные выводы [7]:

- в «нормальные» времена фискальная консолидация привела бы к снижению показателя государственной задолженности по отношению к ВВП в странах ЕС, но в нынешнем положении, по всей вероятности, это нанесет вред всему Евросоюзу;
- ныне осуществляемые планы фискальной консолидации приведут не к сокращению, а к увеличению в 2015 г. публичной задолженности по отношению к ВВП всего Евросоюза;
- то же само произойдет почти во всех отдельных странах — членах ЕС, в частности в Великобритании, исключением является Ирландия;
- координированные программы бюджетных сокращений, вводимые в период серьезных экономических осложнений, дают результаты, противоположные ожидаемым, и наносят вред.

Три упомянутых экономиста, которые представили выводы на тему фискальной терапии в Евросоюзе, убеждены, что жесткая экономия во многих странах, особенно Юга Европы, оказалась неэффективной.

1. В «нормальных» обстоятельствах можно ожидать, что последствия обострения фискальной политики будут смягчены послаблением монетарной политики. Когда проводится либерализация монетарной политики, происходит снижение долгосрочных процентных ставок, что стимулирует инвестиции и возмещает часть неприятных последствий программы бюджетных сокращений. Однако нынешние процентные ставки чрезвычайно низки, и поэтому дальнейшее проведение фискальной политики, вероятно, не приведет к такой компенсирующей реакции в монетарной политике. Правда, программы количественного

смягчения и послабления кредитной политики внедряются, но последствия этих действий ограничены в результате установления низких процентных ставок на активы, «свободные от риска». Нет уверенности в том, что эти программы каким-то конкретным способом влияют на размер премии от риска, применяемой в случае активов с большим риском неплатежеспособности.

2. В случае замедления, т. е. в период высокого уровня безработицы и серьезного риска потерять работу, большой процент домашних хозяйств и предприятий наталкивается на проблемы, вытекающие из низкой ликвидности. Когда функционируют эффективные финансовые рынки и заботливые потребители хорошо предугадывают будущее, домашние хозяйства надлежащим образом распределяют потребление по времени. В такой обстановке расходы потребителей в значительной мере не будут зависеть от состояния экономики в данный момент или временных новшеств в фискальной политике. Однако этого не будет в период серьезных экономических проблем.

3. Когда все страны одновременно вводят программы фискальной консолидации, продукция в каждой из них ограничивается к консолидированию бюджета и сокращается в результате торговых связей, из-за такой же политики в других странах. В случае Евросоюза последствия бюджетных сокращений, распространяясь на экономическую систему всего Евросоюза, наверное, будут серьезными.

4. Авторы выводов из проводимой до сих пор шоковой терапии в Евросоюзе, а сейчас и сам Международный валютный фонд, признают, что экономисты и политики, а также такие учреждения, как МВФ, допустили фундаментальные ошибки по отношению ко многим странам Евросоюза, заставляя их вводить жесткую экономию. Сейчас МВФ готов согласиться, что и Германия, заставлявшая страны Юга Европы проводить жесткую экономию, особенно Грецию, должна сознаться в ошибочности такой односторонней стратегии.

Эта точка зрения на программы радикальных бюджетных сокращений и их последствий нам близка, хотя мы и не утверждаем, что страны, испытывающие сейчас такую терапию, не виноваты. Однако история стран, которым удалось догнать высокоразвитые страны, указывает на эффективность политики, не ограничивающейся монетарной или фискальной сферами, а охватывающей реальную сферу экономики и доходы населения. Секторная политика, за которую мы высказываемся, касается именно реальной сферы экономики. Тем самым считаем, что, анализируя единый рынок — большое достижение Евросоюза, — следует рассмотреть не только проблемы теоретического характера, но и вопросы производительности и конкурентоспособности экономик на данном рынке.

Положение на рынке труда в ЕС — дилеммы и вызовы

Процесс дивергенции экономик еврозоны стал фактом, и, что более серьезно, это явление может еще углубляться. Временные конкурентные преимущества стран Севера сопровождаются высокими издержками кредитов — как для правительств, фирм, так и для домашних хозяйств. Обуза, каковой являются высокие издержки кредита, здесь выше, чем на Севере ЕС, что уменьшает шансы Юга в конкуренции на Едином рынке.

Как долго в этой ловушке могут оставаться должники? И изменит ли нынешнее положение стран Юга экономическое оживление, которое, вероятно, произойдет? Следует осознавать, что особенно сложной будет разрядка напряженности на рынках труда в этих странах. Напряженность не только вызывает общественные конфликты, но и подрывает веру в смысл существующей модели европейской интеграции.

Однако стоит заметить, что анализ причин, подтверждающих изменения на рынке труда, является существенным элементом спора на тему целесообразности воздействия государства на занятость и безработицу. Анджей Войтына считает, что «...если не происходит безотлагательное уравнивание рынка труда, возникает место для активной макроэкономической политики» [8, 214]. Одновременно этот автор утверждает, что ограничения в гибкости зарплаты являются причиной того, что частный сектор не может прямо реагировать на них. Если правительство сумеет быстрее приспособить свою политику и эффективнее, чем частный сектор, реагировать на шок, тогда появится возможность для традиционного, кейнсианского управления спросом [8, 214, 215]. Эти два мнения отражают сущность вопросов, связанных с сегодняшним высоким уровнем безработицы в еврозоне.

Интересные исследования на тему этой дилеммы, и шире — связи между положением публичных финансов и уровнем безработицы, провели Януш Хеллер и Камиль Котлиньски [9]. Объектом их исследования были 15 стран еврозоны в период 2000—2011 гг. Основные выводы из этих исследований сводятся к нескольким важным констатациям.

По их мнению, проведение ошибочной фискальной политики и сохранение слишком высокой задолженности государств в ситуации внешнего шока, а именно кризиса 2009—2011 гг., привели к весьма отрицательным последствиям, однако не одинаковым для всех стран еврозоны. В группе стран с относительно стабильными публичными

финансами (Голландия, Дания, Финляндия, а также остающаяся вне еврозоны Швеция) в 2009—2011 гг. отмечен рост безработицы, но относительно незначительный. Авторы исследования подчеркивают, что стабилизация публичных финансов не исключает некоторые формы фискальной экспансии, для того чтобы пытаться сохранить относительно низкий уровень безработицы. Однако страны со стабильными публичными финансами располагали соответствующими бюджетными резервами, которые могли использовать для амортизации последствий кризиса. В результате значительно смягчили рост безработицы.

Авторы исследования подчеркивают, что страны с дестабилизированными публичными финансами неодинаково реагировали на появление кризиса. В Греции и Португалии имел место быстрый рост уровня безработицы. Одновременно — добавляют упомянутые авторы — в этих странах было отмечено значительное ухудшение состояния уже ранее дестабилизированных публичных финансов, потому что фискальная экспансия была направлена в основном на обслуживание растущих издержек задолженности, а не на смягчение последствий экономического кризиса. Страны эти в момент наступления неожиданных внешних шоков не были надлежащим образом подготовлены к противодействию их отрицательным последствиям.

Выводы из исследования обоих авторов сочетаются с другими анализами на тему обусловленности безработицы в странах Евросоюза. Гжегож Тхорек считает, что в валютном сообществе элементами, укрепляющими способность смягчать внешние шоки, являются мобильность производственных факторов, гибкость цен и зарплат, хотя в этом вопросе по-прежнему ключевую роль играет фискальная политика государства [10]. Он утверждает, что, проводя чрезмерно экспансивную фискальную политику в период относительной стабилизации, страны Юга Европы (в некоторой мере и прибалтийские страны) исчерпали возможность использования ее инструментов уже в момент появления первых внешних шоков. В данной ситуации реакцией этих государств на углубляющийся кризис были значительные и социально ощутимые ограничения публичных расходов, давление на партнеров по Евросоюзу с целью оказания помощи в виде сокращения задолженности или очередных кредитных облегчений.

По-нашему мнению, экспансивная фискальная политика, а по сути дела, в большей мере попустительство некоторых правительств, или «жизнь не по средствам», разрешение обходить закон государственными институтами в сфере сотрудничества с соответствующими органами Евросоюза и др., повлияли на положение тамошних экономик.

Необходимость нового видения в сфере экономической политики

Мы считаем, что существует необходимость нового, углубленного анализа положения в Евросоюзе, особенно в еврозоне. Мы убеждены, что, если Евросоюзу быть (а это, безусловно, желательно), в нем необходимы принципиальные изменения, прежде всего в области экономической политики. В первую очередь это касается увеличения роли секторной политики, в том числе промышленной. Только при помощи активной секторной политики, проводимой как на уровне Европейской комиссии, так и на уровне национальных государств, можно придать новый, столь необходимый импульс процессу реальной конвергенции стран Евросоюза.

Вероятно, это не будет простым подражанием прежней промышленной политике, это будет новая секторная политика интеграции. Столь широко понимаемая политика не чужда Экономическому и валютному союзу. Ведь она касается поддержки Евросоюзом таких областей, как сельское хозяйство; малые и средние предприятия; инфраструктура; образование и формирование человеческого капитала; инициативы в области защиты окружающей среды, культуры, искусства и др.

Все эти действия, быть может, за исключением последней группы, направлены на поддержку рыночных механизмов или на их корректировку. Зато секторная политика, как ее мы понимаем, должна направлять действия рыночного механизма секторов экономики, способствующие росту занятости, укреплению специализации стран, необходимой для гармоничного, равноправного сотрудничества стран в рамках сообщества. Такая политика должна защищать экономику от спекулятивных пузырей. Мы не считаем этот постулат идеалистическим, напротив, он осуществим, но, прежде всего, необходим.

Так понимаемая секторная политика должна «невидимую руку» рынка направлять «видимой рукой» государства, при возможном согласованном действии руководства Евросоюза и национальных властей, в сферы, необходимые для оживления процесса реальной конвергенции. В изменении существующей до сих пор тенденции — процесса дивергенции, мы усматриваем основной шанс развития Евросоюза — и в нем еврозоны. Но это нелегкая задача.

Кризис в Еврозоне показывает, что мы имеем дело с серьезным и, к сожалению, нарастающим кризисом доверия к Евросоюзу, к политикам и европейским институтам. Снижается также доверие к идее европейской солидарности, которая развивалась со времен окончания Второй мировой войны и стала краеугольным камнем европейской интеграции. Усугубляются национальные эгоизмы, противоречащие суще-

ствующим до сих пор интеграционным тенденциям, беспокоит и рост популярности националистических и ксенофобских партий [11].

Несмотря на эти объективные факты, мы считаем, что шансом для Евросоюза является выработка новой стратегии в виде секторной политики, заключающейся в том, чтобы эта «направляющая рука» не заменяла «невидимую». Как мы отметили выше, нам известны многие примеры эффективной секторной политики, часто именуемой промышленной политикой. Проблема — в иных условиях, созданных доминирующей сейчас неолиберальной идеологией и институциональными обусловленностями Экономического и валютного союза и ВТО (Всемирной торговой организации).

В упрощенных, но, однако, часто доминирующих вариантах этой идеологии, распространено мнение о государстве не слишком позитивное: в стране у власти бюрократы, часто ленивые, слишком осторожные, бывает, что и коррумпированные. Зато другая сторона воспринимает себя как трудолюбивых, самоотверженных, готовых пойти на риск в создании рабочих мест, предпринимателей или частных работодателей. Демоническая картина: мошенники-госчиновники и ангелы-предприниматели. Однако в реальной жизни встречаются компетентные, ответственные служащие и в то же время нередко — алчные, эгоистичные, недальновидные, склонные к мошенничеству предприниматели. Только в сказках, на уроках гражданского воспитания, в упрощенной либеральной идеологии в рыночной конкуренции всегда побеждает честный конкурент.

И поэтому надо стремиться как к хорошему качеству государства, так и к честной конкуренции — это, во-первых, и, во-вторых, не существует единый, универсальный образец капитализма и роли государства в нем, а тот, который считается универсальным, является лишь образцом, предпочитаемым Международным валютным фондом и финансовыми рынками.

Мы отдаем себе отчет, что секторная политика в нынешней институциональной структуре Экономического и валютного союза будет непростой. Однако она необходима, если считаем ценностью существование и развитие еврозоны. Ведь нельзя не замечать ловушки, в которой оказались некоторые страны-должники. Такое положение опасно. Отсрочка не восстановит их конкурентоспособности, необходимой для преодоления стагнации. Этим странам трудно будет достичь высоких темпов роста и сократить безработицу в приемлемое время. В этом вопросе мы убежденные пессимисты. Не надо никого убеждать, что долговременная безработица — это социальная драма, особенно для молодого поколения. Она вызывает пагубные послед-

ствия гистерезиса¹⁶, вынужденной эмиграции, нестабильное положение семей, сокращает численность нации.

Какова секторная политика?

Стратегия повышения конкурентоспособности и ускорения экономического и общественного развития должна содержать комбинацию и иногда и более динамичные действия в пользу поддержки секторов, а именно:

- малых и средних предприятий, до сих пор предпочитаемых Евросоюзом и национальными властями (сейчас дело касается особого упора на так называемую самостоятельность «рыночных открытий» малых и средних фирм, которые должны создавать даже национальную специальность в сфере товаров и услуг);
- фирм, подающих надежды на создание высокой добавленной стоимости, инновационного производства, или тех фирм, у которых есть шансы на увеличение экспорта;
- секторов, создающих рабочие места, особенно в сфере необмениваемых благ и услуг, таких как здравоохранение, уход за детьми и пожилыми людьми, в системе образования и др.

В восстановлении конкурентоспособности страны Юга Европы вынуждены обращаться к инструментам и средствам, используемым странами, относящимися к так называемым «восходящим рынкам». Руководство Экономического и валютного союза должно предоставить им такую возможность. Такого типа постулат осуществить нелегко в свете обязательств, вытекающих из участия в ЭВС и соглашений в рамках ВТО. Кроме того, некоторые методы действий, которые принесли успех «восходящим рынкам», невозможно просто повторить. Скорее всего дело в философии деятельности, продиктованной сложностью положения и осознанием недейственности механизмов свободного рынка в решении такого типа проблем, по крайней мере во время, приемлемое для нынешнего поколения.

Надо приступить к тестированию создаваемых институтов и фондов Евросоюза и решений, принимаемых в создаваемом банковском союзе на случай возможности их использования в осуществлении новой секторной (промышленной) политики. Следует помнить, что сильные государства не говорят о промышленной политике, она у них просто есть.

¹⁶ Гистерезис — феномен бизнеса — устойчивость привычек; после исчезновения стимулов, приведших к безработице, она не сокращается.

Продуктивность и конкурентоспособность экономики

Следует избегать отождествления понятий продуктивности и конкурентоспособности. Рост продуктивности означает общую выгоду, которая может быть использована всеми и распределена (лучше или хуже) в стране или во всем международном сообществе. Зато конкурентоспособность является чьей-то выгодой против кого-то — как правило, во вред кому-то. Если мы констатируем, что девальвация повышает конкурентоспособность по отношению к нашему торговому партнеру или партнерам, это означает, что снижается их конкурентоспособность по отношению к нам. Девальвация нашей валюты для партнеров определяет апresiasiю их валют, что может привести к реторсии. Во избежание валютных войн в системе Бреттон-Вудса девальвации согласовывались арбитражем Международного валютного фонда. За странами сохранялось право на защиту своего сальдо текущих оборотов в случае фундаментального неравновесия, и партнеры были склонны это одобрять.

Создавая Общий рынок, партнеры рассчитывали на рост продуктивности. И не прогадали. Добились крупного успеха. Помогала в этом вопросе система Бреттон-Вудса, решая (лучше или хуже) проблемы конкурентоспособности. Когда система рухнула (в середине 1970-х гг.), курсовые войны, направленные на повышение конкурентоспособности, все больше осложняли сотрудничество евросоюзных партнеров. Немецкая марка не смогла заменить доллар, а Федеративная Республика — США в роли «благодетельного гегемона» не только из-за исторического прошлого или экономической силы Германии, но прежде всего из-за сильной зависимости этой страны от экспорта и экспортной конкуренции. В отличие от США, страны мало зависимой от внешней торговли, Германия не смогла стать арбитром конкурентоспособности в предполагаемом суррогате евросоюзного МВФ.

Осталась, однако, проблема: неконкурентоспособность страны в еврозоне. Вера в надежность свободного рынка такого не допускала. Однако это стало фактом. Согласно нелиберальным убеждениям, если свободный рынок подводит — всегда виновато государство. Вероятно, так думали 189 немецких экономистов, призывающих к блокированию создания Европейского стабилизационного механизма.

Безответственные правительства надо наказывать. Но нельзя лишать страну права на защиту в случае абсолютного неравновесия. Вступая в Евросоюз, страны-члены обязывались принять общую валюту, но не отказывались от возможности самообороны. Если бы Европейский стабилизационный механизм стал только фондом, оказывающим помощь, дающим своеобразную милостыню, тогда можно понять протестующих, заботящихся о своих кошельках. Было бы

намного лучше, если бы такого типа институт смог стать посредником в согласовании некоторых протекционистских действий правительств в случаях возникновения серьезного неравновесия. Хорошим примером могла бы стать поддержка сообществом реиндустриализации стран Юга Европы или похожие действия в рамках секторной политики.

Можно поставить вопрос: какова цель Общего (Единого) рынка, если допускается протекционизм. Следует отметить, что Общий рынок не является свободным рынком, что подтверждают существующие многочисленные урегулирования. Элементы покровительства не могут быть полностью устранены, так как это единый рынок и все страны, в нем участвующие, должны иметь сопоставимые шансы. Спорным вопросом остается определение институтов помощи в Евросоюзе. Согласно официальному определению, публичной помощью считается вмешательство государственных институтов, заключающееся в оказании помощи отдельному хозяйственному субъекту или группе субъектов, приводящее к нарушениям конкуренции на свободном рынке.

Недопустимой публичной помощью является любая помощь, соответствующая следующим предпосылкам:

- бенефициаром поддержки является предприниматель в функциональном понимании;
- помощь оказывается при посредничестве государства или из государственных источников в любой форме;
- помощь приносит выгоду бенефициару и является селективной;
- помощь нарушает или угрожает нарушением конкуренции путем благоприятствования некоторым предпринимателям.

Твердые правила публичной помощи исключают ее селективность: так, не допускаются, например, концессии на осуществление определенных видов деятельности для какой-то категории субъектов, если в таком праве было отказано остальным субъектам данной категории. Повсеместным является также запрет оказания публичных услуг на основании договора, заключенного с нарушением закона о публичных заказах.

Все названные и многие другие предпосылки, касающиеся соблюдения принципов и требований публичной помощи, кажутся обоснованными. Проблема в том, что на едином рынке, как мы отмечали раньше, существуют урегулирования, оспаривающие эти принципы и требования. Нередко Европейская комиссия соглашается на предоставление некоторых привилегий фирмам или предпринимателям, объясняя это высшими, обоснованными социальными или экономическими соображениями.

Официальная, т. е. одобряемая Евросоюзом публичная помощь государства относится к таким областям, как: региональная политика; инвестиционная деятельность, направленная на рост занятости в малых и средних предприятиях; поддержка женского предпринимательства; деятельность в сфере защиты окружающей среды; поддержка консультационных услуг в малых и средних предприятиях, их участие в обучении, ярмарках.

Это лишь некоторые примеры публичной помощи, одобряемые Европейской комиссией. Мы высказываемся за то, чтобы в еще большей мере согласие Евросоюза на помощь государства распространялось на новые созданные рабочие места в секторе производства и услуг, опирающиеся на знания; инвестиционную деятельность в пользу научных исследований и инноваций; повышение капитала фирм, обоснованного инвестиционного риска; случаи фирм, в которых работники оказались в особо неблагоприятном положении, это касается, например, работников с ограниченными физическими возможностями.

Мы убеждены, что эти постулаты прямо означают большую открытость и согласие на поддержку хозяйственным субъектам и предпринимателям в пользу повышения их конкурентоспособности. Согласие на поддержку деятельности правительства в пользу повышения конкурентоспособности, по сути дела, является согласием на девальвацию. Его сложнее добиться, но оно должно оказаться в арсенале инструментов и средств так называемой реальной девальвации как средство, менее ощутимое для общества и, одновременно, как мы думаем, более эффективное.

Какой будет архитектура Сообщества?

Какой же должна стать архитектура Европейского сообщества и каковы должны быть его приоритеты? Премьер-министр Дэвид Кэмерон поставил важный вопрос: какой должна быть интеграция — вокруг общей валюты или вокруг общего рынка? Оба варианта интеграции приемлемы. Необходимость интеграции не вызывает сомнений. Однако сегодня ключевым вопросом является оздоровление положения в еврозоне. Это важно не только для самого Сообщества, но и для глобального рынка, которому евро очень нужен.

Мы разделяем мнение о необходимости восстановления стабильности финансового сектора, хотя это непростая задача, так как в большой мере она связана с бюджетной ситуацией многих стран. Однако трудно не согласиться, что в результате сложившегося опыта, гарантом стабильности европейского финансового сектора должен стать общий механизм контроля за ним. Банковский союз стал проектом, который из принципа следует одобрить. Прежде всего, потому что очередная

дезинтеграция европейского финансового сектора привела бы к существенному ограничению масштаба операций на общем европейском межбанковском рынке и в результате повлияла бы на положение в реальной экономике. Ликвидность межбанковских расчетов между банками стран Юга и Севера Европы была приостановлена благодаря вмешательству Европейского центрального банка, а имеющийся опыт на финансовом рынке Евросоюза подсказывает, что укрепление координирующей и регулирующей роли ЕЦБ представляются несомненными. Но «спасательный круг» в виде Европейского центрального банка уже не является достаточным. Проект Банковского союза кажется весьма рациональным.

С польской точки зрения, идея Банковского союза и регулирования важна и позитивна, так как раньше или позже Польша станет членом еврозоны. Банковский союз мы воспринимаем как возможность институциональной поддержки или амортизатора в пользу продуктивности и конкурентоспособности экономик стран Евросоюза, как и самого Содружества в целом. Можно предположить, что преобразования системы регулирований и действий в европейской банковской системе помогут преодолеть кризис доверия на финансовых рынках. Известно, что финансовые рынки нередко становятся с трудом, одобряемым указателем для хозяйственных решений и социальной политики, но являются фактом, который нельзя недооценивать.

Считаем, все-таки, что сейчас более важной проблемой стал выбор пути в пользу восстановления тенденций развития в Евросоюзе, особенно в еврозоне. Однако немногочисленные экономисты в Польше и в значительном числе американские подсказывают путь выхода из нынешнего положения — распустить еврозону. Контролируемую декомпозицию еврозоны для спасения Евросоюза предлагают Стефан Кавалец и Эрнест Пытлярчик [12]. По их мнению, нынешний кризис подтверждает, что введение общей валюты было ошибкой. Евро вместо сплочения Евросоюза может привести к конфликтам, еще более серьезным чем сейчас, в результате стать угрозой для достижения европейской интеграции. Авторы проекта декомпозиции еврозоны выдвигают тезис, что основной проблемой, связанной с общей валютой, является то, что страны-члены полностью утратили возможность использования эффективного и не поддающегося замене инструмента приспособления, каким является обмен взаимных валютных курсов. Мы далеки от таких выводов.

Польша и еврозона

В Польше в дискуссиях об экономике есть общее мнение — сейчас неподходящее время для вступления в еврозону. Расхождения же касаются вопроса: когда? Мнения по этому вопросу расходятся.

1. Не стремиться к вступлению в нее, сохранить плавающий курс злотого, потому что суверенная денежная политика, которая возможна в данном случае, лучше служит уравновешенному росту экономики. Аргумент этот часто подкрепляется еще утверждением, что тесное экономическое сотрудничество с крупным экономическим организмом, каким является еврозона, защищает нас от чрезмерных колебаний курса злотого. Монетарный суверенитет имеет свою цену. Высшие транзакционные издержки, издержки ссуд и обслуживания долга и другие издержки и риски широко обсуждаются в учебниках. Зато некоторые другие угрозы обнажили нынешний кризис и нарастающие последствия финансовализации мировой экономики. В новых обстоятельствах курсы валют отрываются от реального состояния экономики, от так называемых фундаментов, а повсеместно признаваемая тройная дилемма: свобода перелива капитала, свобода денежной политики, свобода формирования курса валюты — превратилась в двойную дилемму, фактически же стала альтернативой: свобода перелива капитала или свобода монетарной политики и курсов.

Сегодня отрыв курсов валют еще неполный, и эта альтернатива не повсеместна, однако тенденция изменений четко намечается. Малая открытая экономика одновременно теряет суверенность — как монетарную, так и в сфере курсов [13]. Возможности ограничения переливов капитала государствами тоже не надежны, возможности же обойти ограничения широкие. Аргумент же, что широкий торговый обмен с сильным торговым партнером стабилизирует курс валюты малой открытой экономики, должен означать, что есть шанс использования злотым защиты со стороны евро. Дело, наверное, касается хитрого использования случая «проезда зайцем». Мы считаем, что это временная польза до момента, когда рынки не скажут «стоп». Последствия такой проверки испытал польский злотый, когда за короткий срок цена доллара США колебалась в пределах от 2 до 4 злотых. Национальная экономика Польши по сей день несет издержки из-за разорения домашних хозяйств и некоторых фирм, задолжавших в иностранных валютах или пользующихся валютными опционами.

2. Часто выражается мнение, что надо ждать и наблюдать за изменениями, происходящими в еврозоне, и принимать решение о предполагаемом вступлении в еврозону в подходящий момент. Вариантом такой предлагаемой стратегии является ожидание «в полной готовности» — так можно назвать постулат выполнения всех Маастрихтских

критериев. Выжидать с принятием окончательного решения. Пассивная позиция наблюдателя не является хорошим решением, даже если формально она нам ни во что не обходится. В перспективе может оказаться потерей и для Польши, и для Евросоюза. Выполнять Маастрихтские критерии надо, но не в спешке — а так, чтобы ничего не потерять из наших — сейчас ничтожных — темпов роста.

3. Самым лучшим решением для Польши, как кажется, должно быть активное ожидание. Мы обязаны вступить в еврозону, не отрицая выгоду, которую могут принести общая валюта и сильный Евросоюз нашей стране и мировой экономике, если он окажется способным к исправному действию. Также для нас важно в случае полосы неблагоприятных событий предотвращение провала в результате неконтролируемого распада еврозоны. Статус кандидата на вступление дает нам право активно участвовать в работе над улучшением этого сообщества и нести некоторые издержки, с этим связанные.

Наша идея Европы

Хотя эти концепции экономистов мы считаем интересными, и нельзя их полностью отвергать, мы не знаем, каким образом и какими темпами будет происходить улучшение положения в еврозоне, в том числе повышение активности и конкурентоспособности государств. Однако считаем, что еще есть время для менее революционных решений, частично альтернативных к основному течению преобразований в еврозоне.

Следует отметить, что в настоящее время не удалось бы выработать политический консенсус даже для наиболее осмысленного процесса возвращения к национальным валютам. Но, однако, более существенно то, что принимающие решения руководители Евросоюза вырабатывают основы для противоположных решений. Опасения Германии в отношении того, что возвращение к национальным валютам привело бы к депрециации марки с возможными последствиями, разделяют почти все политические силы на Рейне. Несмотря на оценку проектов и осуществление фискального пакта, или концепции Банковского союза, это путь в направлении реформирования существующей еврозоны.

Если чего-то мы и опасаемся — то это того, что проводимые до сих пор реформы с заметным преобладанием фискальных решений могут подвергнуть Европу продолжительным политическим и социальным конфликтам. Если бы так случилось, ослабилась бы позиция Европы по отношению к таким мировым экономическим державам, как США, Индия, Китай, в последнее время Мексика.

По-нашему мнению, существующую до сих пор фискальную основу обязательно надо дополнить новой — назовем ее *кейнсианской*. За-

метим при этом, что растет потребность в «невидимой руке» Брюсселя в преодолении кризиса. Однако наши чаяния по отношению к нему все-таки иные чем те, которые обозначает мейнстрим. Мы с удовлетворением приняли решение Еврокомиссии об оживлении рынка труда, благодаря финансовому подспорью структурных фондов Евросоюза, что в последнее время обещает новый председатель Еврокомиссии Ж.К. Юнкер, предлагая рост участия промышленности в экономике Евросоюза и крупный инвестиционный пакет. Мы с одобрением относимся также к сообщениям, что Еврокомиссия в последнее время ослабила финансовую дисциплину для шести стран, в том числе для Польши, чтобы, как говорится, перевести дыхание ради сложных реформ.

Мы хотели бы, однако, обратиться к политикам и руководителям Евросоюза: стратегия повышения конкурентоспособности и экономического и социального ускорения должна содержать также комбинацию и более динамичные действия, направленные на поддержку секторов. Необходимо также новое видение в сфере экономической политики. Активная, но при этом определенная роль государства не только не помешает, но и поможет выйти — не побоимся констатировать — из очень сложного, социально драматического экономического положения многим странам. Этот новый приоритет для Евросоюза, который мы предлагаем, является постулатом — в полном значении этого слова — экономическим и заодно социальным, так как предполагает ускорение реальной конвергенции стран еврозоны. Мы считаем, что предпосылки номинальной конвергенции являются сейчас мало амбициозными и мало продуктивными, что вызывает беспокойство и мешает спокойно смотреть в будущее еврозоны.

Литература

1. Ryć K., Skrzypczak Z. Ochrona zdrowia w warunkach turbulencji w gospodarce światowej // *Problemy Zarządzania*. 2013. № 1.
2. Идеи Нового века. Дебаты в Президентском дворце в Варшаве // ПАП. 12.11.2012.
3. Финансовый наблюдатель. 27.07.2014.
4. Rey H. The Emergence of the Euro as an International Currency // *Portes R. Economic Policy*. 1998. 26 April.
5. Lutkowski K. Co się stało w strefie euro // *Rzeczpospolita*. 15.06.2012.
6. Barrell R., Holland D., Hurst A.I. Fiscal Consolidation. P. 2: Fiscal Multipliers and Fiscal Consolidations // *OECD Economics Department Working Paper*. 2012. No. 93.

7. World Economic Outlook. Report. 2012. № 12.
8. *Wojtyła A.* Ewolucja keynesizmu a główny nurt ekonomii. Warszawa, 2000.
9. *Heller J., Kotliński K.* Trwała destabilizacja finansów publicznych a stopa bezrobocia w wybranych krajach Unii Europejskiej // *Studia Europejskie*. 2012. № 4(64).
10. *Tchorek G.* Teoretyczne podstawy integracji walutowej // *Mechanizmy funkcjonowania strefy euro* / P. Kowalewski, G. Tchorek, J. Górski (red.). Warszawa, 2011.
11. *Nowak A.Z.* Współczesny świat w erze turbulencji // *Zarządzanie: tradycja i nowoczesność* / J. Bogdanienko, W. Piotrowski (red.). Warszawa, 2013.
12. *Kawalec S., Pytlarczyk E.* Kontrolowana dekompozycja strefy euro, aby uratować Unię Europejską // <http://liberte.pl/> 2012.06.27.
13. *Rey H.* The Emergence of the Euro as an International Currency with Portes R. // *Economic Policy*. 1998. 26 April.

К.А. ЗИМАРИН

Кипрский банковский кризис и пути его преодоления

Аннотация. Анализируются банковский кризис на Кипре, пути выхода из него, опыт и уроки.

Ключевые слова: Кипр, кризис, банки, финансовая система.

Abstract. The article is devoted to analysis of Cyprus bank crisis, ways out of the crisis, experience and lessons.

Keywords: Cyprus, crisis, banks, financial system.

Серьезным испытанием на прочность еврозоны явился кризис финансовой системы Кипра. Он проявился, прежде всего, в банковской сфере страны, а затем охватил всю экономику.

Тревожные тенденции начали проявляться еще в 2012 г. в связи с кризисом в Греции (списание греческих облигаций в объеме 4,5 млрд евро на балансах кипрских банков, а также значительный объем операций кипрских банков в Греции). Объем депозитов в банковской системе Кипра сократился в 2013 г. на 32%. Снижение объема депозитов стало результатом значительного оттока капитала из страны, банкротства банка «Laiki», отчуждения греческих операций кипрских банков, частичной конвертации клиентских депозитов банков в акции в объеме 7,8 млрд евро. Негативные тенденции усиливались в связи с высокой

концентрацией кредитов в секторе строительства и недвижимости (более 35% кредитного портфеля), широкой практикой пролонгации/реструктуризации, а не взыскания проблемных кредитов, существенными сроками и сложностью процедур взыскания необслуживаемых кредитов. Кроме того, существовавшая практика учета проблемных кредитов, не в полной мере соответствовала международным стандартам (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста ВВП и безработицы на Кипре (2010—2013), %

Годы/показатели	2010	2011	2012	2013
Динамика ВВП	1,3	0,5	-2,4	-5,4
Уровень безработицы	6,3	7,9	11,9	15,8

Источник: [1].

В результате этих негативных тенденций стремительно снижались уровень достаточности капитала и объем собственных средств крупнейших локальных кипрских банков. Так, за период с 2010 по 2012 г. уровень достаточности капитала первого уровня снизился с 10,7 до 3,4%, а объем собственных средств упал с 7,4 млрд евро до 1,6 млрд евро [2]. Согласно независимым оценкам, общий объем требуемой докапитализации крупнейших банков Кипра на конец 2012 г. составлял 9—10 млрд евро.

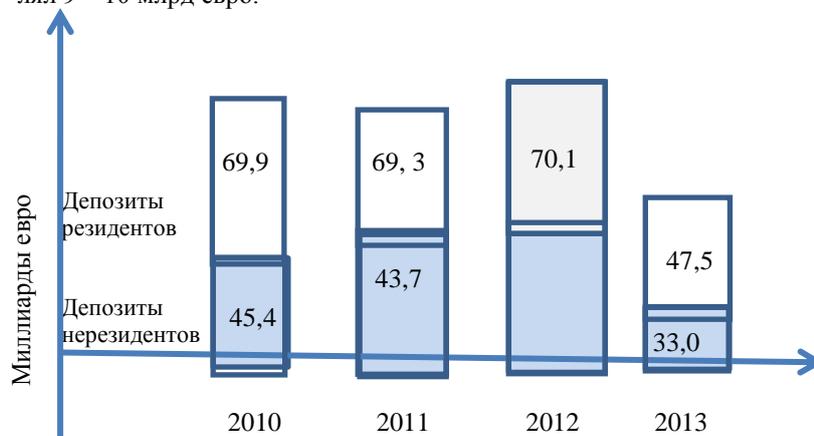

Рис. 1. Динамика депозитной базы банковского сектора Кипра (2010—2013), млрд евро (рассчитано по: [3])

Как видно из рисунка 1, в 2013 г. кипрские банки потеряли значительные объемы депозитной базы. Объем депозитов резидентов уменьшился в течение этого года на 10,3 млрд евро, а нерезидентов — на 12,3 млрд евро. Обанкротился один из крупнейших банков страны «Laiki». Чтобы выйти из кризиса, требовалась докапитализация банков в объеме до 10 млрд евро. В рамках еврозоны было оказано содействие по выводу банковского сектора Кипра из кризиса. Европейский союз 18 марта 2013 г. принял решение по пакету финансовой помощи Кипру, которая включала конвертацию части депозитов в капитал Банка Кипра (*BoC*) и выделение кредита от ЕС и МВФ в размере 10 млрд евро [4].

Важно отметить, что на кипрском кризисе были апробированы два подхода решения проблем в банковском секторе «хирургическим» способом. Первый — через солидарное налогообложение депозитов всех вкладчиков кипрских банков, что фактически не прошло. По своей природе этот подход в целом был порочен, поскольку предполагал, что за упущения менеджмента банка или из-за проблем банков с управлением рисками и ликвидностью все (в зависимости от размера средств в банке и не только граждане Кипре) должны были заплатить дополнительный налог в размере до 9,9% своих сбережений. Проведенные нами расчеты показывают, что даже если бы эта модель была реализована, подобный налог на депозиты смог бы дать не более половины от требуемых 10 млрд евро.

Второй подход, который родился в процессе активного неприятия кипрским обществом первого, оказался более жизнеспособным. В рамках данного подхода тяжесть фактического банкротства банка ложилась на его акционеров, кредиторов и вкладчиков. Болезненно? — безусловно, но, как нам кажется, вполне справедливо — выбор банка в конкурентной экономике — это не только право, но и ответственность того, кто вложил туда свои деньги.

Уже сейчас Кипр постепенно выходит на траекторию восстановительного роста. При этом было использовано менее 60% от 10 млрд евро предоставленных средств. В 2014 г. наметился положительный тренд в динамике ВВП, хотя, по прогнозам, он остается еще отрицательным на уровне менее 3%. В 2015 г. ожидаются положительный прирост ВВП на уровне 0,4—0,5% и некоторое снижение безработицы с 19,4% в 2014 г. до 18% в 2015 г.¹⁷

В результате принятых мер и реализации правительством Кипра структурных реформ в октябре 2014 г. S&P повысило кредитные рейтинги Кипра до «В+» с «В» со стабильным прогнозом. Наблюдается

¹⁷ Расчеты автора на основе [5].

снижение доходности по бондам Кипра с 15% в 2013 г. до 4,5—5% в четвертом квартале 2014 г. В июне 2014 г. Кипр завершил размещение еврооблигаций на сумму 750 млн евро — на полтора года раньше срока, предусмотренного программой поддержки Кипра. Ожидается, что еще два выпуска еврооблигаций будут размещены в 2015 г. Пока нельзя сказать, что это окончательное выздоровление и рост экономики Кипра устойчив. К сожалению, ухудшение ситуации в Греции может принести неприятные сюрпризы. Тем не менее признаки восстановления налицо. И то, что процесс перехода от глубочайшего кризиса к восстановлению экономики занял так мало времени — всего полтора года, — подтверждает правильность тех структурных реформ, которые в итоге были приняты парламентом и реализованы правительством Кипра.

Важно отметить: развитие кризиса еще раз показало, что он исполняет роль «санитара», который вытесняет нежизнеспособные структуры. Мы видим, что на Кипре возможности ведения бизнеса остались, и неизбежно на освободившееся пространство приходят новые игроки. Кроме того, после процесса выздоровления отношение к большому всегда меняется — те банки, которые смогли обеспечить привлечение нового капитала и реструктурировали свои бизнес-модели, доказали свою жизнеспособность. И доверие к ним, а опосредованно и ко всей банковской системе Кипра, безусловно, повышается. Это подтверждает и статистика по банковским вкладам — в ноябре 2014-го впервые за два года банки Кипра показали чистый прирост депозитной базы.

Интересной особенностью кипрского кризиса является то, что лидерами восстановительного роста стали международные банки. Они финансово устойчивы, и у них большой запас прочности, что показали стресс-тесты ЕЦБ. Международные банки обладают ликвидностью, значительным запасом по капиталу и не столь сильно отягощены «плохими» долгами, они готовы развивать программы кредитования кипрских компаний и тем самым содействовать восстановительному росту экономики Кипра.

С учетом отмеченных тенденций можно сделать общий вывод, что экономика Кипра начинает постепенно восстанавливаться и открываются новые перспективы. Несмотря на небольшой размер экономики Кипра, ее банковский сектор достаточно емкий, с относительно высоким уровнем доходов населения и высокой нормой сбережений, и для него это все генераторы роста и прибыли. Для того чтобы потенциальные возможности превратились в ощутимый результат, необходимо вкладывать в экономику средства, финансировать ее восстановление и развитие. Необходимо начать стимулировать экономический рост — через поддержку крупных инфраструктурных и инвестиционных про-

ектов. Кипр нуждается как в развитии инфраструктуры, в том числе в обновлении энергетических мощностей, так и в значительных инвестициях в туристический сектор, который в момент кризиса показал, что может быть существенным драйвером для экономики. Необходимо принять решения, которые смогут стимулировать вложения в строительство новых гостиниц, что снизит цену «входного билета» на этот рынок, которая (из-за высокой стоимости земли и необходимости существенных вложений в инфраструктуру) является весьма высокой. Необходимо полноценно выйти на рынки капитала и перейти к нормальному функционированию финансового рынка. Тогда международная программа поддержки кипрской экономики стоимостью в 10 млрд евро будет успешно завершена. И в случае с Кипром она может оказаться наиболее успешной из всех осуществленных за последнее время аналогичных международных программ выхода из финансово-экономического кризиса.

Литература

1. <http://centralbank.gov.cy>.
2. <http://sdw.ecb.europa.eu>.
3. http://centralbank.gov.cy/nqcontent.cfm?a_id=1178 (дата обращения 11.07.2014).
4. Financial Times. 2013. March 19.
5. <http://centralbank.gov.cy>.

В.Л. В. ЧЕКМАРЕВ

Избыточно ли ощущение опасности неустойчивого развития экономики?

Аннотация. Анализируется состояние экономической безопасности и экономики России; оценка проводится с использованием таких категорий, как стабильность, функционирование экономической системы, неопределенность, неустойчивость; приводятся аргументы в пользу точки зрения, согласно которой экономическая безопасность страны характеризуется состоянием экономической безопасности регионов; обоснованы объективные предпосылки сценариев экономического развития.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, безопасность регионов, устойчивое развитие.

Abstract. In article a theoretical analysis of the implemented economic security and economy of Russia. Evaluation was carried out using categories such as stability, the functioning of the economic system, uncertainty, instability. Arguments in favor of the view that the economic security of the country is characterized by a state of the economic security of the regions. Justified by the objective conditions of economic development scenarios.

Keywords: national security, economic security, security of the region sustainable development.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. подчеркивается, что «последствия мировых финансово-экономических кризисов могут стать сопоставимыми по совокупному ущербу с масштабным применением военной силы» [1].

Как отмечается в этом документе, развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается высоким динамизмом и взаимозависимостью событий. Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции [2, 30—39; 3—7].

Но нельзя не отметить и то обстоятельство, что и внутри страны накопилось немало угроз национальной безопасности (начиная от так называемой войны законов и заканчивая войной региональных элит). Кроме того, отсутствие экономической самодостаточности большинства регионов страны рождает проблему формирования (обеспечения) экономической безопасности регионов.

Предметом нашего анализа и выступает проблема обеспечения национальной безопасности страны на основе формирования экономической безопасности регионов. В ряде своих публикаций мы уже рассматривали те или иные стороны процесса обеспечения экономической безопасности регионов. В то же время вопрос взаимообусловленности экономической безопасности регионов и национальной безопасности страны требует дальнейшего исследования.

Обратимся еще раз к нормативным документам.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года угроза национальной безопасности рассматривается как, «прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства».

Другими словами, угроза есть выражение реальных и уже существующих противоречий как на внутреннем экономическом пространстве страны, так и за ее пределами [8—10].

Угрозы могут быть классифицированы по разным основаниям: в зависимости от происхождения — на внутренние и внешние; в зависимости от сферы возникновения — на угрозы в бюджетной, налоговой сфере, финансово-кредитной, инвестиционной, денежно-валютной сферах; в зависимости от субъектного состава — на угрозы, исходящие от индивидуального субъекта, угрозы, исходящие от неорганизованной группы лиц (субъектов, не объединенных умышленно для совершения противоправных действий в финансовой сфере), а также угрозы, исходящие от организованной группы лиц, и угрозы, исходящие от транснациональных преступных объединений [11; 12; 55—69; 13, 35—58].

Кроме того, в зависимости от степени опасности угроз, возможна классификация угроз по оценочной шкале сложности. В зависимости от длительности угрозы можно классифицировать на длительные, возникающие эпизодически и носящие временный характер [14;15].

Разумеется, перечисленная совокупность угроз не носит исчерпывающего характера, перечень угроз является открытым и подлежит постоянному мониторингу и разработке мероприятий по защите от них или их ликвидации.

Но вот что интересно. Развитие экономики страны есть некоторая квинтэссенция региональных экономик. Следовательно, возникает задача оценки состояния региональных экономик (экономики регионов). А в настоящее время большинство регионов страны являются дотационными. Возникает ощущение опасности неустойчивого развития экономики страны в целом.

Избыточно ли это ощущение? И где лежит ответ на этот вопрос? На наш взгляд, объективным ответом может лишь быть ответ в рамках формирования теории экономической безопасности регионов. Развитие теории и методологии исследования экономической безопасности региона предполагает формирование алгоритма, определяющего последовательность выполнения исследования обозначенной проблемы. Этот алгоритм состоит из следующих шагов:

- проведение сравнительного анализа точек зрения на содержание понятий «социально — экономическая система региона», «экономическая безопасность региона», «состояние экономической безопасности».
- рассмотрение экономической безопасности региона как *феномена* и как процесса формирования *состояния экономической безопасности*.

- выявление социальной и экономической природы экономической безопасности и роли сферы образования в ее обеспечении.
- определение эволюции института экономической безопасности региона в системе экономических институтов.
- выяснение проблем и противоречий институционального обеспечения экономической безопасности регионов.

На основе предложенного алгоритма возникает возможность создания научно-полноценной *общей концепции* и ею целиком обусловленная методология исследования состояния экономической безопасности социально-экономической системы региона.

Последнее необходимо подчеркнуть особенно в связи с тем, что литература изобилует субъективными, крайне произвольными потребностями, мало пригодными для решения задач, стоящих перед экономической наукой.

Создание теоретико-методологических основ, необходимых для углубленного изучения проблем обеспечения экономической безопасности социально-экономической системы региона, затруднено недостаточной разработанности ряда частных проблем. Такова, например, проблема обеспечения экономической безопасности отдельной личности, а так же проблема экономической безопасности сферы образования. Особо отметим, что необходимые механизмы для обеспечения экономической безопасности сферы образования более сложны, чем может показаться на первый взгляд.

И одной из задач исследователей является выяснение общих закономерностей обеспечения состояния экономической безопасности социально-экономической системы региона на основе обеспечения экономической безопасности региональной системы образования как мезосоциоэкономической системы.

Специфика образовательной организации в рамках ее целей и миссии в условиях роста неопределенности развития рынков, а также динамичности факторов и угроз внешней среды опосредует и поиск способов обеспечения экономической безопасности. Если у продуктовой организации существуют две основных цели — создание продукта (товара или услуги), представляющего ценность для потребителя, и увеличение капитала собственника, то у образовательной организации цели иные. Во-первых, в условиях резко обострившейся конкуренции за право и возможность производства образовательных услуг этой целью является создание своего бренда (имиджа) на основе, прежде всего, качества производимых услуг. А во-вторых — удовлетворение потребностей общества в создании социальной личности. Зачастую, первое превалирует над вторым не без помощи Минобрнауки, но гармоничное их выстраивание требует не только использования рыночных

возможностей, но и развития фундаментальных исследований по психолого-педагогическим наукам для последующей реализации в учебно-воспитательном процессе.

Подчеркнем, что в сфере образования происходит изменение ценностных установок и образцов поведения образовательных организаций. В то же время эти изменения далеко не всегда ориентированы на будущие потребности регионального развития, на необходимость учета принципов нового мышления и совершенной системы ценностей, которая имеет множество контуров.

По мнению авторитетного ученого и известного консультанта в области управления А.И. Пригожина, ценности — это признаки качества жизни (личной, деловой, социальной), ее блага [16, 15]. Они определяют жизненные ориентиры индивидов, векторы развития организаций, их поведение, формы и способы взаимодействия и выстраивания отношений. С позиции индивида ценности также можно рассматривать как представления о самом лучшем, важном, желанном. Для организации это могут быть представления о ее совершенстве, уникальности, высоких достижениях. На уровне общества находятся ценности, отражающие представления индивидов, социальных групп, организаций о разных сферах и сторонах жизни (трудовая деятельность, образование, здоровье, отдых и др.). Ценности, представленные во всех контурах, взаимосвязаны и противоречивы, что в значительной мере осложняет процессы целеполагания и целеосуществления.

Целеполагание базируется на ценностях, которые побуждают людей к постановке определенных целей и их достижению. Являясь исходным началом процесса управления, целеполагание должно отражать ценности, находящиеся в разных контурах. К тому же ценности каждого контура неоднородны (например, ценности индивидов могут быть органичные, обретенные, избранные, а также осознанные и неосознанные), они нередко несовместимы и противоречивы. Цели как векторы движения также дифференцируются по временному периоду их постановки и реализации (стратегические, тактические, оперативные). Именно противоречивость целей и ценностей является причиной многих «ловушек» и неудач в функционировании образовательных организаций. Другими словами, указанная противоречивость является внутренней угрозой экономической безопасности образовательной организации.

Однако знакомство со стратегиями развития и Концепциями развития вузов не дает оснований утверждать, что создатели стратегий и концепций развития предполагают осуществлять их реализацию с использованием принципа управления по ценностям. А это значит, что не будут предприняты усилия по обеспечению высокой степени свобо-

ды, инициативы и ответственности сотрудников, рассредоточенного и раскрепощенного лидерства. И, следовательно, еще одной внутренней угрозой экономической безопасности вуза будет уход в другие организации наиболее профессионально компетентных работников по причине невовлеченности в реализацию стратегии развития организации и недоверия идеологическим установкам топ-менеджмента.

С учетом вышеотмеченных целей образовательных организаций защитой от внутренних угроз является использование возможностей управления ценностью организации. В экономической литературе отмечается, что *решение считается выгодным, когда ценность ожидаемых результатов выше отвергнутых альтернатив*. При этом ценность отвергнутых альтернатив отражает издержки упущенных возможностей (opportunity cost). Из этого вытекает, что обеспечение экономической безопасности образовательной организации основывается на управлении ценностью этой организации. Следовательно, *управление ценностью вуза является стратегической задачей ее развития*.

В ситуации усложнения защиты от внешних и внутренних угроз при достижении поставленных целей руководители вузов не уделяют, на наш взгляд, должного внимания анализу и оценке конкурентных упущений. Между тем хорошее знание своих слабых сторон и упущенных возможностей является одним из элементов обеспечения экономической безопасности за счет формирования верных принципов стратегического развития.

По мнению А.И. Пригожина, конкурентные преимущества стратегического и уникального типа являются мощными *синергиками*, а конкурентные упущения указывают на *энтропики* [16, 275]. Руководители образовательных организаций не проявляют, по нашему мнению, должного интереса к обеспечению экономической безопасности своих организаций и экономической безопасности каждого отдельного работника. Чаще всего это связано с непониманием руководства важности конкурентных позиций. Незнание и непонимание рыночных процессов не позволяют им ориентироваться в движущих факторах развития (синергиках) и выявлять факторы, ограничивающие рост ценности своей организации (энтропики), устанавливать причинно-следственные связи между ними. Тем самым, интегрировать задачу обеспечения собственной экономической безопасности.

Наиболее известными в реальной практике обеспечения экономической безопасности на основе стратегических управленческих решений являются два подхода: адаптивный (компромиссный) и проактивный (креативный). Адаптивный подход основан на использовании такого важнейшего инструмента маркетинга как *позиционирование*.

На основе построения матрицы позиционирования осуществляется поиск компромиссного стратегического решения (например, фокусирование или диверсификация структуры вуза; обеспечение роста направлений подготовки или устойчивость; дифференциация товарного предложения или снижение издержек; рост доходов сотрудников или развитие инфраструктуры и т. п.). Но в условиях возрастающей конкуренции использование адаптивного подхода относительно ограничено в силу его доступности конкурентам.

Образовательным организациям предполагающим использование проактивного подхода, следует ориентироваться на поиск ограничителей роста их ценности, их снятие или снижение с позиций *интересов всех категорий стейкхолдеров* (сотрудников, инвесторов, кредиторов, покупателей и др.).

Сделаем некоторые выводы.

Развитие теории и методологии исследования экономической безопасности региона возможно в контексте неоиндустриальной парадигмы. В рамках этой парадигмы необходимо решение проблемы обеспечения экономической безопасности отдельной личности и сферы образования. Некоторые возможные подходы были вышеизложены. Тем самым осуществлен один из шагов реализации предложенного алгоритма исследования экономической безопасности региона (первые два шага алгоритма были обозначены в предыдущих работах — см.: [17, 99—101; 18, 133—136; 19, 101—103; 20, 52—56]). И отвечая на вопрос, вынесенный в название настоящей статьи, следует отметить, что ощущение опасности неустойчивого развития экономики имеет объективные предпосылки.

Литература

1. Указ Президента РФ от 12 мая 2009г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СЗРФ. 2009. № 20. Ст. 2444.
2. *Афонцев С.* Национальная экономическая безопасность: на пути к теоретическому консенсусу // *Мировая экономика и международные отношения.* 2002. № 10.
3. *Барабин В.В.* Экономическая безопасность государства. М., 2001.
4. *Безопасность России. XXI век / Под ред. А.В. Загорского.* М., 2000.
5. *Герасимов А.П.* Экономическая безопасность российской государственности: экономико-правовые аспекты. СПб., 2001.

6. *Глазьев С.* Основы обеспечения экономической безопасности страны — альтернативный реформационный курс // Российский экономический журнал. 1997. № 1—2.
7. Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 1996. № 18.
8. *Кирьянов А.Ю.* Экономическая безопасность как особое направление обеспечения региональной безопасности в современном российском государстве // Адвокатская практика. 2006. № 1.
9. *Лысюк В.В.* Конфликтный потенциал постсоветского пространства и его влияние на национальную безопасность Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2004.
10. *Степашин С.В.* Вопросы безопасности в системе государственного и муниципального управления Российской Федерации. СПб., 1994.
11. *Абалкин Л.* Экономическая безопасность России, угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12.
12. *Бурцев В.В.* Факторы финансовой безопасности России // Менеджмент в России и за рубежом. 2001. № 1.
13. *Илларионов А.* Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10.
14. *Гладких Р.Б.* Обеспечение безопасности предпринимательской деятельности в системе мер, обеспечивающих экономическую безопасность государства // Юридический мир. 2006. № 10.
15. *Плисецкий Д.* Экономическая безопасность: валютно-финансовые аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 5.
16. *Пригожин А. И.* Цели и ценности. Новые методы работы с будущим. М., 2010.
17. *Чекмарев Вл.В.* О категориальном аппарате изучения экономической безопасности мезоэкономических систем // Экономика образования. 2013. № 4.
18. *Чекмарев Вл.В.* Стратегия регионального развития в дискурсе обеспечения экономической безопасности // Экономика образования. 2014. № 2.
19. *Чекмарев Вл.В.* Факторы инновационного развития и обеспечения экономической безопасности региона // Экономика образования. 2013. № 4.
20. *Чекмарев Вл.В.* Экономическая безопасность как условие благополучия и развития личности // Экономика образования. 2014. № 2.

А.А. ЗАЛЕТНЫЙ

Транспарентность как ключевая проблема российской экономики

Аннотация. Основные темы и задачи этой статьи следующие: показать на конкретных примерах, каким образом российская экономика становится более транспарентной для российских и иностранных лиц, физических лиц и организаций; какого рода проблемы или затруднения существуют на пути становления более транспарентной экономики в России равно как и за ее пределами; какого рода решения уже принимаются и/или были бы желательными с целью разрешения таких проблем и/или ликвидации таких затруднений.

Ключевые слова: транспарентность, бюджет, налоги, фискальная политика, государственные расходы, частный сектор экономики, банки, финансовое отчуждение, лицензирование, коррупция, открытое правительство.

Abstract. The main topics and tasks of this article are following — to show through concrete examples: how Russian economy is becoming more transparent — for Russian entities as well as for foreign ones, for individuals as well as for organizations; what kind of problems or obstacles exist on the way of development of more transparent economy in Russia; what kind of decisions are being already taken and/or would be desirable in order to solve such problems and/or to eliminate such obstacles.

Keywords: transparency, budget, taxes, fiscal policy, state expenditure, private sector of economy, banks, financial alienation, licensing, corruption, open government.

Эти строки были написаны в первые дни прошлого — 2014 г. Изначальным авторским желанием было попытаться сравнить ушедший 2013-й с 2012-м, 2011-м или более давними годами. В этом контексте очевидно, что задача преодоления максимально возможного объема последствий «мирового финансового кризиса» конца 2000-х гг. и его российской «локализации» красной нитью проходит через все время, самое позднее, с середины 2008 г. до наших дней. Но в научных экономических исследованиях — как российских, так и зарубежных — поиск путей решения вышеназванной задачи уже стал «общим местом». И более продуктивно, на наш взгляд, — сузить тему этой статьи до такой ключевой проблемы российской экономики и общества в целом — проблемы, остающейся в числе важнейших на всем протяжении более чем двух десятилетий политических и экономических ре-

форм на территории бывшего Советского Союза, как проблема *транспарентности*.

Коррупция: в государственном и частном секторах

Недостаточная степень транспарентности, прозрачности процедур и механизмов принятия решений в экономике и политике стала настолько очевидной даже для властных структур, что последние вынуждены были прибегнуть к решительным шагам с целью обеспечить доступность *игби and ogbi* — «граду и миру», как минимум, тех аспектов вышеназванных процедур и механизмов, которые прежде не являлись публичными.

Обратимся к ряду аспектов того сегмента, который, с одной стороны, лежит на стыке политических и экономических реалий, с другой же стороны, публичность, открытость которого имеет ключевое значение для открытости власти обществу: именно — бюджетного процесса.

Формально годовые бюджеты для каждого уровня территориальной организации российского государства — федерального, регионального, муниципального уровней — публично доступны (как в официальных периодических печатных изданиях, так и в сети Интернет) в виде соответствующих федеральных или региональных законов либо же актов муниципальной власти. Исключения из принципа публичности бюджета обычно касаются федерального уровня и связаны с обеспечением государственной тайны в сферах национальной обороны и безопасности.

Кроме годовых бюджетов, системообразующими для формирования бюджетов частями национальной институциональной правовой системы Российской Федерации являются:

- Бюджетный кодекс Российской Федерации — документ, содержащий руководящие принципы (*guidelines*) для составления годового бюджета, а также — до известных пределов — принципы государственной *бюджетной* политики в целом;
- Налоговый кодекс Российской Федерации — документ, содержащий принципы государственной *налоговой* политики, налогообложения, в том числе федеральных, региональных и местных налогов.

Но не будем забывать, что налоги суть главнейший, но не единственный источник формирования государственных финансов (как *отношений*), бюджетов (как *фондов*) и иных форм аккумуляции финансовых ресурсов государством.

С одной стороны, некоторые ключевые отрасли экономики (и соответствующие предприятия и организации) все еще являются собственностью *самой Российской Федерации* как «публично-правового обра-

зования» и не могут быть обращены в частную собственность, невзирая на массовую приватизацию в России с начала 1990-х гг., «отголоски» которой продолжают и по сей день. Возможно, не вполне индикативным, но весьма удачным примером является «Банк развития» — «Банк внешнеэкономической деятельности», более известный как «Внешэкономбанк» (ВЭБ), ранее — «Внешэкономбанк СССР». Институционально, фактически и юридически, ВЭБ является государственной корпорацией, не подпадающей под регулирование других российских банков и банковских организаций, так как ВЭБ ориентирован на обслуживание крупнейших организаций и проектов в национальном, региональном (в мировом смысле этого слова) и всемирном масштабе и инвестирование в такие организации и проекты [1]. Таким образом, прибыль таких организаций, как ВЭБ, может быть напрямую источником формирования государственного бюджета.

Однако, с другой стороны, будем помнить, что организации, ведущие свою деятельность в других важнейших сферах экономики — таких как государственная и муниципальная медицина, государственный и муниципальный общественный транспорт (в особенности железные дороги), строительство и эксплуатация дорог общего пользования — получают (и должны получать) поддержку из государственных и муниципальных бюджетов. В то время как финансовые результаты таких организаций сами по себе бывают недостаточны для поддержания их текущей операционной деятельности, экономический и социальный смысл (говоря более «высокими» словами — предназначение) соответствующих организаций лежит не в области высоких прибылей, а в области удовлетворения ключевых социально-значимых нужд.

Для целей нашего рассмотрения необходимо подчеркнуть охарактеризованные выше, кажущиеся очевидными, моменты, дабы лучше показать, что государственные компании (безотносительно их уровня — федеральный, региональный, муниципальный), получающие средства (субсидии, субвенции, гранты и т. д.) из государственных фондов (в том числе, но не исключительно, из бюджета), оказываются «Клондайком» или «Диким Западом» для хищения (в том числе и открытого) полученных от государства средств.

Едва ли не самой распространенной формой такого хищения является заключение и последующее (псевдо)исполнение фиктивного договора (контракта) на выполнение работ — например, на строительство или ремонт дорог общего пользования. На роль исполнителя работ назначается компания (формально частная — в виде акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью), нередко специально *ad hoc* (даже и для конкретного контракта) создаваемая, бенефициарными владельцами которой являются высшие должност-

ные лица государственной компании, являющейся заказчиком работ. Оплату за работы такая «компания-исполнитель» получает из средств, полученных государственной компанией из государственных фондов (как весьма распространенный вариант — из бюджета). В последние годы появляется тенденция для придания видимости институциональной корректности, законности подобных финансово-хозяйственных операций проводить оплату безналичным путем через расчетные счета (а не наличными деньгами), как и должны проводиться по существующим в России правилам расчеты между организациями на крупные суммы. Фактически же работы, оговоренные договором, остаются невыполненными. В «лучшем» случае (и это тоже тенденция последних лет) имеет место *имитация* выполнения работ — с (псевдо)выводом техники и рабочей силы на соответствующее место и на соответствующий период времени. Подобного рода имитация может производиться, в частности, с целью изготовления фотографий для отчетных документов (фактически — фальсификации доказательств). При этом невыполнение работ — в рассматриваемом нами случае речь идет о фактически неосуществленном ремонте дорог — создает опасность для дорожного движения как автотранспорта, так и пешеходов, опасность причинения им реального ущерба или вреда здоровью соответственно. А денежные средства из государственных фондов, изначально предназначенные для выполнения данных работ, оказываются в собственности частной «компании-исполнителя» и нередко впоследствии выводятся из национальной экономики Российской Федерации вообще в иностранные «оффшорные» юрисдикции. Ущерб подобной деятельности для государственных расходов очевиден.

Следует остановиться и на ином феномене, который представляется действительно внешне необычным. Мы имеем в виду коррупцию в тех сферах экономики, где процент государственной или муниципальной собственности формально равен нулю. Да, звучит странно, но это существует. Вот типичный пример. Частный коммерческий банк инвестирует денежные средства (в том числе, но не исключительно, путем предоставления кредита) в проекты, существующие только «на бумаге». случается, что такие операции совершают собственники и/или высшие должностные лица банков — с целью, опять же, вывода ликвидных активов за рубеж. Но нередко и «менеджеры среднего уровня» осуществляют подобные действия с целью получения дополнительного (помимо «официальной», и без того высокой, заработной платы) дохода — и случается такое как без согласия собственников и/или высших руководителей банка, так и с их молчаливого согласия. В результате денежные активы, ранее привлеченные *банком* в виде депозитов, с помощью выданных векселей и других финансовых инструмен-

тов, попадают в руки банковских менеджеров (или даже собственников — в нашем случае это не имеет значения), действующих *от собственного (личного) имени и в собственных (личных) интересах, а не в интересах банка*. Это наносит ущерб клиентам банка — в том числе вкладчикам и иным кредиторам (как-то векселедержателям) и впоследствии нередко приводит к банкротству банка (более детально об этом см.: [2; 3]).

Экономическое отчуждение: не менее пяти проявлений

В целом российский финансовый, особенно банковский, сегмент экономики особенно ослаблен феноменом экономического *отчуждения*. Можно говорить по крайней мере о *пяти* проявлениях (*manifestations*) этого отчуждения.

Во-первых, это так называемое «*двойное отчуждение*»: работники отчуждены от видимых результатов их трудовой деятельности, а, в свою очередь, собственники средств производства (включая так называемых «олигархов») отчуждены от своей собственности. Строго говоря, в современной российской переходной экономике нет таких активов, которые попадали бы под Марксово понимание *капитала*, так как в конечном итоге — если не в краткосрочной, то в долгосрочной перспективе — всем им «назначена» экспатриация из Российской Федерации, из ее национальной экономики.

Во-вторых, это, не побоимся этого выражения, *внеэкономическое принуждение*. На то, что в российской экономике наших дней оно так имеет место, указывает хотя бы наличие (помимо «входных») в крупных корпорациях «выходных барьеров» в виде, например, отказа от той или иной части заработной платы (какую бы внешнюю форму такая часть ни имела бы — премия, бонус и т. п.) или признания себя виновным в тех или иных (фактически не имевших места) нарушениях корпоративных правил как условия прекращения трудовых отношений с корпорацией без последующих институционализированных (вплоть до судебных) претензий со стороны бывшего работодателя.

В-третьих, это *девальвация рабочей силы* и параллельный ей процесс *затруднения профессионального роста* работников — в целом, *отчуждение работников от их профессиональных навыков и способностей*. С одной стороны, соискатель работы, рабочего места зачастую фактически вынужден соглашаться (в тех или иных границах) на любую работу вне зависимости от ее соответствия своим способностям, а то и квалификации (порой не говоря уже о перспективах их роста). В 2012 г. Пол Кругман неоднократно обращал внимание, что недостаток (а то и отсутствие) выбора между работодателями для работника (точно так же, как и финансовые ограничения доступа к высшему образо-

ванию) представляет собой серьезный барьер на путях развития и внедрения инноваций, ибо такой недостаток выбора лишает работников их профессиональных навыков (см., напр.: [4—6]). С другой стороны, доказать свою надлежащую «деловую репутацию», «goodwill» (особенно в письменном виде) становится почти невозможным для работника любого уровня, сферы деятельности, квалификации. Отрицательный (в том числе документированный) «послужной список» работника больше не является однозначным индикатором его профессиональных и личных качеств — хотя бы потому, что он может отражать лишь борьбу финансово-промышленных групп за контроль над организацией-работодателем этого работника. В то же время, когда такой «послужной список» как раз адекватно отражает непрофессионализм работника, последний может (притом успешно) представлять себя жертвой корпоративных противостояний, «споров хозяйствующих субъектов». *Деловая репутация, goodwill, перестает быть активом*. Работодатели, ведущие свою деятельность честно, прозрачно, *транспарентно*, оказываются перед лицом вновь появившегося препятствия при поиске подходящих им работников (персонала). Таким образом, транзакционные издержки найма персонала возрастают.

В-четвертых, проявление экономического отчуждения может быть квалифицировано как в некотором роде alter ego глобализации, а именно, как бы парадоксально это ни звучало, — как «финансовая *деглобализация*». Активы, ранее выведенные из Российской Федерации, ее экономики в офшоры, казавшиеся «безопасными гаванями», «safe harbors» (притом выведенные порой *вместо* уплаты корпоративных долгов, т. е. с *сознательным* допущением банкротства соответствующей компании), на самом деле *не находятся в безопасности*. Время от времени такие активы подвергаются в той или иной форме конфискации по решениям государственных властей, юрисдикция которых распространяется на такие «гавани»; один из последних (и при этом весьма индикативный) пример — кипрские события весны 2013 г. Создавшие эти «офшоры-гавани» государства, независимо от фактического экономического положения последних, нуждаются в финансовых активах, свободных от каких-либо обязательств, в значительно большей мере, чем в активах в виде денег на банковских счетах, с которых они могут быть сняты их собственниками (в том числе «учредителями доверительного управления» и т. п.) в любое время. Да, детальное рассмотрение финального предназначения активов, экспатрированных из российской экономики, лежит за пределами настоящей статьи. Здесь же нам важно отметить, что «инвесторы», разместившие свои финансовые активы в подобных «офшорах», находятся в серьезной зависимости от государственных властей стран, куда они «инвестиро-

вали». В частности, такая зависимость выражается в готовности выполнить по сути любое требование контролирующих «офшоры» властных структур во избежание «замораживания» или конфискации активов. Такая «локализация» финансовых активов в офшорах представляется наглядным выражением как раз не глобализации, а именно *деглобализации*, о которой мы сказали в начале этого абзаца.

И, наконец, в-пятых, финансовое отчуждение проявляется в непрозрачности, *нетранспарентности* финансового сектора как в Российской Федерации, так и за ее пределами, в том числе закрытости для общественности механизмов, в том числе критериев принятия инвестиционных решений. Некоторые бывшие высокопоставленные работники банковского сектора — даже инвестиционных банков мирового масштаба — начали разрушать этот «обычай» *нетранспарентности*. Заслуживающий первоочередного внимания пример — бывший высокопоставленный служащий инвестиционного банка «Голдман Сакс» («Goldman Sachs»), руководитель одного из региональных секторов этого банка, Грег Смит (Greg Smith), опубликовавший на эту тему в марте 2012 г. статью в «Нью-Йорк Таймс» [7], а в октябре того же года — книгу [8]. И в своей статье, и особенно в своей книге, Грег Смит раскрывает внутреннюю «кухню» своего бывшего работодателя механизм принятия инвестиционных решений, предусматривавший удовлетворение имущественных интересов бенефициаров банка при, по существу, сознательном допущении причинения ущерба клиентам — кредиторам банка.

Очевидно, преодоление отчуждения в финансовой сфере, равно как и в других сферах российской экономики, должно включать в себя преодоление всех пяти вышеназванных его проявлений. Только так возможно обеспечить действительную прозрачность, транспарентность финансового, в том числе банковского, сектора российской экономики.

Но банковская сфера — не единственная из числа тех сфер экономики, где доля государственного участия может равняться нулю, а коррупция при этом — существовать. Приведем еще один пример из сферы строительства. Согласно первоначальным условиям контракта, исполнитель (подрядчик) проектирует объект и организует его создание (постройку) за свой счет. Но привлеченные исполнителем (подрядчиком) агенты (субподрядчики) неадекватно оценивают масштаб необходимых работ, при этом такая неадекватность в оценке нередко является намеренной со стороны субподрядчиков. В результате имеет место перерасход субподрядчиками сырья, рабочей силы и других параметров строительства. Субподрядчики же ставят «основного» подрядчика перед «свершившимся фактом» (*fait accompli* (*фр.*)) и требуют

выделения им доли в собственности на построенный объект или же выплаты денежной компенсации пропорционально рассчитанной субподрядчиком «доле». Независимо от последующего запланированного использования объекта (сдача в аренду, продажа или же использование для собственных нужд) требование о выделении «доли» или выплате компенсации в ее счет представляет собой не что иное, как в большей или меньшей степени закамouflированное вымогательство взятки.

Что делаем?

Охарактеризованные выше факты и феномены вызывают не только извечный российский вопрос «Что делать?». Актуален и вопрос о том, что *в действительности уже делается* в современной России для преодоления того социально-экономического «негатива», о котором речь шла выше?

Остановимся на наиболее значимых на сегодняшний момент, на наш взгляд, мероприятиях.

Во-первых, следует отметить, что подразделение международной неправительственной организации (NGO — non-governmental organization) «Transparency International» («Трансперенси Интернешнл», далее также — «ТИ») действует в России уже многие годы [9]. Действительно, привлечение внимания к тем сферам экономики, где коррупция особенно распространена и/или особенно опасна, к тем или иным наиболее индикативным, «вопиющим» даже по нынешним временам фактам коррупции, «достойным» особого внимания — среди основных задач «ТИ». Помимо «ТИ», в России действует немало других неправительственных антикоррупционных организаций. Вместе с тем следует отметить, что внимание таких организаций в основном ограничено коррупцией в государственных органах и тех организациях, где имеется значимая доля государственной собственности. Коррупционные же проявления в банках и в целом в негосударственном секторе экономики, о которых мы писали выше, чаще всего остаются за пределами сферы внимания таких неправительственных организаций.

Во-вторых, конец 2013 г. ознаменовался массовым отзывом банковских лицензий в России, что фактически означает последующую ликвидацию соответствующих банков в порядке банкротства. Так, с 30 сентября по 28 ноября 2013 г. Банк России отзывал лицензии у десяти банков [10]; имели место случаи отзыва лицензий у банков и впоследствии [11; 12]. Московская англоязычная газета «The Moscow Times» опубликовала весьма содержательную статью об этой тенденции к отзыву банковских лицензий [13]. Независимо от того, что именно было объявлено как основание для отзыва лицензии у того или иного банка с формальной точки зрения, эта тенденция может рассматри-

ваться как стремление к *санации, очищению* российской финансовой сферы.

В-третьих, в современной России создается институт «открытого правительства» (не путать с одноименной международной неправительственной организацией, хотя опыт ее и учитывается при его создании [14]). В настоящее время статус этого института в России регулируется указом Президента и постановлением Правительства: [15; 16]. Эти нормативные акты устанавливают, что сущность понятия «открытое правительство» должна заключаться, в частности, во взаимодействии между высшими органами государственной власти России — Президентом, Правительством, министерствами — с одной стороны, и институтами гражданского общества (в том числе неправительственными организациями) — с другой стороны. В нормативных актах особо делается акцент на том, что опыт вышеуказанной одноименной неправительственной организации [14] должен учитываться в процессе такого взаимодействия. Тенденция к включению всего общества в процессы принятия решений государственными органами может быть оценена только положительно. В некотором роде она может быть рассмотрена как возрождение на современном уровне форм непосредственной демократии, созданных еще в Античном мире. Без помощи непосредственной демократии, в качестве одной из современных форм которой может рассматриваться «открытое правительство», было бы очень непросто двигаться в сторону действительной прозрачности, *транспарентности* общественной жизни, в том числе в сторону элиминации коррупции как социального феномена вне зависимости от того, идет ли речь о государственном или любом ином секторе социально-экономических отношений.

В целом, современная нетранспарентность российской экономики есть следствие той природы капитализма, которая раскрыта выдающимися российскими экономистами профессорами А. Бузгалиным и А. Колгановым в их книгах и статьях ([17; 18, 46—81; 19, 216—246]). Обеспечение транспарентности экономики и преодоление этой природы капитализма суть взаимозависимые и взаимодополняющие задачи равной важности.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации «О банке развития» от 17 мая 2007 года № 82-ФЗ, включая последующие изменения и дополнения // <http://iv.garant.ru> (дата обращения 16.01.2014 г.).

2. *Дзарасов Р.С.* Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций. Дис... докт. экон. наук. М., 2009.

3. *Залетный А.А.* Банки в современной России: институциональный анализ инвестиций. М., 2013.
4. *Krugman P.* Not Again With The Pivot // *The New York Times*. 2012. March 5.
5. *Krugman P.* Ignorance Is Strength // *The New York Times*. 2012. March 8.
6. *Frayser L.* Spaniards Who Grew up in Boom Years Now Set Their Goals Low // *Los Angeles Times*. 2012. April 1.
7. *Smith G.* Why I Am Leaving Goldman Sachs // *The New York Times*. 2012. March 14.
8. *Smith G.* Why I Left Goldman Sachs. N.Y.; Boston, 2012.
9. Transparency International Russia. Center for Anti-Corruption Research and Initiatives // <http://www.transparency.org.ru/en/> (дата обращения 16.01.2014).
10. Страхование банковских вкладов физических лиц. Действующий порядок и планируемые изменения // <http://www.garant.ru/article/508084/> (дата обращения 16.01.2014).
11. [Список российских банков, чьи лицензии были отозваны Центральным Банком Российской Федерации с конца 2013 года по настоящее время] // http://www.asv.org.ru/insurance/insurance_cases/ (дата обращения 16.01.2014).
12. \$1Bln Shortfall at Investbank Reported // *The Moscow Times*. 14 January 2014 // <http://www.themoscowtimes.com/business/article/more-business-headlines/492675.html> (дата обращения 16.01.2014).
13. *Panin A.* State Boosts Grip on Economy With Bank Crackdown // *The Moscow Times*. 2013. December 25 // <http://www.themoscowtimes.com/business/article/state-boosts-grip-on-economy-with-bank-crackdown/492099.html> (дата обращения 16.01.2014).
14. Указ Президента Российской Федерации от 8 февраля 2012 года № 150 «О рабочей группе по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство» // <http://iv.garant.ru> (дата обращения 16.01.2014).
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2012 года № 773 «О Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства» // <http://iv.garant.ru> (дата обращения 16.01.2014).
16. *Open Government Partnership*, an international organization // <http://www.opengovpartnership.org/> (дата обращения 16.01.2014).
17. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Глобальный капитал. Ч. IV. М., 2004.

18. Бузгалин А.В. Результаты «реформ» в России: рынок и капитал // Политэкономика провала: Природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М., 2013.

19. Колганов А.И. Ресурсные и институциональные ограничения инновационного развития в российской экономике // Политэкономика провала: природа и последствия рыночных «реформ» в России / Под ред. А.И. Колганова. М., 2013.

И.В. МАНАХОВА

Повышение устойчивости благосостояния на основе новых моделей потребления

Аннотация. Рассмотрены концептуальные основы новой парадигмы устойчивого развития; представлен инновационный подход ОЭСР к измерению благосостояния на основе индекса лучшей жизни; сформулированы основные критерии новых моделей потребления в целях устойчивости благосостояния.

Ключевые слова: устойчивость благосостояния, новые модели потребления, инновационные индикаторы, индекс лучшей жизни (BLI), уровень и качество жизни.

Abstract. The article examines the conceptual foundations of a new paradigm of sustainable development. Presents an innovative approach to measuring well-being of the OECD-based index of a better life. The basic criteria for new models of consumption for the purpose to improving the sustainability of well-being

Keywords: sustainability of well-being, new models of consumption, innovative indicators, Better Life Index (BLI), the level and quality of life.

В 2012 г. в Рио-де-Жанейро состоялась конференция ООН «РИО+20», посвященная устойчивости развития в глобальной экономике. Результатом стала разработка *новой парадигмы социально-экономического развития*, которая способна обеспечить благосостояние общества без избыточного давления на природу [1]. Баланс интересов экономики и сбережения природы должен быть нацелен на долгосрочную перспективу и устойчивость развития, важнейшим компонентом которого является *повышение устойчивости благосостояния*.

Инновационный подход к измерению экономического развития и социального прогресса, разработанный ОЭСР, использует показатель

индекс улучшения жизни [2]. Концептуальной основой данного подхода выступает новая парадигма измерения благосостояния:

- текущее благосостояние должно включать как *экономические* (уровень), так и *неэкономические* (качество) аспекты жизни людей, которые одинаково важны;
- оценка благосостояния осуществляется как на *агрегированном* уровне — население в целом, так и *с учетом дифференциации* различных групп;
- *устойчивость во времени* обеспечивает доступ к возможностям цивилизации не только нынешним, но и будущим поколениям.

В общем виде взаимодействие методологических принципов в рамках парадигмы ОЭСР отражено на рис. 1.

Выбор индикаторов обусловлен особой значимостью данных факторов для благосостояния людей. На их основе разработан индекс улучшения жизни — *Better Life Index (BLI)*, который включает комплекс индикаторов для оценки благосостояния. Первая группа из трех показателей отражает материальные и финансовые ресурсы, которые образуют экономический капитал, определяющий потребление домохозяйств и уровень их жизни. ВВП рассчитывается за вычетом отрицательных эффектов (видов деятельности, которые не способствуют благополучия населения) с учетом положительных эффектов (нерыночные виды деятельности, расширяющие возможности потребления). Вторая группа характеризует качество жизни населения, она состоит из восьми показателей, включающих набор неэкономических параметров, объединяющих человеческий, природный и социальный капитал, формирующих их возможности и жизненные шансы людей.

Представленные индикаторы являются экспериментальными (предлагаемый выбор не достиг соблюдения всех согласованных стандартов) и эволюционными (в будущем изменятся в лучшую сторону для оценки условий в различных сферах человеческой жизни) показателями. Подходящих индикаторов для описания устойчивости и эволюции запасов капитала, по-прежнему не хватает во многих областях. Индекс улучшения жизни является новаторским, интерактивным инструментом, сочетающим достижения ОЭСР с современными технологиями, он выполняет важную коммуникативную функцию, в целях содействия дискуссии по наиболее актуальным аспектам благосостояния и вовлечения граждан в стремление к прогрессу.

Мониторинг результатов на основе индекса лучшей жизни позволяет сделать некоторые выводы относительно благосостояния россиян.

Во-первых, последствием кризиса стала тенденция к снижению общественного благосостояния, что подтверждается изменением отдельных элементов совокупного капитала. Краткосрочные изменения

благополучия связаны с сокращением экономического капитала домохозяйств: замедление темпов экономического роста как следствие снижения ВВП на душу населения, потеря работы и заработков части населения объективно понижают уровень жизни. Долгосрочные изменения благополучия обусловлены тем, что перманентное реформирование сферы образования и здравоохранения не приносит ощутимых положительных результатов, напротив, наблюдается ухудшение качества человеческого капитала.

Рис. 1. Парадигма ОЭСР по измерению благополучия

Во-вторых, для поддержания устойчивости благополучия во времени необходим экономический рост. Новое качество роста определяется совокупным капиталом нации: природным, экономическим, человеческим и социальным, которые взаимосвязаны. Неустойчивость (или снижение) отдельной ресурсной компоненты совокупного капитала общества приводит к снижению темпов экономического роста и падению национального благополучия будущих поколений. На микроуровне неустойчивость капитала снижает благополучие домохозяйств.

ства. Индивидуальное благосостояние может компенсироваться наращиванием отдельных компонент в течение жизненного цикла.

В-третьих, основой разработки стратегии инновационного развития страны должен стать методологический принцип перехода от измерения производства к измерению благосостояния. ВВП (валовой внутренний продукт), важный и значимый макроэкономический показатель в СНГ, отражающий в большей степени уровень развития производства, должен быть дополнен макросоциальным показателем, по аналогии ВВБ (ВНБ) (валовое внутреннее или национальное благосостояние), отражающим уровень и качество жизни населения страны. За основу можно взять индекс улучшения жизни, который задает более точные ориентиры в социальной, трудовой, жилищной и других видах человеко-ориентированной политики.

Устойчивость социально-экономических и природных систем, где люди живут и работают, является критически важным для благополучия. Устойчивость благосостояния зависит от текущей деятельности человека, которая напрямую влияет на запасы различных видов капитала (природного, экономического, социального и человеческого). Данный подход применим как на макро- и мезоуровне для характеристики устойчивости совокупного капитала страны или региона, так и на микроуровне отдельных домохозяйств.

С точки зрения влияния этих параметров на жизнедеятельность людей и устойчивость развития важно иметь не только статические значения индекса (показателей), но и их динамические изменения во времени. Такими показателями, по мнению М. Сунцова [3], могут являться:

- естественный прирост (убыль) населения данной экономической системы за вычетом миграционного потока;
- продолжительность здоровой жизни членов общества;
- индекс благосостояния;
- устойчивость развития.

Устойчивость системы — это качество общественной системы, при котором ни один из показателей или их комбинация не снижается ниже некоторых приемлемых значений индексов. Чем выше устойчивость системы, тем выше вероятность того, что данные показатели в будущем не претерпят существенных негативных изменений и система не разрушится. В связи с этим устойчивость может проявляться только во времени. Любая положительная динамика показателя (или положительное значение при нулевой динамике) при отсутствии отрицательной является необходимым условием устойчивости благосостояния. Если наблюдается отрицательная динамика хотя бы одного индексного компонента, то нельзя утверждать, что система находится в устойчи-

вом состоянии. Скорее можно наблюдать улучшение или ухудшение по определенным направлениям (табл. 1). При этом временное улучшение, после которого происходит существенное снижение значений, нельзя считать устойчивостью. Однако понятие «устойчивость» не рассматривается в рамках традиционной рыночной парадигмы.

Таблица 1

Возможные варианты устойчивости и неустойчивости благосостояния

Показатели	Уровень жизни	Качество жизни	Суммарный эффект
Доходы↑ Потребление↑	УЖ повышается	КЖ повышается	Положительный
Доходы↑ Потребление↑	УЖ повышается	КЖ снижается	Неопределенный
Доходы↑ Потребление↑	УЖ снижается	КЖ повышается	Неоднозначный
Доходы↓ Потребление↓	УЖ снижается	КЖ снижается	Отрицательный

В промежуточном докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической политики на период до 2020 г. «Стратегия — 2020: Новая модель роста — новая социальная политика» целью государственной социально-экономической политики признано «повышение благосостояния, т. е. содействие увеличению продолжительности не обремененной болезнями социально благополучной жизни и росту удовлетворенности граждан жизнью» [4, 7]. Для достижения этой цели ставится задача выхода на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры информационного общества [4, 4]. Новая модель экономического роста предусматривает переход от стимулирования инноваций к росту на их основе.

В Докладе о человеческом развитии за 2013 г. [5] выделяются следующие важнейшие факторы ускорения социально-экономического развития:

- проактивное государство развития;
- возможности глобальных рынков;
- инновации в социальной сфере.

У сильного, проактивного и социально ответственного государства, приоритеты должны быть ориентированы на человека и содействовать

созданию *благоприятных возможностей* для его всестороннего развития, одновременно защищая людей от *риска* отрицательного воздействия. Правительству в связи с неполнотой рынков необходимо поддерживать отрасли, которые могут не возникнуть вообще. В крупных и многоукладных экономиках результат государственной политики, как правило, является неопределенным. В таких условиях государство должно руководствоваться прагматическим подходом, ориентированным на цели развития:

- инвестирование в человеческий потенциал посредством образования, здравоохранения и других социальных услуг;
- создание и стремительное распространение качественно новых рабочих мест;
- глубокая интеграция в мировое пространство, улучшение условий взаимодействия на глобальных рынках, развитие современной инфраструктуры и необходимых институтов поддержки роста.

Задача социальной политики — содействовать *инклюзии* (обеспечение недискриминационных отношения ко всем в равной степени) и предоставление базовых социальных услуг, способных подкреплять долговременный рост экономики.

Человеческое развитие включает в себе расширение индивидуального потенциала, способностей и возможностей. Неравенство и социальная исключенность являются формами социальной несправедливости, которая ослабляет свободу выбора человека. Экономический рост, сопровождающийся усилением неравенства, ведет к замедлению прогресса человеческого развития, низкому уровню социальной сплоченности и препятствует более быстрому снижению бедности, что вызывает неустойчивость экономики. В докладе ООН отмечается, что целью должно стать развертывание *благоприятного цикла*, где экономический рост и социальная политика взаимоподдерживаются [5]. Равенство возможностей обеспечивает более устойчивое благосостояние.

Государство должно подкреплять долговременный рост предоставлением общественных услуг, которые помогают формировать здоровую и образованную рабочую силу [6]. Одновременно эти меры способствуют социальной и политической стабильности общества, поскольку снижают вероятность конфликтов и укрепляют легитимность правительства.

Устойчивость развития зависит от участия людей в процессах, формирующих их жизнь. Необходимо активное вовлечение граждан в разработку и участие в политике, чтобы люди могли рассчитывать на более широкие экономические возможности, участие в разработке политики, обеспечивающей базовую социальную защиту и социальный прогресс. Неудовлетворенность происходящими процессами приводит

к нарастанию протестных движений, которые становятся ответной реакцией на дефицит рабочих мест и ограничение возможностей занятости, особенно для молодежи, Массовые протесты со стороны образованного населения, координируемые с помощью новых форм телекоммуникаций, являются тормозом для инвестиций и экономического роста.

Выбор сегодня имеет серьезные последствия для долговременного будущего. Устойчивость развития предполагает взаимосвязь между решениями разных поколений по сохранению и реализации прав сегодняшних и будущих жителей страны. Целью социально-экономической политики должно стать достижение как внутр поколенческой, так и межпоколенческой справедливости. Инвестирование в человеческий потенциал требует соблюдения баланса интересов и разумной политики согласования долгового финансирования в сегодняшних условиях и долговых обязательств будущих поколений. Экономический кризис выдвинул на первый план проблему приемлемости экономических долгов, сделанных как частным сектором, так и государством. Однако не менее важными являются проблемы социальных и экологических долгов [1]. Человечество уже сегодня превысило три планетарных границы в плане эконaгрузки. Лишь немногие страны следуют по пути экологической устойчивости, что актуализирует необходимость технологических инноваций и сдвигов в потреблении, которые могут обеспечить эту устойчивость [7].

Концепция устойчивого развития предполагает, что выбор той или модели потребления на макроуровне и потребительского набора благ на микроуровне оказывает прямое влияние на устойчивость социального-экономического развития. Новая модель потребления должна быть ресурсо-, капиталo- и человекoсберегающей как для отдельного домохозяйства, так и для общества в целом. Строится на принципах достаточности и самоограничения.

При этом должны выполняться следующие условия (требования, критерии):

- потребление с минимальным ущербом для окружающей среды и сохранение природного капитала (экологический след), социальный престиж и уважение к потребителям, минимальный вред экономическому развитию и окружающей среде;
- потребление с максимальным эффектом для накопления человеческого потенциала;
- потребление со стабильно-устойчивым уровнем экономического капитала при достижении планки выше медианного для общества, приближение объема и структуры потребления к уровню, обес-

печивающему достойную жизнь человеку на данной технологической основе;

- потребление, нацеленное на приумножение социального капитала или не разрушающее социальный капитал семьи и общества.

Реализация концепции устойчивого развития на основе средств массовой информации и через новые каналы телекоммуникаций, включая Интернет, должна пропагандировать здоровый образ жизни, задавать правильные ориентиры для потребителей, подчеркивать социальный престиж и общественную значимость устойчивости потребления в интересах будущих поколений.

Сегодня аскетизм православия несет большой потенциал для экономического процветания в будущем. Протоиерей В. Чаплин отмечает, что в традициях православного народа «было не бесконечное умножение материальных богатств, а умение довольствоваться малым или, по крайней мере, разумным количеством земных благ. Думается, что за таким подходом будущее. И нам сегодня нужно изложить его в категориях экономической науки и построения экономической системы» [8].

Переход к концепции устойчивого развития на основе сбалансированного потребления не означает его искусственного ограничения. Необходимы инструменты повышения ценности устойчивого развития в обществе посредством информирования о негативных последствиях, которые каждый потребитель причиняет собственному здоровью, окружающей среде и обществу неустойчивостью и несбалансированностью потребления. Например, домашние хозяйства с более высоким уровнем дохода реже участвуют в энергосберегающем потреблении [9]. В этой связи важно увеличивать масштабы образовательных кампаний и информирования общества для улучшения осознания домохозяйствами стоимости и расходов по утилизации их потребительских отходов, изменений климата, энергоёмкости жизнедеятельности.

Необходима разработка мер по улучшению доступа населения к «зеленым» альтернативам: 1) увеличение инвестиций в модернизацию инфраструктуры (общественного транспорта, утилизации отходов, энергосберегающих технологий, озеленение территорий и т. д.); 2) удешевление инновационных технологий для общества; 3) расширение методов стимулирования охраны окружающей среды и более рационального использования товаров и услуг; 4) повышение налогообложения потребления вредных продуктов для жизни и здоровья человека.

Важнейшей целью трансформации потребления должно стать устойчивое развитие и равенство возможностей для всех с учетом интересов нынешнего и будущего поколений. Прогресс социально-

экономического и человеческого развития, обеспеченный путем устойчивости благосостояния на основе новых моделей потребления, станет ключом к успеху России в условиях динамичного формирования глобального информационного общества.

В заключение можно отметить, что необходимы активное инициирование дискуссии и стимулирование научных исследований по вопросу измерения социально-экономического прогресса, внедрение в российскую статистическую практику инновационных методик измерения уровня и качества жизни населения и на их основе глубокий анализ динамики благосостояния с учетом устойчивости во времени. Основой разработки стратегии инновационного развития страны должен стать методологический принцип перехода от измерения производства к измерению благосостояния. Рост экономики, в результате которого жизнь людей не улучшается, лишен смысла.

Литература

1. Устойчивое развитие: вызовы РИО / Доклад о человеческом развитии 2013. М., 2013 // www.hdr.undp.org.
2. Compendium of OECD Well-Being Indicators. OECD, 2011.
3. Сунцов М. К вопросу о девальвации рубля и о реальных причинах текущего замедления экономики России // www.mf-forum.ru.
4. Промежуточный доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия—2020: Новая модель роста — новая социальная политика» // <http://www.kommersant.ru/Docs/2011>.
5. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире. М., 2013 // www.hdr.undp.org.
6. Манахова И.В. Концепция информационного государства благосостояния // Философия хозяйства. 2014. № 2.
7. Global Footprint Network. 2011.
8. Чаплин В. Православные страны ждут экономическое процветание // Ведомости. 2013. 11 авг. // <http://news.mail.ru/society/14280142/?frommail=1>.
9. Greening Household Behavior. OECD, Publishing, 2013.

И.В. ТИХОМИРОВА

Современная экономика сквозь призму людских эмоций

Аннотация. Цель статьи — в какой-то степени резонировать и тем самым спровоцировать читателей к размышлениям о степени переходности современной экономики на новый уровень развития: в эру «экономики эмоций», когда выбор потребителя приобрести товар будет практически полностью зависеть от сенсорных, зрительных, обонятельных и подобных чувственных ощущений, которые он на него произвел. В данном труде не дается ответов, а демонстрируются их варианты: доводы «за» и «против». Используемый автором принцип интеллектуальной игры «верю — не верю» позволяет не насаждать собственное мнение, а взвешивать актуальные для сегодняшней экономической жизни проблемы в рамках «производитель — потребитель» на весах извечно борющихся между собой стимулов потребительского выбора: логики и эмоций.

Ключевые слова: новая экономика, «экономика впечатлений», потребительский выбор, рациональность, ощущения, индивидуализация, массовое производство.

Abstract. The main point of the article is to resonate and so to provoke the readers to think about the proceeding degree of the contemporary economy to the new level of development. It is the era of the experience economy when the consumer choice to take a purchase will depend on the sensory, visual, olfactory and the same sensual feelings practically totally. You will not get the answers after reading this work. It demonstrates the variants of arguments for or against. The principle the author use is the mental play called «I believe — I do not believe». It do not allow the author to confirm its own opinion, but to weight the actual problems of today's economical life within the frames of «producer — consumer» by eternal fighting between each other logic incentives of consumer choice and emotion ones.

Keywords: the new economy, the experience economy, consumer choice, rationalization, sensations, individualization, mass production.

Эмоции как современный акцент меняющихся ценностей

«Зачем люди создают предприятия? Скажем, турбинные. Или — институты? Например, ядерные. Или — автогиганты? “Пежо” всякие там, “Автовазы” или “БМВ”... Если заглянуть в их учредительные документы, то в качестве смысла их существования там наверняка можно будет обнаружить: “в целях получения прибыли”. Но это же — смешно!

Выдумывать и конструировать, бог знает, какие уникальные штучки, совершать научные открытия, создавать потрясающие технологии, “изобретать порох” в конце концов — и все ради каких-то жалких бумажек, на которые ты сможешь сходить в пивбар или погреть бока на Кипре.

Не в деньгах, как говорят, счастье. Стало быть, и не в прибыли тоже. А в чем тогда? Счастье, главным образом, во впечатлениях или переживаниях. Человек вынужден ими постоянно подзаряжаться. Так он устроен. За впечатлениями человек отправляется штурмовать Эверест, топчется в очереди в Эрмитаж или Третьяковку, срывается дикарем на море, отправляется паломником в монастырь или автостопом до Праги» [1].

Перед вами несколько абзацев статьи А. Мельникова «Область усиленно создает то, что не хочет показать», опубликованной в газете Калужской области «Весть». Она не имеет своей целью дать определение понятию «новая экономика», или, как ее еще называют, — «экономика впечатлений». Она о другом, о модном «производственном туризме» и необъяснимом, ханжеском нежелании крупных российских предприятий быть вовлеченными в этот сегмент современного рынка [2, 138—140], но, несмотря на это, она могла бы стать отличным началом диссертации на данную тему и настроить читателя на нужный лад. Потому что «впечатление» на сегодняшний день — это не просто слово. Это всем понятный и довольно привычный инструмент нынешней экономики [3].

Как же получилось, что самые обычные человеческие чувства и впечатления стали играть в экономике настолько значимую роль, что выделились в отдельный, полноценный сегмент? Ответим на этот вопрос, используя тезисы с открытого семинара «Полит.ру» и Института национальной модели экономики на тему: «Образ новой экономики: экономика инноваций, экономика интеллекта, экономика впечатлений».

«Новая экономика — это то, что возникает на наших глазах... Можно говорить о двух процессах, которые происходят одновременно. Во-первых, идет очень быстрый рост инноваций, не только технологических, но самых разных... Во-вторых, идет очень быстрый процесс обогащения примерно 1/3 мира. А потому резко увеличиваются возможности человека, которые он использует в более интересной работе, более разнообразном отдыхе и, разумеется, резко меняется потребление, причем не только количественно, но, прежде всего, качественно. И на этой основе возникает несколько новых феноменов. Формируется экономика интеллектуального потребления, когда потребитель не менее креативен, чем производитель. Этот феномен вызывает к жизни

новые сервисы, новые отрасли экономики, которые можно назвать «экономикой впечатлений» [4].

Пайн и Гилмор — авторы идеи или современного названия старого понятия?

Впервые неожиданный поворот экономики объяснили теоретики новой ступени развития мировой экономики Джозеф Б. Пайн и Джеймс Х. Гилмор. В 1999 г. они выпустили труд, в котором проанализировали три основных стадии развития экономики: сырьевую, товарную и экономику услуг, после чего пришли к выводу, что новой стадией должна стать «экономика впечатлений». Свою книгу они так и назвали — «Экономика впечатлений» («The Experience Economy») [5].

Под неожиданным поворотом экономики имеется в виду движущий фактор, который заставляет покупателя приобретать товар, а продавца предлагать его, — и в его основе неосновные материальные потребности в классическом понимании. Таковые к концу XX в. считаются уже удовлетворенными. Это новый движущий фактор — любопытство, желание ощутить и почувствовать нечто новое, пережить эмоциональный толчок, адреналиновый всплеск при приобретении вещи или получении услуги. Самый наглядный пример для демонстрации правомочности утверждения — развитие туристического бизнеса — относительно молодой отрасли хозяйства.

Первые, еще совсем маленькие, туристические фирмы появились в Европе в начале XVIII в. Британские турфирмы, например, предлагали за весьма солидную плату перевезти клиента, как правило, юного аристократа, по самому знаменитому и престижному маршруту тех времен «Grand Tour». «Он начинался в английском порту Дувр, проходил через Париж, где путешественнику давали уроки французского языка, танца и фехтования, Женеву, Флоренцию и Пизу, где его учили музыке и рисованию, Рим, Неаполь и Помпеи с преподаванием курса истории цивилизации. Далее — Берлин, Дрезден, Вена и Потсдам, где турист посещал естественнонаучные курсы крупнейших европейских университетов. Закачивался тур в Голландии, где местные художники давали аристократу еще несколько уроков живописи» [6]. Продолжительность тура варьировалась от нескольких месяцев до нескольких лет. Стоимость составляла целое состояние. Тур пользовался бешеной популярностью среди обеспеченной прослойки населения. Считалось, что подобное путешествие должен совершить каждый молодой человек, который хочет добиться в жизни серьезных успехов.

Со временем маршруты путешествий становились разнообразней, их стоимость снижалась. С появлением железных дорог прокатиться по Европе смогли не только аристократы, но и мелкие буржуа. К сере-

дине прошлого века цены опустились настолько, что культурным туристом смог стать и простой представитель среднего класса. К концу XX в. в мире уже не осталось ни исторических, ни культурных мест, которыми можно было бы удивить рядовых обывателей. Вот тогда и возникла новая разновидность туризма — «промышленный туризм» — туры по старым заброшенным шахтам, заводам, фабрикам. В настоящий момент в России и ближайшем зарубежье большой популярностью пользуются туры в Припять, на Чернобыльскую АЭС. Туда, где ощущение опасности повышенной радиации и реальной угрозы здоровью граничит с фантазийным миром знаменитой игровой и книжной серии «С.Т.А.Л.К.Е.Р.».

Разве подобный поворот в потребностях можно назвать обычным? От традиционного ознакомления с культурными ценностями мотивация туристов потратить деньги на перемещение сместилась к нереальным ощущениям и реальному страху и угрозе.

Разобравшись с поворотом экономики, который обозначен экономистами как неожиданный, вернемся к подкрепляющей практику теории. Хотя Пайн и Гилмор первые ввели в употребление понятие «экономики впечатлений» и по праву считаются авторами данного понятия, истоки концепции лежат в различных исследованиях раннего периода.

Э. Тоффлер — американский философ, социолог и футуролог, один из авторов концепции постиндустриального общества, в 1970 г. в своей книге «Шок будущего» говорит о грядущей «индустрии впечатлений», где люди будут готовы тратить значительную часть своих сбережений, чтобы пережить захватывающие впечатления [7].

В 1982 г. Моррис Б. Холбрук и Элизабет К. Хиршман написали статью [8] об аспектах потребления, связанных с впечатлениями и чувственными удовольствиями: мультисенсорных, фантазийных и эмоциональных переживаний, вызванных товаром. Считается, что последующие публикации, затрагивающие данную тему, заставили серьезно взглянуть на нее как ученых, так и предпринимателей.

Однако находятся и такие экономисты-теоретики, которые считают «экономику впечатлений» старой идеей, обернутой в новую красочную упаковку, или, по крайней мере, всем известной тенденцией, постепенно переросшей в отдельный сегмент экономики, и они довольно убедительны. Вот только несколько мнений: «До сих пор не удалось формализовать то, что понимается под “новой экономикой”... новая экономика — это когда оборачиваемость превышает естественную изнашиваемость товара. Но эта тенденция нарастала в течение всего 20 века: еще в самом его начале реклама в США внушала потребителям, что в этом году не модно и даже не прилично ездить в автомобиле та-

кого размера и формы кузова, как в прошлом. Может быть, новая экономика наступает после того, как превышен некий порог соотношения оборачиваемости и износа?» [4].

А вот другой вариант суждений, изложенный современным маркетологом А. Букреевым: «Авторы книги “Экономика впечатлений. Работа — театр, а каждый бизнес — сцена” Б. Джозеф Пайн, Джеймс Х. Гилмор, а также Ролф Йенсен, автор книги “Общество мечты, как грядущий сдвиг от информации к воображению, преобразит ваш бизнес”, утверждают, что мы в процессе перехода к экономике впечатлений. Я утверждаю, что изначально человечество находилось в этом периоде и никогда его не покидало... В первую очередь стоит вспомнить Уолта Диснея. Вот кто первым понял силу впечатлений и поставил ее себе на службу. Если вы думаете, что Уолт Дисней только снимал мультики — вы мало информированы. Для справки: наследники Уолта Диснея являются миллиардерами на сегодняшний день. Им принадлежат 535 фирменных магазинов по всему миру, хоккейная и бейсбольная команды, печатные издания, а также телеканал... Как только мы отодвигаемся от границы физического голода, страха и мало-мальски удовлетворяем сексуальные потребности — нам нужны впечатления. Без впечатлений наша психика начинает безумствовать. Мы перестаем чувствовать себя живыми. Именно по этой причине, наличие денег дает удовлетворение только в первое время, в дальнейшем наши психологические страдания возвращаются на прежний уровень и требуют все новых и новых впечатлений» [9; 10].

Так что же такое «экономика впечатлений» — новый сегмент экономики или переродившееся лишь в название старое образование? Однозначно можно утверждать лишь то, что сегодня «экономика впечатлений» не считается новой концепцией. Ей посвящено множество книг по маркетингу, менеджменту, инновациям. Проводятся теоретические и практические исследования, цель которых — выявить воздействие впечатлений на потребителя.

Известно, что американский психолог А. Маслоу выделяет пять групп потребностей: физиологические, безопасности, причастности (к коллективу, обществу), признания и самореализации. Фактически речь идет о первых двух уровнях данной иерархической модели [11].

Куда исчезла логика, и исчезала ли она вообще?

Сегодня уже не возникает сомнений, что самый важный ресурс — это время. В эпоху индустриализации время четко разделялось на рабочее и нерабочее, т. е. свободное. «Сейчас то время, которое раньше считали свободным, перешло в сферу экономики, — это время, когда осуществляются инвестиции в свой собственный человеческий капи-

тал» [4], — считают участники открытого семинара «Полит.ру», и сложно с ними не согласиться.

В современном мире технический прогресс опережает возможности и потребности людей. Инновативность техники и науки так высока, что люди не могут освоить те возможности, которые заложены в купленных ими приборах. «Покупатели мобильных телефонов не только не могут использовать все имеющиеся в них функции, но в большинстве случаев даже не знают о многих из них. При этом темпы обновления техники настолько высоки, что просто несравнимы со сроком физического разрушения этих вещей». Причина данного процесса, конечно, мода, которая заставляет приобретать все новые товары, хотя старые вещи еще не износились. Раньше, как пишут эксперты, «на одну модницу приходилось 50—100 женщин, которые не могли себе позволить менять по два-три платья в сезон. Сейчас же смена всех товаров потребления носит массовый характер, поскольку стала доступной. И это массовое потребление стало двигателем экономики».

На примере времени как современного ресурса рассмотрим, логическим или эмоциональным является его использование. Предположим, человек живет в Приморском районе города Санкт-Петербурга. Ему нужно к определенному времени, скажем, к 10.00, ежедневно по будням приезжать на работу в Центр. Сначала необходимо сесть на маршрутку, доехать до метро — это 20 мин., потом примерно 20 мин. ехать в метро, потом 15 мин. идти пешком. Итого, чтобы доехать до работы, потребуется 45 мин. и 60 р. Второй вариант: индивид не поддается рациональному выбору и использованию временного ресурса и решает ехать утром на работу на автомобиле. Это не логично, хотя бы потому, что утром ужасные пробки и на работу он будет добираться не 45 мин., а в два раза дольше — 1,5 часа. Более того, его затраты на бензин превысят 60 руб., как минимум, в полтора раза, так как расход топлива будет большим из-за стояния в пробках, особенно зимой. Почему же тогда человек все же садится в машину и едет на ней в Центр? Возможно, он поддается эмоциям, бережет нервы, считая, что в метро утром тоже давка: если ехать на машине, вероятность прийти на работу в чистых ботинках и свежей рубашке несколько увеличивается. Кроме того, в машине ехать комфортней, наличие машины поддерживает статус. Вероятность не пропустить важный телефонный звонок, который может оказаться в результате несущим прибыль, при нахождении в машине, а не в метро, выше. А во время дороги можно слушать музыку или аудиокнигу. Современная связь, посредством блютуз, дает возможность разговаривать по телефону, не удерживая трубку около уха, — это очень удобно, — удерживать руки на руле и вести переговоры, особенно, если затем в течение дня у тебя уже не будет

свободной минутки поговорить с родственниками, друзьями или по делу, не оглядываясь на время.

Данный пример убеждает нас, во-первых, в том, что «рациональность как основа выбора сохраняется, однако меняет форму. Рациональность бедности и необходимости меняется на рациональность богатства» [4]. Люди часами стоят в пробках, потому что они не могут по-другому, они вынуждены так жить. Это норма для их социальной среды. Находясь в метро, они могут понести и чисто экономические потери, не ответив на звонок контрагента или клиента. Во-вторых, в том, что если ценность времени и снижается, то растет ценность комфорта и статуса. И, наконец, в-третьих, ресурс времени можно и не терять, если использовать его эффективно в соответствии своими личными представлениями и уровнем жизни.

«Критерий рациональности — последовательное поведение, направленное на максимизацию удовлетворения в заранее определенной форме. Таких критериев становится все больше. Для резко ограниченной в средствах бабушки главный критерий рациональности — экономия средств... Для обеспеченного и занятого человека более важный ресурс — время, а критерий отбора — не цена, а качество и престиж» [4].

Где он — этот «средний статистический покупатель»?

Очень сложный вопрос: насколько индивидуальным все же становится потребление? Что на этот счет говорят первопроходцы «экономики впечатлений» Пайн и Гилмор? Они считают, что, по сути, покупателям не нужен выбор. Им нужно только то, что они хотят. Степень же удовлетворения потребителя измеряется по следующей формуле: *удовлетворение потребителя = что покупатель желает получить — что, как ему кажется, получает*. Суть потребительской уступки можно представить следующей разницей: *потребительская уступка = что хочет потребитель — на что он готов согласиться*. Понимая это, становится ясна разница между тем, на что потребитель соглашается, и тем, что ему действительно нужно. *Расчет на среднего покупателя — основная причина потребительской уступки*. Производитель говорит о «разработке продукции для среднего потребителя», хотя его просто не существует. Если постоянно не иметь в виду конкретных покупателей и не опираться на конкретные данные, то все усилия по созданию привлекательного предложения будут напрасными. Меньшая потребительская уступка превращает обычную услугу в незабываемое событие.

На первый взгляд, степень индивидуализации растет безгранично. Но, если присмотреться, мы видим, что в значительной мере сохраня-

ются групповое предложение и групповые предпочтения, т. е. «массовость». Вот только несколько примеров из жизни.

Возьмем близкую нам тему массовой литературы: каждая книга — индивидуальный продукт «ручной работы», но все же написанный по некоторому рецепту: существуют даже учебники, как написать детектив или любовный роман.

В крупных сетевых магазинах ассортимент товаров огромен и кажется, что выбор при покупке делается случайным образом. Но массовость проявляется на уровне выбора самого магазина, поэтому это уже массовое, а не индивидуальное поведение потребителя [12].

Можно привести массу примеров, когда человеку кажется, что он делает строго индивидуальный выбор, а на самом деле это оказывается чистой иллюзией. Эту иллюзию специально создают производители, «расцветивая» по-разному базовую модель товара, и, кажется, что каждый потребитель получает свой индивидуальный товар. На самом деле, базовая модель одна, а безграничный выбор — только видимость полной индивидуализации. В продуктовом магазине мы покупаем детям молочный десерт: младшим — с малиной, старшим — с клубникой, себе — с персиком, йогурт из одной бочки с различными наполнителями. У мужа — большая машина KIA CEE'D, у жены — маленькая KIA PICANTO — все одинаковое, поэтому и дешевле в обслуживании, кроме размеров, дополнительных опций и, конечно, цены.

Вероятнее всего, примерно так же будут поступать производители и в будущем: для некоторых, скорее всего, немногих, будет создаваться действительно индивидуальный продукт, а для других, которых в сотни раз больше, чтобы удовлетворить потребность «быть не как все», массовый продукт будет раскрашиваться в разные, индивидуальные цвета. Нет ничего плохого в том, чтобы пользоваться массовой продукцией, а свою индивидуальность выражать в том, что создаешь лично ты. В данном случае — в своих литературных и научных произведениях: статьях, книгах, научных трудах. Для энергии человека большой потенциальной силы всегда найдется выход.

Современная экономика: перерождение или закономерное развитие?

Самый главный вопрос, к которому мы постепенно подошли, рассуждая, кстати, логически: новая, инновационная экономика, или «экономика впечатлений», следуя Пайну и Гилмору, — это некий уклад, который существует в параллели с какой-то другой, старой экономикой или это состояние всей экономики в некоторых странах, начиная с какого-то момента? Боюсь, что вопрос останется без ответа, но поразмышлять на тему будущности можно.

Понятие «новой экономики» пока еще не имеет общепринятого или общепризнанного толкования. Более того, когда речь идет о новой экономике, то здесь даже в самом общем виде нет консенсуса по поводу того, что же является принципиально новым, инновационным, а что есть проявление давно или не очень давно возникшего тренда, просто проявившегося ярко и заметно. Крайне сложно строить прогнозы на будущее, тем более в области инноваций и креатива. Тем более сегодня, когда не разработаны многие важнейшие теоретические вопросы.

Очевидно лишь то, что в современной экономике потребление играет и, скорее всего, будет играть более значимую роль. Сказать, что нынешняя экономика ориентируется в большинстве своих секторов на индивидуальные запросы, нельзя. С одной стороны, потому что потребитель пока не может предъявить свой консолидированный спрос. Там, где он предъявлен, экономика вынуждена его учитывать: культурный туризм, индустрия красоты, частично медицина, ресторанный бизнес, сегмент автомобильной промышленности с ее дополнительными опциями. Если население будет становиться богаче, его запросы на то, что «раньше называлось рекреацией» [4], станут разнообразнее, а значит, ее доля в ВВП — повысится.

С другой стороны, если производство начнет ориентироваться только на запросы и потребности людей, то технический прогресс, развитие технологий просто прекратятся. Возьмем, например, мобильные телефоны с избыточным для большинства потребителей набором функций. Не потребители требуют от производителей, чтобы с каждым годом эти приборы становились все сложнее, а прогресс технологий, идущий сам по себе, обязательно усиливался.

В своем потребительском секторе экономика давно уже не работает на удовлетворение потребностей людей. Мощная индустрия рекламы сама создает потребности, затем формирует их вслед возможностям производителя, потом производители удовлетворяют эти искусственно образованные рекламой потребности.

Индустрия рекламы сегодня создает новинки. Технологии опережают желания потребителей. Скорее всего, разрыв между истинными потребностями и инновационными предложениями будет только усиливаться, а промоутинг будет играть в экономике еще большую роль [13].

Направлением же развития рекламы, скорее всего, и станут «первичные» эмоции, и именно поэтому сегмент под названием «экономика впечатлений» станет более значимым [14]. Возможно, вся «экономика впечатлений» — это лишь очередной этап заигрывания с потребителем, в результате чего потребители станут еще логичней, более прагматичными в своем выборе, а производители будут вынуждены

перейти от этапа «эмоций» к эре «разумности». Возможно, деление выбора продуктов по принципу «ощущений» и «рациональности» станет более характерным. Какие-то товары/услуги будут выбираться, исключительно основываясь на эмоциях, какие-то — в противовес — на логике. Очевидно лишь одно: «Клиент всегда прав!». Так давайте же влиять на его выбор с пеленок, чтобы, когда он подрастет, было понятно, чего он хочет! «Как страшно жить!», — сказала Рената Литвинова в одном из своих интервью и, немного подумав, видимо, со страху или, наоборот, поборов его, занялась бизнесом, массово моделируя и выпуская современную женскую одежду.

Литература

1. Мельников А. Область усиленно создает то, что не хочет показать // Экономика: Интернет-газета. 2013. 7 нояб. // <http://www.vest-news.ru/article.php?id=54885> (дата обращения: 09.11.2014).

2. Шапиро Н.А., Шапиро А.В. Ивент как частный бизнес: экономические аспекты // Актуальные проблемы менеджмента: стратегическое прогнозирование, стратегическое планирование: Матер. междунауч.-практич. конф. СПб., 2012.

3. Лаппо В.Н. Впечатления как новый вид экономического предложения и средство повышения потребительской ценности // Актуальные теоретические и практические аспекты развития предприятий различных форм собственности в контексте модернизации экономики // http://gunipt.edu.ru/fakultety/ekonomiki_i_ekologicheskogo_menedzhmenta/nauka/internet-konferencii/3internet-konferenciya.

4. Кузьминов Я.И., Роцин С.Ю., Дорошенко М.Е., Соколов А.В., Долгин А.Б. Образ новой экономики: экономика инноваций, экономика интеллекта, экономика впечатлений // Полит.ру. Интернет-журнал // <http://oborona-spb.org/2014/library/economics> (дата обращения 10.11.2012).

5. Пайн Д.Б., Гилмор Дж.Х. Экономика впечатлений. Работа — это театр, а каждый бизнес — сцена GИF. М., 2005.

6. Чумаков В. Сборочный цех впечатлений // Ярмарка идей: Интернет-журнал Вокруг света. 2007. Ноябрь. № 11 (2806) // <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6115> (дата обращения 12.11.2014).

7. Тоффлер Э. Шок будущего. М., 2002.

8. Холбрук М., Хиршман Э. Эмпирические аспекты потребления: фантазии, чувства и удовольствие потребителя // Классика маркетинга: Сб. работ, оказавших наибольшее влияние на маркетинг / Сост. Б.М. Энис, К.Т. Кокс, М.П. Моква. СПб., 2001.

9. Йенсен Р. Общество мечты как грядущий сдвиг от информации к воображению, преобразит ваш бизнес. СПб., 2002.

10. Букреев А. История № 4: «Экономика впечатлений» // Науч.-Пед. интернет-журнал. 2014. 26 июня // <http://www.singlestory.ru> (дата обращения: 11.11.2014).

11. Маслоу А. Теория мотивации человека // Классики теории государственного управления: американская школа / Под ред. Дж. Шафритца, А. Хайда. М., 2003.

12. Лейбенштайн Х. Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса // Теория потребительского поведения и спроса. Экономическая школа. СПб., 1993.

13. Шапиро А.В. Event-маркетинг в политике управления конкурентоспособностью предприятий // Конкурентоспособность экономики России: проблемы и пути повышения: Сб. научн. ст. студ. и аспирант. Вып. 12 / Под ред. В.В. Гумалева. СПб., 2012.

14. Шапиро А.В. Оценка эффективности проекта event-маркетинга // Сб. труд. молод. уч. Ч. III. СПб., 2012.

О.В. ДОБРОЧЕЕВ

Образная математика для экономистов

Аннотация. Использование числовой математики для описания сложных народнохозяйственных задач требует применения суперкомпьютеров. Иной, менее затратный, путь состоит в использовании смешанных образных и числовых моделей экономики, базирующихся на фундаментальных закономерностях развития очень больших или турбулентных систем. В статье описывается пример такой «образной математики» для прогнозирования долгосрочного экономического роста.

Ключевые слова: образная математика, числовые модели, экономический рост, турбулентность, прогноз.

Abstract. The use of numerical mathematics to describe the complex economic problems needs for supercomputers. Another less expensive way is to use mixed shaped and numerical models of the economy based on the fundamental laws of the development of very large or turbulent systems. The article describes an example of such «imaginative mathematics» to predict the long-term economic growth.

Keywords: imaginative mathematics, numerical models, economic growth, turbulence, forecast.

Числовая математика требует для описания сложных объектов экономики огромное количество информации и высокую скорость счета, поскольку использует простой двоичный код. Решение с ее помощью сколько-нибудь важных народнохозяйственных задач требует, поэтому, суперкомпьютеров.

Есть, однако, иной путь решения экономических задач, которым, по мнению Ю.М. Осипова, пользуются в неформализованном виде наиболее продвинутые предприниматели и управленцы. Это решение с использованием образов и числовых аналогий, когда интеллектуальные операции сравнения, декомпозиции и синтеза осуществляются не только с числами, но и с образами. Есть, например, оцениваемый в числовой форме по отдельным параметрам (инвестиции, доход и т. д.), образ эффективного предприятия. Вам нужно его слить с другим предприятием или в разы увеличить объемы продаж. Успешный предприниматель (такой, как Форд или Королев) не нанимает для этого математиков. У него есть образная модель такого объекта, со множеством важных нюансов его поведения (например, неизбежными непредвиденными потерями). И он вполне рационально пользуется этим цельным образом для оценки критически важных входных и выходных данных, привлекая, конечно, математиков для уточнения деталей.

Основной вопрос, который возникает при попытках широкого распространения такого опыта, назовем его «образная математика», состоит в проблеме «универсального образа». Такого же простого и однозначно понимаемого, как число, но одновременно такого же емкого, как образ.

Или, иначе, возникает вопрос об универсальных законах развития разномасштабных и разнокачественных по своим проявлениям сложносоставных объектов природы и общества. Иначе говоря, вопрос о законах, которые могли бы единообразно описать разнообразные явления экономики так же, как законы Ньютона описывают бесконечное множество движений объектов природы, начиная с падающего яблока и заканчивая планетарными системами.

В последние десятилетия удалось продвинуться в понимании этого вопроса. Стало понятно, что помимо механических систем существуют еще и турбулентные системы [1]. Для них тоже удалось найти непротиворечивое формально-математическое описание, графическим образом которого является турбулентная волна, показанная на рис. 1 [2].

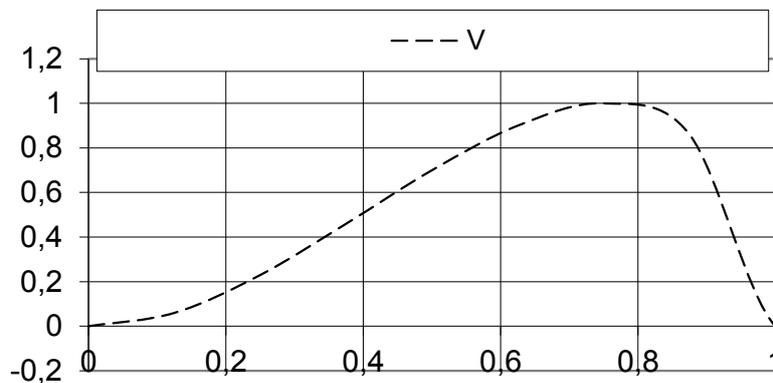

Рис. 1. Графический образ турбулентной волны, описываемый законами турбулентной динамики

Как оказалось, этим образом, имеющим однозначное математическое содержание, можно описать и морские волны, и вариации климатических изменений на Земле, и динамику пассионарности общества Гумилева, и динамику деловой активности Кондратьева, и динамику социальной активности масс Чижевского, и рост ВВП, и курс доллара, и форму цветка тюльпана, и многое другое [1].

Покажем это на примере длинных волн развития субъектов мировой экономики, таких как США, Украина и Грузия.

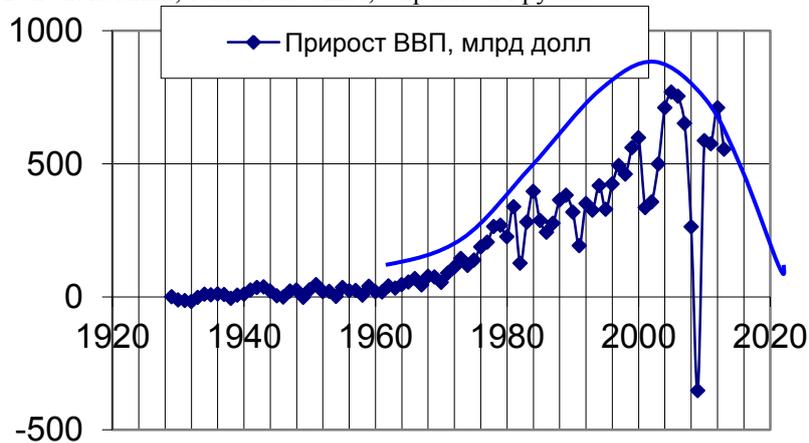

Рис. 2. Волна ежегодного прироста ВВП США, в млрд дол.

Например, мы видим приблизительно 60-летнюю длинную волну экономики США, начавшуюся в конце 1950-х гг. и приближающуюся к своему концу в 2020-х. Это подчеркивает кривая на рис. 2, которая описывается системой уравнений турбулентной волны:

$$V = V_0 N (T/T_0) \left((1 - t/T)^{2/3} (t/T)^2 \right) / 0,22, \quad (1)$$

$$T/T_0 = (S/S_0)^{1/3},$$

где: V_0 — максимальный прирост ВВП на одну частицу базового субъекта экономики, T — длинная волна субъекта, T_0 — длинная волна базового субъекта, t/T — текущая фаза волны, N — население субъекта, S — площадь хозяйства субъекта экономики (государства).

Сопоставляя данные американской статистики ($N = 310$ млн, $V_{\text{макс}} = 790$ млрд дол./год, $S_0 = 9,6$ млн км²) с теоретической кривой, мы получаем значения эмпирических данных этой модели: $T_0 = 60$ лет, $V_0 = 2500$ дол./чел/год.

Посмотрим далее, насколько эта модель может быть применима для других экономических систем. С этой целью рассчитаем длинную волну прироста ВВП экономики Украины ($N = 50$ млн, $S_0 = 0,6$ млн км²). В результате мы получаем кривую, показанную на рис. 3, которая практически точно огибает фактические данные.

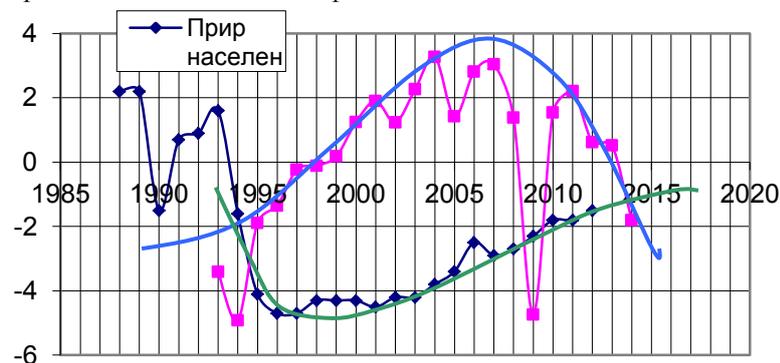

Рис. 3. Прирост ВВП Украины (десятки млрд дол.) и населения (сотни тыс. чел.): сопоставление данных украинской статистики с моделями турбулентной волны прироста ВВП и прироста населения

Сопоставление теоретической кривой с фактической динамикой показывает, что длинная волна украинской экономики (равная, как это и видно, $T=24$ годам) точно соответствует ее расчетной величине, а максимальный прирост ВВП на человека в год соответствует $V_0 = 2000$ дол./чел./год. Последняя величина всего лишь на 20% меньше той, которая получена на основе данных американской статистики.

Рассчитаем по модели турбулентной волны прирост ВВП экономики Грузии ($N = 5$ млн, $S = 0,07$ млн км²) и сопоставим его с фактическими данными (рис. 4).

Рис. 4. Прирост ВВП Грузии (млрд дол.): сопоставление данных статистики с моделью турбулентной волны

И в этом случае мы видим, что расчетная величина длинной волны грузинской экономики, равная 12 годам, соответствует фактическим данным, а коэффициент V_0 , как и в случае США, равен 2500 дол./чел./год.

Это сопоставление расчетов экономической динамики с фактическими данными показывает, что модель турбулентной волны удовлетворительно описывает качественную и отчасти количественную сторону долговременных экономических изменений совершенно разных и по масштабам экономики, и по социально-экономическому положению стран мира.

На этом основании модель длинной волны можно рекомендовать по крайней мере, для качественной оценки долгосрочных изменений состояния субъектов экономики. Если же учесть, что математическая модель турбулентной волны описывается точным графическим образом, осуществлять прогнозные оценки можно и не прибегая к вычислениям. Для получения оценочных величин прироста ВВП в будущем достаточно, оказывается, наложить в этом случае полный графический образ волны на имеющуюся последовательность статистических данных. Например, так, как это показано на рис. 5.

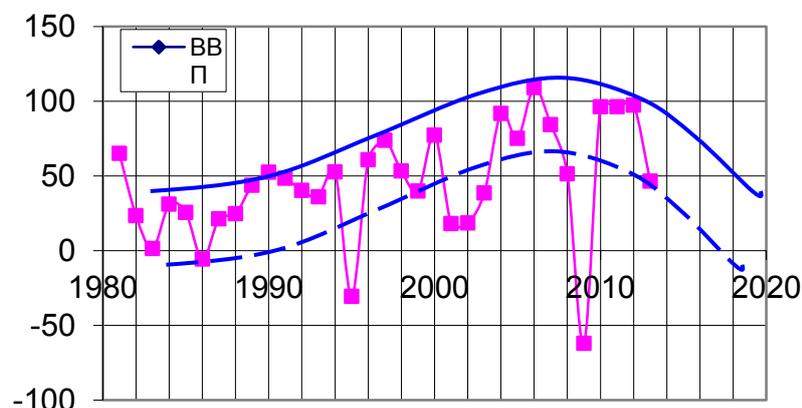

Рис. 5. Прирост ВВП Мексики (млрд дол.): сравнения фактических данных с графиком турбулентной волны расчетной 35-летней продолжительности 1985—2020 гг.

В результате сопоставления таким способом фактических данных по приросту ВВП Мексики с турбулентной волной 35-летней расчетной продолжительности мы получаем ряд содержательных выводов. Во-первых, мы видим, что окончание длинной волны экономики этой страны приходится на 2016—2020-е гг. со всеми вытекающими из этого возможными последствиями. Например, высоковероятными кризисными социальными и политическими изменениями в обществе, хотя, может быть, и не такими катастрофическими, как это случилось в рассмотренных нами странах — на Украине и в Грузии.

Во-вторых, мы получаем диапазон наиболее вероятных величин прироста ВВП страны в ближайшие пять лет и, соответственно, наиболее вероятные объемы валового продукта страны на ближайшие годы. В-третьих, мы получаем оценку текущей устойчивости экономики страны, которую можно измерить временем от настоящего момента и до начала кризисных переходных процессов. Согласно приведенным сравнениям, устойчивость мексиканской экономики можно оценить не более чем двумя годами — 2015 — 2016. И т. д.

Аналогичным путем, используя образ турбулентной волны, мы можем оценить долгосрочные перспективы российской экономики, как это показано на рис. 6.

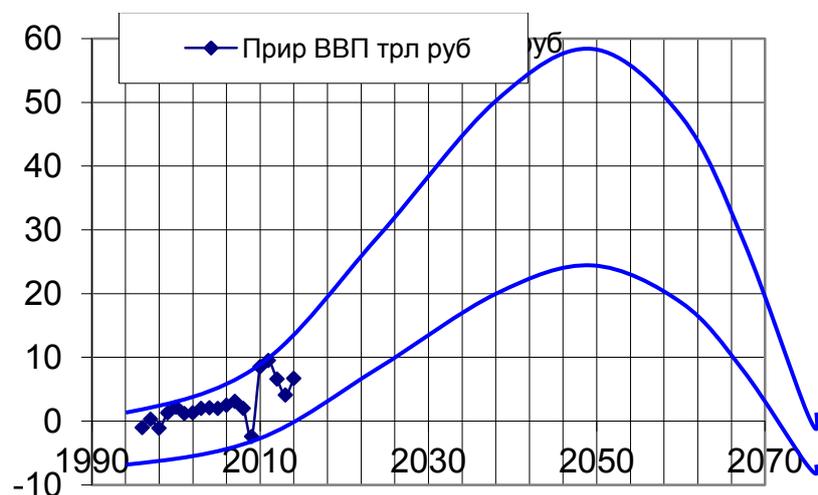

Рис. 6. Наложение графика турбулентной волны на последовательность статистических данных по ежегодному приросту номинального ВВП России в 1996—2012 гг.

В результате подбора наиболее близких по своему расположению к фактическим данным графических образов российской турбулентной волны 75-летней расчетной продолжительности мы получаем качественную прогнозную оценку нового долгосрочного всплеска российской экономики в XXI в. Мы видим, что страна сегодня находится (на что часто обращает внимание наш президент) лишь в начале длинного исторического пути, экономическая вершина которого может быть всеми нами воздвигнута не ранее, чем через 20 лет.

Если же сравнивать новую российскую волну с предшествующей советской или с аналогичной фазой американской волны, то можно сказать, что путь к вершине будет чрезвычайно драматичным. Поскольку при всех огромных политических и экономических различиях сегодня мы находимся приблизительно в такой же фазе, как СССР 75 лет назад, т. е. в 1939 г., или США в 1972 г.

И, хотя оцененная таким способом степень неопределенности масштабов прироста российской экономики высока, она вопреки подавляющему большинству прогнозов, публикуемых два последних десятилетия, ожидается положительной.

Литература

1. *Добро́чев О.В.* Гуманитарные приложения гипотезы очень больших систем // *Философия хозяйства*. 2014 . № 3.

2. *Клепач А.Н., Добро́чев О.В.* О духовных и физических составляющих современной экономики // *Неодирижизм и модернизация российской экономики* / Под ред. Ю.М. Осипова, С.Ю. Синельникова, Е.С. Зотовой. М., 2014.

В.С. ГРИЦЕНКО

Развитие и вырождение товарной стоимости

Аннотация. В статье рассматривается эволюция форм товарной стоимости на основе трудовой теории стоимости К. Маркса. Показано, что на современном этапе развития общества зарождается пятая и последняя информационная форма стоимости, которая уже не является товарной. Прослеживается связь форм стоимости и общественно-экономических формаций.

Ключевые слова: стоимость, товарная стоимость, формы стоимости, труд, абстрактный труд, всеобщий труд, информационная стоимость, теория общественно-экономических формаций.

Abstract. In the article we investigate the evolution of the commodity value forms based on K. Marx's labour theory of value. We show that in modern epoch the fifth and the last information non-commodity form of value. The value forms and the social formations are closely connected.

Keywords: value, commodity value, forms of value, labour, abstract labour, universal labour, information value, theory of social formations.

Введение

Современный этап развития общества, который, по-видимому, правильнее всего будет называть поздним капитализмом (см.: [1]), ставит перед философией экономики интереснейшую задачу — определить закономерности и направление развития товарной стоимости. Как известно, заслуга раскрытия сущности денежной формы товарной стоимости принадлежит К. Марксу. В I томе «Капитала» К. Маркс впервые совершил то, «чего буржуазная политическая экономия и не пыталась сделать, — именно показать происхождение этой денежной формы, т. е. проследить развитие выражения стоимости, заключающегося в стоимостном отношении товаров, от простейшего, едва заметного об-

раза и вплоть до ослепительной денежной формы» [2, 57]. Однако современная экономика демонстрирует ряд противоречий, требующих нового осмысления. Это обособление финансового сектора от реального производства, стремительное ускорение времени обращения капитала, появление так называемых «фантомных» и виртуальных денег. В конечном счете, все эти *симптомы вырождения товарной стоимости* могут быть объяснены исходя из трудовой парадигмы марксистской политэкономии. С этих позиций глубинной причиной вырождения стоимости выступает новая историческая форма труда — *всеобщий («научный», автоматизированный) труд*, приходящий на смену машинному труду классического капитализма.

Товарная стоимость

Как известно, основа общественного развития — материальный труд — выступает в трех исторических формах: ручной, машинный, автоматизированный. Классический капитализм связан, прежде всего, с машинным трудом. Согласно К. Марксу, машинный труд имеет двойственный характер, представляет собой единство конкретного и абстрактного труда. «...Не различая двух сторон этого труда, нельзя научно отобразить ключевые моменты процесса образования стоимости, теоретически прояснить его объективные противоречия...» [3, 78]. Абстрактный труд как усредненные затраты рабочей силы вообще, безотносительно к конкретным потребительным стоимостям, измеряемый общественно необходимым рабочим временем, является субстанцией стоимости. Стоимость — порции, «кристаллы» абстрактного труда. Стоимостное отношение, составляющее фундамент товарного производства, базируется на взаимно-однозначном соответствии потребительной стоимости и порции абстрактного труда. «Итак, — пишет Маркс, — величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, необходимого для ее изготовления» [2, 48]. *Эта пропорциональность является ключом к пониманию сути товарных отношений.* Товары обмениваются друг на друга только потому, что они суть *продукты общей им всем субстанции — абстрактного труда, измеряемого рабочим временем.* «Стоимость одного товара относится к стоимости каждого другого товара как рабочее время, необходимое для производства первого, к рабочему времени, необходимому для производства второго» [2, 48].

Поскольку товары обладают стоимостью только благодаря выраженному в них «общественному единству» — человеческому труду — постольку и стоимость имеет чисто общественный характер и не может проявляться вне общественного отношения одного товара к дру-

гому. Поэтому меновая стоимость, а точнее, история развития ее форм, по Марксу, дает нам ключ к пониманию стоимости.

Развитие форм стоимости

В исследовании развития товарной стоимости Маркс движется от единичного к общему — от простейшего стоимостного отношения товара к какому-нибудь одному товару другого рода к всеобщему отношению товаров, опосредованному деньгами как материальным воплощением всеобщей эквивалентной формы стоимости. Этот анализ стал классическим примером применения метода единства исторического и логического. Также движение от единичного к общему фактически представляет собой движение от случайного к необходимому, или закономерному, таким образом, Маркс прослеживает развитие товарной экономики от ее зарождения в элементарном акте товарного обмена через становление в качестве экономического уклада и до превращения в господствующий способ производства в масштабах мирового рынка.

Маркс показывает, что основное противоречие товарного хозяйства заключено уже в самой *простой, единичной, или случайной, форме стоимости*: x товара $A = y$ товара B , или 20 аршин холста = 1 сюртуку. Поскольку в этом уравнении один товар выражает свою стоимость, другой — служит материалом для этого выражения, зеркалом, в который смотрится первый товар, постольку Маркс выделяет *относительную и эквивалентную формы стоимости*. Один товар не может принимать обе формы сразу, играть одновременно и активную, и пассивную роль. Вместе с тем любой товар принципиально способен занимать любую позицию в уравнении, дело только в том, какой товар наиболее удобен для того, чтобы играть роль эквивалента.

Анализ разных случаев количественной определенности относительной формы стоимости приводит Маркса к выводу о том, что изменения стоимости не отражаются полно в относительной стоимости и, более того, что изменения стоимости зависят не от изменений относительной стоимости, а, прежде всего, от изменения производительности труда, результатом которого является товар, выражающий свою стоимость в другом. Товар, принимающий эквивалентную форму стоимости, напротив, никак не выражает собственную стоимость.

Поскольку свойства вещи не возникают из ее отношения к другим вещам, а лишь обнаруживаются в таком отношении, постольку внешнее противоречие относительной и эквивалентной форм стоимости лишь обнаруживает внутренние противоречия товара. Во-первых, потребительная стоимость становится формой проявления стоимости. Во-вторых, конкретный труд становится формой проявления абстрактного труда. В-третьих, частный труд становится формой проявления

общественного труда. Однако такое положение дел, когда внешнее, поверхностное выдается за внутреннее и существенное — в принципе характерно для капитализма. В этом Маркс, далее, усматривает корни товарного и денежного фетишизма.

Полная, или развернутая, форма стоимости, которая может быть в онтологическом плане названа *особенной*, представляет собой следующую ступень развития товарных отношений: x товара $A = u$ товара $B = v$ товара $C = w$ товара $D = x$ товара $E = \dots$ и т. д. «Стоимость данного товара, например, холста, выражается теперь в бесчисленных других элементах товарного мира. Таким образом, только теперь сама эта стоимость действительно выступает как сгусток лишенного различий человеческого труда. Это потому, что образующий ее труд теперь вполне отчетливо выражен как труд, равнозначный всякому другому человеческому труду... Поэтому в силу своей формы стоимости холст вступает теперь в общественное отношение не с одним только товаром другого вида, а со всем товарным миром» [2, 72 — 73]. В то же время эта форма стоимости максимально абстрагирована от («относится с полным безразличием к» [2, 73]) каждой конкретной потребительной стоимости, в которой она проявляется.

Итак, с одной стороны, в этой форме стоимости впервые в полной мере проявляется способность товара обмениваться на любой другой товар. С другой стороны, эта форма не лишена существенных недостатков. Во-первых, относительное выражение стоимости товара является здесь незавершенным, так как ряд выражений его стоимости никогда не заканчивается. Во-вторых, такая цепь образует пеструю мозаику разрозненных и разнородных выражений стоимости. В-третьих, относительная форма стоимости каждого товара здесь есть *бесконечный* ряд выражений стоимости. Очевидно, понятие бесконечности используется здесь Марксом в смысле гегелевской «дурной бесконечности», лишенной качественной сложности.

Поскольку особенности относительной стоимости отражаются на каждом уровне развития на соответствующей эквивалентной стоимости, постольку и особенная эквивалентная форма, с одной стороны, *предельно абстрактна*, с другой стороны — распадаясь на отдельные, ограниченные, особенные, эквивалентные формы, каждая из которых исключает все остальные, не обладает единой формой проявления и *не является исчерпывающей*. Отсюда неизбежен переход к *всеобщей форме стоимости*.

$$\left. \begin{array}{l}
 1 сюртук = \\
 10 фунтов чая = \\
 40 фунтов кофе = \\
 \vdots \\
 x \text{ товара } A =
 \end{array} \right\} = 20 \text{ аршинам холста.}$$

Всеобщая форма стоимости выражает стоимости товарного мира в одном и том же выделенном из него виде товара — просто и единообразно. В качестве такого всеобщего товара-эквивалента Маркс выбирает холст, подчеркивая, что товаром-эквивалентом может быть (и в действительности поначалу был) любой товар. «Как нечто, равное холсту, стоимость каждого товара отличается теперь не только от своей собственной потребительной стоимости, но и от всякой потребительной стоимости, и тем самым выражает собой то, что имеется общего у данного товара со всеми другими» [2, 76]. Только эта форма, таким образом, устанавливает общественные отношения товаров между собой как отношения стоимостей безотносительно к их потребительным стоимостям.

«Всеобщая относительная форма стоимости товарного мира придает исключенному из этого мира товару-эквиваленту, холсту, характер всеобщего эквивалента. Его собственная натуральная форма становится образом стоимости, общим для всего товарного мира, холст приобретает способность непосредственно обмениваться на все другие товары. Его телесная форма играет роль видимого воплощения, всеобщей общественной оболочки всякого человеческого труда» [2, 77]. Конкретная потребительная стоимость товара-эквивалента предстает здесь олицетворением своей противоположности — стоимости. Конкретный труд, воплощенный в холсте, также выражает здесь человеческий труд вообще, служит «всеобщей формой проявления человеческого труда вообще» [2, 77].

Поскольку всеобщая форма стоимости возникает «лишь как общее дело всего товарного мира» [2, 76], т. е. товар становится всеобщим эквивалентом лишь потому, что все другие товары выражают в нем свои стоимости, постольку он должен быть удобным и подходящим для исполнения этой роли. «Всеобщая форма стоимости... самим своим построением показывает, что она есть *общественное выражение* товарного мира» [2, 77]. Как выражение и результат развития относительной формы стоимости, эквивалентная форма стоимости также наиболее полно раскрывается лишь в этой форме. Единичная форма стоимости делает другой товар единичным и потому случайным эквивалентом. Полная, или развернутая, форма стоимости противопоставляет товары друг другу как разнообразным особым эквивалентам. Всеобщая форма стоимости выталкивает из всего товарного мира один товар и наделяет его специфической функцией — служить всеобщим эквивалентом, отнимая попутно у него возможность выражать свою относительную стоимость иначе, чем во всем бесконечном товарном мире. «И лишь с того момента, когда такое выделение оказывается окончательным уделом одного специфического товарного вида, —

лишь с этого момента единая относительная форма стоимости товарного мира приобретает объективную прочность и всеобщую общественную значимость» [2, 79]. Монополию на это место исторически завоевало себе золото.

Маркс показывает, что, в отличие от первых трех форм стоимости, каждая из которых существенным образом отличается от предыдущей, четвертая фактически повторяет третью. Однако денежная форма стоимости получает свое адекватное выражение только в масштабах мирового рынка. «Только на мировом рынке деньги в полной мере функционируют как товар, натуральная форма которого есть вместе с тем непосредственно общественная форма осуществления человеческого труда in abstracto. Способ их существования становится адекватным их понятию» [2, 153]. Таким образом, всеобщая форма стоимости становится действительно всеобщей только в денежной форме, причем в конкретной форме мировых денег — фунте стерлингов, а затем в долларе. Таким образом, Маркс не только «свел меновую стоимость к стоимости, а стоимость — к абстрактному труду, но и вывел из абстрактного труда стоимость, а из нее — меновую стоимость; не только свел деньги к товару (вслед за классиками буржуазной политической экономии), но и вывел из товара деньги; не только прошел (опять-таки вслед за классиками) путь сведения прибавочной стоимости к стоимости, но и вывел из стоимости (из товарно-денежных отношений) прибавочную стоимость и капитал» [1, 66].

Всеобщий («научный», автоматизированный) труд

Логический анализ основных исторических форм труда, а также рождающегося на его глазах автоматизированного труда, привел Маркса к выводу о необходимой смене машинного труда автоматизированным («научным», всеобщим). В «Экономических рукописях 1857 — 1859 гг.» Маркс в общем и принципиальном виде обрисовал сущность этой формы труда. «...По мере развития крупной промышленности создание действительного богатства становится менее зависимым от рабочего времени и от количества затраченного труда, чем от мощи тех агентов, которые приводятся в движение в течение рабочего времени и которые сами, в свою очередь... не находятся ни в каком соответствии с непосредственным рабочим временем, требующимся для их производства, а зависят, скорее, от общего уровня науки и от прогресса техники, или от применения этой науки к производству... Труд выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик» [4, 213]. На наш взгляд, основным видом и *квинтэссенцией* любого друго-

го вида всеобщего труда выступает современный *компьютерный труд*, понимаемый как *производство конкретного продукта (средств производства и потребления), опосредованного производством информации — абстрактных материальных структур*.

Вырождение стоимости или новая форма?

Маркс, далее, показал, что становление новой исторической формы труда в качестве ведущей влечет за собой вырождение товарного стоимостного отношения. «Обмен живого труда на овеществленный труд, т. е. полагание общественного труда в форме противоположности капитала и наемного труда представляет собой последнюю ступень развития *стоимостного отношения* и основанного на стоимости производства» [4, 212 — 213]. С появлением всеобщего труда, «*прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...» [4, 214]. Следует ли понимать это утверждение так, что в будущем стоимостное отношение совершенно исчезнет? То есть исчезнет всякая возможность сравнивать различные результаты материального производства между собой?

В третьем томе «Капитала» Маркс пишет: «...по уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства, определение стоимости остается господствующим в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными группами производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было» [5, 421]. По нашему мнению, намечающееся здесь противоречие стало возможно адекватно разрешить только сегодня, анализируя конкретную форму всеобщего труда — компьютерный труд.

Мы полагаем, что вырождение *товарной* стоимости не означает вырождения стоимости вообще. Товарная стоимость есть овеществленный в продукте мертвый, отчуждаемый от непосредственного производителя абстрактный труд, но в то же время она есть и основа сравнения одного товара с другим. Если представить себе, «для разнообразия, союз свободных людей, работающих общими средствами производства и планомерно расходующих свои индивидуальные рабочие силы как одну общественную рабочую силу» [2, 88], то в этом случае товарная стоимость в первом смысле объективно существовать не может. Второй же смысл сохраняется и становится даже значительнее, поскольку действует принцип: от каждого по способностям, каждому по труду. Маркс «лишь для того, чтобы провести параллель с товар-

ным производством» [2, 89], предполагает, что «доля каждого производителя в жизненных средствах определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двоякую роль. Его общественно-планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта» [2, 89]. Марксова аналогия справедлива еще и потому, что на тот момент он не мог знать той конкретной формы, которая разовьется как результат и отрицание товарной стоимости. Мы считаем, что это *лента — информационная — форма стоимости*.

В.В. Орловым и Т.С. Васильевой показано, что всеобщий труд, как субстанция новой стоимости обладает более многообразным и богатым содержанием по сравнению с абстрактным трудом, но не обладает важнейшей чертой последнего — аддитивностью. Понятая как мера экономической, трудовой деятельности, информация — обладающая этим свойством — сможет служить непосредственной субстанцией стоимости, когда информационные технологии полностью охватят всю систему экономической деятельности. Общественное материальное производство в этом случае получит однородную структуру, благодаря которой бит информации приобретет во всех случаях эквивалентное трудовое содержание. Как и абстрактный труд, компьютерный труд в определенном смысле является усредненным трудом — это усреднение порождается безличной абстрактно-количественной структурой, информацией. «Информация, обладая однородностью, обобщенностью, своего рода абстрактностью, оказывается, таким образом, аналогом абстрактного труда, но представляет собой принципиально более высокую сущность труда» [6, 244].

Д. Белл также допускал возможность использования информации в качестве субстанции стоимости. Лауреат Нобелевской премии по экономике К. Эрроу писал, что первоначально он отнесся к этой идее Белла слишком легковесно, однако «факты начинают противоречить моей точке зрения. Удивительно, но информация является единственным принципом определения стоимости компьютерных программных продуктов и некоторых других видов благ... роль информации в качестве источника производительности труда и источника стоимости во все большей степени проявляется на многих рынках и становится все более важным компонентом экономического анализа» [7, СXXXVII].

По-видимому, Марксов анализ развития форм стоимости должен быть дополнен еще одной, зарождающейся сегодня, *информационной формой стоимости*, которая в большей степени соответствует нетоварному производству. Информация по своей природе не является то-

варом, поскольку она «не исчезает, не переходит в другие формы, не убывает при использовании» [8], а также не нуждается в опосредовании товарно-денежным обменом, переходя из рук производителя прямо в руки потребителя. Товарная форма сегодня навязана информации чисто внешним образом как результат инерции капиталистических производственных отношений, прежде всего, частной собственности. По мнению канадского социолога Н. Дайера-Уитфорда, прогресс информационных технологий создает тенденции, *диаметрально противоположные логике рынка* [9, 441]. Развитые коммуникационные сети порождают очень быстрый и широкий круговорот информационных товаров, к которым неприменима логика производства и потребления обычных товаров. Волна медиа-пиратства, включающего создание фотокопий, перепечатывания текстов, перекачку видео, неоплаченный прием спутниковых сигналов, копирования программного обеспечения и хакерство — в отличие от принципов *property* и авторского права, соответствующих природе информации — *уничтожают товарную форму информационных ресурсов*.

По мнению В.В. Орлова и Т.С. Васильевой, «новая форма стоимости — концентрированное, обобщенное выражение родовой и индивидуальной человеческой сущности, *не ограниченной* (в отличие от *товарной* стоимости) *ничем, кроме уровня своего (сущности) развития*» [6, 236], поскольку субстанцией и источником развития новой — нетовой формы стоимости выступает ничем, кроме уровня своего развития, не ограниченный всеобщий труд.

Мы полагаем, что изложенная пятиуровневая концепция развития стоимости существенным образом подтверждает общую пятиступенчатую формационную теорию и логику единого закономерного исторического процесса. Информационная форма стоимости в той же мере описывается трудовой теорией стоимости, как и предшествующие формы. Однако между пятью формами стоимости и пятью общественно-экономическими формациями нет прямого «механического» взаимно-однозначного соответствия. Так, если единичная, или случайная, форма стоимости, по всей видимости, зарождается в первобытнообщинную эпоху, полная, или развернутая, — в рабовладельческую, становление всеобщей формы совпадает со становлением феодальных государств и завершается в капиталистической формации, то денежная форма стоимости соответствует в большей степени монополистическому и позднему капитализму, а также ранним формам социализма; информационная форма стоимости лежит в основе развитого социализма и коммунизма. В качестве первых ростков информационной формы стоимости, на наш взгляд, вполне можно рассматривать проект ОГАС (Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации) для управления экономикой СССР, разрабо-

таный академиком В.М. Глушковым, и проект централизованного компьютерного управления плановой экономикой Киберсин, осуществлявшийся в Чили при президенте Сальвадоре Альенде в 1970 — 1973 гг. под руководством британского кибернетика Стаффорда Бира.

Следует заметить, однако, что единичная и развернутая форма стоимости не являются еще в полной мере стоимостью, первая — случайна, вторая фактически представляет собой «дурную» (бессистемную, неупорядоченную) бесконечность. Стоимость становится стоимостью в полном смысле только в своей всеобщей форме. В свою очередь, последующие формы — денежную и находящуюся в процессе становления информационную — можно считать разновидностями всеобщей, поскольку они охватывают экономическую систему в мировом масштабе.

Современный период чрезвычайно интересен. Фактически на наших глазах зарождается новая форма стоимости, и, в отличие от предшествующих поколений — свидетелей аналогичных процессов зарождения предшествующих форм стоимости, мы, обладая мощнейшим эвристическим потенциалом научной философии, можем его отслеживать, анализировать и прогнозировать, а на основе полученного знания практическими действиями способствовать развитию прогрессивной тенденции — сознательно творить собственную историю.

Литература

1. *Тронеv К.* О предмете и содержании первого отдела I тома «Капитала» К. Маркса // Российский экономический журнал. 2007. № 9 — 10.
2. *Маркс К.* Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
3. *Черковец В.* К вопросу об основных альтернативах в общей экономической теории // Российский экономический журнал. 2007. № 11 — 12.
4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857 — 1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II.
5. *Маркс К.* Капитал. Т. 3 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2.
6. *Орлов В.В., Васильева Т.С.* Философия экономики. Пермь, 2013.
7. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
8. ISO портал ISO/IEC 17799 // <http://iso.staratel.com/ISO17799/Doc/ISO17799/iso1799.html> (дата обращения 12.02.2009).
9. *Dyer-Withford N.* Cyber-Marx: Cycles and Circuits of Struggle in High Technology Capitalism // <http://www.fims.uwo.ca/people/faculty/dyerwithford/index.htm> (дата обращения 14.07.2009).

IV

АКТУАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ф.И. ГИРЕНОК

Восприятие философии Ницше: изменилось ли оно?

Аннотация. В статье рассматриваются основные идеи Ф. Ницше: воля к власти, переоценка ценностей, вечное возвращение к одному и тому же. Автор делает вывод о том, что Ницше сформулировал стратегию пути, по которому Европа идет к своему закату. Идея сверхчеловека — элемент этой структуры. Открытием Ницше в области антропологии является его формула: человек — это хаос, рождающий звезды.

Ключевые слова: сверхчеловек, нигилизм, смерть Бога, переоценка ценностей, воля к власти, человек.

Abstract. In article the main ideas of Nietzsche are considered: will to the power, revaluation of values, eternal return to same. The author draws a conclusion that Nietzsche formulated strategy of a way on which Europe goes to the decline. Idea of the superperson — an element of this structure. Nietzsche's opening in the field of anthropology is his formula: the person is the chaos which is giving rise to stars.

Keywords: the superperson, nihilism, death of God, revaluation of values, will to the power, the person

В 1844 г. родился Ф. Ницше. Он болел и писал книги, которые изменили сознание образованных людей. Ницше сделал многих из нас нигилистами.

Бесславный век

Со дня рождения Ницше прошло 170 лет. Остался в прошлом бесславный XX в. Начавшись в 1917 г., он скоропостижно скончался в 1991 г., не дожив до отпущенного ему астрономического срока. С 2014 г. в муках, с запаздыванием, как будто бы начинает приобретать зловещие черты XXI в.

Мир изменился. Изменилось ли восприятие идей Ницше? Перечитывая Ницше, я попробовал ответить на этот вопрос. И начну я с разъяснения сути нигилизма.

Нигилизм в русской культуре

Слово «нигилизм» в русской культуре ввел в обиход Иван Тургенев. Нигилисты не романтики. Они, как Базаров, позитивисты, ибо выкидывают из языка описания все ненаблюдаемые сущности. Согласно Далю, нигилизм — это безобразное, безнравственное учение,

отвергающее все, что нельзя ощупать. Нельзя «ощупать», прежде всего, субъективность, то, что составляет в человеке его изъятие из сферы сущего.

Нигилизм в европейской культуре

В европейской культуре слово «нигилизм» ввел в оборот Ницше, для которого нигилизм обозначал обесценивание высших ценностей. И Ницше поясняет, что это значит: «Нет цели. Нет ответа на вопрос “зачем?”» [1, 251]. Но высшие ценности потому и существуют, что люди ставят цели и пытаются ответить на вопрос «зачем».

Правда, Хайдеггер считал, что Ницше так и не смог распознать сущность нигилизма, ибо не смог связать нигилизм с историей бытия. Хотя Ницше и не обещал связать ценности с бытием.

Ницше раскрывает сущность нигилизма, указывая на связь между ценностями и природой человека. Обесценивая ценности, человек продолжает держаться за ценности. Почему? Потому что, не учреждая ценности, он не сможет выйти за пределы субъективности.

Нигилизм Ницше

Чем Ницше поразил сознание русских? Простыми для Европы словами: что падает, провозгласил Ницше, то нужно подтолкнуть. Пусть падает, не нужно ему подставлять свое плечо. Если тебя ударили по одной щеке, то ты не должен подставлять другую. Страдать страдай, но не сострадай. Ибо сострадание губительно для человека. Не будь христианином. Отвечай на силу силой. Не надейся на небесное царство. Помни, что ты живешь на земле. Имей мужество быть дерзким, опирайся только на самого себя. Учись быть господином.

Когда говорят, что человек есть дух, тогда, смеялся Ницше, забывают сказать, что дух есть желудок. Добрые люди, согласно Ницше, никогда не говорят правду. Перестанем же быть добрыми. Станем лучше, станем злее и особенно по отношению к близким. «Не щади ближнего своего», — наставлял нас Заратустра. А уж о дальнем и говорить нечего. Идя к женщине, не будь толерантным, не забудь взять плеть, — рессентиментно рассуждал Ницше.

Изъятие из мира сущего

В «Несвоевременных размышлениях», рассуждая о Шопенгауэре как воспитателе, Ницше писал: человек «есть существо темное и сокровенное: если у зайца есть семь кож, то человек может семидесять раз сдирать самого себя, и все же не сможет сказать: “Вот это — подлинно ты. Это уже не оболочка”» [2].

Натуральное в человеке — это, если я правильно понимаю Ницше, оболочка, но подлинное в нем носит не натуральный характер. В чело-

веке есть кровь, но суть человека не в крови, а в сокровенном. Ницше знал об изъятии человека из сферы сущего, он знал, что в человеке есть что-то, чего нет среди того, что есть. На это знание указывают его слова о человеке как существе темном и сокровенном. И он захотел вернуть «темное» человека «прозрачной» природе. Захотел заново его натурализовать, т. е. сделать «зайцем». Но этой натурализации всегда мешала субъективность, которая посредством воображаемого вытесняет реальное. Ницше не знал, что с ней делать.

Недоживотное

В «Воли к власти» Ницше обозначает изъятие человека из сущего двояким образом: то как недоживотное, то как сверхживотное. И в том, и в другом случае мыслится одно и то же, а именно: животное не может быть ни недо-, ни сверхживотным. «Недо» и «сверх» понимаются Ницше как изъян, как пропуск в естественном порядке сущего. Заполнение пустоты изъяна требует изменения способа существования, быть уже не по природе, а быть самому.

Аффектирующая самость

Природа не любит пропусков «недо» или «сверх». Она устраняет саму возможность замены причинных отношений отношениями самости. Животное не может быть недоживотным, ибо быть «недо» или «сверх» значит для него потерять естественную значимость вещей, т. е. стать слепым, глухим и беспомощным. Для того чтобы жить, животному не нужно быть больше себя или меньше себя. Верблюду нужно быть верблюдом, чтобы нести на себе груз ценностей в пустыне. Льву нужно быть львом, чтобы решиться сбросить с себя бремя ценностей. И только ребенок, т. е. субъективность, любит «недо» или «сверх». Только человек может быть больше себя или меньше себя.

Поэтому слова Ницше о том, что лев однажды превратится в ребенка, не имеют смысла. Не совпадать с собой — значит перестать быть животным. Поэтому человек — не обезьяна, не червяк, как об этом иногда говорит Ницше, а аффектирующая самость, субъективность, существующая посредством произвола, или, как точно говорит Ницше, воли. Без воли любой человек слеп. Где присутствует воля, там есть и ценности, которые как раз и не даны нам на ощупь. Поэтому в России нигилистом называют того, кто не видит в человеке ничего, кроме тела.

Недочеловек

Волить — значит дать волю субъективности. Точно так же, как дать волю чувству, — значит для человека расчувствоваться. Быть субъективным — значит оценивать. Человек оценивает даже тогда,

когда он ничего не ценит. Для человека важно не бытие, а ценности, потому что бытие — тоже ценность. Ценить — значит видеть, а быть — еще ничего не значит.

При этом Ницше мыслит два состояния, в которых может пребывать человек. Одно из них — недочеловек, другое — сверхчеловек. «Недо» и «сверх» — это не пропуски в порядке субъективного. Это то, что определяет в человеке его ритм, мелодию, энергию направления, которая приводит его к недочеловеку или сверхчеловеку. А человек, как говорит Ницше, это всегда переход и никогда — цель. Поэтому канат, по которому человек идет, балансируя между «недо» и «сверх», натянут не между животным и сверхчеловеком, как ошибочно писал Ницше, а между недочеловеком и сверхчеловеком. Поэтому человек всегда есть переход и гибель, а не некая статичная вещь. Он не цель, риск, движение к себе. Только это движение к себе может быть «недо», а может быть «сверх», и одновременно вечное несовпадение с собой.

Для Ницше недочеловек — это обычный человек, человек, выдрессированный социальными порядками, с подавленной субъективностью, или, как говорит Ницше, элемент стада. Это человек, который уже не умеет доверять своим ощущениям, если они не выражены в слове.

Сверхчеловек

Сверхчеловек — это двойное изъятие человека. Во-первых, он изымается из природы. А во-вторых, он изымается из человечества. В первом случае возникает отношение к самому себе. Во втором — у него пропадает чувство принадлежности к человечеству. Он один, а человечество само по себе не существует.

Заратустра и есть это двойное изъятие. Чтобы понять Заратустру, равно как и сверхчеловека Ницше, нужно, на мой взгляд, иметь в виду две вещи. Во-первых, решить вопрос о соотношении смысла и бессмысленности. Если мы полагаем, что смыслы предшествуют бессмыслице, то мы выражаем самую распространенную точку зрения, которая не нуждается в сверхчеловеке. Если мы лишим смысла все сущее и прежде всего человека, то мы не можем уже удобно сидеть на нем, нам нужно будет его получить из ничего, но для этого нужно будет решиться преодолеть бессмыслицу. Кто это делает? Сверхчеловек. Во-вторых, в мире для всего есть причина, в нем нет ничего беспричинного. И одновременно все в нем случайно. Но есть вещи, которые существуют, если мы хотим, чтоб они были. И тогда эти вещи будут держаться волей. Кто будет источником этой воли? Сверхчеловек.

Одиночество Заратустры

Заратустра жил обычной жизнью неевропейского человека, т. е. он верил в Бога и соблюдал неписанные правила общежития. Но в 30 лет с ним что-то случилось. В нем, как говорит Ницше, проснулось сознание. Заратустра задумался и стал избегать людей. Почему? Потому что нельзя думать в стаде, на людях, в присутствии множества других. Думать — значит вступать в разговор с собой. Говорить с собой в присутствии другого — значит быть сумасшедшим.

Другие нас заставляют прикидывать, рассчитывать, выгадывать. Внешнее заставляет нас соображать, т. е. соотносить себя с тем, причиной чего мы не являемся. Общество вообще возникает для того, чтобы люди меньше воображали и больше работали. Реальность приставляет к человеку другого с тем, чтобы он не мог остаться наедине с собой. Каждый должен сыграть какую-нибудь роль в социальном спектакле. Заратустра тоже играл в нем свою роль и до 30 лет не знал, что значит быть собой.

И вот однажды он понял, что ему не хватает себя. Как принято говорить в таких случаях, Заратустра сошел с ума, ибо сам по себе разум — это злейший враг воображаемого. Заратустре захотелось оставить реальное, чтобы побыть наедине с собой, погрузившись в воображаемое.

Заратустра захотел говорить на своем языке и ушел в горы. В горах, или, по словам Ницше, за пределами своей родины, он нашел отдохновение и 10 лет наслаждался собой, своим духом и одиночеством.

Непонимание

Кто хочет говорить на своем языке, тот должен лишиться себя радости быть понятым. Кто хочет быть понятым, тот должен перестать говорить от своего имени. История Заратустры, рассказанная Ницше, это история непонимания. Заратустра говорит, с ним соглашаются, его слушают, но не слышат. Обращаясь к людям, Заратустра пророчествует от сверхчеловека, а народ, собравшийся на площади, думает, что речь просто-напросто идет о ловкости канатного плясуна и, прерывая Заратустру, требует начать представление. «Они, — говорит Заратустра, — не понимают меня: мои речи не для этих ушей» [3, 304]. Непонимание — это всего лишь следствие пребывания Заратустры внутри самого себя.

История Заратустры закончилась его возвращением из мира воображаемого к безъязыкой реальности. Но сначала Заратустра попытается уйти в горы, в мир грез.

Практика самого себя

«Уйти в горы» — значит создать, по словам Фуко, практику самого себя, т. е. попытаться изменить ритм жизни своей субъективности. А поскольку этот ритм часто называют внутренним временем, которое дает нам нашу самость, постольку, изменяя течение времени, мы можем попытаться изменить самих себя. Отсюда следует, что нет одинаковых людей. Если все животные равны, то люди принципиально не равны. Это неравенство, согласно Ницше, коренится не в природе и не в социуме, оно коренится в субъективности людей. Субъективность — не психика. Это заполнение пустот реального воображаемым. Субъективность пульсирует одновременно вокруг двух центров: аффектирующей самости, представленной ребенком, и говорящим «я», представленным Заратустрой.

Ницше называет работу субъективности по заполнению изъянов существования созиданием ценностей. И с этим тезисом Ницше вынуждена была согласиться вся современная философия. Открывать территорию человеческого — это значит учреждать какие-то ценности, совмещать движение в мире ценностей с движением в мире вещей.

У Заратустры никак не получается совместить движение в мире ценностей с движением в мире вещей, поэтому он галлюцинирует.

Галлюцинации Заратустры

В горах Заратустра научился жить в мире галлюцинаций. Кто не был одинок, тот не галлюцинирует. А кто не галлюцинирует, тот не может творить ценности. Заратустра не знает, чем бытие отличается от мысли о бытии. Чтобы творить, нужно следовать мысли Парменида о тождестве бытия и мышления. Это тождество Ницше называет становлением. Чтобы выжить, нужно признать нетождественность бытия и мысли о бытии, которая, в свою очередь, требует от человека приспособительных реакций.

Один год, проведенный внутри самого себя, равен по интенсивности, как стали полагать позднее ученые, трем годам обычной жизни. Если Заратустра провел в состоянии депривации десять лет, это значит, что субъективно он достиг шестидесятилетнего возраста. Сосредоточенность на самом себе делает Заратустру нечувствительным к внешним воздействиям. Она стирает грань между явью и сном. Депривация создает такую оптику, такую чувствительность, что внешнее утрачивает чуждость, ясность границ между вещами.

Видения старца

Пресытившись своей мудростью, Заратустра решил спуститься с горы к людям. По дороге он встретил старца. «Что ты, бодрствующий,

хочешь найти среди спящих?» — спросил его старец. «Я люблю людей», — ответил Заратустра. «И я любил людей. Теперь я люблю Бога», — возразил ему старец. «Иди лучше к зверям», — продолжал он. Но Заратустра не послушал совета старца и поспешил к людям. «Старец, видимо, еще не знает, что Бог умер», — сказал себе Заратустра, спускаясь в город к людям. Сказал и ошибся. Так начался закат Заратустры.

Закат Заратустры

Закат Заратустры состоит не в трагах накопленной мудрости, а в том, что он поверил в возможность существования человека без Бога. Заратустра пошел к людям, а ему нужно было идти к зверям, но не для того чтобы стать зверем, а для того чтобы среди них спеть себе последние очаровывающие песни. Кто любит людей, тот не любит Бога. Кто любит Бога, тот не любит людей. Заратустра не любит ни Бога, ни людей. Он любит землю. Видимо, поэтому старец советовал ему идти к зверям, к тому, что подчиняется закону вечного возвращения к одному и тому же. Звери замыкают себя на внешнем. Они и есть внешнее. Человек замыкает себя на внутреннем. Он и есть внутреннее мира. Бог размыкает внутреннее человека и соединяет его с внешним. Без Бога человек обречен задохнуться внутри своей субъективности. Заратустра размыкает внутреннее своими силами. Но за это сверхчеловеческое усилие он должен был заплатить вечным возвращением к одному и тому же, к непосредственной тождественности с миром. А непосредственная тождественность с миром означает не что иное, как смерть.

Пещера галлюцинаций

Однажды в пещере Заратустры установилась тишина. И Заратустра решил незаметно посмотреть на своих гостей, что они делают. Среди гостей были папа, странник и другие лучшие люди. Все они молились ослу. «Что вы делаете?» — закричал Заратустра, — «Это осел». «Лучше молиться Богу в этом образе, чем без всякого образа», — отвечал ему папа. «Старый Бог еще жив», — поддержал папу странник.

Дело не в Боге, убеждает нас тем самым Ницше, дело в людях. Бог мертв. Но люди таковы, что еще тысячелетие у них будут существовать пещеры, в которых показывают тень Бога. Эти пещеры — церкви. И мы, говорит Ницше, должны победить еще и тень. Но Ницше еще не знает, что нельзя победить тень, если она коренится в субъективном.

Рык льва

Финальная сцена книги «Так говорит Заратустра» отвечает на этот вопрос. Если вера — это самообман, то победить ее можно лишь силой, насильно. Эту силу Заратустра нашел в косматом льве, который,

как собака, вилял перед ним хвостом и одновременно, как человек, смеялся. Когда люди захотели выйти из пещеры, чтобы поприветствовать Заратустру, лев с диким ревом прыгнул к ним, и люди навсегда исчезли. Вместе с ними исчезла и тень Бога. Остались одни животные. И Заратустра растворился в мире природы.

Крах сверхчеловека

Сверхчеловек — это человек, который хочет своей воли. Хотеть своей воли может только тот, для кого нет оснований. У кого нет оснований, тот не может не прийти к творчеству. Но жизнь нам подсовывает всякий раз эти основания в виде заранее данных смыслов и традиции. Общество привыкло суммировать, как говорит Ницше, нули, а сверхчеловек — это не нуль. Это единица, которая может стоять всего человечества. Но сверхчеловек нуждается в мире людей, а Ницше его отправляет в мир природы, которая не нуждается в сверхчеловеке. В сверхчеловеке Ницше перестает мыслить человека как движение, порыв, который заканчивается либо «недо», либо «сверх», и начинает мыслить его как вещь. Если человек теряет мир, и у него появляется свой мир, т. е. внутренний мир, то Заратустра делает обратное движение — он теряет свой мир и возвращается в мир вещей, в мир сущего, в мир зверей, в котором нет ни человека, ни сверхчеловека. «Истина крива, само время есть круг» [3, 417].

Что такое человек?

Ницше не знает, что делать с тем, что в человеке больше человека. Он думает, что больше человека — это сверхчеловек, а сверхчеловек — это выше которого ничего нет. Помимо этой, у Ницше есть другая теория человека.

Хаос, рождающий звезды

Человек — это хаос, рождающий звезды. В этом хаосе нет ни «недо», ни «сверх». И проблема человека состоит в том, что, как пишет Ницше, приближается время, когда человек не сможет больше родить звезды. Появится презренный человек, т. е. человек, который не может даже презирать себя, который может только гордиться собой.

Самокатящееся колесо

Люди — это дети. Что может сделать ребенок, чего не смог бы сделать даже лев? Лев может сбросить с себя бремя культурных ценностей и растоптать их. У ребенка нет этого бремени. Он может грезить. Ребенок — это чистая субъективность. То, что может быть причиной самого себя. Ницше пишет: «Дитя есть невинность и забвение, новое начинание, игра, самокатящееся колесо, святое слово утверждения» [3, 312]. Дитя как невинность означает, что за его спиной нет никакой

культуры, нет никаких ценностей, нет никакой стихии, у него нет ничего, что работало бы за него. Дитя предназначен природой к творчеству, умиранию. Но дитя есть одновременно и забвение. То есть дитя есть бытие, которое не опосредовано временем. Любой человек, благодаря тому, что забывает, может, как дитя, начинать что-то с самого начала. Поэтому дитя есть новое начинание, начало, которое не ведет к результату. Начало без результата — игра. Играющий ребенок — это и есть самокатящееся колесо, т. е. самоаффецирующая самость. Ребенок — это не опосредованное негативностью утверждение жизни.

Что значит «Бог мертв»

О смерти Бога Ницше впервые сообщает в «Веселой науке». Глашатаем вести о том, что Бог умер, выступает не атеист, не ученый, не позитивист и даже не европеец, а безумец. Почему? Видимо, потому что есть вещи, которые не высказываются обычным образом. Они высказываются человеком на грани безумия. К таким вещам относится и смерть Бога.

Один безумец уже искал человека при свете дня на агоре и не нашел его. Сами эти поиски были, конечно, оскорбительными для людей, собравшихся на агоре. Почему же поиски Бога не оскорбляют людей? Ведь убить Бога так же невозможно, как отцепить землю от солнца. Отцепить землю от солнца — значит уничтожить и землю, и солнце. И все же, настаивает Ницше, люди убили Бога. Но в этом убийстве есть один аспект, на который Ницше почему-то не обращает внимания. Убили его как-то тихо, по-бытовому, даже не заметив его смерти. И вот это-то безразличие к Богу и потрясает в убийстве Бога. Его убили между делом, занимаясь насущными вопросами. Ницше даже как будто бы сожалеет об этом. Но вот теперь, когда Его нет, нужно осознать и пережить Его смерть. Ницше слишком торопится возвестить о сверхчеловеке.

Но если смерть Бога — это такое событие, которое никто не помнит, то это значит, что его не было. А если бы оно и было, то это была бы какая-то вселенская смерть. И Ницше дает понять об этом, полагая, что человек без Бога обречен жить на земле без солнца, во мраке ночи, без пространственных и временных координат, без низа и верха. Если всякий миг начинается ночью, то это такая ночь, которая никогда не завершится днем. И только в такой ночи может возникнуть вопрос, не нужно ли нам сегодня зажечь фонарь посреди белого дня и не придется ли нам самим стать богами? Ведь вся земля теперь наша, мы ее господства, но готовы ли мы к этой миссии?

Разбитый фонарь

Безумный человек, сообщив о том, что произошло невозможное, понял, что он обратился к людям, которые так и не поняли, что они сделали. Люди сочли его безумцем, а себя нормальными. И тогда безумец разбил свой фонарь. Безумец разбил свой фонарь не перед праздными зеваками, не перед теми, кто не верит в Бога, а перед тем, кто Его убил и убивает, не ведая о том, что творит. Христос умер, как только он не родился в душе человека. Это неведение о чудовищном событии, лишившем людей звезды, свет от которой еще виден, и стало предвестником ночи, опустившейся на Европу.

Какая тень легла на Европу

Разбитый фонарь безумца означает, что с некоторых пор в Европе перестал гореть огонь безумия, который позволял ей видеть невидимое. Европа стала слишком рациональной. Теперь в ней предпочитают видеть видимое и не видеть невидимое. Отсюда следует, что вера в христианского Бога сделалась в Европе неправдоподобной, ибо этот Бог был не только на небе, но и на земле, а его захотели спустить с небес на землю. Бог на земле — это человек. И Ницше посоветовал этому человеку изменить свою сущность, т. е. стать сверхчеловеком.

Критика хайдеггеровской интерпретации слов «Бог мертв»

Хайдеггер полагает, что слова Ницше «Бог» и «христианский Бог» служат для обозначения сверхчувственного мира вообще. «Бог — наименование сферы идей, идеалов», — пишет Хайдеггер [4, 17]. Но Ницше нигде не говорит о том, что Бог — это наименование. У Ницше Бог — «самое святое». У Него есть кровь и плоть. Если мы прислушаемся, то, говорит Ницше, мы услышим, как гробокопатели роют могилу для захоронения Бога. Вряд ли гробокопателя хотят похоронить сверхчувственный мир. Разве мы не чуем, пишет Ницше, как воняет гниющее тело Бога? Но «наименование» Хайдеггера не гниет. Следовательно, дело не в противопоставлении мира чувственного и сверхчувственного, метафизического и физического, дело в том, что Бог есть нечто чувственно-сверхчувственное, и Ницше говорит об этом прямо. Но тогда слова Ницше «Бог мертв» означают не конец сверхчувственного мира, не то, что он лишился своей действенной силы, не конец метафизики, а то, что вера в христианского Бога стала в Европе неправдоподобной. И вот это событие отбрасывает теперь свою тень на всю Европу, которая не знает, что делать с тем, что больше человека, которая хочет скрыть это свое незнание идеями сверхчеловека.

Литература

1. Ницше Ф. Воля к власти // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Воля к власти. М., 2013.
2. Ницше Ф. Несвоевременные размышления: Шопенгауэр как воспитатель // http://www.libok.net/writer/1484/kniga/49277/nitsshe_fridrih_vilgelm/nesvoevremennyye_razmyishleniya_shopengauer_kak_vospitatel/read.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Ницше Ф. По ту сторону добра и зла: Соч. М.; Харьков, 2006.
4. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Ницше и пустота. М., 2006.

Н.Н. РОСТОВА

Новая эстетика детства

Аннотация. В статье анализируется современная детская культура. Автор видит в ней отражение современной культуры как таковой, для которой характерно устранение бинарных оппозиций, иерархий и табу. В детских героях-монстрах автор видит отражение эстетики трансгуманизма, редуцирующего человека к машине. По мнению автора, детская культура — это не сфера развлечения, а сфера оформления субъективности человека. Не прямое событие, но видимое и слышимое становится содержанием человека.

Ключевые слова: детская культура, человек, сознание, созерцание, табу, воспитание.

Abstract. In article the modern children's culture is analyzed. The author sees in it reflection of modern culture as that for which elimination of binary oppositions, hierarchies and a taboo is characteristic. In children's heroes monsters the author sees reflection of an esthetics of the transhumanity reducing the person to the mechanism. According to the author, the children's culture is not the sphere of entertainment, but the sphere of registration of subjectivity of the person. Not the direct event but seen and heard becomes the maintenance of the person.

Keywords: children's culture, person, consciousness, contemplation, taboo, education.

Есть вещи, которые вызывают брезгливость. Говорить о них — значит придавать им значимость, поэтому о них молчат. Но бывают случаи, когда молчать нельзя. Молчать нельзя о том, что незаметно

прокрадывается в самую сердцевину нашей жизни и вызывает необратимые метаморфозы с тем, что для нас значимо.

Детские души наших детей крадут у нас на глазах, а мы позволяем этому совершаться. Детские магазины полны игрушек-монстров самого разного типа. Производители изощренно сочетают все самое отвратительное, что может быть связано с человеческой внешностью, в том числе с человеческими выделениями, с тем, что стоит на грани порнографии и некрофилии. Куклы-Барби, наводнившие наши магазины в 1990-е гг., по сравнению с современными игрушками невинны, как неваляшка. Даже сознательно избегая подобных игрушек, вы все-таки рискуете приобрести какого-нибудь монстра. Например, покупая детский мармелад, на упаковке которого при более внимательном рассмотрении вы увидите «кислых монстров». Или, приобретая разного рода детские безделушки, невзначай снабженные символикой чудовищ, уродов и ведьм. Для тех, кто не готов заплатить значительную сумму за подобные детские товары, существуют доступные по цене подделки. Одновременно на государственных и негосударственных детских телеканалах регулярно транслируются мультфильмы и рекламные ролики про различных трансформеров и гибридов. Как ни странно, но родители поддерживают производителей и поставщиков подобной культуры и позволяют своим детям в нее окунуться. Причем речь идет о любящих, внимательных родителях, имеющих высшее образование и иногда — ученую степень. А также о православных людях, которые допускают появление на прилавках церковных магазинов продукции с сомнительными детскими героями.

У меня возникает вопрос: почему так происходит? Ведь большинство родителей говорит о непонимании новой эстетики. Существует несколько ответов на этот вопрос. Один из них содержит утверждение о том, что детям необходима социализация, а потому не стоит дома изолировать ребенка от популярных детских героев. Иначе ребенок в социуме будет чувствовать себя изгоем. Но социум есть социум, а дом есть дом, и если дома будет «улица», то где же будет дом? Откуда ребенок получит представление о должном? Следуя подобной логике, ребенка понемногу следует ознакомить с сигаретами, нецензурной лексикой, подлым поведением и т. п. А когда он вырастет, он сам для себя все решит. К подобному подходу в сфере сексуального воспитания склоняется Европа. Но проблема заключается в том, что для ребенка все уже давно будет решено. Не ребенок некогда решит, но без него и помимо него все решится.

Чаще всего родители ссылаются на желание угодить ребенку. Раз хочет, почему бы и нет. Действительно, почему бы и нет? Здесь, как мне кажется, кроется самая суть проблемы. Ведь, чтобы ответить

«нет», нужно привести аргументы. Но аргументов нет или их слишком мало. Наша толерантность к скверному проистекает не из нашей любви к детям, не из того, что эта скверна близка нам и нравится, а из нашей растерянности, которой пользуются, и, я уверена, абсолютно намеренно, проповедники новой культуры. Роль воспитателя обнаруживает в нас нашу собственную незрелость, наш хаос представлений, те щели, в которые может просочиться все, что угодно.

Невинны ли детские герои, изображенные с синими мертвенными лицами и зелеными волосами? Невинны ли скелетоподобные куклы с оскалом вампиров в наряде, сделанном с оглядкой на магазин для взрослых? Невинен ли аудиоряд мультфильма, представленный уродливыми голосами, не имеющими никакого отношения к актерской работе? Невинно ли грубое, предметное или агрессивное отношение к миру, транслируемое в ряде популярных мультфильмов? Остаются ли бесследными для детской души герои, внешность которых позволяет распознать базедову болезнь, а поведение относится не к любимому детьми баловству, а к пограничной в смысле здоровья глупости? Каковы для нас последствия этого «театра редких видов», будто списанных с картины П. Клее, со всеми их клыками, рогами, хвостами, агрессивной мимикой и вопиющим макияжем? Можно сказать, что речь в данном случае идет об эстетике и о вкусовых предпочтениях. Но чтобы говорить о вкусе, нужно перестать быть всеядными. Речь идет не о вкусах, а о том, чтобы сформулировать проблему и отношение к ней.

1. Детство — это та сфера, которая обнаруживает предельную пластичность человеческой субъективности. Это сфера, лишенная форм. И та *форма*, в наличие которой верят христиане, здесь нуждается в благодати и внешней поддержке родителей. Пластичность означает восприимчивость, чуткость человека к ветрам, навеваемым извне. Равно как и к хаосу собственных состояний. Неоформленная субъективность сохраняет в памяти все следы, оставленные на ней. Сознание — это не то, что дают тебе социум и язык, как думали советские ученые, пытавшиеся «делать» людей. Но сознание хранит в себе все отпечатки тех форм и образов, которые попадали в него на протяжении истории его самоконституирования. Человек может быть самостным и выстроить свою иерархию внутренней жизни. Он может быть социальным и следовать тому, что ему предложит Другой. Но следы и ожоги форм всегда будут преследовать его, как надоедливая считалочка из детства. Это то, с чем придется иметь дело. Вопрос здесь заключается в том, с чем раньше столкнется детская пластичность. Это вопрос об иммунитете, который дает воспитание. Предоставить детскую пластичность самой себе, не дать иммунитет — все равно что поставить рядом с ребенком горящую свечу.

2. Стоит ли так серьезно расценивать детские игрушки и популярных детских героев? То, что человек видит, и то, что человек слышит, — это непосредственно данное. Видимое и слышимое не невинно. Это то, что попадает в нашу субъективность, не спрашивая нашего на то согласия и оставляя в нас свои неизгладимые отпечатки. Это то, что, делает нас такими, какие мы есть. Как говорит Владимир Мартынов, визуальные образы незаметно и неминуемо преобразуют природу человека. Не прямое событие, но созерцаемое становится нашим содержанием. Как, например, в библейской истории с Иаковом, который сделал пестрые прутья для скота, и скот, глядя на них изо дня в день на водопое, начал приносить пестрое потомство.

Нельзя невинно собирать конструкторы-трансформеры, нельзя невинно держать в руках воплощение порока. Эстетика — это не «лишь» эстетика. Мы — это объективация того, что мы видим и слышим.

3. Современная детская культура — это зеркало современной культуры, размывающей понятия о добре и зле, красоте и уродстве, жизни и смерти, смешном и несмешном, приличном и неприличном, достойном и недостойном, пошлом и приемлемом, профессиональном и дилетантском, умном и глупом. Именно этим снятием различного рода табу и отличаются современные детские герои. Например, тема смерти. Христианство знает два вида отношения к смерти. Одно православное, другое — католическое. Православие видит в смерти успех, т. е. приобретение вечной жизни, потому гроб в православной традиции стоит открытым. Католицизм связывает смерть со страхом, потому в католической традиции гроб закрывают. Современная культура нивелирует всякое отношение к смерти, переставая противопоставлять ее жизни. Трупобразные куклы — это способ, которым современная культура предлагает иметь дело с темой смерти. То есть табуированное, таинственное, к чему человек призван выработать свое отношение, представляется в однозначной роли уродливого и подручного, не вызывающего вопросы. Или, например, агрессия. Агрессии в детских мультфильмах и играх не противостоит порядку. Аффект предоставлен сам себе. Уродство вовлекается в сферу привлекательного и модного, стирая грань между собой и красотой. Радость попадает в сферу развлечения, суть которого сводится к фразе из популярного рекламного ролика детских игрушек: «оторвемся в катакомбах». Свет и тьма сливаются в неразличимое целое.

Мораль, содержащаяся в сказках, нарочито коверкается. Например, пересказ сказки о Царевне-Лягушке может заканчиваться сентенцией о любви к домашним животным (см. мультфильм «Маша и медведь»). Автор, видимо, таким образом хочет сострить. Однако его острога об-

ращена к взрослому, к тому, кому знакома сказка. Вот этот обращенный к взрослому юмор — характерная черта многих современных отечественных мультфильмов. Проблема здесь заключается не только в сомнительности юмора, но в том, что смех предполагает перспективу, из которой он выстраивается и из которой он становится виден. У ребенка этой перспективы нет. Такая сказка не о-формляет субъективность ребенка, но предлагает странное развлечение взрослому и зачастую пошлый взгляд на вещи — ребенку. Когда Алибаба заходит в сокровищницу и видит там не драгоценности, а «маечки со стразами», это не попытка автора мультфильма приблизиться к пониманию ребенка, а формирование у него восприятия торговли («Маша и медведь»).

Понятие о неприличном исчезает. Современный мультфильм может включать эпизод, в котором один из героев отлучается «в туалет», а потом вновь возвращается к друзьям («Поезд динозавров»). Или полностью быть посвященным «несвежему дыханию». Если когда-то мы «обходились посредством платка», то сегодняшняя культура ждет от нас нарочитого «высмаркивания». Манеры, как кисейное платье, создавали фигуру, не способную на пошлые движения. Они позволяли вырасти «тургеневской девушке». То есть позволяли выстроить определенную культурную оптику, согласно которой каждой вещи отведено свое место, видимое или невидимое. Сегодня изнанка, иерархия и интимное культуры устраниваются. Все становится выговариваемым. Нет различия между говоримым и неговоримым, главным и второстепенным, интимным и публичным. Культура как система различий нивелируется логикой физиологии.

Речь, которую транслируют детские телеканалы, лишена цензуры литературных норм. Например, телеведущий детской программы позволяет себе в эфире воскликнуть: «обалдеть!» (см. Программу о правилах дорожного движения). Просторечье перестает быть просторечьем, уличный жаргон — жаргоном. Понятие о неподобающем исчезает. Табуированное превращается в норму. От героев мультипликационных фильмов можно услышать не только слова «круто», «прикольно», «супер», «тачка», но и слова «ихний», «ниче» («Маша и медведь»).

Культура гибридов и монстров — это культура трансгуманизма. Трансгуманизм стирает различие между живым и неживым. В отличие от сказки он не обнаруживает одушевленную сторону вещей этого мира, но, напротив, редуцирует живое к неживому. Человек в результате этой редукции становится эквивалентен машине.

4. Мультипликационные фильмы бывают разные, но им всегда сопутствует реклама. Так наше правительство хочет поддержать отечественных мультипликаторов. Но что оно тем самым в действитель-

ности поддерживает? Что такое реклама? Это искусственная врезка информации, это то, что нарушает паузу. Восприятие делится на то, что зритель получает от режиссера, и на то, что он извлекает из работы с самим собой. Это последняя совершается во время паузы, которую хороший режиссер дает зрителю в своих произведениях, позволяя ему быть соучастником творения. Реклама нарушает паузу, лишая даже достойный фильм его смысла.

5. Родителям стоит титанических усилий доказать своему ребенку, что некоторые популярные среди его приятелей мультфильмы недостойны его внимания. Ребенок что-то понимает, что-то, наверное, нет, но любопытство остается. Но проблема заключается не в частных трудностях отдельных воспитателей, а в том, что через 10—12 лет дети подрастут и станут заметны для всех нас как новое поколение. И нужно будет иметь дело с откормленными этическими и эстетическими неразличениями людьми.

6. Моральные утверждения возможны только в том обществе, где есть мораль, т. е. в не толерантном обществе. Россия в последнее время качнулась в сторону традиционных ценностей, т. е. в сторону ценностей как таковых. Это значит, что еще возможно обратить серьезное внимание на эстетику детства.

Но помимо морали есть еще юридическая сторона вопроса. И она заставляет поставить вопрос о законных основаниях распространения огромного количества весьма спорных детских игрушек. Законно ли присутствие на полках магазинов игрушек с порнографическим и некрофильским подтекстом? Законно ли транслирование рекламы этих игрушек на детских телеканалах? Как это сочетается с введенной цензурой по возрасту?

7. Советское образование, на обломках которого пока еще стоит современное образование, имело очень важную черту. Оно позволяло охватить русскую и мировую литературу в ее недетской сложности. Оно давало знание «на вырост». То есть сеяло то зерно, которому суждено было в свое время прорасти. Детская душа нуждается в метафизических иероглифах, в которых могла бы оплотниться и организоваться субъективность. Неоформленная субъективность — это всегда поле для необратимости случая и манипулирования.

Д.Л. РОДЗИНСКИЙ

Свобода как механизм достижения человеком духовного совершенства

Аннотация. Рассматривается феномен свободы человека, который, решая проблемы морального, интеллектуального, духовного выбора, способен достичь совершенства своего разума, связанного с растворением в бесконечном Блага.

Ключевые слова: свобода, выбор, воля, разум, совершенство, Благо, пустота, небытие, бесконечность, долг.

Abstract. Article considers a phenomenon of freedom of the person which solving problems of a moral, intellectual, spiritual choice, is capable to reach perfection of the reason connected with dissolution in the infinite Benefit.

Keywords: freedom, choice, will, reason, perfection, Benefit, emptiness, non-existence, infinity, debt.

Известно, что в истории антрополого-этической мысли мы обнаруживаем два типа свободы: злую и добрую. Так, если злая свобода связана с предпочтением «низших» ценностей перед «высшими», то «добрая» свобода — наоборот, с предпочтением «высших» ценностей перед «низшими». Злая свобода деградирует, извращает природу человека, уводя его от «образа и подобия Бога». Зато добрая — приближает его к цели до тех пор, пока он окончательно не достигнет совершенства. Таким образом, свобода как будто остается средством по отношению к поставленной цели — совершенству. Однако на самом деле это не совсем так, ибо свобода сохраняет себя в совершенном образе человека, превращаясь из доминирующей, атрибутивной его способности в периферийную, или акциденциальную. Происходит с духовной точки зрения единение «всего в одном». И это «одно», иначе — совершенство, становится собирательно-интегративным образом всего, неким идеализированным состоянием, в котором все природные и надприродные способности человека, и прежде всего его свобода, обретают свое окончательное выражение бесконечного и абсолютно простого в своей пустоте Бога как высшего Блага. Как это понять?

Дело в том, что совершенство становится «отрицательной» свободой человека, которая не нуждается ни в каких условиях своего существования, проявления. Иначе говоря, «совершенная свобода» — это та самая божественная пустота, безграничность которой отрицает любую из возможных и сложных форм [1, 133], так как всякая форма, ограничивая и усложняя пустоту, делает ее несвободной.

Тогда «положительная» свобода выступает несовершенством человека, чье созидание сложных форм носит уже вспомогательный, инструментальный характер. Иначе говоря, «положительная» свобода становится полнотой всевозможных форм, каждая из которых призвана демонстрировать, чем может быть пустота совершенной природы человека, если она пожелает ограничить себя какой-либо формой. Можно сказать и по-другому: если «положительная» свобода выражает себя в «хотении» быть одной или множеством форм, то «отрицательная» свобода человека ничего не хочет, и потому перестает вообще быть, становясь божественной пустотой бесконечного небытия (Мандукья упанишада, 7).

Подводя предварительный итог о связи в человеке состояний свободы и совершенства, необходимо подчеркнуть, что совершенство несет для него небытийственные формы переживаний, связанные с утратой границ его существования, и растворение в безграничной пустоте, в то время как свобода представляет сферу «еще» или «уже» его бытийственных ощущений, выраженных в определенных ее формах.

Иначе говоря, идентичность переживаний человека, связанных с процессом перехода бытийственных аспектов его существования к небытийственным, можно представить в виде последовательной трансформации одного типа свободы в другой. Подобное превращение осуществляется до тех пор, пока высшая свобода не станет совершенством. Наша задача заключается в том, чтобы в самых общих чертах «промоделировать» механизм перехода бытийственных аспектов свободы в небытийственное ее состояние. А это сопряжено со следующими «ступенями» ее изменения.

Самым низшим аспектом свободы человека выступает моральная сфера ее проявления, ибо, пока человек вне общества, он, подобно животному, осуществляет свою свободу инстинктивно и потому моральной оценке не подлежит. Принадлежность же человека обществу, его культуре и традициям наделяет всякого его члена моральным выбором и неизбежно следующей за ним социальной ответственностью. Возникает вопрос: где мера социальной ответственности всякого человека перед собой, другими людьми, обществом в целом? Ответ очевиден: в самом человеческом существовании — в его экзистенции, становящейся сокровенным его бытием, неразрывно соединенным с потоком переживаний глубоко интимных и неповторимых чувств [2, 364]. Однако глубинный смысл собственной экзистенции человек способен постичь только в «пограничных» ситуациях жизни, выявляющих степень нашей вины перед собой и миром. Как справедливо отмечено, «человек всегда находится перед ликом смерти. Это наполняет его бытие напряженным содержанием. Одиночество человека перед лицом

Бога превратилось в экзистенциализме в одиночество человека перед лицом ничто. Отсюда возникает основное состояние — состояние страха, которое только и может открыть человеку его бытие, привести к самостоятельному бытию и свободе» [3, 246]. И действительно, в экзистенциальном выборе человек участвует целиком, вместе со своими чувствами и желаниями, предчувствиями и опасениями, своим опытом и надеждами, заботами и нуждами. В этом выборе осуществляется не столько выбор себя, сколько выбор своего бытия: способа, средств и цели своего существования. А между тем за всякий выбор, сделанный в пользу того или иного бытия, человеку предстоит «платить», нести ответственность. Неизбежная ответственность человека либо перед собой, либо перед людьми, наконец перед Богом, делает его жизнь, безусловно, трагичной [4, 34]. Трагизм бытия пронизан страданиями, которые испытывает человек перед тем, от кого или от чего ему пришлось отказаться, ибо выбрать сразу «всё» — это привилегия свободы более высокого порядка, о которой пойдет речь дальше. Страдания становятся тем «лекарством», которое призвано отвратить человека от моральной свободы выбора в пользу более совершенной ее формы — свободы воли [4, 37]. А пока человек не возвысился над «выбором», он обречен страдать, и в том случае, если его выбор «правилен», и в том случае, если он ошибочен. Так, например, если его выбор был верным — в предпочтении ценностей «высших», то ему предстоит преодолевать страх перед смертью, ужас надвигающейся вечной тьмы, бороться с оцепенением от ощущения холода вечного безмолвия. Ведь порою для того, чтобы остаться человеком, сохранить уважение к себе, необходимо расплатиться собственной жизнью. Зато, наоборот, если выбор был ошибочен или осуществлен из малодушных побуждений, то человека будут мучить непроходящий стыд, угрызения совести, чувство нескончаемой вины. Именно с такими переживаниями, связанными с экзистенциальным выбором, мы встречаемся в платоновской «Апологии Сократа» или софокловской «Антигоне». Здесь главной героине предстоит сделать нелегкий выбор между указом царя, запрещающим хоронить тело погибшего брата, оставшегося лежать на поле брани без погребения, и установлением богов, призывающих придать земле тело покойного. Что бы ни выбрала Антигона, она обречена понести заслуженную кару за непослушание, либо от богов, либо от царя. Кульминацией экзистенциального бытия человека и его выбора становятся слова, которые Софокл вкладывает в уста хора:

Не родиться совсем — удел
Лучший. Если же родился ты,
В край, откуда явился, вновь

Возвратиться скорее [5, 118].

Благодаря сентенции Софокла, обличающей экзистенцию человека, значительно проще понять и выбор Сократа, уклонившегося от возможного, но вступающего в конфликт с законом полиса спасения. Сократ, правда, ссылается на философию, которая учила его отрешаться от жизни. Однако экзистенциальный выбор сделан: бытие выступает той платой, благодаря которой можно обрести небытие сна без сновидений (40d).

Человек слабое, но вместе с тем и разумное существо, поэтому рано или поздно всякий должен прийти к ощущению безысходности своего существования, связанного с моральным выбором и неизбежным за ним страданием. А раз так, то должна быть свобода более высокого порядка, которая наконец избавила бы человека от невыносимой ответственности за свой выбор [6, 324]. И таким этапом становится свобода его воли. Последняя, условно говоря, тоже может делиться на «добрую» и «злую». Но если злая свобода воли, основываясь на принципе «я так хочу», в конце концов обнаруживает себя в уже рассмотренном нами «выборе», который всегда трагичен, то «добрая» свободная воля возвышает человека над страданиями моральной экзистенции, включая его в порядок более высоких отношений. Этими отношениями выступает уже не моральная связь человека с собой или с другими людьми, а та, что дарует ему ощущение присутствия Бога в мире. Результатом такого «ощущения» становится неукротимое желание следовать его укладу, порядку, в который человек чувствует себя либо вписанным, либо нет. «Включенность» в божественный уклад может состояться только в том случае, если произойдут укрощение собственной воли и приспособление ее к божественной. Благодаря синергии — слиянию двух волей в одну, человек вырывает себя из мира индивидуальной ответственности за свои поступки и выбор [7, 108]. Таким же образом послушный ребенок, которым управляют заботливые и умные родители, получает от них оправдание за все, что совершил. Покорность перед судьбой, промыслом, божественной волей трансформирует чувство экзистенциального трагизма собственного существования в ощущение морального покоя и одновременно возвышенной причастности к некому тайному плану. Последний пока не понятен, зато дает возможность ощутить на себе свет высших нетленных ценностей, чья «стоимость» значительно выше всех переживаний земного бытия и его выбора.

А между тем и свобода воли оставляет существенный пробел в сознании человека, избавившего себя от экзистенциального выбора, но столкнувшегося с новым препятствием — непониманием, незнанием

божественного замысла, оставляющего волю человека покорной, но разум — «слепым».

Интеллектуальная свобода разума приходит в награду за покорность воли человека замыслам Бога [8, 79]. Это состояние очень грубо можно сравнить с периодом «взросления» ребенка, когда из детского возраста, связанного с необходимостью подчиняться своим родителям, он переходит в состояние, когда начинает постигать смысл и глубокую ценность их указаний. Покорная воля, пройдя испытание верностью, трансформируется в зрелый ум и его свободу. Какова связь между волей человека и его умом? Если воля, активно «заявляющая» о себе внешнему миру, есть деятельное проявление ума, то ум человека — это сконцентрированная в себе воля, которой открылась истина того, что мир и борьба в нем становятся следствием незнания себя, своей природы, призвания, предназначения — как основного вида невежества. Однако как только деятельная воля приходит в состояние уравновешенности, она — когда моментально, революционно, а когда медленно, эволюционно — становится умом со всей полнотой его интеллектуальных ощущений, которые можно выразить одним словом — свобода. Для ума человека, который понял мир, отпадает необходимость заявления о своих правах в нем, ибо теперь направленность его устремлена не к нему, а к своему творцу, Богу [9, 204]. Обретая способность «чувствовать» Его и «говорить» с Ним, человек утрачивает интерес к миру. Детский лепет последнего важен лишь для тех, кто «занят» его играми. Взамен ум человека получает куда более возвышенный удел — не только понять божественный сценарий, но и стать его «соавтором». Есть законы жанра, канва сюжетных линий, поведение героев. Все это задумано Великим Драматургом и потому должно быть сыграно на подмостках божественной сцены. И не актеру судить о качестве всей пьесы по результатам игры своей маленькой роли. Вместе с тем общий успех постановки приходит ко всем ее участникам только после «занавеса».

Только после «занавеса» приходит долгожданная духовная свобода, совершенное состояние которой приводит человека к переживанию и постижению того, что на самом деле он выступает не соавтором, а Автором мирового спектакля под названием «жизнь». Покровы грезившегося ему мира спадают, и он оказывается наедине со своими грезами, фантазиями, страхами и мечтами, долгое время выступавшими перед его воспаленным умом в качестве самобытного бытия [10, 113]. Подлинной же природой бытия оказалась потревоженная пустота его разума, которая, утратив гармоничное равновесие покоя, перешла в колеблющееся состояние бытия, чьи скоротечные и раздражающие образы принимают форму предметов и явлений мира [11, 113].

Таким образом, человек, испытывая глубочайшую неудовлетворенность и, как следствие, разочарованность от своей жизни, на первый взгляд свободно, а на самом деле вынужденно переходит от одной сферы бытия к другой. Это происходит до тех пор, пока отчаянные поиски не приведут его к совершенству, дарующему ему покой пустоты его небытующего разума [12, 137].

Общий итог сводится к утверждению, что в основании человеческой природы лежат глубинные креационные космо-антропные процессы отношений между бытием и небытием. Их «конфигурация» обуславливает интуитивно-линейный тип мышления, который онтологизирует уклад своей внутренней духовной жизни, превращая его в объективные, универсальные и идеальные проявления внешне отчужденной от него реальности, получающей название мистического мировоззрения.

Таким образом, бытийственно-небытийственной природой человека становится «разница потенциалов» между совершенным небытием и несовершенным бытием, иначе говоря, между пустотой и полнотой, между простотой и сложностью, между покоем и движением, между бесконечностью и ограниченностью, а потому чем менее наполнен, сложен, подвижен и ограничен бытием человек, тем ближе он к совершенству небытия, тем ближе он к Абсолюту, Богу. Здесь интуитивная способность человека к духовной свободе становится механизмом перехода из череды бытийственных его состояний в небытие, превращаясь из ограниченного бытием созерцания в безграничную свободу пустоты, предстающей в образе Блага.

Литература

1. Вивекананда С. Практическая веданта. М., 1993.
2. Современная буржуазная философия / Под ред. А.С. Богомолова. М., 1978.
3. Гуревич П.С. Философская антропология. М., 2008.
4. Столяров А.А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М., 1999.
5. Софокл. Трагедии. М., 1979.
6. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989.
7. Синергия. Проблемы аскетики и мистики православия / Под ред. С.С. Хоружего. М., 1995.
8. Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1995.
9. Фома Аквинский. Учение о душе. СПб., 2004.
10. Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.

11. *Фестьюжьер А.-Ж.* Личная религия греков. СПб., 2000.
12. *Экхарт М.* Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.

К.В. МОЛЧАНОВ

К вопросу о системе философии Гегеля, включая рассуждения о системе и о воспроизведении

Аннотация. В статье обсуждаются моменты исследований системы философии Гегеля. Это исследование также актуально для современного понимания диалектики.

Ключевые слова: диалектика, система философии Гегеля, гегелевская энциклопедия философских наук, воспроизведение философии Гегеля.

Abstract. The article discusses some principles of the study of the system of Hegel's philosophy. This study also is important for the modern understanding of the dialectics.

Keywords: dialectics, the system of Hegel's philosophy, Hegelian Encyclopedia of the Philosophical Sciences, the regeneration of Hegel's philosophy.

Обычно систему философии Гегеля пытаются представить в виде созданной им «Энциклопедии философских наук» («Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse», далее — Энциклопедия), т. е. трех книг, отражающих, как обычно указывается, три основные ступени развития идеи: логику, философию природы и философию духа. В некоторых случаях к системе философии Гегеля, так или иначе, причисляют и труд Гегеля «Феноменология духа», а иногда и его труд «Философия истории». (По вопросу «формирования» системы философии Гегеля за самого великого мыслителя можно ознакомиться в обширной литературе, в которой обсуждается множество противоречащих друг другу положений и выводов.)

Однако ученые и вообще все, кто хотел или захочет создать систему философии Гегеля вместо него самого (далее — «создатели»), упорно не замечают того, что сам великий мыслитель о ней даже не упомянул в своих трудах. Это за него ее «додумали» «создатели», но неоправданно и неверно, о чем и будет сказано ниже. При этом «создателям» необходимо было бы подумать и о том, а почему же сам великий мыслитель не только не описал систему своей философии, но и даже просто и *коротенько* не упомянул о ней или хотя бы о ее воз-

возможности? (А ведь ответ на этот вопрос в трудах Гегеля есть, жаль только, что даже ученые этого не заметили или не хотели заметить...)

А. У разговоров и домыслов о системе философии Гегеля есть терминологические и иные псевдопредпосылки, которые, однако, не могут быть ни реальным поводом, ни просто оправданием для создания и распространения соответствующих ошибочных представлений. Но хуже этого то, что псевдопредпосылки и откровенные домыслы создают определенную среду, в которой плодятся неверные представления о самой философии Гегеля.

К числу исторически первых моментов, обусловивших понимание некой «системы философии Гегеля», можно отнести то, что в 1801 г. были изданы два труда Гегеля: «Различные формы, которые в настоящее время имеют место в философии» (*Mancherlei Formen die beim jetzigen Philosophieren vorkommen*) и «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга» (*Die Differenz des Fichteschen und Schellingschen Systems der Philosophie*). Использование Гегелем термина «система философии», по всей видимости, и дало *первый повод* для рассуждений о системе философии самого великого мыслителя. Действительно, во-первых, термин «система философии» (а не «философская система», которую часто ошибочно подразумевают некоторые «создатели» при сотворении системы философии Гегеля) был использован самим Гегелем, однако в указанном им значении, которое не могло быть применено к его философии, что нужно принять во внимание. Во-вторых, им были рассмотрены две системы философии. Однако то, что было рассмотрено Гегелем (системы философии Фихте и Шеллинга), существенно отличается от того, что «создатели» приписывают Гегелю в качестве системы его философии. Иными словами, если опираться на указанный труд Гегеля, тогда то, что приписывают ему в качестве системы его философии, таковой попросту являться не может. Кроме того, в-третьих, Гегелем в его философии были *системным образом* развиты представления философий Фихте и Шеллинга, что некоторым образом предполагает результат в виде системы философии Гегеля. Однако никаких аналогий, касающихся систем философий Фихте, Шеллинга и своей, Гегель нигде и никогда не указывал. Это объясняется, в первую очередь, тем, что системы философий Фихте и Шеллинга обычно понимаются как *системы знаний*. А вот система философии Гегеля «создателями» понимается как *философская система*, или как *система философии*, т. е. как нечто *другое*, однако это упорно ими же не замечается, хотя могло бы стать основой для проведения соответствующих исследований в области систем философий разных мыслителей. В-четвертых, Гегель написал, что представ-

ляет собою (выражает) его Энциклопедия, однако на это почему-то даже учеными не было обращено внимание...

Другой момент, обуславливающий ошибочные представления, касающиеся системы философии Гегеля, косвенно вытекает из определения Гегелем своего труда «Феноменология духа», как следует из его названия, в качестве первой части *системы науки*. «Система науки» должна была содержать две части: *феноменологию духа* и *вторую часть* (логика, философия природы и философия духа — реальные науки философии). Как указал сам Гегель в Предисловии к первому изданию труда «Наука логики», второй частью «заканчивалась бы система науки» [1, т. 5, 5]. И вот части словосочетаний «система науки» и «науки философии», скорее всего, и дали основание для соответствующей традиции разговоров о «системе философии» (Гегеля), хотя сам великий философ такого термина в отношении своей философии никогда не использовал и даже повода для подразумевания его возможности не давал (более того, из его трудов следует даже обратное, и об этом будет сказано ниже). Кроме того, термин «система науки» был *исключен* Гегелем (но не *снят!*) [1, т. 5, 5], и именно это имеет большое значение для понимания и системы его философии и диалектики *системы знаний* его философии.

Однако и основания предметных предпосылок для развития представлений о системе философии Гегеля в трудах великого мыслителя имеются. Например, по его собственным словам в труде «Наука логики», метод расширяется в систему [1, т. 6, 313]. Этот метод охватывает логическую идею, природу и дух, но при этом, с одной стороны, «образуется» лишь Энциклопедия, которая великолепно представляет *некоторые знания* философии Гегеля, правда, далеко не все и системой всей философии великого мыслителя поэтому никак являться не может. С другой стороны, «расширяется» не значит «расширился», и вообще, по Гегелю, метод образует круг [1, т. 6, 316], так что завершение метода, познания — образование системы — в рамках Энциклопедии и даже всей философии Гегеля невозможно. Но именно все это было упущено из виду материалистичными науками в силу их собственной ограниченности и «создателями».

Похоже, что витающее уже в XIX в. словосочетание «система философии» не могло не породить, в связи с философией Гегеля, термин «система философии Гегеля», который, несомненно, богат смысловыми значениями, что, весьма вероятно, могло дать дополнительный стимул различным инсинуациям, развившимся вскоре после смерти великого мыслителя. Одним из родоначальников «понимания» и критики «системы философии Гегеля» был немецкий ученый И. Розенкранц (Johann Karl Friedrich Rosenkranz): в 1840 г. в Кенигсберге

была издана его книга «Kritische Erläuterungen des Hegelschen Systems». И разговоры о системе философии Гегеля начались! В частности, в своей работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической немецкой философии», Ф. Энгельс неоднократно использовал слово «система» в связи с философией Гегеля: «Гегель вынужден был строить систему», «внутренние нужды системы», «гегелевская система охватила несравненно более широкую область, чем какая бы то ни было прежняя система» и т.д. [2, т. 21, 276, 277, 278].

Поэтому появившиеся советские (и постсоветские) *изыски* в отношении «системы философии Гегеля», хотя и не самые существенные, совсем не первые, и в определенном смысле они были предопределены словами классика марксизма-ленинизма: не могли в СССР ученые *не верить* Ф. Энгельсу.

Важным моментом в советских и постсоветских *изысках* в отношении «системы философии Гегеля» является перевод. Так, слова «im Grundrisse» в названии Энциклопедии при переводе, во-первых, зачастую попросту игнорируются. Это создает иллюзию того, что Гегель изложил всю Энциклопедию, и ее можно отождествлять или еще как-то сопоставлять с системой его философии. Ан, нет — Энциклопедия дана лишь «в общих чертах», так что не содержит всех знаний, нужных для формирования системы (об этом аспекте, но в других ракурсах, дополнительно будет сказано ниже). Во-вторых, слова «im Grundrisse» часто ошибочно понимались и понимаются как «схема» и т.п., которая, в отличие от «общих черт», «конспективно» и т.п., *похожа* на «систему», что в условиях терминологических искажений, ошибочных стереотипов и безосновательных домыслов только *подливало масло в огонь*.

Однако главными посылками искажений и неверного понимания «системы» философии Гегеля и всей его философии в целом, большей частью в СССР, являются все же ошибочные представления о «завершенности» философии Гегеля, которые появились в диалектическом материализме в силу неверного ее понимания в нем. О «завершенности» философии Гегеля много говорилось в СССР. Например, во вступительной статье к труду Гегеля «Философия духа» просто, причем даже со «ссылкой» на Гегеля (!), сказано, что «достигая этого высшего этапа своего саморазвития и самопознания, «абсолютная идея», по Гегелю, приходит к концу своего развития» [1, т. 3, 10]¹⁸. При этом такого рода выводы не обосновывались, а каким-то фантазийным (но устоявшимся

¹⁸ Как определил Т. Рокмор, существенны случаи «часто встречающегося неверного прочтения Гегеля» [3], в силу чего Гегелю приписывали много того, чего у него нет, и что искажает его философию.

в СССР) образом делались на основе ее самой (ее совершенства и самодостаточности) или приписывались (указанным образом: просто — «по Гегелю») великому мыслителю. Хотя иногда делаются и псевдонаучные попытки доказательства «завершенности» философии Гегеля, ссылающиеся на некоторые его выводы, например, о монархии (кстати, в этом же ракурсе упомянутой Ф. Энгельсом [2, т. 21, 277]) и т. п. Хотя понятно, что главную роль сыграли слова классиков марксизма-ленинизма (и до сих пор они довлеют над умами многих ученых!): например, тот же Ф. Энгельс в указанном его труде однозначно написал и о том, что «философская система, по устоявшемуся порядку, должна была завершиться абсолютной истиной того или иного рода» [2, т. 21, 276], и о конечности (завершенности) философии Гегеля (для чего нужно было представить конец истории, о чем также писал Ф. Энгельс [2, т. 21, 277]), и просто о том, что гегелевская «система представляет собой величественный итог всего предыдущего развития философии» [2, т. 21, 278—279] и т. д.

Поэтому неудивителен такой советский «довод» из вводной статьи к труду Гегеля «Философия истории»: «Мы имеем у Гегеля дело с абсолютной системой, а философская система, как говорит Энгельс, должна быть закончена» [1, т. 8, XLIX].

Тут, кстати, можно предположить, что классик марксизма-ленинизма не зря использовал термин «система», которая всем *представляется* конечной, так что соответствующее свойство можно было приписать и философии Гегеля с последующими разными критическими выводами, например, о ее противоречии с диалектическим методом (и про это Ф. Энгельс писал [2, т. 21, 277]). А затем «сделанные» Ф. Энгельсом и советскими учеными «выводы» служили у них же самих основанием для разнообразных повествований и других выводов, например, для критики якобы идеализма философии Гегеля и для доказательства... истинности диалектического материализма и его идей (но первая до сих пор преподается и считается кладезем знаний, а второго уже не встретишь даже в университетских программах)...

Но все такого рода допущения, предположения, доводы, выводы и т. п. были ложными, ибо делались путем искажения или игнорирования собственных умозаключений великого мыслителя, в том числе в его труде «Философия духа», завершающем Энциклопедию, в котором Гегель прямо говорил а) о «дальнейшем развитии» (его) философии, б) об идее, вечно проявляющей себя в действии, в) о развитии познания, которому предстояло быть и т. д. [1, т. 3, 365, 366] (и продолжение диалектического познания свершилось в *современной диалектической философии*, которая появилась в самом начале XXI в. (см., напр.: [4; 5; 6]).

Б. «Создателям» для рассуждений о системе философии Гегеля необходимо было бы сначала определиться с понятием самой *системы*, так как именно об этом у них в отношении философии Гегеля идет речь.

Однако, во-первых, в науках точного определения системы нет, точнее — вообще нет определения системы. Наиболее корректное определение системы было дано, пожалуй, в Большой советской энциклопедии [7]: система — объективное *единство* закономерно связанных друг с другом предметов, явлений, а также знаний о природе и обществе. Но там была дана отсылка и на *систематизацию*, в статье о которой акцентируются существенные связи, определяющие в итоге *целое*, которое и понимается как система, в свою очередь, которой, для лучшего понимания, противопоставляется *агрегат*, в котором суть внешние по отношению к частям связи.

А вот в современных определениях системы ее понимание сводится либо к не определенному в науках единству, т. е. система остается неопределенной, либо к целому, причем в этом случае определение самой системы поглощается, становится ненужным. Иногда систему определяют через так и не определенное в науках *множество*, само которое обычно предлагается понимать интуитивно или через относительную по своей сути систему (! — *К.М.*) аксиом. Иными словами, *со всей очевидностью обнаруживается то, что система в науках не может быть определена.* (Также следует отметить и то, что единство в них обычно определяется через систему или другое определение, ее образующее, к которому (как и в другом случае к целому), в таком случае, и сводится понятие системы, т. е. оно становится не нужным.)

Таким образом, получается, что понятие системы в науках либо не определено, либо не нужно и должно быть замещено другим определением.

Во-вторых, вопрос не только в том, что в науках система не определена. Это уже понятно. Главное в другом: почему в науках система не может быть определена? Этот вопрос в науках вообще не исследовался, что понятно: наукам пришлось бы признать, что они используют неопределенный термин, и тогда разъяснять многие базовые положения (например, система уравнений и др.) было бы невозможно. Проще сказать, что система определена, и дать ее какое-то определение, пусть даже везде разное, и тогда *внешне обоснованно* можно будет решать многие задачи, например, запуск спутников на основе решения системы уравнений. И все хорошо: спутники летают, так как расчеты произведены, а они произведены на основе системы уравнений, значит, должно быть понятно, что есть понимание системы. И ее определения вроде бы есть. На первый взгляд все хорошо. Только вот какое

определение используется при понимании системы уравнений — то же, что и при определении солнечной системы или системы Станиславского, или нет? Или это вообще разные «системы», точнее — система и определение нечто другого, например, того же целого?

Но теперь от вопроса «Почему в науках система не может быть определена?» наметился переход к совсем другому вопросу — с чего была начата тема: определение системы производится через другие термины, которые либо ее замещают, делая ее понятие не нужным, либо сами не определены, делая и ее не определяемой.

При этом, в-третьих, обозначается следующее положение: термин «система» имеет много значений: например, система моральных ценностей, система уравнений, система Станиславского и др. Причем термин «система» имеет много значений не потому, что они определены, а потому, что сама система не определена, и ее можно понимать и трактовать как угодно. Это существенное положение.

Интересно и то, что во многих случаях при определении системы приводятся многочисленные примеры ее различного понимания и использования. Однако *это как раз и демонстрирует отсутствие определения термина «система»*. Это также наглядно доказывает и относительность понимания системы и тем более невозможность ее определения в науках, что, в свою очередь, ведет к серьезным трудностям в определении других понятий в науках.

Тогда, в-четвертых, возникает законный вопрос: а что конкретно подразумевается, когда используется слово «система»? — ведь любой человек имеет все основания понимать то, что придет ему в голову из многочисленных определений системы и их пониманий. Иными словами, использование слова «система» может подразумевать только ее некоторое интуитивное понимание в конкретном контексте. Однако у каждого человека оно все равно будет своим. Да, существуют, конечно же, устойчивые выражения, например «система уравнений». Но они обозначают не систему, а нечто иное, нечто конкретное — ту же систему уравнений, т. е. то, что продемонстрировано на многих примерах, в том числе изучаемых еще в школе, и имеет свое название, включающее слово «система» (хотя могло включать и другое слово).

В-пятых, существенно еще одно положение, являющее новые аспекты рассматриваемого вопроса: указание при определении системы тех или иных ее свойств (например, эмерджентность) также не дает результата, так как те или иные из них в равной мере присущи тому же целому или единому. Иными словами, *нет особого отличительного свойства (признака) системы*, и именно поэтому нет ее определения. Но это положение попросту игнорируется, чем ситуация только усугубляется.

В-шестых, главное, возникают многие вопросы в отношении ситуации, связанной а) с неопределенностью понятия системы и, несмотря на это, б) с его активным использованием, причем еще и в разных значениях. Эта, по сути, смешная ситуация осознается в науках, и в них порой предпринимаются различные действия по ее сглаживанию — от ее игнорирования до указания на некое противоречие, якобы заложенное в самой системе (объективный феномен и субъективное построение, что иногда утрируется до пары «обозначение феномена и его модель», в которой предусмотрительно не оговаривается объективность или субъективность «обозначения феномена»), которое, однако, только ухудшает ситуацию (ведь нерешенное противоречие говорит о наличии проблемы, ошибки). Но почему-то именно из провозглашения противоречия (а не из его решения) выводятся некоторые «подходы» к определению системы, например, определение системы через ее отличие от не-системы (несистемного объекта или предмета) или выделение ее каким-то неизвестным образом из всей имеющейся совокупности феноменов. Правда, не говорится, что указанного сделать невозможно из-за отсутствия определения или хотя бы отличительного свойства (признака) системы. Зато приводятся примеры, описания и т. д., т. е. явно игнорируется отсутствие определения системы, и разговор переводится на нужные в том или ином случае примеры и т. д. Однако при этом *умалчивается о том, что речь идет уже не о самой системе, а об ином феномене*, например, о системе Станиславского...

Исходя из такой ситуации и следует подойти к вопросу об определении в науках и «создателями» системы философии Гегеля, т. е. к пониманию того, что якобы что-то определяется на основании того (системы), что само по себе (тем более в отношении к чему-либо) не имеет определения.

Иными словами, прежде чем говорить о системе философии Гегеля, «создателям» следовало бы понять, *с чем по форме и по сути* им приходится иметь дело, когда они предполагают формировать за великого мыслителя систему его философии. Это очень важное положение, которое никогда по понятным причинам отдельно не оговаривалось теми, кто пытался за Гегеля создать систему его философии.

Кроме того, если вводить термин «система» в любом из его обычных многочисленных противоречивых определений, то ее следует понимать как «систему чего-то», т. е. *систему философии Гегеля* придется понимать как *систему (философии Гегеля)*. А в связи с тем, что система имеет содержание, то, значит, придется выделить самостоятельное содержание системы философии Гегеля и тем самым отделить его от содержания и, главное, от познания самой философии великого мыслителя, чего не может быть в диалектике вообще и в философии

Гегеля в частности (такое возможно только в материалистических науках, в которых, например, гносеология выделяется в отдельную науку).

И, наконец, в отношении термина «система» следует понимать следующее:

- если «создателями» имеется в виду некая рационалистическая система (рационалистическим, научным образом понимаемая система), то она должна быть, во-первых, однозначно и корректно определена, и, во-вторых, быть пригодной для применения к *диалектической* философии Гегеля, но ни того, ни другого не наблюдается;
- если «создателями» имеется в виду понимание систем философии Фихте, Шеллинга или других философов, то любое из них не приемлемо для философии Гегеля;
- если «создателями» имеется в виду система, приемлемая для философии Гегеля, то сначала необходимо было бы описать ее саму (как форму и что-то подобное), чтобы было понятно, во что «создатели» облачают знания философии великого мыслителя (и какие), но этого до сих пор сделано не было.

И, как еще одно положение, получается, что систему философии Гегеля, о которой говорят, путают с системой знаний философии Гегеля, которую подразумевают (это заблуждение, вытекающее из лингвистических и смысловых противоречий, сейчас можно не обсуждать).

В. То, что, обыденные и научные представления и понимания системы философии Гегеля сводятся обычно к гегелевской Энциклопедии, не обусловлено чем-то объективным, не доказано. При этом не учитывается даже то, что система как система Энциклопедии, или *система* Энциклопедии, не может быть точно такой же по форме и по содержанию, как и *система всей системы философии Гегеля*. Как будто философия Гегеля ограничивается Энциклопедией! Наверное, должно быть понятным, что система философии Гегеля и по форме и по содержанию должна быть иной, отражать не только Энциклопедию.

И интересно еще вот что.

Понятно, что Гегель в своей Энциклопедии изложил определенные диалектические знания. Но не просто так он выбрал эту форму, а не любимые прочими философами *начала, принципы* и т. п. Только вот этот очевидный факт прошел мимо сознания ученых и даже учеников Гегеля. И именно по этой причине многие могли начать говорить о системе философии Гегеля, хотя сам великий мыслитель отдельно подчеркнул, *что* (т. е. не система) положено в основу его Энциклопедии, или чем она является.

Да и само сопоставление системы философии Гегеля и Энциклопедии в философских науках и «создателями» осуществляется некор-

ректно, так как вне диалектической философии нет даже отдаленных представлений о базовых диалектических категориях (например, об отрицании и противоречии). Отсутствие их понимания говорит о том, что Энциклопедия еще не понята материалистичными науками и «создателями», поэтому ее ассоциирование с системой философии Гегеля или попытка создания последней — это *неумелая уловка бессильного познания*.

При этом отдельным вопросом является *триадность*, которая обычно приписывается Гегелю в форме, не присущей его философии: обычно рассматривается структура «тезис — антитезис — синтез». И это тот стереотип, который пока невозможно изжить в материалистических науках, однако на основе этой ошибочной посылки речь о создании системы философии Гегеля и тем более о каком-либо ее развитии вообще идти не может.

А иногда к системе философии Гегеля «создатели» пробуют добавить *феноменологию духа*, но как-то с боязнью, что понятно, ибо, во-первых, *четверичность* не обоснована не только для системы философии Гегеля, но и по отношению к самой философии великого мыслителя, и при этом еще и не дает цельности. То есть Гегелю «создателям» приходится приписывать то, о чем он не писал. Во-вторых, зачастую в таких случаях получается, что *природа есть дух* (см., напр.: [8]), что явно выходит за все рамки даже вульгарных представлений о философии Гегеля. В-третьих, «создателям» не получается обосновать сам факт присоединения *феноменологии духа* как четвертого члена к системе философии Гегеля, понимаемой как триадная, особенно после того, как Гегель исключил термин «система науки», и это «присоединение» *феноменологии духа* так и остается замусоленной догадкой...

Более того, вне «системы философии Гегеля», понимаемой только как Энциклопедия и *феноменология духа*, необъяснимым образом *остается*, по крайней мере, *философия истории* — важнейшая компонента философии Гегеля и ее познания. Ее иногда, правда, *создатели* причисляют к системе философии Гегеля, но путем простого указания на это, и никаких обоснований этого и выводов из этого, естественно, не делается.

Однако и пять трудов Гегеля не отражают всей его философии и, следовательно, ее системы.

При этом в любом случае часть системы — это не система.

Три, четыре или даже пять книг Гегеля не суть система его философии, а всего лишь отдельные труды, причем лишь частично излагающие ее положения.

Хотя в целом понятно, почему систему философии Гегеля отождествляют с книгами, ибо широко распространено мнение о том, что

философия, изучаемая в вузах, понимается как совокупность произведений, созданных в течение тысячелетий. Значит, тогда и система философии Гегеля — книги! Вот и получается, что систему философии Гегеля *уже долгие годы* многие отождествляют с книгами (текстами) его Энциклопедии. Но это в корне не верно.

При этом надо обратить внимание еще вот на что: до сих пор систему философии Гегеля не только определяют в соответствии всего лишь с несколькими его работами, но и представляют их лишь во *внешнем порядке*, в том числе без раскрытия сущностных представлений о логике, природе и духе, так как в науках не раскрыты, прежде всего, диалектические смыслы и базовые, опорные, основополагающие диалектические категории, в первую очередь, идея и понятие (*здесь*: не обычное *рассудочное понятие*). Иными словами, как же, не зная даже букв, можно пытаться написать книгу?..

Но дело не только в том, что в систему философии Гегеля, обычно понимаемую как Энциклопедия, не входят знания других трудов Гегеля, все вместе которые можно было бы формально приплюсовать. Дело в том, что в систему философии Гегеля, которую пытаются сформировать *создатели*, даже если бы она включала знания всех трудов великого мыслителя, все равно не могли бы войти все знания его философии (без чего ее система попросту бессмысленна), ибо *содержания трудов и философии Гегеля отличны* (о принципе этого будет сказано ниже). На это обратил внимание еще Ф. Энгельс, который в своей работе «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической немецкой философии» писал о «лесах» для возводимого Гегелем здания знаний, о теоретических построениях, которые служат «рамками» его трудов, и что только те, «кто не задерживается излишне на них, а глубже проникнет в грандиозное здание, тот находит там бесчисленные сокровища» [2, т. 21, 278]. Иными словами, сами труды Гегеля являются лишь преддверием помещений, хранящих сокровища знаний философии великого мыслителя, и еще нужно проникнуть в нее.

При этом для содержательного разговора о системе философии Гегеля следует понимать и то, что она не может включать только те положения, только которые могут представить себе науки и «создатели». Система философии Гегеля содержит, в первую очередь, *знания*, а для понимания и раскрытия этого положения надо иметь представления и о них самих и об их возможных видах организации, причем на основе диалектических позиций, а не материалистических. Но об этом в науках ничего никогда не говорилось, ибо научные знания считаются такими же, как *знания* (как знания философии Гегеля), что в корне неверно.

Кроме того, сам Гегель указывал на актуальность ряда позиций, не изложенных в его работах. Например, существенна *некоторая логическая часть*, на обращение к которой указал Гегель в конце своего труда «Философия духа» (в том числе указанное Гегелем *логическое*, с которым смыкается природа), и которую надо было создать, как получается, вне философии Гегеля в качестве ее развития...

Таким образом, предположенная «создателями» система философии Гегеля должна неизбежно включать (учитывать) некоторые имплицитные ее знания и внешние к его трудам знания, иначе говорить о системе философии Гегеля вообще нельзя. *А так как эти знания философские науки не представили, то и о никакой системе философии Гегеля речь в них не может вестись, причем даже предположительно.*

Отдельно нужно сказать и о том, что *создателями* не учитывались и те положения, которые находятся в инобытии к изложению философии Гегеля.

И, опять же, часть системы — это не система (см. также выше).

Необходимо отметить еще и то, что при определении системы философии Гегеля *создателям* целесообразно было бы учитывать (но не брать за основу) ее Марксово понимание: «в системе Гегеля существуют три элемента: Спинозовская субстанция, Фихтевское самосознание и гегелевское необходимо-противоречивое единство обоих элементов — абсолютный дух» [2, т. 2, 154], однако, при этом необходимо избежать материалистического сведения абсолютного духа к «действительному человеку на основе природы» и соответствующего понимания развития Марксовой мысли¹⁹. Ее продолжение имеет следующий вид: «Первый элемент есть метафизически перезаряженная природа в ее оторванности от человека, второй — метафизически перезаряженный дух в его оторванности от природы, третий — метафизически перезаряженное единство обоих факторов, действительный человек и действительный человеческий род». Тут ряд противоречий, например, понимание абсолютного духа как действительного человека и действительного человеческого рода, однако наглядно обозначаются важные категории и фундаментальные моменты, которые нельзя упус-

¹⁹ Например, К. Маркс к тому времени уже определил, что Л. Фейербах свел метафизический абсолютный дух к «действительному человеку на основе природы» [2, т. 2, 154], и якобы «в то же время мастерски наметил основные черты критики гегелевской спекуляции». Но так как абсолютный дух в философии Гегеля не соответствует «действительному человеку», то далее следует признать «единство обоих факторов» не «метафизически перезаряженным», а в понимании Гегеля.

кать при искомом строительстве системы философии Гегеля даже вместо самого великого мыслителя (не менее важным становится обнаружение категориальных и методологических сторон проблемы, о чем будет сказано ниже).

Итак, систему философии Гегеля недостаточно и вообще нельзя понимать лишь в рамках ограниченного числа его трудов и даже в рамках всех его работ. Должно было бы быть понятно, что система философии Гегеля должна отражать *знания всей философии Гегеля*, в том числе внешние к ней, имплицитные и *снятые*, а не какой-то ее явной части, пусть даже блистательной Энциклопедии. Но именно это попросту не осознается в философских науках и «создателями» или, быть может, преднамеренно игнорируется ими, так как в противном случае *просто глупым оказывается тезис о том, что три, четыре или пять книг выражают знания всей философии Гегеля*.

Поэтому Энциклопедию (и даже полную совокупность трудов Гегеля), и то при великом желании, можно назвать только отражением части (актуализированных) знаний философии Гегеля, частью некоторых *положенных знаний*, совокупностью первой группы реальных наук философии.

Итак, Энциклопедия, в лучшем случае, — это совокупность группы реальных наук, но не система философии Гегеля!

Г. Кроме системно-структурных и содержательных положений при обсуждении системы философии Гегеля также существенны концептуальные и методологические положения, в том числе основополагающие диалектические категории, и эти положения необходимо рассмотреть.

Вообще на основе наук нельзя рассматривать многие базовые понятия философии Гегеля и, следовательно, ее системы, например, *идею*, которая является основополагающим положением диалектики и существенна для понимания философии Гегеля и, следовательно, ее системы. Иными словами, без базирования на идее, нельзя дать описание философии Гегеля и ее системы. И если *создатели* пытаются определить систему философии Гегеля, то должны признать базовое положение этой философии — идею, т.е. они должны были бы сначала отказаться от материализма и, соответственно, от научной точки зрения...

Более того, в силу ряда факторов, в том числе идеи, описание системы философии Гегеля оказывается завязанным на объективность, факторы которой также необходимо учитывать. Но об этом ни в каких научных подходах к философии Гегеля даже не упоминалось, поэтому у «создателей» просто *нет оснований для разговора о системе философии Гегеля*.

Далее, важно понимать еще и то, *как* содержание системы философии Гегеля может *быть* и может излагаться (тут вопрос не только в упомянутой выше форме и не только в понимании того, что такое система, что было рассмотрено выше).

Во внешнем аспекте вопроса о том, как содержание системы философии Гегеля может *быть* и может излагаться, актуальным становится изложение диалектических материалов, которое должно быть выражением содержания, причем содержания сложно структурированного, имеющего многочисленные обратные связи, более того, изложение диалектических материалов само по себе является рефлексивным. Этого при исследовании и описании философии Гегеля и ее системы даже учеными никогда не упоминалось. А ведь рефлексивность накладывает существенный отпечаток на результат: в данном случае — на то, *что* хотели «создатели» представить в виде системы философии Гегеля, но так и не смогли.

Более того, актуальна и *особенность*, раскрываемая в смысле двойности диалектичности содержания философии Гегеля и неизбежной рациональности ее изложения в науках.

Это все ведет к необходимости исследования и реализации взаимосвязи содержания философии Гегеля с *образующимся содержанием* — с изложением следующей из нее ее искомой системы, что даже не предполагается в науках и «создателями». Иными словами, не только в смысле системности важно то, *что* хотели изложить «создатели», когда говорили о системе философии Гегеля, и то, *как* они хотели это сделать. Но именно это все не имеет в науках ответа, или в них и по этой причине нет основы для определения системы философии Гегеля.

При этом имеется еще и противоречие диалектичности содержания философии Гегеля и рациональности формы системы, ей приписываемой, которое надо было бы решить. Но и этого в науках до сих пор сделано не было. Так что и по этой причине *ни о каком изложении системы философии Гегеля речи быть не могло*.

Существенны и другие аспекты рефлексивности, которые с уверенностью позволяют сказать о том, что *ни предмета (изложения) системы философии Гегеля, ни возможности ее изложения науки до сих пор не затрагивали*, т. е. пытались говорить неведомо о чем и неизвестно как.

Во внутреннем (аспекте) вопроса наличия и изложения содержания системы философии Гегеля особым моментом является *диалектика*. Однако науки до сих пор саму диалектику трактуют весьма привольно, зачастую неверно, порой попросту сводя ее к гносеологии, и понимают ее совершенно не так, как ее понимали Платон и Гегель (в СССР ученым приходилось следовать словам К. Маркса о перевертывании геге-

левской диалектики [2, т. 23, 21]). А как диалектическую философию и, в частности, философию Гегеля понимать без их основы? Диалектика Платона, философия Гегеля и современная диалектическая философия принципиально отличны от наук и от материализма в целом. (Теперь, начиная с XXI в., в современной диалектической философии диалектика и науки четко разграничены.) Поэтому такое особое положение, как система философии Гегеля, не может быть правильно понято на основе материалистических наук.

Кроме того, диалектика включает в свое понимание изменение, которое полностью исключает статичные по своей природе и *однобокие* представления о системе философии Гегеля, однако которые как раз и используют «создатели» при сотворении системы философии Гегеля. Дело в том, что «создатели» систему философии Гегеля пытались зафиксировать и представить в привычном для всех виде — в виде того или иного набора так или иначе связанных отдельных положений (книг и т. п.), пусть даже с возможными сверхсуммарными и другими свойствами и т. д. А вот то, что отдельные положения философии Гегеля и, следовательно, ее системы не могут быть представлены в таком (фиксированном) виде (в том числе необходимо учитывать указанное Гегелем в его *учении о понятии* перехождение объективности, например диалектики, и субъективности, например искомой системы философии), об этом даже ученые, как показывают научные публикации, не думали.

Таким образом, прежде чем говорить о системе философии Гегеля, «создателям» следовало бы понять, с *чем по существу и как* им с этим приходится иметь дело, когда они затрагивают знания философии Гегеля, и дать определение и описание того, *что и как* будет входить в систему философии Гегеля.

Отсюда следует понимание опровержения и такого имеющегося (у кого явно, у кого подспудно) представления о системе философии Гегеля, как механистичность (не значит «неподвижность»). Дело в том, что систему философии Гегеля нельзя понимать как застывшую совокупность (трудов, положений и т. д.) и даже как некий механизм, который собран из отдельных частей. Она представляет собою, скорее, *организм*, отличия которого от механизма Гегель указал. Так что в подходах к его философии и к ее системе следует придерживаться не расчленяющих рационалистических принципов и взглядов, а представления о целокупном, нерасторжимом организме. А разрушая его, можно, конечно же, изучить его составляющие, однако они не дадут полных представлений ни об утраченном организме в целом, ни о его деятельности. *Деятельность — познание — архиважна для философии Гегеля*

и должна сохраняться в ее системе, но именно этого нет ни в одном, даже научном, рассуждении о ней.

Иными словами, на основе рационалистических подходов, на основе наук нельзя получить представления ни о философии Гегеля, ни о ее системе. В лучшем случае будут получаться отдельные представления тех или иных исследователей или «создателей», противоречащие друг другу в силу различия их мировоззрений и образования, что и имело место до сих пор. Вот, кстати, почему столько принципиально различных представлений о системе философии Гегеля.

Следует также учитывать еще и то, что согласно отдельному частному определению Гегеля, касающемуся системы, *ее понимание должно быть связано с результирующим развитием метода познания*; понимание системы должно включать понимание и определение методов, что есть вообще отдельное рассмотрение, которое не учитывается философскими науками и *создателями*²⁰.

Иными словами, так как вне диалектической философии нет представлений о гегелевском методе познания, да и применять его в рамках материалистических построений невозможно, то говорить о его воплощении вне нее, в том числе о системе, да еще вне нее, нельзя! Это весьма важное положение, без которого к пониманию системы философии Гегеля подходить нельзя. Да и *признание якобы идеалистических методов философии Гегеля в материалистичных науках невозможно* — поэтому и *создание системы философии Гегеля на базе их представлений невозможно*.

Однако методологическая проблема шире.

Следует особо подчеркнуть то, что одним из существенных аспектов проблемы изучения философии Гегеля и построения ее системы выступает ограниченность материализма, хотя обычно считается, что материалистическая и, соответственно, научная точка зрения объективна и верна, а вот Гегель, как объективный идеалист, якобы что-то там не понимал (хотя даже К. Поппер — ярый противник Гегеля — своим принципом доказал относительность и перманентную теоретическую неистинность материалистичных наук). Например, материалистичные науки не могут признать базовые диалектические положения, в первую очередь, идею (базовое положение диалектики) и понятие

²⁰ Не следует забывать и о том, что К. Маркс написал следующее: «...Я с большим удовольствием изложил бы на двух или трех печатных листах в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» [2, т. 29, 212] (мистификация — намеренное введение кого-либо в заблуждение) — но по каким-то причинам этого не сделал.

(здесь: не обычное *рассудочное понятие*). Тогда, соответственно, возникают многие вопросы, например, о том, как на основе материалистических представлений можно мыслить качественно иное, например, то, что в ряде стран называли объективным идеализмом, и философию Гегеля?

И вообще на основе материализма методологически неверно и даже глупо рассматривать философию Гегеля (отрицающую примат материального), ее методы и т. д., в том числе ее систему. Материализм, науки и их логика²¹ бессильны при исследовании философии Гегеля и, следовательно, при построении ее системы. Это надо всегда помнить.

Более того, материалистичные науки не могут без опровержения себя же (своих основ) признать базовые диалектические положения, в первую очередь, ту же идею...

Отдельно стоит акцентировать внимание и на том, что Энциклопедия не могла, как и вся философия Гегеля, быть понята в материалистических науках по ряду причин, в том числе указанных выше, вплоть до неверного ее позиционирования в качестве системы философии Гегеля. Но, с другой стороны, и обратное также верно: из-за неправильного понимания Энциклопедии было порождено много домыслов в отношении философии Гегеля, в частности, о том, что Энциклопедия (сама или с «добавками») и есть система философии Гегеля.

Кроме того, нужно было бы понять смыслы и предназначения системы философии Гегеля и его Энциклопедии, иначе рассуждать о них и устанавливать между ними соответствия и неоправданно и некорректно, да и просто невозможно хотя бы потому, что так и не доказана сама возможность такого соответствия...

Д. Однако главное то, что *система философии Гегеля вообще не могла быть создана* (поэтому Гегель даже и не писал о ней), а вот недалекие «создатели» стали формировать ее за великого философа.

В первую очередь, надо помнить и о том, что даже объявленную им же *систему науки* Гегель так и не изложил, и об *исключении* им самим соответствующего термина (о чем уже говорилось выше). И тут возникает законный вопрос: *если нет даже системы науки, то как может быть система философии Гегеля?* И что скрывается за исключением Гегелем термина и понятия системы науки? Без ответа на эти вопросы говорить о системе философии Гегеля вообще не возможно (да и о философии Гегеля — но это уже другая тема).

²¹ Кстати, содержание *обыкновенной логики* Гегель удостоил... презрения [1, т. 5, 30].

Кроме того, в диалектическом плане *сама философия Гегеля оказалась незавершенной*, как бы это не показалось кому-то странным, ибо она, с одной стороны, требовала развития, в первую очередь, перехода к логическому, о чем написал сам Гегель [1, т. 3, 365], а, с другой стороны, являлась руководством к осуществлению познания, не всегда имевшего исчерпывающее изложение и систематизированное развитие идей, о чем сам Гегель упомянул, например, в Предисловии к первому изданию *малой логики* [1, т. 1, 1] — первой книги Энциклопедии.

И так как в конце труда «Философия духа» Гегель сам пишет о необходимости развития познания его философии, то замысел создать систему науки, тем более систему своей философии, у него даже не стоял на повестке дня.

Да и завершенной диалектическая философия никогда быть не может, что бы по этому поводу ни писал бы Ф. Энгельс и ученые, уверовавшие в диалектический материализм...

Далее, в смысле снятых и имплицитных знаний философии Гегеля и *внешних* к ней ее знаний, о которых речь была выше, система философии Гегеля должна отражать их, т. е. их надо выявить. А для этого, с одной стороны, нужно владеть диалектической методологией, которая базируется для неприемлемых для материалистических наук принципах. Поэтому невозможно, исходя из материалистических принципов познания, тем более принципов диалектического материализма, изучать и понять великую философию Гегеля (это составляет отдельный вопрос обсуждения, см. выше про материализм). С другой стороны, необходимо изучить философию Гегеля, а этого нельзя осуществить привычным образом и в «лоб» (об этом писал даже Ф. Энгельс, см. выше) — необходимо ее *воспроизведение*²².

Иными словами, для создания системы философии Гегеля саму его философию необходимо не только понять и реконструировать, но и *воспроизвести*, или *из непосредственно имеющихся знаний, изложенных в трудах Гегеля, воссоздать систему его философии невозможно*.

Именно поэтому важными моментами при осмыслении философии Гегеля и того, что она до сих пор не имеет в материалистических науках никакого понимания, тем более при подходе к выявлению ее системы, являются а) *воспроизведение философии Гегеля* и б) образующиеся группы новых реальных наук философии, или современные

²² Как написал сам Гегель, «самое легкое — обсуждать то, в чем есть содержательность и основательность, труднее — его постичь, самое трудное — то, что объединяет и то и другое, — воспроизвести его» [1, т. 4, 3]. В смысле приведенной цитаты Гегеля необходимо отметить то, что существенны уровни познания философии Гегеля.

реальные науки философии, созданные вне гегелевской Энциклопедии и определяющие современную, новодialeктическую *Вторую* Энциклопедию философских наук. (Воспроизведение философии Гегеля было осуществлено в современной диалектической философии (см., напр.: [9; 10]). При этом важно и само по себе и, особенно, в данном случае то, что процесс воспроизведения философии Гегеля развивается вне Энциклопедии — в современной диалектической философии. Иными словами, были *восстановлены* знания философии Гегеля, имплицитные его философии, но не относящиеся к его Энциклопедии.)

Таким образом, предположенная «создателями» система философии Гегеля должна неизбежно включать (учитывать) некоторые знания, *отсутствующие* в трудах великого мыслителя, имплицитные его философии и пролонгирующие ее, а иначе говорить о системе философии Гегеля вообще нельзя. *А так как эти знания философские науки и создатели не сформировали, то и о никакой системе философии Гегеля речь не может вестись*, причем даже предположительно.

Е. Выше был обозначен ряд факторов неправильных и искаженных представлений и откровенных домыслов и придумок о том, что система философии Гегеля — это его Энциклопедия.

Однако отдельно отметим, что все выше указанное — лишь представления об ошибках в подходах к пониманию философии Гегеля и, следовательно, ее системы: в частности, без понимания, по меньшей мере, метода, о котором хотел написать К. Маркс, мерностей философии Гегеля, ее трансцендентально-структурных моментов и положений ее развития, в том числе *воспроизведения*, любые рассуждения о ее потаенных аспектах (в том числе о ее системе) являются пустыми разглагольствованиями.

(Кроме указанных существенны и иные, менее очевидные, но не менее важные, положения, дающие представления о причинах и аспектах возникновения и развития искаженных представлений, откровенных домыслов и придумок о том, что система философии Гегеля — это его Энциклопедия.)

А, завершая статью, подытожим: Энциклопедия — это не система философии Гегеля, и даже не часть ее, а всего лишь *явление* трех реальных наук диалектической философии, которые *непосредственно* не дают представления ни о философии Гегеля, ни о ее системе, ни о диалектической философии в целом.

Философии Гегеля и ее система вне диалектической философии никогда еще не рассматривалась объективно и в соответствии с образующими ее положениями, да и не могла так рассматриваться, так что все научные и околонаучные инсинуации по ее поводу лишь догадки, а то и вовсе — просто искажения.

Однако следует сказать и о том, что в *современной диалектической философии* формирование и ее самой системы и системы философии Гегеля не столь уж и нужно, ибо актуально и необходимо формирование системы (всей) диалектической философии, причем в первую очередь для утверждения указанного Гегелем принципа познания.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Соч.: В 14 т. М.; Л., 1927—1954.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Рокмор Т. Об открытии Маркса после марксизма // Вопросы философии. 2000. № 4.
4. Молчанов К.В. Сферы и этапы развития философии в бытии. И Новейшая философия // Философские исследования. 2006. № 3—4.
5. Молчанов К.В. Философия сама. Диалектическая философия. Новейшая философия // Философские исследования. 2007. № 1.
6. Молчанов К.В. Современная диалектическая философия и российская диалектика // Философские исследования. 2008. № 1.
7. Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 39. М., 1956.
8. Коротких В.И. О новом понимании структуры системы философии Гегеля // Вопросы философии. 2003. № 4.
9. Молчанов К.В. Различенная философская основа: воспроизведение философии Гегеля и два из ее собственных моментов // Философские исследования. 2004. № 2.
10. Молчанов К.В. Третий из собственных моментов воспроизведения философии Гегеля, или Одно из отличий потаенной диалектики и известной логики // Философские исследования. 2005. № 1.

V

**РЕЦЕНЗИИ И
ОТКЛИКИ**

Ю.М. ОСИПОВ

Послеконференционная реплика*

Аннотация. Содержательная и указательная реплика по итогам международной научной конференции, прошедшей в декабре 2014 г. в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по проблемам российского антикризиса.

Ключевые слова: кризис, антикризис, экономика, социум, политика, философия хозяйства, историософия, Россия.

Abstract. The article is devoted to a substantial and index remark following the results of the international scientific conference which took place in December, 2014 in Lomonosov Moscow State University on problems of the Russian anti-crisis.

Keywords: crisis, anti-crisis, economy, society, policy, philosophy of economy, historiosophy, Russia.

Конференция прошла хорошо, пожалуй что, и исключительно хорошо: заинтересованно, содержательно, проблемно. Тема-то какая: *российский антикризис!* Вот если бы просто кризис, то пожалуйста: факты, обличения, стенания, — и все ораторы объективны, реалистичны, а главное — правы! Нет ничего проще научного изобличения кризиса, который уже налицо, на ходу, в разгаре. А вот *антикризис* — это уже *нечто*, как раз то самое, которое не очень-то замечаемо, прогнозируемо, обосновываемо. Что тут скажешь? Кризис явно есть, а вот антикризиса... э-э... что-то не видно — и вся тут недолга! Д-а, можно согласиться с тем, что каждый кризис есть одновременно и антикризис, но вот как его — этот антикризис — уловить, ежели все вокруг только плохо: что ситуация, что политика, что поведение? Конференция не нарисовала целостной антикризисной картины, да и не могла этого сделать. Антикризис пока слишком трансцендентен, неявен, сокрыт. Зато конференция стала первым в России ученым собранием, занявшимся данной темой и привлечшим к ней пристальное внимание. И несмотря на явный «недолет» оптимизма, кое-что все-таки выказала из конструктивного. Что же? Она вновь призвала российские верхи к *постреформенному переустройству страны*, осуществляемому посред-

* По поводу Международной научной конференции «Российский антикризис: потребности, препятствия, исходы (социум, государство, экономика, культура)» (МГУ, 3—4 декабря 2014 г.)

ством *государственно-корпоративного неодирижизма*, признающего экономическую свободу субъектов, но не чурающегося *стратегического планирования* и оперативного *регулирования*, а главное на данный момент — *мобилизационного к перестроению подхода*, сочетающегося с решительным преодолением всего объективно и субъективно антикризисному перестроению препятствующего (вроде тех же структурных перекосов и той же славной коррупции). Конференция высказалась фактически за *национализацию антикризиса*, рассматривая антикризисное действие как великое *национальное деяние*. И все такого рода сентенции вовсе не общие слова, мало что и значащие, нет, это важные и веские слова, которые должны представлять интерес для всех: администрации, элиты, бизнеса, народа, в общем — *всей российской нации*, ибо тут дилемма: либо *вырыв* (к тому же развитию), либо *взрыв* (неважно какой и по какой причине) — а на дворе сегодня *сжати*: что кризиса, что антикризиса, что необходимости, что усилий, а потому — *не проморгать бы!*

Е.С. ЗОТОВА

Анатомия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства — 2*

Аннотация. В статье рецензируется второй том нового труда А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал».

Ключевые слова: глобальный капитал, А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, социально-экономические трансформации, социопро-странственное измерение общественного бытия, модель структуризации и типологизации социально-экономических систем, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the second volume of A.V. Buzgalin's and A.I. Kolganov's new work «The global capital».

Keywords: global capital, A.V. Buzgalin, A.I. Kolganov, social and economic transformations, social measurement of human being, structurization and tipologization model of social and economic systems, philosophy of economy.

* Размышления над кн.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал: В 2 т. Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» *re-loaded*). — Изд. 3-е, испр. и сущ. доп. — М.: ЛЕНАНД, 2015. — 904 с.

В первой части наших размышлений, опубликованной в журнале «Философия хозяйства» [1], мы подчеркнули, что выход в свет нового, двухтомного издания книги известных ученых, профессоров Московского государственного университета А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал» стал важным событием в развитии того направления общественной мысли, которое его сторонники называют «Постсоветской школой критического марксизма», и напомнили читателям, что в рамках этой школы уже опубликовано немало коллективных и авторских монографий.

Однако, как мы подчеркнули в том же тексте, рассматриваемая нами монография стала произведением, стоящем на особом месте. В этом двухтомнике представлена и методология, и теория феномена, который авторы называют «глобальный капитал».

В предшествующем тексте мы остановились на проблематике первого тома, оставив за собой право вернуться в дальнейшем к анализу второй книги этих ученых. Напомним, что в первом томе названном весьма пространно — «Методология. По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс-*reloaded*)», — авторы, как и анонсировано, реактуализируют и «перезагружают» методологическое наследие великого мыслителя XIX в.

В данном тексте мы хотим обратиться ко второму тому этой работы. Его заголовок также недвусмысленно говорит о намерениях авторов. Том назван следующим образом: «Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы (“Капитал”-*reloaded*)».

И действительно, авторы в этом томе стремятся представить ни много ни мало обновленный, адекватный условиям новейшего времени вариант «Капитала» Карла Маркса.

Насколько им это удалось — покажет время, а пока воспользуемся авторскими разработками для представления основных достижений авторов в этом томе и затем дадим их критику.

Начинают свое исследование авторы с широкого полотна *контекстов генезиса новой определенности производственных отношений капитализма, характерной для этапа его заката*.

По их мнению, использование в исследовании диалектического метода восхождения от абстрактного к конкретному применительно к этапу заката системы производственных отношений капитализма позволяет *определить природу «позднего капитализма» как пространство-время самоотрицания производственных отношений капитализма в рамках данной системы* и провести теоретически и исторически обоснованную *периодизацию* этой эпохи. Авторы показывают, что: 1) период «подрыва» товарных основ капитализма (возникновение отношений локального регулирования рынка и манипулирования его акторами со стороны крупнейших капиталов) не случайно был опреде-

лен как монополистический капитализм (империализм); соответственно; 2) десятилетия середины XX в. (социал-реформизма и его alter ego — фашизма), знаменем которых стало развитие системы общественных ограничений рынка, теоретически могут быть квалифицированы как период подрыва всевластия денег; 3) эпоха неолиберального рывка, глобализации и финансиализации — как «отрицание отрицания» отношений ростовщического и купеческого капитала, господствовавших в период первоначального накопления капитала, теоретически может быть квалифицирована как период *«накопления через отъятие»* (accumulation through dispossession — Д. Харви). Впереди все большее развитие форм негативного снятия классической капиталистической эксплуатации в процессе массового использования «человеческого», «социального» и т. п. капитала и присвоения интеллектуальной ренты за счет эксплуатации капиталом всего культурного богатства человечества.

Постановка в центр исследования процесса трансформации «царства необходимости» в «царство свободы», лежащее, по известному определению К. Маркса, «по ту сторону собственно материального производства», позволила А.В. Бузгалину и А.И. Колганову систематизировать те изменения в системе общественных производительных сил, *которые обуславливают материально-техническую детерминацию производственных отношений «позднего капитализма»*. Основу этих трансформаций авторы видят в развитии творческого содержания труда, что приводит к тому, что определяющими ресурсами прогресса становятся неограниченные по своей сущности феномены культуры (в частности, знания), а природа должна выступать как ценность, а не источник сырья. В дальнейшем эти положения авторы использовали как основу для исследования новых форм товара, денег, эксплуатации и систематизации глобальных проблем человечества.

Эта проблематика является, на наш взгляд, самой интересной в книге. Начнем с представления основных идей авторов, касающихся *новой природы товара и денег*.

Одной из главных своих разработок А.В. Бузгалин и А.И. Колганов считают раскрытие природы «экономической клеточки» позднего капитализма. Авторы показывают, *какие* изменения в обособленности производителей и разделении труда, в его содержании, — и *как* — приводят к частичным качественным трансформациям рынка. Последний постепенно и нелинейно, но упорно трансформируется в *тотальный рынок сетей*. Последний 1) локально контролируется и регулируется конкурирующими между собой крупнейшими корпоративными структурами, манипулирующими большинством акторов этого рынка; 2) охватывает *все* (а не только экономические) сферы жизни человека и 3) все более становится производством не столько товаров, сколько

их знаков, «удваивая превратность формы, порожденной товарным фетишизмом. Раскрытие политико-экономической природы *симулякров* (их стоимости и потребительной стоимости, цены и механизмов удвоения фетишизации)» авторы также считают важным результатом своей работы.

На этой базе стали возможными теоретическое выведение и эмпирическое обоснование *новой природы денег*, которые все более становятся *виртуальными*, постепенно превращаясь из реального товара — всеобщего эквивалента — в *вероятностный феномен*, зависящий от конъюнктуры глобального фиктивного финансового капитала. Исходя из этой посылки авторы раскрывают природу и противоречия *финансиализации* (финансомика — по Ю.М. Осипову).

К результатам следует отнести также выделение *новых аспектов трудовой теории стоимости*. Здесь авторы, в частности, показывают, что последовательное *завершение процесса восхождения от абстрактного к конкретному, доведенное до исследования превратных форм стоимости, обретаемых ею в условиях позднего капитализма, приводит нас к выявлению феноменов, отражаемых в теории предельной полезности, производительности и т. п.* При этом марксистский анализ позволяет показать, что эти теории адекватно отражают то мнимое содержание, которое объективно создается превратностью формы стоимости, многократно видоизменявшейся на протяжении долгой историко-логической эволюции и представленной на поверхности явлений позднего капитализма во многом иначе, нежели это было описано в I главе I тома «Капитала».

Естественным продолжением исследования новой природы товара и денег стало *раскрытие изменений в содержании капитала*. В центре второго тома книги — *трансформация сущности производственных отношений капитализма — отношения капитала и наемного труда, эксплуатации и воспроизводства*. Авторы показывают, что эти изменения также нарастают исторически и логически.

В работе предложена историко-генетическая, восходящая от абстрактного к конкретному и учитывающая социопространственные противоречия *система форм и методов эксплуатации работника капиталом, свойственная глобальной экономике XXI в.:* от полурабских форм личной зависимости через «классические» формы капиталистической эксплуатации индустриального рабочего к использованию методов создания и присвоения монополистической (и империалистической, основанной на эксплуатации периферии) сверхприбыли и существенно новым отношениям эксплуатации креативной деятельности. В последнем случае авторы предлагают гипотезу, раскрывающую новую природу этого отношения. В «Глобальном капитале» доказывается, что *эксплуатация творческого работника есть присвоение не*

столько созданной им прибавочной стоимости, сколько *некоторой доли всеобщего творческого труда человечества, всеобщего культурного богатства, распределенного данным работником*. Этот результат, присваиваемый, как правило, не (креативным) работником, а субъектом интеллектуальной собственности (корпорацией), не имеет стоимости, но имеет некоторую цену, что позволяет собственнику креативной корпорации получать так называемую *интеллектуальную ренту*.

На этой базе авторами показаны изменения в отношениях формального и реального подчинения капиталом не только рабочей силы, но и *личностных качеств человека*, в частности, его *свободного времени*. Это исследование позволило дать конструктивную критику категорий *человеческого и социального «капитала»*, отражающих в превратной форме реальные изменения роли человека и его социальных связей в современной экономике. Авторы показывают, что в основе этих феноменов лежит подчинение общему процессу воспроизводства капитала (все большему извлечению прибыли) личностных качеств креативного работника и отношений солидарности.

В книге выделены и систематически представлены новые аспекты отношений воспроизводства капитала, что позволяет вывести *новую форму закона всеобщего капиталистического накопления*, показав, что мера противоположности капитала и наемного труда (и, в частности, социальной дифференциации) обратно пропорциональна энергии и эффективности социально-творческого противодействия подчинению капиталу со стороны труда (развитости рабочего движения, социализации экономики и т. п.). Авторы также показывают существенные изменения в структуре общественного воспроизводства (в частности, выделяют наряду с материальным производством *бесполезный (превратный) сектор и креатосферу*) и социальной структуре позднего капитализма. Последнее дает основания для важных выводов о *трансформации социального слоя, несущего на себе историческую миссию снятия власти капитала. Им становится социально-креативный класс*.

В работе классическая марксистская теория кризиса использована для анализа мирового финансового и экономического кризиса 2007—2009 гг. Предсказанный еще в первом издании книги (2004) кризис по многим базовым параметрам оказался «классическим» (дерегулирование и десоциализация как механизмы высвобождения имманентных для капитализма причин кризиса, перенакопление капитала как его основная причина), но по ряду был обусловлен новыми качествами позднего капитализма (опережающее развитие виртуального фиктивного финансового капитала и др.), раскрытыми авторами на основе работ предшественников.

На этой базе Бузгалин и Колганов предлагают своеобразные *пролегомены марксистской политэкономии глобализации*. Основываясь на оригинальной концепции структуры экономической системы, авторы обосновывают *систематизацию основных противоречий глобализации*, ряд из которых хорошо известен (на уровне способа координации — противоречие между глобальным рынком и национально-государственным регулированием, в социальной сфере — глобальное неравенство — национально-государственные системы социальной защиты), но основные выделены впервые. Среди них — *противоречие между глобально организованным и представленным основными глобальными игроками капиталом и диффузным, раздробленным, транснационально не организованным наемным трудом*.

В книге показано, что в основе этих противоречий лежат специфически-глобальные производительные силы, имеющие не менее противоречивую структуру. Следствием этих противоречий является *совокупность отношений глобального насилия* (асимметричные войны, политико-идеологическое манипулирование и т. п.), укрепляющие свойственный для позднего капитализма механизм *накопления через отъятие*.

Квинтэссенцией анализа становится выделение *структуры и каналов власти внутри транснациональной корпорации*, а также систематизация механизмов ее манипулятивного воздействия на остальных акторов рынка.

Завершает книгу разработанная авторами теория антигегемонистских сил, включающая оригинальный анализ *природы и противоречий альтерглобалистского движения, сетевых («цветных») революций и ростков социально-экономической системы будущего посткапиталистического общества*.

Едва ли не наибольший интерес для читателя представит раздел, посвященный *анатомии российских мутаций позднего капитализма*. В этой части книги методология и теория исследования позднего капитализма и трансформационных состояний прилагаются в завершающих главах книги к специфическим условиям постсоветской России.

Это, во-первых, позволяет авторам раскрыть специфику противоречий российских отношений координации, выделив наряду с типичными для позднего капитализма отношениями тотального рынка и локального корпоративного, а также государственного регулирования, широкое распространение в отечественной экономике пережитков *натурально-хозяйственной замкнутости, использования в системе отношений корпоративного манипулирования методов внеэкономического принуждения, теневого государственного регулирования, «ручного управления»*. В работе раскрывается политико-экономическое содержание этих специфических феноменов.

Во-вторых, авторы раскрывают особенности отношений присвоения и отчуждения. Здесь также наряду с типичными для полупериферийных экономик позднего капитализма феноменами (высокий уровень социальной дифференциации, незащищенность работника, нацеленность капитала на престижное потребление, а не на накопление) присутствуют *рудименты отношений «реального социализма»* (патерналистски-ориентированное поведение наемных работников и др.) *и добуржуазных способов производства* (широкое использование методов внеэкономического принуждения, своего рода «вассалитет» в отношениях государства и капитала).

В-третьих, в этом разделе показана характерная для отношений накопления капитала в российской экономике *воспроизводственная ловушка*, где специфика сложившейся в результате разрушения экономики советского типа структуры производительных сил (абсолютное доминирование сырьевых и обслуживающих секторов) при господстве описанных выше отношений координации и присвоения/отчуждения может порождать и порождает экстенсивный тип воспроизводства, мультиплицирующий сырьевую зависимость. Существенно, что известный механизм «голландской болезни» в данном случае выведен из специфики производственных отношений, сложившихся в России.

Завершает исследование в этой части презентация того, что А.В. Бузгалин и А.И. Колганов называют *«Стратегией опережающего развития»*. В ее основе — предложенные выше тезисы о современной эпохе как периоде нелинейной трансформации «царства необходимости» в «царство свободы» и новой структуре общественного воспроизводства в этих условиях, в частности, необходимости приоритетного развития I подразделения новой экономики — образования — как сферы «производства» творческого потенциала человека, являющегося главным источником прогресса в XXI в. На этой основе авторы показывают параметры *стратегии, обеспечивающей приоритетное развитие креатосферы и составляющих ее базу отраслей материального производства, обеспечивая социально-ориентированное развитие*, способное нас подвести к уровню социал-реформистских экономических систем («скандинавской» модели стран «Центра»). Реализация этой стратегии потенциально возможна даже в условиях коренного реформирования (но еще не революционного снятия).

Таковы лишь некоторые важнейшие положения этой большой и содержательно богатой книги.

Однако далеко не все бесспорно в представляемом нами труде. Есть немало тезисов, заслуживающих критики.

Среди основных — абсолютизация авторами монографии потенциала марксистской методологии и теории.

В связи с анализом первого, посвященного методологии, тома этой книги, мы уже писали, что в работе практически игнорируются, а во многих случаях прямо отрицаются возможность и плодотворность выделения цивилизационных особенностей различных общественных систем. Это касается, однако, не только методологии, но и общего анализа природы капитализма. В работе начисто отсутствует то, что следовало бы прямо связать со спецификой западной, основанной на индивидуалистической этике и модели жизнедеятельности, цивилизации. Для авторов капитализм (в том числе — поздний капитализм) — это некая универсальная абстракция, основные черты которой равно господствуют в любой точке глобального мира. Особенно остро недостатки такого подхода проявляются при характеристике специфики российского капитализма.

Соглашаясь с авторами в критике многих негативных последствий обвальная либерализации и приватизации, мы не можем поддержать их методологической установки, фактически игнорирующей такой плодотворный метод, развиваемый школой философии хозяйства, как поиск и формирование параметров экономической системы, исходя не из неких универсальных объективных экономических законов (наличие которых мы, безусловно, не отрицаем, но в отличие от авторов книги не возводим в абсолюты), а на основе определения ключевого для того или иного народа цивилизационного кода, его историко-культурных, религиозных, духовных традиций.

Второе важное критическое замечание. Работа полностью копирует логику «Капитала» К. Маркса (анализ товара, денег, капитала, накопления), сохраняя в нетронутом виде посылку исследования исключительно производственных отношений. Между тем реалии исторического бытия, особенно нашей цивилизации, показывают, что такой подход является крайне ограниченным. Реальное бытие общества — это хозяйственный, а не чисто экономический процесс. В нем люди участвуют во всем богатстве своих качеств. В него всегда включено государство, причем не только и не столько как «аппарат насилия» (марксистский подход), сколько как единая материальная и духовная общность народа, территории, истории, духовного бытия и собственно хозяйственной деятельности.

То, что авторы не принимают во внимание это богатство хозяйственных процессов, существенно обедняет данную — в своей основе содержательно богатую — книгу.

И еще одно замечание. Работа имеет обширный справочно-библиографический аппарат (в ней есть предметный и именной указатели, библиография, детальное оглавление), и его наличие — большая заслуга авторов и их добровольных помощников, о которых они благодарно отзываются в предисловии. Однако в этом обилии авторов и

понятий очень узко представлены имена русских исследователей хозяйства. Работа (и указатели, библиография это подтверждают) основана преимущественно на мировом, а не собственно российском экономико-философском наследии.

В целом, однако, подчеркнем еще раз, двухтомник А.В. Бузгалина и А.И. Колганова является фундаментальной и принципиально важной работой, показывающей, что марксистское направление, при всей его ограниченности, может обеспечить существенное продвижение в понимании природы и противоречий современной экономики.

Литература

1. *Зотова Е.С.* Анатомия глобального капитала: взгляд сквозь призму философии хозяйства // *Философия хозяйства*. 2014. № 6.

Х. ХОРИЭ

По поводу статьи Сергея Булгакова к пятидесятилетию со дня смерти Н.Г. Чернышевского

Аннотация. В статье предпринимается попытка найти точки соприкосновения идей двух мыслителей — Н.Г. Чернышевского и С.Н. Булгакова. Сравнивая социально-политические взгляды двух мыслителей, автор доказывает, что Булгаков, прошедший путем отрицания ортодоксальной и легальной версий марксизма и народнической школы, обнаруживает определенное согласие с идеями Чернышевского.

Ключевые слова: религиозный идеализм, «шестидесятники», С.Н. Булгаков, Н.Г. Чернышевский, самоуправление, федерация, бюрократия, социализм, «От марксизма к идеализму», Соединенные Штаты, личность, освободительное движение.

Abstract. In the article author attempts to find common ground ideas of the two thinkers. N.G. Chernyshevsky and S.N. Bulgakov. Comparing the socio-political views of the two thinkers, the author proves that Bulgakov, passed through the path of denial main stream and legal versions of Marxism and the populist (Narodniki) school, finds some agreement with the ideas of Chernyshevsky.

Keywords: religious idealism, the Sixtiers, S.N. Bulgakov, N.G. Chernyshevsky, self-government, federation, bureaucracy, socialism, «From Marxism to Idealism», United States, lichnost', liberating movements.

Старая дуалистическая классификация, делящая всю историю человеческой мысли на два лагеря — материализм и идеализм, — все же имела определенное значение и удобство. Однако очевидно, что при таком способе было затруднительно находить общее, разделяемое мыслителями, приписываемыми, согласно этой классификации, к противоположным лагерям философской традиции. Реалист-материалист Николай Чернышевский и идеалист, религиозный мыслитель Сергей Булгаков. Как можно связать двух русских философов, принадлежащих, согласно этой старой классификации, к совершенно разным направлениям философии?

К счастью, Булгаков опубликовал небольшую статью под заголовком «Н.Г. Чернышевский» (1904) в журнале «Новый путь». Этот текст может стать звеном, которое сблизит двух философов. Для начала вкратце изложим содержание этой статьи, приуроченной к 15-летию со дня кончины Чернышевского.

В начале публикации Булгаков, с чувством некоторой ностальгии вспоминая собственное прошлое — разделение пафоса русских «шестидесятников», т. е. страсти к поиску социальных реформ на почве атеизма и веры к науке, отмечает позитивное значение исторической фигуры Чернышевского. Булгаков находит таковое значение в духовном складе Чернышевского. Как отмечает Булгаков, именно у Белинского, Герцена и последующих деятелей «шестидесятых» «окончательно определился демократический и свободолюбивый дух русской литературы» [1, 319]. Чернышевский оценивается Булгаковым как «титан» духа русского просветительства, со свойственными ему демократизмом и гуманизмом. Как считает Булгаков, в современное ему время снова наступает эра освободительного движения, выраженного в политической борьбе за эмансипацию личности. Современное ему время сравнимо с эпохой, в которой жил Чернышевский, поэтому «мы можем учиться у старшего поколения, как нужно нести эту службу» [1, 319].

Во второй половине статьи, переходя к теме философских оснований творчества Чернышевского, автор меняет интонацию. По мнению Булгакова, «русское просветительство» и «рационалистическая и материалистическая философия» необходимы были в «историческом созревании человеческого духа», но в ту пору «наивная “вера в разум”, т. е. в рассудок, еще не была для нее отравлена скептическим анализом Канта, Юма и дерзким сомнением Ницше, права и компетенция разума не сделаны были еще критической проблемой» [1, 319]. Как считает Булгаков, философско-теоретический фундамент учений «шестидесятников» уже давно изжил себя, несмотря на актуальность духовно-этической составляющей этого направления мысли. Статья довольно короткая. Поэтому Булгаков не пытается подробно описывать, что это за новый фундамент, который, согласно его убеждению, должен заме-

нить старую «веру в разум». Но все же вкратце формулирует свой ответ: «признание верховных и священных прав личности и весь гуманизм коренятся в учениях религиозного идеализма, в постулатах потустороннего мира» [1, 320]. Автор заключает свое размышление мыслью о том, что, если Чернышевский жил бы в современное автору время, то его живая мыслящая душа «способна была бы в дальнейшем развитии оставить далеко позади ступень, первоначально указанную ей историей» [1, 320].

Прежде всего, обращает на себя внимание то, что данная оценка главного героя «шестидесятников» довольно легко укладывается в рамках типичной для Булгакова критики «материализма-позитивизма». Одной из главных мыслей Булгакова того времени была необходимость доказать несоответствие материалистическо-позитивистической философии задаче настоящего обоснования *гуманистических*²³ ценностей, отстаиваемых современным освободительным движением, и тем самым, с одной стороны, критиковать философско-теоретическое основание данного направления, а с другой — спасти свойственный ему подвижнический дух. Булгаков того времени — бывший легальный марксист, перешедший на позиции идеалиста. Но в отношении политического взгляда он оставался довольно ярким приверженцем освободительного движения и социализма. Среди других статей, написанных Булгаковым с тем же мотивом критики философской основы освободительного движения и спасения его духа, известные статьи о Герцене, Фейербахе и также, в какой-то степени, статья о Марксе и о герое романа «Братьев Карамазовых», Иване как символе русской интеллигенции, страдающей из-за собственного идейного противоречия. В этих статьях Булгаков усматривает подобное идейное противоречие, или несоответствие, философской позиции этическому настрою, главным образом, в том, что перед фактом неизбежности индивидуальной смерти представители русской атеистической интеллигенции все же не могут не переставать искать абсолютность человеческой жизни.

Как убежден Булгаков, приверженцы материализма и позитивизма не в состоянии признать какую-либо абсолютность в ограниченном индивидуальной смертью индивидууме и невольно начинают подыскивать выражение искомой абсолютности в образе коллективного человечества. Оно вопреки смерти своих отдельных членов как бы вечно продолжает существовать через бесконечное чередование поколений. Однако, по убеждению Булгакова, данный образ вечного человечества страдает из-за двух неразрешимых проблем. Во-первых, данное пред-

²³ Булгаков сам не особо любил использовать выражение «гуманизм» для выражения комплекса ценностей, направленного на уважение личности и расценивал проявления «гуманизма» в большинстве своем как ограниченное добро.

ставление все равно не в состоянии оправдать или компенсировать бессмысленные страдание и смерть многочисленных индивидуумов, попавших во тьму истории, т. е. страдание «деточек», о которых говорил Достоевский устами Ивана Карамазова. Представление о вечном существовании человечества не может разрешить эту самую фундаментальную трагедию человека и защитить абсолютную ценность отдельной человеческой личности. Во-вторых, как думал Булгаков, данная позиция, стремящаяся усматривать преимущественную ценность в коллективном человечестве, или будущем счастливом поколении социалистического рая, плавно перейдет к резкой антигуманистической позиции, оправданию «мук родов», т. е. жертвы индивидуума в истории ради общей пользы или будущего человечества. Подобная тенденция антигуманизма, «человекобожие», проявлялась в некоторой степени в мысли Фейербаха и в еще большей степени в мысли Маркса, как считал Булгаков.

Согласно убеждению Булгакова того времени, единственно возможный путь к решению этих проблем может основываться только на христианском догмате уважения к личности, особенно на двух христианских идеях. Первая — идея всеобщего воскресения как единственного пути к выкупу страдания и смерти каждой отдельно взятой личности, как единственная настоящая альтернатива против атеистического мировоззрения, неспособного, в конечном счете, выстоять перед соблазном прибегнуть к «мукам родов» ради будущего гармоничного общества. Вторая — идея Церкви-Собора как духовного сообщества верующих.

Булгаков искал конкретную модель данного соборного сообщества, с одной стороны, в образе духовного уклада, описанного Достоевским через образы героев «Братьев Карамазовых», старца Зосимы и Алеши, т. е. в духовной установке, которая позволяет отдельно взятым членам соборного общества реально разделить страдание и вину чужого человека. Булгаков цитирует слова героя романа старца Зосимы: «все за всех и во всем виноваты, человечество едино и солидарно и нет в этом едином и живом целом возможности провести границу, где кончается вина одного и другого» [2, 100]. Другими словами, здесь мистическая любовь как возможность чувствовать страдание чужого как своего и брать на себя чужую вину как свою. С другой стороны, такая модель усматривается в концепции Софии—мировой души Соловьева как реального единого человечества, на котором, как отмечал Булгаков, основывается указанное мистическое чувство общечеловеческой солидарности...

Когда в статье о Чернышевском Булгаков отмечает как собственное решение, что «признание верховных и священных прав личности и весь гуманизм коренятся в учениях религиозного идеализма, в постулатах потустороннего мира», то следует считать, что он вкладывает

вают в слова «религиозный идеализм и постулаты потустороннего мира» именно вышеуказанное значение. Как считал Булгаков того времени, свойственные русской интеллигенции идея освобождения личности, ее идеалы гуманизма и нравственного энтузиазма, должны быть переустановлены на религиозно-философской основе, понятой именно таким образом.

Обратим внимание на то, что данная статья о Чернышевском, повторяя типичное содержание цикла булгаковских статей, посвященных опровержению атеистического позитивизма, опубликована в ноябрьском номере журнала «Новый путь» за 1904 г., редакционное право которого Булгаков фактически приобрел накануне — с предыдущего октябряского номера.

Как выясняет исследователь М.А. Колеров [3], еще задолго до этого Булгаков хотел иметь собственный печатный орган — журнал для своей группы идеалистов, которую он вместе с Бердяевым и другими инициировал, выпустив сборник «Проблемы идеализма» (1902). Редакционное право на «Новый путь» приобретено именно с этой целью. В октябрьском и последовавших ноябрьском и декабрьском номерах размещены статьи под одним и тем же заголовком «Без плана. 1. “Идеализм” и общественные программы» — своего рода политические программы идеалистов. Ясно, что эти первые номера имели особое декларационное значение для идеалистов. В них заявлялась новая позиция идеалистов. Следовательно, есть основание полагать, что отдать дань памяти Чернышевскому, посвятив ему в ноябрьском номере отдельную статью — вполне сознательное и в определенном смысле даже демонстративное действие со стороны идеалистов как политической группы. А содержание данной «демонстрации» говорит читателям о том, что наследником героического духа освободительного движения «шестидесятников» являются не современные представители освободительного движения материалистического и позитивистского толка, т. е. марксисты и народники, выдающие себя таковыми, а именно «мы» — идеалисты.

Объясним. Упомянутая серия статей под заголовком «Без плана. 1. “Идеализм” и общественные программы» представляет собой интересные документы, обнаруживающие конкретные социальные программы «идеалистов», и служит для нас аргументом, подкрепляющим нашу позицию.

Булгаков начинает данный цикл статей с мыслью, что провозглашаемая философско-теоретическая основа того или иного социального движения не всегда совпадает с его практическими социальными программами, и, в частности, материалистическая теоретическая основа марксистов и народников является необязательным фундаментом их практической общественной программы. Таким образом, как бы расширяя поле для своего дальнейшего теоретического размышления,

Булгаков заявляет, что провозглашаемая им группа идеалистов берет своей философско-теоретической основой именно идеализм. Однако вопреки популярному представлению о политической ориентации идеализма в сфере практической социальной программы, он фактически не занимает самостоятельную от атеистических освободительных сил позицию, т. е. в целом разделяет социальную программу, «которая в своих принципиальных основаниях была искони общепринятой в передовых слоях русской интеллигенции» [4, 262—263]. Если говорить конкретно, как заявляет Булгаков, идеалисты должны поддерживать «принципиально отрицательное отношение к капиталистической частной собственности, к собственности на орудия и материалы производства, которая неизбежно является средством капиталистической эксплуатации» [6, 310], а также «централистического коллективизма, при посредстве которого устраняется капиталистическая организация предприятия» [6, 313].

Однако, согласно убеждению Булгакова, разница философско-теоретической основы проявляется в том, что в то время как марксисты рассматривают как фактическую высшую ценность «классовые интересы», а народники — понятие «народ», идеалистами в ранг таких высших ценностей возводятся именно «права человека и гражданина, права человеческой личности, свобода или, вернее, свободы, вся совокупность всяких свобод для этой личности» [4, 269]. И в сфере практической программы, по которой идеалисты могут идти вместе с этими двумя силами, Булгаков выделяет преимущество идеалистов. Согласно его убеждению, при разработке конкретной социальной политики идеалисты расположены к «большему научному бесстрастию, большему научному реализму», в котором идеал освобождения личности выступает как единственная мера для определения эффективности той или иной конкретной политики. В то же время, как считал Булгаков, марксисты и народнические силы страдают догматизмом. Догматизм марксизма заключается в том, что марксисты догматизируют понятие классовой борьбы для классовых интересов и не умеют привнести свой вклад непосредственно в дело улучшения условий труда рабочих. А также в том, что из-за механического применения своего закона концентрации индустриального производства в сельском хозяйстве марксисты рассматривают пролетаризацию мелких крестьянских хозяйств и образование крупных хозяйств как неизбежный ход развития сельского хозяйства. Как отмечает Булгаков, с точки зрения опытного наблюдения и изучения крестьянское хозяйство, которому свойственна семейная форма хозяйства, не обречено на вымирание, а, наоборот, развивается. Марксисты не могут принять этот факт из-за своего догматизма. В то же время и народничество страдает догматизмом. По убеждению Булгакова, семейное крестьянское хозяйство представляет собой форму общественно-полезного аграрного производства, в кото-

ром средства производства не отделены от производства и нет места эксплуатации наемного труда. Однако народники, страдающие фобией частной собственности, наоборот, атакуют крестьянское хозяйство и фактически поддерживают государственную политику, направленную на сохранение крестьянской земельной общины, ограничивающей права крестьян. Согласно убеждению Булгакова, крестьянская община должна стать юридическим лицом со свободой права вступления и выхода.

Конечно, грубо просто сравнивать взгляды двух мыслителей, рассуждающих по времени почти на полвека, тем более их взгляды на конкретные политические меры. Политическая программа Булгакова разрабатывалась после сознательного усвоения теоретических достижений марксизма и народничества. Однако, если все же попытаться найти точки соприкосновения социальных взглядов двух мыслителей, то можно указать, что вопреки прогнозируемому капиталистическому пути развития сельского хозяйства оба мыслителя ориентировались на сохранение и развитие земельной общины в определенной форме и в конечном счете через это на преобладание коллективной формы сельского хозяйства. Оба они были убеждены в преимуществе коллективной формы хозяйства с точки зрения производительности.

В то же время Булгаков был абсолютно далек от какого-либо утверждения существования универсального закона развития, который, как утверждает Чернышевский в статье «Критики философских предубеждений против общинного владения», распространяется от закона развития физического мира до закона развития человеческого общества. Булгаков, как раз наоборот, своей целью считал опровержение догматического прогноза, основанного на каком-либо законе прогресса общества. Если Булгаков поддерживал сельское хозяйство определенной формы, то это именно потому, что она представлялась ему более этичной в силу ее совпадения с этическим принципом всеобщего труда и отсутствия эксплуатации, как в случае с семейным крестьянским хозяйством, или в силу высокой производительности и удобства в производстве, как в случае будущего «аграрного социализма как перспективы отдаленного будущего» [6, 313].

Стоит также отметить, что сельская земельная община, на которую как на ориентир указывал Булгаков, представляла собой «кооперативное объединение мелких трудовых крестьянских хозяйств» [6, 313], которые, однако, владеют землей как частной собственностью. А современные Булгакову сельские общины рассматривались им скорее как институты, обреченные на ликвидацию.

На фоне социального-политического взгляда Чернышевского более интересными кажутся описания должного направления развития общества Булгаковым, который к этому времени уже «прошел» через марксизм. Конечно, Булгаков, придерживающийся «научного реализ-

ма», был очень осторожен в выдвижении какой-либо конкретной модели будущего общества. Но все же мы обнаруживаем, что данная модель была описана им в сфере экономики как «централистическая промышленная демократия, где промышленная жизнь регулируется совокупной республикой труда сверху вниз, из центрального представительства к периферии, и земледельческая демократия — с принципом федеративного устройства вечевого начала» [6, 311]. В сфере политики его модель формулируется как «изменения правовых и государственных учреждений в таком направлении, чтобы уменьшалось влияние централизованной бюрократии и увеличивалось свободное самоопределение самоуправляющихся общественных групп» [4, 270]. Как мы видим, в сфере политики Булгаков противопоставляет понятие «общественного самоуправления» «бюрократии, орудию исполнительной власти», хотя и признает, что «самое идеальное самоуправление не может вполне вытеснить бюрократию, которой принадлежат известные необходимые функции в государственной жизни» [5, 344]. Такой идеал самоуправления, противопоставленный «бюрократии» встречается и в статье «Неотложная задача», опубликованной в 1905 г. в сентябрьском номере того же журнала, уже сменившего название на «Вопросы жизни». Как пишет там Булгаков, идеал является «развитием самоуправления и общественного самоопределения, при котором правительство, власть и общество постепенно сливаются друг с другом» [7, 33]. В качестве наиболее конкретного идеала выдвигаются «свободный союз самоуправляющихся общин, федеративный союз демократических республик, всемирные Соединенные Штаты» [7, 33].

Здесь наше внимание привлекает то обстоятельство, что ориентация на будущее общество главным образом выразилось Булгаковым того времени терминами: «самоуправление» и «федерация». Тут мы обнаруживаем интересное совпадение с Чернышевским. Как известно, в работе «Критика философских предубеждений против общинного владения» Чернышевский берет в качестве среднего этапа развития человеческого общества «бюрократию», которую он усматривает в современных ему обществах Франции, Австрии и Пруссии. Как описывает Чернышевский, на данном этапе развития общества «житель округа по отношению своему к администрации есть лицо чисто пассивное, *materia gubernanda*» [8, 468]. Эти общества «лишены органического единства» [8, 467]. А высший завершающий этап развития, который, согласно теории Чернышевского, «по форме» совпадает с первоначальным этапом развития человеческого общества, он описывает так: «ученым образом подобное состояние называется самоуправлением и федерацией» [8, 467].

Интересно также последнее булгаковское выражение «всемирные Соединенные Штаты». Мы знаем, что в качестве наиболее близкой к идеалу модели, подобной «самоуправлению» и «федерации», Черны-

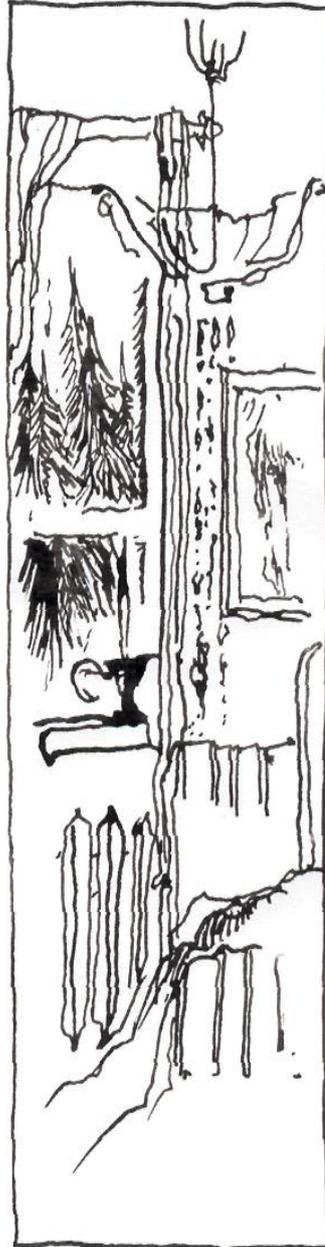
шевский упоминает современную ему Америку: «Швейцария и Северо-Американские Штаты по административной форме представляются совершенным возвращением от бюрократического порядка к первоначальному быту, какой имели люди до возникновения общинных государств» [8, 468]. Мы обнаруживаем, что и Булгакову «Северная Америка» представлялась примером общественного режима, близким христианской модели общества, ибо таковой может быть «...не деспотический автократизм татаро-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей официальной церковью, но федеративная демократическая республика, как это хорошо понимали в свое время английские диссиденты, эмигрировавшие в Америку» [7, 33].

Возможно, все это можно просто объяснить тем, что «самоуправление», «федерация» и «Соединенные Штаты» были крылатыми популярными ключевыми словами «шестидесятников». Тем не менее нам представляется интересным, что терминология Булгакова, прошедшего путь отрицания ортодоксальной и легальной веток марксизма, с одной стороны, и отрицания народничества — с другой, оказалась той же самой терминологией «шестидесятников».

Литература

1. Булгаков С.Н. Н.Г. Чернышевский // Новый путь. Ежемесячный журнал. 1904. Ноябрь. № 11.
2. Булгаков С.Н. Религия человекобожия у Л. Фейербаха // Булгаков С.Н. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М., 2008.
3. Колеров М.А. Не меч, но мир. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909. СПб., 1996.
4. Булгаков С.Н. Без плана. 1. «Идеализм» и общественные программы // Новый путь. Ежемесячный журнал. 1904. Октябрь. № 10.
5. Булгаков С.Н. Без плана. 1. «Идеализм» и общественные программы. (Продолжение) // Новый путь. Ежемесячный журнал. 1904. Ноябрь. № 11.
6. Булгаков С.Н. Без плана. 1. «Идеализм» и общественные программы. (Окончание) // Новый путь. Ежемесячный журнал. 1904. Декабрь. № 12.
7. Булгаков С.Н. Неотложная задача (О Союзе христианской политики) // Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991.
8. Чернышевский Н.Г. Критика философских предубеждений против общинного владения // Чернышевский Н.Г. Изб. филос. соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1950.

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

8 декабря 2014 г. в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова прошла международная научно-практическая конференция «*Геополитические риски современной мировой экономики*», посвященная 30-летию кафедры мировой экономики. Основатель кафедры и ее бессменный руководитель — член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор Р.И. Хасбулатов. В конференции принял участие директор ЦОН при МГУ профессор Ю.М. Осипов. Ниже приводится изложение его выступления.

Ю.М. ОСИПОВ

Современность: война миров

Аннотация. Рассматриваются разделение планетарного мира на передовой (западный) мир и остальной (усиленно развивающийся) мир и факт нарастающего противостояния двух миров, их противоборства. Это по горизонтали. А по вертикали: борьба человеческого мира с античеловеческим миром, или мира с антимиром. Отсюда и «война миров» (войны миров). Россия не вошла субчастью в Западный мир, она срейфовала в остальной мир, занимая в нем ведущую геостратегическую позицию.

Ключевые слова: мир, планетарные миры, война, антимир, геополитика, геостратегия, Россия, историософия, политика, история, философия хозяйства.

Abstract. The article is devoted to the world and the fact of the accruing opposition of two worlds, their antagonisms, division of the planetary world into the advanced (western) world and other (strenuously developing). The author shows fight of the human world against the anti-human world or the world with an antiworld that results in «the war of the worlds». Russia is not a part of the Western world, it moves to other world taking in it the leading geostrategic position.

Keywords: world, planetary worlds, war, antiworld, geopolitics, geostrategy, Russia, historiosophy, policy, history, philosophy of economy.

Сегодняшний — 2014 г. — мир — мир тектонических структурных перемен. Уже сформировавшийся на планете передовой (он же Западный) мир дополняется формирующимся остальным (Восточным, Южным, включая и Россию) миром, противостоящим Западному миру. Земной мир разделяется на два планетарных мира: на империально эксплуатирующий планету Западный мир и на освобождающийся от этой имперской эксплуатации Остальной мир, Россия уходит от За-

падного (глобалического) мира и переходит в Остальной мир. Между мирами разгорается борьба. Здесь деление планеты и война миров по горизонтали (смысловой, конечно). Но происходит и мировое разделение по вертикали. Запад все более втягивается в античеловеческое (постчеловеческое) бытие, куда не хочет попадать Остальной мир, включая Россию. Отсюда борьба миров по вертикали: всё-ещё-человеческого мира, сохраняющегося в Остальном мире, не порывающем с традицией, против античеловеческого, или постчеловеческого мира, порвавшего с традицией и уходящего в абсолютную новизну, или в антимир. Итог: круговая *война миров*, ставкой в которой служит уже само будущее всего человечества. Стимулируемая украинским кризисом (Украина как яблоко геостратегического раздора), Россия уходит от Западного мира, в который попала в итоге краха СССР и международной социалистической системы в роли субчасти (зависимой части), интегрируется теперь в Остальной мир, но не просто как его самостоятельная часть, а как одна из ведущих стран, если не как важный геополитический лидер. Западный мир дружно ополчился во главе с США против России, развязывая новую холодную войну. Россия, поддерживаемая так или иначе Остальным миром, включая БРИКС, заняла позицию опережающего сопротивления, сопряженного с возрождением самостоятельной России. Перед страной, с одной стороны, рецессионные трудности (падение рубля, рост цен, выхолащивание некоторых рынков), а с другой — необходимость импортозамещения и интенсивного развития. Шансы преодоления возникших трудностей и выхода к системному развитию у России есть, но... не без известной доли аскетизма и заметной степени внутренней мобилизации. Ничего не поделать: *своя* история требует и *своих* жертв!

* * *

20 января 2015 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялась Юбилейная научная конференция — Ломоносовские чтения — 2015 «Альтернативы экономической политики в условиях замедления экономического роста: разработки и рекомендации экономистов МГУ». В рамках секции «Методология и история экономического развития: альтернативные подходы» была проведена подсекция на тему «М.В. Ломоносов как антикризисный дирижист», на которой выступили доктора наук Ю.М. Осипов, М.Л. Альпидовская, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, К.В. Молчанов, Л.И. Ростовцева (Тула), М.А. Румянцев (СПб.), И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский, Т.Н. Юдина; кандидаты наук П.П. Жуликов, Е.С. Зотова, С.С. Нипа, С.Л. Сазанова, Г.В. Фадейчева (Владимир); научные сотрудники А.А. Антропов, С.С. Мерзляков.

Из мероприятия можно сделать следующие выводы.

1. Назрела необходимость осознания правящими кругами того важнейшего исторического факта, что выход из системного пореформенного кризиса возможен только на постреформенном пути, что предполагает масштабную структурную перестройку российского национального хозяйства с коренным изменением характера проводимой в стране экономической политики. Косметический антикризисный ремонт уже не поможет. На место терапии должна прийти хирургия.

2. Решение глубоких, острых и судьбоносных проблем возможно на путях антикризисного государственно-корпоративного дирижизма национальной направленности. Современный дирижизм рассматривается как неодирижизм, не отрицающий открытости экономики и принципов частной хозяйственной инициативы. Неодирижизм способен сочетаться с либерализмом, но признающим наличие государственно-корпоративного дирижизма. Последний должен носить по преимуществу побудительный, косвенный, контекстовый характер.

3. Сегодня как никогда важно понять, что только национальное единение всех хозяйственных агентов-игроков способно обеспечить выживание, развитие и процветание суверенной России, одинаково необходимой для нации, государства и всех хозяйствующих субъектов без исключения. Обострившаяся международная ситуация должна способствовать такому единению (возможно, и мобилизационному) и радикальной переориентации национальной социально-экономической политики.

* * *

К III Московскому экономическому форуму (МЭФ—2015) Ответы Ю.М. Осипова журналу «Мир перемен»

1. **Что вас устраивает и что не устраивает в экономической политике России?** Вот уже четверть века в России проводится субглобалистская экономическая политика, предполагавшая сначала превратить экономику страны в капиталистическую, загнав ее в мировую глобалистскую сеть, а затем обеспечить относительное, хотя и зависимое от глобализма, процветание российской экономики на основе и в рамках субглобалистской энерго-сырьевой модели. Все это было успешно проделано, причем под либеральным флагом, но с жестким трансформационным и удерживающим экономику в ее «перекошенном» состоянии государственным дирижизмом. И все было бы ничего, если бы не «тупик несправедности» и не «тупик неразвития», в которые попала вовсе и не национальная (не справедливая и не суверенная) экономика. Невообразимое присвоение со стороны немногих и избыточное потребление многих в сочетании с обнищанием и позорным

«неуклюжим» положением народных масс состоялись, но не получили удовлетворительной в производительном плане и достаточно приемлемой в социальном отношении экономики. Пореформенная система, страдая органичной порочностью, так и не вышла из своего же собственного системного кризиса. Требовалось глубокое и масштабное перестроение постреформенного типа, которое не было осуществлено, хотя и продолжает громко стучаться в дверь.

2. **Насколько объективна и насколько рукотворна российская стагнация?** Как системный кризис российской экономики, так и ее текущая конъюнктурная стагнация совершенно рукотворны, но не по глупости, а по сознательно совершенному реформному преобразованию (вполне и кризисному) и столь же сознательно не совершенному выправляющему перестроению (имевшему возможность стать как раз антикризисным, но так и не состоявшимся).

3. **Насколько объективен и насколько рукотворен текущий обвал российского рубля?** Нынешний обвал российского рубля вполне рукотворен, но с учетом сознательного воздействия извне и вполне кризисной растерянности российских экономических властей. Пореформенную перекошенность российской экономики можно было бы посчитать за объективную, но она, увы, вполне рукотворна. И валютный обвал можно было бы посчитать за произвольный (чуть ли не объективный) сигнал о тотальном (структурном, функциональном и духовном) неблагополучии в российской хозяйственной сфере, но это не объективный сигнал, а рукотворное следствие рукотворной несостоятельности.

4. **Какова ваша альтернатива теперешней российской экономической политике?** Только реально управляющий в национальных интересах государственно-корпоративный центр, оснащенный новыми амбициозно-конструктивными кадрами, может решить антикризисную задачу, занявшись реальным перестроением и переориентированием национальной экономики, ограничивая влияние на нее глобализма и усиливая ее субъектность. В дирижизме вообще, а в антикризисном дирижизме в особенности, нет ничего нового. Это подтверждается опытом всего мира. Что касается России, то это в принципе дирижистская страна, каковой она остается и сейчас. Дело не в том, чтобы вводить дирижизм, а в том, чтобы его переориентировать, сменив весь дирижистский курс. Нынешняя антикризисная программа правительства если и сможет смягчить текущую стагнацию, то не сможет достичь главного — перевести национальную экономику на самостоятельный и «развитийный» путь бытия. Конъюнктурные показатели вообще не главное в хозяйственной жизни (спады, стагнации, кризисы — органика для экономики), главное — качество хозяйства,

жизни, экономики. Трудно сказать, почему верховное руководство страны этого не понимает — без всестороннего и самостоятельного качественного развития дни российской экономики и самой России недолги. Особую тревогу в «просвещенных кругах» вызывает удручающее положение в стране в области науки и образования — главных условий суверенности и моторов развития. Непонимание катастрофичности сего положения — уже не ошибка, а преступление! Выжидательность — хорошее свойство у геополитических игроков, но реальная жизнь не может находиться в режиме бесконечного ожидания. Отказ от срочных постреформенных преобразований дорого обойдется России — и не в аспекте потребления и капитализации, а в плане утраты исторической перспективы. В стране создана и утверждается атмосфера незнания, недумания и нетворчества, что для будущего страны не так даже трагично, как смехоподобно! Нынешняя кризисная ситуация не возникла сама собой, как любят уверять общественность сторонники «рыночных созидательных стихий», а вполне «сфабрикована», причем намеренно, в эгоистических интересах, но при этом и по великому недомыслию (не детскому вовсе, а вполне взрослому, ибо капитал российского происхождения должен был бы уже понимать, что без крепкой, самостоятельной и развивающейся России он попросту никто и подлежит поглощению и исчезновению). Жизнь подарила сегодня России шанс: осознать пагубность старательно, хотя и впопыхах, созданной ситуации и, собравшись с духом, переделать все не на пользу нации содеянное! Промедление тут смерти подобно, да и смирится ли со всем этим ничегонеделанием привыкшая к терпению и покорности, ко всему вроде бы безразличная Россия? Она ведь уже другая!

* * *

Анонсы

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Концептуальный уровень управления социально-экономическими процессами: методология и практика

Концептуальная составляющая в социально-экономической жизни: первичность, базисность, непреходящая важность. Что есть социально-экономическая концепция (аналог: военная доктрина)? Концептуальное обоснование настоящего и будущего, идейно-прагматическая поддержка текущих состояний и перемен. Концептуальное управление социально-экономическими процессами. Мировой опыт. Отечественный опыт. Современная российская ситуация. Возможные контуры национальной концептологии. Что делать и не делать? Нужна ли сегодня национальная идея и какая? Философия хозяйства как идейный резерв управленческой концептологии.

**17 февраля 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР

«Дискуссионные проблемы современной обществоведческой
и экономической мысли»
на тему:

Этнонациональная проблема современности

Этносы, народы, нации: вчера, сегодня, завтра. Языки, культуры, история. Глобализация и нивелировка этнонационального фактора. Определение и самоопределение. Обострение этнонациональной ситуации в мире. Этнонациональное (и расовое) доминирование и ему сопротивление. Запад — Восток, Север — Юг. Европа: столкновение разнообразия с унификацией. Этнонациональная судьба Европы. Россия как мультиэтнонациональное ядро. Русский мир и его нынешний

заявительный выход на историческую арену. Россия и соседи: взаимопонимание и мир, расхождения и коллизии. Украина как очаг этнонационального напряжения и кризиса. Пути-дороги в новый разноплеменный мир.

**17 марта 2015 г., вторник, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

МОСКОВСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ—2015

Круглый стол
на тему:

Россия в зазеркалье мировой экономики

Руководитель Ю.М. Осипов

Основной доклад: Ю.М. Осипов «Мир-война и экономическое поведение страны».

**26 марта 2015 г.,
МГУ (время и место будет сообщено дополнительно)**

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

***Национальный неодирижизм как средство преодоления
кризиса российской экономики и ее развития***

Никакой свободно определяющейся, или неуправляемой, экономики нет и быть не может. Рыночная экономика как экономика, управляемая рынком, — миф. Наличие рынка не означает, что экономика ему подчинена как объект управления. Рынок, сам управляемый, не более чем вспомогательное и коррекционное относительно дирижизма средство. Адекватнее говорить сегодня о сложной системе взаимопереходящих друг в друга процессов организации (несамоорганизации) и самоорганизации, в рамках которой есть место как планам, так и рынкам, а также управляемым и произвольным акциям, ходам и процессам. Дирижизм всегда есть и никуда уйти из экономики не может, включая и центральный дирижизм — государственный ли, корпоративный ли, национальный ли, международный ли. Россия — дирижистская страна, в которой власть важнее денег. Перестройка, революция 1990-х и стабилизация 2000-х — дирижистские феномены. Се-

годня на повестке дня — антикризисный и «развитийный» национальный (государственно-корпоративный) неодирижизм, ориентированный на управление контекстом, потоками, процессами, зонами экономики и, как следствие, решениями и поведением свободных хозяйствующих субъектов, исповедующих неолиберализм — лояльный к неодирижизму. Иного России не дано!

**16 апреля 2015 г., четверг, в 15.00,
МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)**

* * *

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ

на тему:

Сознание как основа, сфера и фактор человеческого бытия

Человек это сознание, а где сознание — там человек. Сознание как дар и как бремя. Сознание и бессознание, разум и инстинкт. Ноосфера, или общественное сознание. Разнообразие сознания, его уровни традиции. Сознание в реализации бытия, жизни, хозяйства, культуры, истории. Эволюция сознания: от примитивного к высокому. Возможность, если не факт, инволюции: от развитого сознания к простейшему. Что сегодня? Перемены в сознании и в человеке. Управление сознанием, его оснащение и переоснащение. Неосознание: миф или реальность, возможность или уже действительность? Традиция и сознание, новизна и сознание, резервы сознания и его пути. Тенденция к постчеловечеству.

Июнь 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

* * *

Х ФЕСТИВАЛЬ НАУКИ

Публичная дискуссия на тему:

Нужна ли экономистам философия?

Ведущий: д.э.н., профессор Ю.М. Осипов

Большинство студентов-экономистов скорее всего ответит, что нужна, но задумаемся над тем: какая философия, для чего, с каким сроком и объемом преподавания, наконец — с какой возможностью и

перспективой применения? Но можно поставить вопрос и иначе: можно ли быть серьезным экономистом-практиком без философской подготовки, как и экономистом-теоретиком, не погружающимся в философию? Достаточно ли экономисту математики, информации, моделирования, компьютерных технологий? Интересно все-таки — надо прийти!

Октябрь 2015 г.

* * *

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,

посвященная 25-летию Центра общественных наук при МГУ
имени М.В. Ломоносова

*Российская философско-хозяйственная,
обществоведческая и экономическая мысль сегодня:
итоги, проблемы, перспективы*

Современность творит мысль, но мало обращает внимание на ее текущую характеристику и временную оценку. А это не совсем правильно, если вообще неправильно: современная мысль делает много ценного, развивая предшествующую мысль, ее корректируя, предлагая и новые решения, нередко основательно обновляющие ранее накопленное знание и начертанные предшественниками представления о реальности. Эпоха сменяется эпохой — соответственно изменяются алгоритмы реальности и отражающие их ментальные конструкты. Современность всегда творит что-то новое, не бывшее ранее, а кое-где и кое-когда и принципиально новое, просто не имевшее возможности осуществиться в прошлом.

25-летие Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова — хороший повод для выверки именно современной мысли: обществоведческой, философской, экономической, а также, что особенно важно для юбиляра, родной ему философско-хозяйственной, как раз той самой мысли, в области которой Центру и объединенному им ученому сообществу удалось сделать действительный качественный скачок, ознаменовавшийся и рождением научной школы философии хозяйства.

Задача конференции — отдать должное современной отечественной мысли, подвести кое-какие итоги, высветить проблемы, наметить перспективы. Абсолютно нужная, актуальная и благородная задача!

В рамках конференции уместно провести и празднование 25-летнего юбилея Центра общественных наук при МГУ имени М.В. Ломоносова. Центр и его ученый актив этого заслуживают!

Секции:

1. Философия хозяйства как развивающаяся область мысли.
2. Обществоведение и философская антропология сегодня.
3. Современная экономическая мысль: между политэкономией и экономиксом к новой интерпретации.

Торжественное заседание по случаю 25-летия Центра общественных наук: «Четверть века служения науке, Отечеству и миру».

Заявки с указанием темы и заполненную анкету просим подавать (пересылать по электронной почте) до 20 ноября 2015 г.

Тексты статей до 0,33 печатного листа принимаются в электронном и печатном виде (lab.phil.ec@mail.ru) до 15 января 2016 г. (требования к оформлению статей смотрите на сайте: МГУ, экономический факультет, лаборатория философии хозяйства: <http://www.econ.msu.ru/cd/110/>).

Информация для иногородних: место в гостинице МГУ необходимо забронировать по e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>, <eszotova@mail.ru> до 13 ноября 2015 г.

Контактный телефон: +7(495)939-4183

2—4 декабря 2015 г.

МГУ, экономический факультет, 3 уч. корпус (пр. Вернадского)

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

президент Академии философии хозяйства (АФХ), вице-президент Академии гуманитарных наук (АГН), действительный член Российской академии естественных наук (РАЕН), д.э.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, директор Центра общественных наук при МГУ, заведующий лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ, председатель Философско-экономического ученого собрания; член Союза писателей России (*osipov.msu@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра макроэкономики, Финансовый университет при Правительстве РФ (*kuznetsov0572@mail.ru*).

КОРОЛЕВ ВЛАДИМИР КОНСТАНТИНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра теории и истории культуры, этики и эстетики, Институт философии и социально-политических наук, факультет философии и культурологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону) (*vkorolev@sfnu.ru*).

КУЛЬКОВ ВИКТОР МИХАЙЛОВИЧ,

д.э.н., профессор, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*vikta@migmail.ru*).

АСЛАНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, д.хим.н., профессор, кафедра общей химии, химический факультет МГУ (*aslanov@struct.chem.msu.ru*).

ЯКОВЕЦ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, академик-секретарь Отделения исследований циклов и прогнозирования РАЕН, д.э.н., профессор, президент Международного института П. Сорокина — Н. Кондратьева (*misk@inesnet.ru*).

МАРКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, проректор, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова; директор, Институт политических исследований; член Общественной палаты РФ (*duma.gov@gmail.com*).

РОЗИНСКАЯ НАТАЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА,

к.э.н., доцент, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений, экономический факультет МГУ (*rozinskaya@econ.msu.ru*).

РОЗИНСКИЙ ИВАН АНАТОЛЬЕВИЧ,

д.э.н., руководитель департамента, ОАО «Банк ВТБ», старший вице-президент ВТБ (*ivan.rozinskiy@vtb.ru*).

СИНЯКОВ СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, кафедра философии, Национальный транспортный университет (г. Киев, Украина) (*olga_zemtsova@ukr.net*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, заведующий кафедрой истории экономических учений и народного хозяйства, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (*kovalev@finec.ru*).

ГРИЦЕНКО АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент НАН Украины, д.э.н., профессор, заместитель директора, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины (г. Киев) (*agrytsenko@ief.org.ua*).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

действительный член АФХ, д.ф.н., профессор, философский факультет МГУ; заместитель директора, Центр общественных наук МГУ (*shylevsk@mail.ru*).

МОЙСЕЙЧИК ГАЛИНА ИВАНОВНА,

действительный член АФХ, к.э.н., главный советник, Главное управление денежной политики и экономического анализа, Национальный банк Республики Беларусь (г. Минск) (*g.mojsejchik@nbrb.by*).

БАБАЕВА АНАСТАСИЯ ВАЛЕНТИНОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (*dff1890@yandex.ru*).

СМЕТАНИНА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и общественных наук, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (*tansmetan@ya.ru*).

ХУБИЕВ КАЙСЫН АЗРЕТОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., кафедра политической экономики, экономический факультет МГУ (*khubiev48@mail.ru*).

СЛЕПАКОВ СЕРГЕЙ СЕМЕНОВИЧ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, кафедра экономики и управления на предприятии, Институт сервиса, туризма и дизайна, Северо-Кавказский федеральный университет, Пятигорский филиал (*sslepakov@yandex.ru*).

НОВАК АЛОЙЗЫ ЗБИГНЕВ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, проректор, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

РЫЧЬ КАЗИМЕЖ,

действительный член АФХ, д.э.н., профессор, факультет управления, Варшавский университет (Польша) (*ANowak@wz.uw.edu.pl*).

ЗИМАРИН КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.э.н., докторант, экономический факультет МГУ (*doronina@rcbsu.com*).

ЧЕКМАРЕВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ,

к.э.н., доцент, кафедра финансов и бухгалтерского учета, Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова (*tcheckmar@ksu.edu.ru*).

ЗАЛЕТНЫЙ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ,

к.э.н., к.ф.н., старший научный сотрудник, экономический факультет МГУ (*zaletny@Hotmail.com*).

МАНАХОВА ИРИНА ВИКТОРОВНА,

к.э.н., доцент, докторант, кафедра политической экономии, экономический факультет МГУ (*ManakhovaIV@mail.ru*).

ТИХОМИРОВА ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА,

инженер, кафедра экономической теории и экономической политики; студентка магистратуры, Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики (*2617170@gmail.com*).

ДОБРОЧЕЕВ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ,

действительный член АФХ, к.т.н., ведущий научный сотрудник, Российский научный центр «Курчатовский институт» (*olegdobro@list.ru*).

ГРИЦЕНКО ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА,

к.ф.н., доцент, кафедра философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (*Gritsenkovs89@mail.ru*).

ГИРЕНОК ФЕДОР ИВАНОВИЧ,

действительный член АФХ, действительный член АГН, д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*girenok@list.ru*).

РОСТОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА,

к.ф.н., старший преподаватель, кафедра философской антропологии и проблем комплексного изучения человека, философский факультет МГУ (*nnrostova@yandex.ru*).

РОДЗИНСКИЙ ДМИТРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

действительный член АФХ, к.ф.н., доцент, кафедра философии гуманитарных факультетов, философский факультет МГУ (*rodzinskiy66@mail.ru*).

МОЛЧАНОВ КОНСТАНТИН ВЛАДИМИРОВИЧ,

действительный член АФХ, член-корреспондент АГН, д.ф.н., к.э.н., к.соц.н., старший научный сотрудник, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет МГУ (*mailconst@gmail.com*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

академик-секретарь АФХ, член-корреспондент АГН, к.э.н., ведущий научный сотрудник, экономический факультет МГУ; заместитель директора Центра общественных наук при МГУ; первый заместитель главного редактора журнала «Философия хозяйства» (*eszotova@mail.ru*).

ХИРОЮКИ ХОРИЭ,

магистр религиоведения, редактор, журнал «Eurasia view» (г. Токио, Япония) (*hiroyukiho@mail.ru*).

Научно-образовательный журнал «Философия хозяйства»

Центр общественных наук при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, экономический факультет МГУ продолжают в 2015 г. выпуск научно-образовательного журнала «Философия хозяйства», призванного отражать новейшие мировоззренческие и общетеоретические искания современной гуманитарной, экономической и философской, обществоведческой науки, нацеленные на комплексное и сущностное осмысление актуальных проблем, стоящих перед хозяйствующим человечеством, мировым экономическим и политическим сообществом, Россией. Философия хозяйства — особая сфера знания о человеке, его жизни и хозяйственной деятельности, для которой характерны проблемы и смыслы, сопряженные с феноменом человека вообще, началами и целями жизни, устремлениями человека хозяйствующего и творящего, историческими судьбами человека и мира.

Научное направление издания: исследования в области гуманитарных и общественных наук, развитие научного направления философии хозяйства и примыкающих к нему отраслей знаний, создание условий для свободного научного творчества, выражения различных мнений, дискуссий, способствующих развитию фундаментального и прикладного знания.

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом не более 12 страниц, т. е. не более 20 000 знаков (без пробелов).

К статье обязательно должны прилагаться: электронная версия (файл на дискете 3,5 или присланный по электронной почте на адрес: eszotova@mail.ru); сведения об авторах (имя и отчество полностью — без сокращений, научная степень, место работы, должность, контактный телефон, адрес, e-mail); аннотация и список ключевых слов (на русском и английском языках), а также название на английском языке. Прикрепленный файл — неархивированный. Формат doc.

Требования к электронной версии: текст статьи в формате Word for Windows шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через 1,5 интервала.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Источники представляются в порядке цитирования в тексте. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]).

Таблицы должны выполняться табличными ячейками Word. Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Графики должны быть построены с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные). Рисунки и схемы, выполненные в Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не используйте в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставляйте их в документы Word.

Редакция плату за публикацию не взимает, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 20 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331. Контактный тел. (495)939-4183. По вопросам распространения журнала обращаться к Ирине Анатольевне Ольховой (пн., чт., 14.00—18.00).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ СТАТЕЙ, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам редакционно-издательского совета (РИСО).

2. Обязательному рецензированию подлежат тексты соискателей ученых степеней, а также присылаемые в редакцию статьи.

3. Не рецензируются по усмотрению редакции статьи:

- заказываемые приоритетным авторам редакцией журнала;
- подготовленные авторитетными в стране и за рубежом учеными и специалистами, а также высококвалифицированными авторами, регулярно публикующимися в журнале;
- авторами которых являются члены РИСО.

4. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

5. В отдельных случаях рецензирование проводится конфиденциально. Автору рецензируемой работы предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

6. Если в рецензии на статью имеется указание на необходимость ее исправления, то она направляется автору на доработку.

7. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается главным редактором.

8. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и РИСО, сохраняются.